

Сергей Семеркин

Пока королева спит

18+

Сергей Владимирович Семеркин

Пока королева спит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56078324

SelfPub; 2020

Аннотация

Не всё в порядке в королевстве Зелёных холмов – власть в государстве захватил коварный и беспринципный магистр. Знания он скрывает, историю переписывает, инакомыслящих отправляет в концлагеря, с помощью легионов смерти присоединяет соседние территории и мечтает стать вечным диктатором, благо секретом бессмертия владеет. А что же королева? Она спит вечным сном и по легенде проснётся, если ударить в колокол... Найдутся ли герои, бунтовщики и прочие подрывные элементы, чтобы разрушить карточный домик Третьего великого магистрата?

Содержание

Боцман	9
Ползунки	18
Магистр	19
Ползунки	31
Магистр	33
Боцман	34
Магистр	44
Боцман	46
Королева	48
Шут	50
Боцман	52
Ползунки	53
Магистр	55
Боцман	57
Магистр	70
Убийца	71
Боцман	72
Магистр	75
Боцман	77
Шут	89
Магистр	95
Боцман	98
Королева	101

Магистр	108
Боцман	110
Магистр	119
Шут	120
Боцман	123
Королева	124
Магистр	126
Боцман	129
Магистр	134
Боцман	136
Магистр	143
Боцман	145
Магистр	165
Боцман	166
Королева	177
Боцман	181
Ползунки	183
Боцман	186
Магистр	197
Боцман	198
Ползунки	213
Боцман	215
Магистр	219
Боцман	220
Королева	223
Боцман	229

Ползунки	230
Боцман	234
Магистр	245
Шут	246
Магистр	251
Боцман	252
Королева	260
Шут	263
Боцман	267
Убийца	276
Боцман	277
Королева	294
Магистр	298
Боцман	300
Королева	307
Магистр	315
Боцман	317
Королева	320
Боцман	325
Шут	343
Боцман	347
Королева	358
Убийца	375
Королева	376
Боцман	383
Магистр	392

Шут	394
Королева	398
Боцман	401
Магистр	412
Королева	414
Ползунки	416
Боцман	418
Шут	425
Боцман	430
Шут	439
Боцман	441
Шут	444
Королева	446
Боцман	447
Убийца	456
Боцман	457
Магистр	472
Боцман	473
Ползунки	476
Магистр	479
Королева	480
Шут	483
Боцман	485
Маленькая сухонькая женщина	488
Королева	490
Боцман	493

Королева	498
Магистр	501
Боцман	502
Убийца	505
Шут	506
Королева	515
Шут	517
Ползунки	523
Шут	527
Королева	530
Ползунки	534
Шут	536
Ползунки	538
Эпилог, или как всё было на самом деле	540
Боцман	541
Королева	542
Магистр	544
Убийца	545

*Посвящается маме, музе и коту Маугли, пришедшему из
ниоткуда и ушедшему в никуда*

Боцман

В преданных глазах овчарки отражались два шлюза, два меня и две метлы. Некоторые сторожа манкируют своими обязанностями не только служить, но и мести... я – не такой, мне не лень с утраца подмести наш ржавый и не особо секретный объект и делаю я это с удовольствием, ведь труд на свежем воздухе разгоняет кровь и помогает скоротать время на дежурстве. Рукой в засаленной рукавице я потрепал Алого по шее, а пёс попытался меня лизнуть в порыве ответной благодарности. Эти телячьи нежности я пресёк... к нашей шлюзовой собаке лучше подходить с наветренной стороны, чтобы запашок в нос не врезал, ведь Алый – мёртвая собака, пёс умер не то двести, не то триста лет назад и мог видеть королеву ещё живой... скорей бы наша вечно молодая «старушка» проснулась!

А вот и сменщик Вилариба причапал (смотрю на часы – не опоздал).

– Здорово, Боцман, лови краба! – я не поддался на уловку.

– Привет, вахту принимай!

– Зацени какие куртуазные подтяжки я на барахолке нашёл! – Вилариба явно был склонен поболтать и показать товар лицом, он оттянул одну из оранжевых подтяжек и хлопнул ей по своему ладному торсу. – А ещё я узнал о всемирном заговоре...

– Пока-пока! – я быстро сделал ему ручкой, бросил метлу и рукавицы в каптёрку и свалил... Куртуазные подтяжки и конспирологические теории были лишними для моего организма. Сразу набрал третью скорость – как говорят мудрые, с работы домой надо бежать с радостью. Оглядываю знакомые улицы и переулки... Лас-Ка – самый красивый город на свете. Да. И самый серый – у нас серое всё: улицы, дома, одежда прохожих и их лица, а также постоянный серый смог над крышами, от такой серости можно сойти с ума. Хочется уехать куда-нибудь в деревню, где изумрудная трава, алые восходы, багряные закаты, голубые озера, синие небеса и белые, как молоко, облака. Но в деревне ещё скучнее, чем здесь, уж мы-то горожане хорошо об этом знаем – там ничего не происходит и вряд ли что-нибудь произойдёт. От такой скукоты легко спиться или повеситься... А у нас в столице хотя бы есть смутная надежда, что королева проснётся!

Ночному сторожу после дежурства обычно хочется выпить, или набить кому-нибудь морду, или сначала выпить, а потом набить, правда, бывает и так, что сначала тебе набьют, а потом даже на пиво денег нет. Гм... вот подходящий субъект, давай, давай, только толкни меня плечом, сразу с разворота схлопочешь... надо же, банально прошел мимо, крысёныш! Говорят, даже коронованные особы после тяжелейшей вахты у трона со скипетром, державой и прочими монаршими причиндалами не гнушаются подобными простонародными забавами – алкоголизмом, например, ну

и битьём морд. По легенде наша королева, прежде чем заснуть вечным сном выпила своего любимого клубничного шампанского. Быть может, выпила, потому что не могла набить кому-нибудь морду... С удовольствием бы сейчас глотнул холодненького шампанского, пусть не клубничного, а обыкновенного, можно даже самого дешевого, бутылку бы осушил, а потом тяжелым зелёным стеклом кому-нибудь с большим удовольствием дал по башке...

Шуршу ножками мимо серых зданий... у нас не любят углов и строят дома округлые с башенками, колоннами, мезонинами, фронтонами, изогнутыми карнизами и все это по телу здания разбрасывается в художественном беспорядке. От нашей нелепой архитектуры создаётся такое впечатление, что проектировщики с подрядчиками сначала много пьют, потом с похмелья строят и не приходя в сознание достраивают (и при этом воруют средства заказчика)... а кое-где серые стены разрушаются и становится видно, что внушительное с фасада строение возведено не из цельного бетона, а из обломков старого города, который помнит ещё королеву... Дать бы в морду таким горе строителям и зодчим!

Но ведь не только серый цвет раздражает... а портреты магистра на каждой ровной стене – как вам такое с утра после смены, а?! Маркел весь такой холеный, напечатан в цвете, морда вечно молодая (он же не стареет в отличие от нас, простых смертных) и вечно мерзкая на красном полотне... подрезать бы его... не плакат, конечно, а магистра, вжик лез-

вием по горлу и вся недолга... но у него охраны – легион и стукачей навалом...

Мечты, мечты! Совершенно без приключений и революций, судя по всему, я доберусь до родимой хатки, где меня ждёт благоверная, и уж, конечно, с утра на пороге семейного гнездышка она не желает видеть муженька, уже надравшегося, или в крови, или в крови и надравшегося. Будь на моем месте демон или ещё кто похуже, то и он бы не решился показаться на глаза Эльзе в таком неподобающем виде. А ещё мне очень хотелось спать. Не то чтобы я всю ночь бдиль и исправно нёс свою вахту – нет, я успел покемарить пару часиков... Сторож, если он настоящий сторож, всегда успеет мальчика поспать, даже стоя под зорким оком начальства. Но что такое пара часов сна для утомленного стража? Двухэтажный домик, в котором мы живём и не тужим с Эльзой, находится всего в полквартала от места моей нелёгкой службы, так что покрываю я это небольшое расстояние минут за пятнадцать. Вот и в этот раз мне так ни разу и не удалось нарваться на приключения – пустынный тротуар плохой партнер для вывода немотивированной агрессии, на нём даже пустые коробки не валялись, на которых можно было отвести душу, не говоря уж о заботливо потерянных кошельках с золотыми кружочками.

На Жемчужной набережной маячил дядя Миша и мимо такого колоритного «маяка» было не пройти.

– Привет, Медведь! – заулыбался я.

– И тебе не хворать, Боцман дальнего плавания! Кофий будешь?

– По твоим грабительским ценам пусть туристы кофий заказывают...

Дядя Миша, больше известный в узких кругах, как Медведь, занимался сразу тремя бизнесами на одной тележке. Во-первых, он продавал кофий по ценнику «1 чашка – 1 монета», причём сдачу дядя Миша никогда не давал, а если учесть, что его бицепсы были толще, чем ляжки среднестатистического прохожего, то сдачу и не спрашивали. Зато детям он давал совершенно бесплатные (что означает, что они включены в цену кофия) леденцы. Во-вторых, Медведь скупал монеты – он был страстный нумизмат и о древних кругляках мог с упоением рассказывать часами. В-третьих, своими огромными лапами этот разносторонний человек аккуратно помещал в стеклянные бутылочки парусные корабли – они были великолепны и филигранно точны в деталях такелажа. Знатные сувениры, но и стоили соответственно. А ещё у Медведя можно было достать холодное оружие, но об этом уже аншлаги на тележке скромно умалчивали.

– Жмот! – взревел Медведь.

– Крохобор! – и я за словом в карман не полез.

Дядя Миша мне подмигнул, я ответил ему тем же. Он был добрый, как и многие большие и сильные мужики. Вдыхаю воздух... ах как пахнет сирень... нарушив закон, я сорвал несколько веток... Вот и дом, милый дом. Букет сире-

ни теперь в нём. Эльза обрадовалась фиолетовому ароматному презенту... и конечно, она поняла, что я украл сирень, а краденые цветы ценнее.

Приняв холодный и бодрящий душ, я уже наслаждаюсь крепким чаем, налитым заботливой рукой моей жены в одну из больших синих чашек, которые нам подарили на свадьбу мальчишки. Раньше на них были написаны наши имена и нарисованы сердечки, но бойкий – с подначками – текст и добрые рисунки стерлись, а глубокий синий цвет остался – это были старинные чашки, тогда ещё умели делать посуду разноцветной – и сейчас чашки почти ничем не отличались друг от друга, лишь небольшая выбоина на краешке не даёт ошибиться, где моя, а где – Эльзина.

– Как прошло дежурство? – задала Эльза риторический вопрос.

Вместо ответа я просто привлёк её и от души поцеловал (это означало, что у меня всё в норме).

– Ползунки не сильно баловались? – поинтересовался "обычной бытовухой" уже я.

Вместо ответа она от души поцеловала меня, это был наш ритуал, но не холодно-обязательный, а тепло-искренний. Если кто-то из нас пребывал не в лирическом настроении, мы не задавали этих вопросов и уж конечно не целовались так самозабвенно. А бывали и совсем серые дни, когда мы вообще не целовались, но таких очень мало наберётся в календаре нашей совместной жизни.

– Мне пора во дворец... – оторвавшись от меня, молвила суженная и не совсем ещё ряженая, и начала облачать свои прелести в обтягивающую униформу. Нет ничего прекраснее женщин в униформе... а нет, есть – барышни в чулках, на каблуках и в униформе... Как прекрасен этот мир всё-таки!

Видимо, всё дело в давлении и желчи. Вот я шёл домой голодный и злой, от этого по телу разлилась желчь и повысилось давление, поэтому я всех и ненавидел... а дома принял душ, выпил чай, обнял симпатягу жену – и всё сразу наладилось. И уже никого не хочется бить или убивать... такой вот счастливый быт, в котором и нужно жить. Я слишком стар, чтобы быть революционером, но слишком молод, чтобы быть реакционером. Помню и беспорядки (сам участвовал) и застой... Улыбаюсь супруге, она у меня симпампулька и очаровашка-кудряшка, и одновременно с этим совершенно реальная женщина, а не какая-нибудь абстрактная мечта. Она умеет готовить борщ... а всякие писанные красавицы из романов борщ готовить не умеют, они даже свёклу не почищают и забудут зажечь газ на плите, а без огня борщ не сварить... без горячей пищи – неминуемые голод и смерть... очередной чулок медленно обнял в свои объятия эльзину ножку и я стал думать не о пугающей и далёкой смерти, а о прелестях жизни на расстоянии вытянутой руки... и я даже словил жёнушку для окончательного поцелуя «на посошок»... а ещё прикрепил в петлицу её строгого платья веточку сирени:

– Тут есть цветочек с пятью лепестками...

– Скушаю и загадаю желание... – прошептала она мне в ухо и сильно чмокнула.

– Счастливо! – пожелал я ей и помахал вслед...

Эльза слегка прибавила ход по улице, так как слегка опаздывала во дворец, отчего её каблучки выбивали на мостовой потрясающую мелодию... ей за угол, потом через подвесной мост – на ту сторону реки во дворец, который раньше числился королевским, а сейчас это официальная резиденция магистра. В нашей семье эту личность не больно то и жалуют, так что для нас сие здание – королевский дворец. А служила там услада души моей фрейлиной, хотя по бумагам проходила горничной (в ведомости так и было написано: "и.о. горничной") и никогда не допускалась до тела королевы – да и зачем королеве фрейлины – она же спит в наглухо законопаченном саркофаге.

О чём только не успеешь подумать, пока твоя жenuшка походкой от бедра в довольно быстром темпе удаляется от гнезда... Очередной горячий глоток чая упал в мой желудок, заливая наспех разжеванные бутерброды с колбасой. После завтрака я поднялся на второй этаж и в спальне завалился на кровать, она редко выглядела так же опрятно, как её сестрица в спальне гостевой, что на первом этаже. Что ж – бывает. Эльза следит за порядком во дворце, я – на шлюзе, а в собственном доме нам не нужен порядок, нам нужно счастье, а уж счастьем тем более чихать на... ему бы только иметь под

боком счастливые головы – там норку подходящую и выкопает, а уж где эти головы, на каких подушках спят – счастьем без разницы. Глаза слипались, а сон не шёл. После дежурства, несмотря на усталость и на желание заснуть, сразу провалиться в сон мне никогда не удаётся, всегда долго ворочаюсь с боку на бок. Щурюсь из под полузакрытых век на потолок. Сейчас вылезут...

Ползунок выглядывал из гнезда всё дальше и дальше и долго решал – сплю я или ещё нет. Я сделал вид что сплю и он, набравшись храбрости, спустил клубок ниток и включил им цветной экран. Ползунки страшно любят смотреть по цветным экранам всё подряд, и представители семейки-роя, что вот уже как три года "квартируют" у нас, не были исключением. Скоро к первому ползунку присоединились два его приятеля, и они начали шубуршаться, толкая друг друга, чтобы занять место повыгоднее, один даже чуть не выпал из гнезда. Под их мирное шубуршание я незаметно для себя и заснул.

Ползунки

Чуша опять чуть не вывалился из гнезда, а ведь это могло разбудить хозяина волшебной сказки, и тогда её никто бы из нас не посмотрел сегодня – жуткая перспектива.

– Чуша, ты похож на лопотуна! – упрекнул я его, одновременно протягивая руку помощи.

– Сам ты лопотун! – не остался в долгу Чуша.

Лопотунами мы – существа лёгкого мира – называем двуногих великанов, что живут внизу в мире тяжёлом. Они постоянно лопочут что-то непонятное, часто делают это громко или даже очень громко. Мы же – пятнистые осы – свои споры решаем тихо, даже ссоримся тихо, да и как такие лёгкие, мягкие и пушистые создания, как мы, могут шуметь? Вабута же, пока мы с Чушей баловались, спустил моток крепкой веревки и включил волшебную сказку. Тут же все споры и разногласия были забыты и мы стали любоваться невиданным. Лопотун под нами заснул совсем (они иногда спят, а иногда совсем спят – такой уж у них характер) и лишь иногда мешал нам протяжным звуком: "Хр-р-р-р-м!" Да, забавные эти лопотуны штучки – даже во сне не забывают быть смешными.

Магистр

Поначалу я давал народу выбор и вместе со своей фамилией в избирательном бюллетене на высший государственный пост разрешал публиковать ещё несколько – так, для проформы. Выборы проходили сначала раз в четыре года, потом раз в пять, позже раз в шесть лет и так дошло до выборов раз в десять лет – чаще не нужно волновать людей, да и денег на исключительно формальные выборы уходит много, даже при том, что мы сильно экономим на почти вечных кабинках из серого алюминия. А потом я осознал, что лучший выбор для народа – это выборы без выбора. И фамилия в избирательных бюллетенях осталась одна. Моя. Самое время вяло крикнуть «Ура» и бросить в воздух конфетти серого цвета и разрешённого размера (не больше фундука), а то некоторые бросают всякий хлам – это уже правонарушение и за такое околоток положен...

Конституция у нас самая демократическая на старом континенте. Не удивительно это, ведь я к основополагающему документу руку приложил. И денег дал политологам, чтобы хвалили. В Третьем вечном магистрате декларированы: свобода совести, слова, печати, собраний и митингов, а также неприкосновенность личности и тайна переписки. А ещё всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. На деле же вся полнота власти принадлежит

мне. Ибо я знаю, что люди не рождаются равными, не живут равными и даже умирают не все в свой срок. А для понимания этой мудрости у нас есть пыточные камеры. Людьями хорошо управляет боязнь внезапной смерти, но смерть под пытками – это наилучшее политическое оружие.

Сижу, читаю очередные сводки – в провинции всё спокойно, а в столице снова были попытки организовать незаконное шествие. Мятежники, видите ли «просто гуляют» по проспекту. Нет, это не просто гуляние, это протест! Против моего – самого лучшего на свете! – правления. В столице серая стража задержала около 48 человек. Опять разгильдяйство. Что значит около 48 – это всё-таки 47 или 49 протестующих? А может, они упаковали в зарешеченную повозку женщину, беременную тройней? Я же давал указания беременных отпускать... Что за люди... вот Рыжий протесты давил, так давил, вот был человечище! Во время восстания в индустриальном городе Монобахе, он утопил бунт в крови. А выживших мятежников распял по дороге до Рима... я ехал по этому коридору и выжившие умоляли их прикончить... помню их стоны... Да – вот были времена! А Рыжего я отравил лично... никому не смог доверить это задание... во-первых, он слишком много знал, а во-вторых, он был амбициозен... рано или поздно это закончилось бы заговором... зато теперь у нас есть ещё один официальный герой в пантеоне славы... мёртвые герои – самые лучшие...

Иду по коридору, сворачиваю, очередной охранник с ар-

балетом вытягивается в струну... вот ведь он может выстрелить в заговорщика, а может и в меня... в спину... я гоню эту мысль от себя, но каждый раз она возвращается... легкое движение пальца, тренькает тетива, но этого звука я уже не услышу... Вот поэтому и надо проводить регулярные репрессии и среди народа и среди репрессивного аппарата – чтобы даже мысли не возникало, что можно покуситься на меня.

Боцман

Художник пришёл в город как всегда неожиданно. Конечно, ночные тучи перед его приходом бегали по небу как-то уж слишком затейливо, но ведь это могло быть просто следствием их игривого настроения (а точнее не их – а юго-западного шалуна ветерка), никак не связанное с приходом художника. Однако Художник пришёл в подтверждение моей "тучной" теории, в которую Эльза никак не хотела поверить. Я тогда сказал: "Вот видишь, любимая, тучи бегали по небу затейливо и художник пришёл". На что свет очей моих ответила как всегда логично: "Не надо пудрить мне мозги, когда я готовлю кофе". Ей действительно не надо пудрить мозги, когда она колдует над кофейком, а то можно получить горячим кофейником по башке, а ведь тогда пить этот кофе будет уже затруднительно – придется ждать следующей порции, а кто её будет готовить? Я все эти тонкости прекрасно знал, поэтому быстро ретировался из кухни на крыльцо, где сидел Художник с Верой и у них у обоих были загадоч-

ные глаза. Разверну загадку: художник блестел очками, Вера – золотыми кудрями, у обоих были глаза слегка ненормальные. Парочка ненормальных подданных Магистрата (скорее не подданных). Как такие люди могут жить вместе? они же сумасшедшее нас с Эльзой! Как такая парочка вообще может жить в нашем государстве? Явный недосмотр магистрата. Я улыбнулся им, они улыбнулись мне – так вот мы решили в этот раз поздороваться, видимо, не хотели тревожить тишину.

Наверное, они будут рисовать синих слонов. Я не угадал – они стали рисовать синих котов, которые летали верхом на лиловых крокодилах и жёлтых драконах, и даже эти зубастики получились весьма дружелюбными и очень понравились местной детворе. Художник придерживался одной манеры (или принципа): не нужно рисовать всякие ужасы, их и так в нашем мире полно, если уж взялся за кисть – рисуй что-нибудь доброе и вечное. Очень правильный подход, я считаю!

Наблюдение с моей колокольни, а точнее с моего шлюза: художники – люди слегка не от мира сего, может быть, где-то и есть мир, в который рисующие люди вписываются гармонично, но только не в наш, точнее не в наш теперешний. Когда-то давным-давно художники были в чести у королей и королев нашей славной страны, но с тех пор как заснула последняя из них... как бы это объяснить в двух словах? Много кисточек безвозвратно засохло. Художники стали никому не нужны. Ведь секрет цветных красок потерялся среди де-

брей серого цвета и сохранился только в королевской библиотеке, но вход туда простому смертному заказан и двери в это святое святых может открыть только Сама, ну а пока королева спит.

Хотя знать иногда приглашала художников к себе в покои, для того чтобы те нарисовали серые портреты всякой дворцовой шушеры, которую даже если раскрасить настоящими несмываемыми красками всё равно останется серой, как столетняя пыль. Такое занятие сами художники называли шабашкой и пользовались им в исключительно редких случаях. Обычное же их занятие: разрисовывание цветными красками...

[Цветные краски в магистрате – это дурной тон у знати, вот серыми красками – а они несмываемые – можно рисовать практически всё, что угодно, кроме... и тут разворачивается длинный список от мачехи для талантов Цензуры.]

...фасадов домов простых граждан к праздникам – день рожденьям, свадьбам, именинам и так далее, – а ночью дождь смывает их рисунки в сточные канавы. Да, у нас же в Лас-Ке почти каждую ночь идёт дождь – это сделано в стародавние времена для удобства, ведь если дождь идёт каждую ночь, то он уже неохотно выходит из своего домика днём и его поведение, таким образом, не мешает людям спокойно обделывать все свои "дневные" дела, а они же самые важные.

Большая экономия для городского бюджета!

Художники не расстраивались от того, что у их шедевров была такая быстротечная жизнь, и переходили от здания с уже смытой дождём картиной к другому дому, где намечалось торжество, чтобы раскрасить его стены в веселые тона. Это уже не считалось шабашкой – это настоящее творчество, и за цветные полотна художники брали суммы, покрывающие лишь расходы на краски, на еду, ну и плюс командировочные, а также запасную еду и запасные краски... и в свете контекста – ведь у каждого свои представления о запасе – порой художники брали денег много, хотя высокие цены могли позволить себе лишь именитые представители карандашей и кисточек, а знаменитыми художники становились в основном после смерти (в наших краях и в наше время – чаще всего насильственной, а иногда ещё и мучительной).

Кстати, если теперь приглядеться на раскрашенный фасад нашего дома, то среди котов, крокодилов и драконов можно было найти и автопортреты художников. Коты были любимой темой Художника (вообще-то его настоящей имя Дима, но все зовут Художником – не знаю, почему и не хочу знать, меня же называют Боцманом, хотя я никогда не ходил в рейс на чем-либо с парусами или без). А наш магистр Маркел – так его и растак! – любил котов в целом и их рисунки в частности, и самой выгодной шабашкой считалось получить заказ на портрет его очередного любимца или очередной любимицы. К чести Художника надо сказать, что для Маркела

он котов ни разу не рисовал. Кому угодно рисовал за просто так, а магистру – ни за какие деньги. Это он так протестовал против запрета...

– Дядя художник, раскрась моего змея! – кричал карапуз ростом с большую кеглю для боулинга, и своим криком сбил меня с мысли.

– И мне, и мне! – вопил ещё один пузырь (пузырями я называю всяких карапузов, которые не могут ещё самостоятельно делать змеев). Правда некоторые взрослые даже очень высокие и мудрые тоже не могут делать змеев, но мы же с вами не обращаем внимания на всяких дремучих личностей? И без них в мире полно скуки. Пацаны более старшего возраста, то есть уже не пузыри, держались достойнее, старались казаться веселее и не мешали художникам рисовать лиловых крокодилов. Среди подростков выделялся и мой знакомый по прозвищу Шкет, он умел плевать сквозь зубы и имел ещё одно неоспоримое достоинство: открытая ему тайна ни при каких обстоятельствах не доходила до ушей серой стражи – а это дорогого стоит в неласковом городе Рима, который когда-то назывался Лас-Кой.

– Привет, Боцман! – поприветствовал меня Шкет.

– Мочи корягу! – сказал я и протянул ему свою пятерню.

Сначала «коряга» утонула, потом «краб» убежал, но после известных махинаций с рукопожатием, его ладонь утонула в моей, но он все равно приложил все усилия, чтобы рукопожатие не было медузоподобным, ведь ещё мудрецы древно-

сти говорили: не доверяй людям, у которых холодные и вялые руки.

– Сегодня? – спросил Шкет и подмигнул мне так, чтобы этого никто кроме меня не видел.

– Если жена отпустит.

Это были несекретные пароли. Шкет поинтересовался у меня: будем ли мы запускать сегодня ночью змеев, а я ответил: обязательно будем. Эльза могла запретить мне многое, но только не змеев, она знала – для меня это важно.

– Ты теперь живешь в доме с котами, – объявил Шкет.

– И крокодилами с драконами – целый зоопарк! – уточнил я. – Одних ползунков мне было мало, но это на один день.

– Ясное дело.

Дело действительно было ясным: держать в доме ползунков, как и цветные краски, тоже было дурным тоном и считалось предосудительным у знати. Я как сторож шлюза «элиты» нашего столичного общества не интересовал, поэтому мог себе позволить лицезреть в моем доме тех, кого я хочу, а не тех, кого считается приличным принимать. И не беда, что цветные коты, крокодилы и драконы проживут лишь один день – спецы кисточек нарисуют ещё. После того как Художник закончил роспись змеев для детворы, он кивнул в сторону чердака. Я тоже кивнул в ту стороны – так мы договорились. Оставив своих благоверных на кухне готовить амброзию и перебивать наши косточки, мы поднялись по скрипучей лестнице и выбрались на крышу. Художник закурил и

стал пускать кольца, а я посмотрел на дым и упругие обручи из него, и вычислил – откуда ветер дует... а когда сориентировался, то сел с наветренной стороны к Димону – я не люблю вонь табачного дыма, а тем более дыма не совсем табачного. Но, видимо, тяжело рисовать синих котов с лиловыми крокодилами и жёлтыми драконами без допинга и поэтому он позволил себе это маленькое и абсолютно противозаконное в наших краях удовольствие.

– Не женился ещё? – задал я "трудный" для Художника вопрос.

– Не дождётесь!

– Я-то не жду, а вот Эльза давно мечтает поженить тебя и Веру.

– Два гения в одной семье – это слишком много.

– Ну, мы же живем... – протянул я многозначительно и мы расхохотались.

– Будешь сегодня запускать змеев с пацанами? – в свою очередь задал вопрос Художник, коснувшись уже "трудной" для меня темы.

– Ага.

– Не надоело?

– Нет смысла запускать змеев, но нет смысла их и не запускать.

На самом деле для нас не было трудных тем, и в этом мы были похожи, пожалуй, это было единственное, в чем мы были похожи.

– Тебе надо покурить, – художник предложил мне трубку из красного дерева, собственноручно вырезанную и украшенную резьбой.

– Уж лучше я напьюсь и меня посадят, чем накурюсь и меня повесят.

Надо сказать, что за курение табака в нашем королевстве положен немалый штраф, а за курения не табака – виселица, но без штрафа (и пусть ваши извилины пощупают разницу), считается, что два раза наказывать за одно и то же нельзя – у нас эра гуманизма и этого... как его... человеколюбия.

– Ты улетишь от палача, – сказал он и сделал очередную затяжку.

– Почему-то это пока никому не удалось.

– Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста! – донесся снизу ангельский голосок Эльзы.

– Семь секунд! – прокричал я, но пришли мы значительно позже к полубеду или полужужину, за что и получили нагоняй.

К еде присоединился Малыш – кот художников или художнический кот. Весил он со среднюю собаку, но был меньше, а значит удельно-тяжелее. Любимым его занятием было клянчить еду. Он всегда ходил за художниками (в смысле принадлежности) и чуть позади них (в смысле относительно местоположения), как бы отдельно. Как только на горизонте показывалась что-то съестное с его точки зрения, он спрыгивал с солнечного лучика – а путешествовать на своих

четырёх лапах ему было слишком утомительно, – и отбирал свою законную десятину. К тому же Малыш мог разговаривать. Для этого достаточно было заглянуть к нему в жёлтые глаза и не мигать некоторое время. Потом к вам приходило ясное и недвусмысленное понимание того, что Малышу жизненно важно поест именно сейчас, иначе это доброе и беззащитное создание умрет с голодухи, причём прямо на ваших руках, которые уже онемели держать такую мохнатую тушу. Обычно после этого люди понимали, что Малыш – кот говорящий и больше с ним не разговаривали, чтобы не перенапрягаться. И конечно несли коту всё, что могли найти в закромах.

Умяв нехилую порцию жрачки, этот представитель гордой породы кошачьих вымогателей осоловелым взглядом окинул гнездо ползунков и решил их не трогать. Так происходило каждый раз, когда он сваливался в нашем доме на постой (иначе бы я его на порог не пустил) и поэтому все ползунки у нас до сих пор живы (с другой стороны и Малыш до сих пор жив). Сладко почивал он там, где падал, а приземлялся там, где ему надоедало жрать. В этот раз Малыш растянулся в углу гостиной на коврикe под цвет своей шерсти: белая туша на белом ковре, а коричневые лапы доставали до темных некрашенных досок пола, усища левого борта торчат по военному в потолок, но никакого беспокойства ползункам не доставляют. Даже наоборот, жители верхатуры устроили шубуршащий хоровод вокруг спящего – а значит, без всяко-

го сомнения, доброго – Малыша.

А ещё благодаря художникам моя благоверная покрасила плащ в радикально жёлтый цвет. Не на долго – до первого ливня, который смое иллюзию... погода у нас изредка балует и ливень может пройти днём... при королеве такого не было! Но пока это был чудо плащ, жёлтый аки полуденное солнце или глаза яичницы... Эльзя придерживалась правильной стратегии в ношении плаща: ноги всё равно промокнут, так зачем их закрывать, тем более, если они такие красивые? Так что фигуристые ножки моей женушки плащ закрывал не более, чем на два дюйма, ну и приличия соблюдались или нарушались в меру... мужчины на улицах не могли спокойно смотреть на шагающую на высоких каблуках в таком коротком плащике Эльзу... и я их прекрасно понимаю.

Ползунки

В гости к нашему лопотуну, а «нашим» мы называем лопотуна, в пещере которого мы свили гнездо, пришли цветники. Цветники – это такая порода лопотунов, которые всё вокруг себя измазюкивают разноцветной пылью. И ведь знают же, что большая вода с неба сотрет всю эту мазню в тёмное время, но все равно копошатся внизу и не дают нам заниматься серьёзными делами, вроде похода за крепкой веревкой или просмотра сказки. Да и какими делами можно заниматься, когда пришли цветники – наблюдать за ними просто умора и даже угрюмый Борщ выполз из гнезда и самодовольно потащил свою раковину к карнизу; прикрепившись к нему прочной верёвкой, он с видом осы, которой все в мире давно знакомо и которую ничем нельзя удивить, стал пялить на цветников свои фиолетовые глазища, которые были больше чем у любой осы нашего Верескового роя раза в два. Он прятал усмешку в усы, но меня обмануть не смог – я слишком наблюдателен, чтобы не заметить – Борщу нравится смотреть на то, как внизу цветники делают смешные вещи. В этот раз цветники нарисовали усатых всадников на лошадях и пони с большими зубами, но лошадки и поньки у них получились какие-то плоские. Нет, положительно цветники не умеют точно малевать окружающий мир, зато они могут делать весело, а значит, они нужны там, в тяжёлом ми-

pe.

Магистр

Читаю сводки полиции нравов и чуть не плачу. Как под копирку – индекс доверия к магистру (то есть ко мне) увеличился на столько-то пунктов, тревожность населения уменьшилась, количество правонарушений снизилось, раскрываемость повысилась и так далее... Сопли в сахаре! У силовиков чем ближе к коллегии ведомства, тем сводки всё лучше и лучше, а после итогового совещания индексы начнут лёгкое снижение (не падение, а именно снижение), чтобы через полгода отправиться в уверенный рост и так до новой коллегии... они так и не поняли, что я вечный и всё – точнее почти всё! – помню.

Даю указание ужесточить борьбу с запускателями змеев. Сегодня они что-то в небо запускают, потом начинают задумываться, а потом полезут на колокольню, чтобы проверить миф... нет, королева не проснётся! Она никогда не проснётся! Я об этом позаботился. Улыбаюсь, и от моей улыбки замирает сердце секретаря... боится, значит уважает.

Так надо.

Боцман

Ночь. Ветер. Дозор серых. Вот странно, у нас же сейчас всё серое: и магистрат, и магистр, и знать, и простой люд, и стража, однако только к патрулям прилип обыденный для нашего королевства эпитет "серая". И вот серые крысы в мундирах протопали по нашей улице – теперь можно выходить. Я пробрался на чердак, потом на крышу, потом перепрыгнул на соседний дом. Порядок. Здесь меня уже поджидал Шкет, под мышкой он держал своего нового змея. Мы стали топтать крыши домов, следуя намеченному загодя маршруту.

– Всё тихо? – спросил я у Шкета.

– Серые прошли, – ответил он. – А ветер знатный!

– Да, самое то.

Выйдя на точку сбора, мы подождали Малоя, который ростом был ниже Шкета, но зато у него была почти абсолютно круглая голова, и Винта, тот был тощ так, что более напоминал гвоздь, но, как говорится, прозвище если уж раз пристало, то на всю жизнь. Теперь можно начинать. Но нужно ещё проверить ветер. Я дотронулся языком до нёба, а потом до неба, это сделать легко: надо только вытащить язык изо рта как можно дальше и запрокинуть голову – тогда он достаёт аккуратно до небес.

– Куда ветер дует? – спросил меня Винт, дождавшись окончания ритуальных манипуляций.

– Змеи будут довольны, – сообщил я ему и всем остальным благостную весть.

Мы стали отпускать с катушек суровые нитки и "сплавлять" наших змеев на волны ветра. Мой змей – почти стандартный в виде ромба, но большой – аршин в ширину и полтора в длину, хвост тянул так вообще на все три. У Шкета оказалась этажерка (я в темноте не заметил сложности конструкции его змея – подумал сначала обычный прямоугольник), причём сделанные на её плоскостях надрезы нежно шептали в ночь: "фьють-фьють". Малой как всегда проявил чудеса аэродинамики и сделал нечто похожее на мохнатого шмеля, даже я не очень понимал, за счет чего это сооружение летало, и уточнил:

– Ползунков мертвых внутри нет?

– Обижает, Боцман! – строго ответил Малой.

Я ему поверил: использовать мертвых ползунков в конструкции чего-либо летающего было дурным тоном всех змеевиков. Винт запускал парного змея: на катушке вращались две вогнутые лопасти, они загребали воздушный поток и быстро поднимали змей в высоту, чем сильнее был ветер – тем больше подъемная сила, я даже порой боялся, что змей унесет Винта в небо. Он бы стал первым винтом, завёрнутым в небеса! Но обошлось, а с другой стороны можно поинтересоваться: «зачем небу винт? оно же и так там на верхотуре неплохо держится».

Где-то час мы резвились, а потом нас заметила стража.

"Змеевики, сдавайтесь!" – завопили серые нам снизу, на что мы ответили дружно на счет три-четыре: "Пархатым крысам – серая смерть!" Стражники не очень-то любят, когда их называют крысами, ну а от крыс-пархатых – вообще заводятся по полной, то есть окрысиваются до звериного состояния. Мы рассыпались и стали уходить огородами (на нашем арго, огороды – это оранжереи любителей цветиков и прочей ботвы). Змеев оставили привязанными к угловым ограждениям крыши, и они ещё долго нарушали ночной порядок, ведь ведущую на крышу дверь мы основательно подперли хорошиими брусьями – такие ломай не ломай, а раньше чем за полчаса не протаранишь. Проснулись окрестные жители и стали выглядывать в окна: вид четырех гордо реющих змеев и бессилие стражников веселило народ. Акция удалась на славу и закончилась без потерь – все благополучно добрались до родимых гнёзд. А я долго ещё сидел на крыше своей хибары и просто глядел на звёзды. Когда я таки добрался до спальни, Эльза уже спала... полупроснувшись от качки, которую я вызвал на кровати, и от запаха ночи, что я принёс с собой в постель, она что-то невнятно пробормотала и отвернулась от своего благоверного, то есть от меня.

С утра я мучался: Эльза не одобряла мои занятия змеями в целом и запуск их по ночам вопреки запрещающему указу магистра (а есть, интересно, что-нибудь разрешающие указы Маркела?) в частности. Мне было немножко стыдно, но не потому, что я был виноват – нет, а потому, что грустна бы-

ла моя половинка, а когда твоя любимая на тебя сердится, на душе становится тяжело. У Эльзы есть три степени осерчания на меня: стадия первая, когда она шлепает меня рукой или чем потяжелее, например, скалкой, и говорит всякие резкие слова. Эта стадия легкая и часто заканчивается объятиями, поцелуями и другими приятственными занятиями. Стадия вторая, когда она плачет. Это жутко – при виде такой мокрой картины у меня сердце кровью обливается, и я места себе не нахожу. Готов на всё, в том числе на подвиги, к примеру, сменить работу на более денежную, завязать со змеями и так далее в русле «выпрямления» образа жизни. И наконец самая страшная – третья стадия, когда Эльза не ругается, не плачет, а лишь молчит и вздыхает тихо-тихо, вот так: "ах". Тут моя житейская мудрость дает сбой, я мучаюсь от вида супружницы в таком состоянии, от осознания того, что в этом виноват я-чурбан-неотесанный, и пуще всего потому, что ничем не могу это её состояние изменить, хотя бы даже на стадию вторую. Хорошо, что у Эльзы третья стадия была всего два раза за время нашего брака и ещё один раз до. Значит, этот раз аккурат четвёртый. А главное я начало проморгал. Только художников проводил, они на заработки пошли – у семейства Лужниных на носу маячил юбилей и они заказали расписать их дом в розовых тонах; только вернулся, чтобы сказать любимой и единственной, а также кормилице и умнице, что она любимая и единственная, а также кормилица и умница, а она молчит и только так тихо-тихо вздыха-

ет: "ах". Кошмар продлился целый день и – о ужас! – целую ночь, то есть цельные, крепко сбитые календарные сутки. На следующий день у меня была смена, и я пошёл на шлюз с тяжёлым сердцем, но все легче работать, чем сидеть дома в напряжении, давая пустые обещания и мучаясь. Эльза же знает, что с такой левой рукой как у меня другая должность для меня заказана, что змеев я не брошу, как не брошу и ночные вылазки с мальчишками, что... да много чего знает моя умница!

Заломило... я потёр локоть и поморщился – знакома мне эта боль, к перемене погоды... Левую руку я повредил давно, точнее мне её подбили давно. Я участвовал в мастерских демонстрациях, ставших сейчас легендарными, тогда это были обычные беспорядки, простой несознательный дебош масс. Требовали увеличить зарплату и уменьшить продолжительность рабдня. Разве это политическая программа? Короче, без ясной цели переустройства мира, без серьёзной организации наш всплеск гормонов побуянить был несистемной глупостью. Дурака валяли десять, нет, одиннадцать лет назад, тогда все молодые подмастерья города вышли на улицы, предварительно хорошенько нагрузившись... Вышли и увидели, что вокруг много таких же молодых... предположим надежд нашей родины, хотя можно выразиться и по-другому: ублюдков. А когда молодых и горячих на улицах много, тогда они сами заводят себя и устраивают беспорядки. Сначала требовали повышения стипендий и зарплат, которые не

выплачивались уже три месяца, а также восьмичасового рабочего дня, потом немного побили витрины, ну и чуток пограбили... а уж потом стали хулить весь магистрат и магистра особенно. Ясное дело, на подавления стихии "верхи" бросили войска, чтобы нас, молодых и горячих, остудить. В таких конфликтах бывает жарко: мы бросаем в солдат чем придётся (хотя они-то в задержке стипендий и зарплат совсем не виноваты), а они нас успокаивают тем, что есть в арсенале. Вот тогда мне в левый локоть и попала арбалетная стрела без наконечника. Если бы с наконечником, то прошила бы такой болт и руку и бок – как пить дать, но тогда бы уже никогда не узнал я прелестей супружеской жизни с Эльзой и много чего ещё. Но и стрелы неоконченной хватило, чтобы навсегда рука стала калечной – двигается замедленно и не может поднять выше плеча ничего тяжелого.

И жизнь дала трещину. До беспорядков я учился на плотника, но какой плотник может получиться из полутороручного паренька? Правильно – никакой. Плотник нужен двурукий. И конечно, пенсию мне по инвалидности не выплатили, сказали так: "Когда вас ранило, вам надо было на другой стороне быть". Очень округло звучит «ранило», не правдали, вроде и не виноват никто, ранило и всё. С тех пор перебиваюсь, где придётся, стараясь выбирать работу по себе (то есть не пыльную), а не подстраиваться под всякие сложные работёнки. Вот и на шлюз устроился почти без блата, охранять жутко стратегический объект от... честно говоря,

я не знаю зачем на шлюзе охрана. Скорее всего, чтобы лихие люди не привели в действие механизм ворот и не спустили бы воду, устроив, таким образом терракт, – наводнение в столице. Хотя и это маловероятно – механизм старый, везде проржавел, да и напора воды хватит лишь на то, чтобы смыть немного хлама с берегов замусоренной сейчас реки Волжанки, в старых легендах-полусказках поется-выводится, что когда-то она была могучей, широкой и чистой, да и звалась по другому – Ра (священная), но это предания давно минувших дней.

Вот и охраняю я рухлядь, уходящую "корнями" в грязную речушку, ночь через трое, с одной стороны, работа на шлюзе не бей лежачего, с другой стороны, крайне непопулярная для "нормальных" людей. Дело в том, что в старинных помещёниях шлюза иногда происходят тёмные делишки. Например, старик Михеич однажды постарел за одну ночь на двадцать лет – после этого и стали называть его стариком, ведь до той ночи было ему сорок три года с несколькими месяцами. Когда пришёл сменщик, то не сразу и признал в сгорбленном и седом старике крепкого Михеича. Но это дело прошлое и запутанное: сам пострадавший ничего не рассказал о той ночи, только запил сильно и так до сих пор побирается по кабачкам и барам. Коллеги, сторожа и охранники ему бесплатно наливают – своего рода пенсия. Только многие заплатят за его выпивку и отвернутся, или пойдут пить в другой кабак – не легко смотреть в глаза твоего вероятного будущего. Ра-

зумеется, мы все умрём, только не всем эта мысль по вкусу и многие её всячески затирают поглубже под черепом.

Нечисть на шлюзе проявляет себя чуть ли не каждое дежурство: здесь поскребёт, тут проверит на прочность засовы, под дверью может повить – короче, скучать нам, четырём штатным сторожам, не даёт. Вот поэтому-то работают на шлюзе только люди не совсем дружащие с головой. Кроме меня, в штате числятся, а значит и жалование получают, но не просто чистятся и получают деньги, а ещё и живы, что важно: Ардо – чёрный мужик, он перенес чёрную лихорадку – болезнь почти со стопроцентным летальным исходом, которая ссушивает тело в мумию и вытягивает из человека здоровые краски, оставляя лишь одну – краску смерти, редкие выжившие чернеют кожей навсегда; который за все то время, что я его знаю, сказал лишь три слова и все они были матерные. Вилариба – веселый и бесшабашный пожиратель дамских сердец, однако с прибабахом: верит, что ползунки управляют нами, мол, мы существа несамостоятельные, марионетки в их маленьких лапках. Крендель – любит выпить, гульнуть, всегда при деньгах, что при нашей зарплате тяжело себе даже представить, а значит, скорее всего – агент охраны. Доказательств нет, поэтому мы его не повесили. Но мы с ним не пьём, на всякий случай. Такая вот подобралась компания. Ах да, забыл сказать о Слепом – старом лоцмане, он живет при шлюзе и подправляет всё, что отвалилось или сломалось, а также присматривает за объектом днём (смена сто-

рожей длится с шести вечера до девяти утра). После девятого удара часов – а их звук с Башни точного времени прекрасно слышен на шлюзе – дежуривший в эту смену сторож идёт сдавать заводные ключи и отмычки от дверей, которые лишились всех ключей и дубликатов в незапамятные времена Слепому, а его спрашивай, не спрашивай, что случилось с другими сторожами в их дежурства – все одно услышишь единообразное: «А что с вами, шалопутами, может случиться?» и лишь иногда, по собственной инициативе, он может рассказать про баловство нечисти в предыдущее дежурство, которое на самом деле могло случиться лет десять назад – Слепой не сторонник гипотезы линейного времени, для него вчера может быть сегодняшним днем, а завтра – вчерашним. К тому же, как заметил древний остряк: «завтра сегодня станет вчера» – как тут не запутаться? Только по выходным – дежурства суточные, и мы сдаём вахту не Слепому, а другому ночному сторожу. Вне работы мы между собой видимся редко, да это и понятно: у меня жена и змеи, у Виларибы – бабы и разгадывания всемирного заговора ползунков, у Ардо – его молчание и одиночество. Ну, а у Кренделя его легенда и, возможно, его служба в охранки (мы его не увольняем и не бьём, потому что лучше доносчик известный, чем стукач, не обнаруженный). Один лишь раз мы все втрём напились: когда слух прошел, что королева проснулась. Подобные слухи постоянно циркулируют и в столице и в провинции, но тот был наиболее будоражащий – кто-то во дворце видел коро-

леву распекающую магистра! Но чуда не случилось и лишь Эльза на следующее утро лечила мою больную голову и ругалась на остолопов-охранников, которые могут и шлюз пропить ради своего ненасытного брюха. Можем, конечно, только кто ж его купит? Когда вы доходите до мысли, что неплохо бы чего-нибудь продать на сторону из закровов родины, оказывается, что более шустрые умники уже всё продали и пропили.

К слову, мёртвый пёс Алый как-то чует нечисть и предупреждает о ней стойкой – нос указывает направления вылазки плохих существ. Овчарка никогда не лает, ведь мёртвые собаки не лают в принципе.

Магистр

Либеральное крыло в моей пирамиде власти иногда бурчало, мол, слишком много репрессий кругом. Например, зачем бороться с запуском змеев – это ведь вполне безобидное занятие? Дураки. Всё с этого начинается, сначала ты нарушаешь малый запрет, потом входишь во вкус и вот уже организуешь тайное общество, направленное на свержение меня. От запуска змеев до бунта – дистанция не такая большая, как кажется глупым людишкам, не видящим дальше собственного члена. Так что серая стража занимается вполне логичным и оправданным делом – ловит молодых и безбашенных людей, которые запускают змеев. Довольно лениво ловит, многие ускользают от обязательных работ в трудовых лагерях. Отчего уже репрессии случаются в самой страже...

А уж сколько копий было сломано по поводу Ордена меченосцев. Зачем он, для чего? Ведь есть серая стража, армия и даже какой-никакой речной флот... а тут целый новый Орден, это же налоги... в деньги упёрлись, как будто деньги – это главное. Пришлось несколько ряды моих верноподданных почистить. Как раз с помощью Ордена меченосцев. А потом проредили и сам Орден, ибо те, кто получают власть карать и миловать других людей, неизбежно портятся характером. Не все выдерживают испытания славой или деньгами,

а уж испытания властью – и вовсе единицы. Я – исключение.

Долгим воспитанием и немного принуждением я постепенно приучил население стучать. Не нужно шпика ставить около каждого дома, соседи сделают за него работу лучше и бесплатно. Только людей надо заинтересовать... и вот уже по всей стране раздаётся тук-тук... тук-тук... тук-тук... и серые повозки едут по адресам неблагонадёжных. Да, часто анонимки приходят совсем не на врагов народа, но лучше осудить девять невиновных, чем не посадить в концентрационные лагеря одного виновного...

Одобрил новые плакаты со мной. Для них позировал двойник. Хорошо получилось. И никакой я не диктатор, просто у меня лицо сердитое. Улыбаюсь вошедшему генералу... он что-то побледнел. На всех действует моя улыбка, ведь за всяким есть грехи... и в Ордене меченосцев о них знают.

Боцман

Прибежала Эльза и выдохнула: «Кротова забрали!» И вот мы с ней уже летим к нашим знакомым. Не слишком близких... но когда к вам ночью приезжает серый воронок и увозит отца, мужа, кормильца... тогда не до вычислений степеней дружбы.

Так и есть – Лена ревет белугой... а ей сейчас волноваться нельзя – на сносях она. Соседка уже валерьянку капаает в стакан с водой... ещё несколько сочувствующих подтянулись... но пока наблюдается неразбериха в комнате. И тогда Эльза берёт штурвал на себя – быстро организует всех... а главное она так смогла воодушевить Лену, что та забыла о рёве и слушает... Эльза обещает до самого магистра дойти, но Кротова вернуть... я с трудом вспомнил его имя – Максим, он всегда был просто Кротов, такой мягкий, рыхлый мужичок с толстыми очками на носу. Занимался астрофизикой, ну то есть тем, что не на нашей планете, а значит очень далеко от жизни. Получал там крохи в этой Академии наук... и кто же на него наступал? Я стал более пристально оглядывать соседей... или они... или в Академии стукнули... Ибо Кротов – никакой не «враг народа», а точнее – не враг магистру, чтобы его забирать! Значит, анонимщик позарился или на квадратные метры жилья или на должность. Больше нет вариантов. Просто так Ордену меченосцев Кротов не нужен. Хотя, мо-

гут его тряхануть, чтобы показания дал, например, на своего начальника... или друга... или соседа... и так бывает. Нет, Максим долго в подвалах Ордена не протянет...

Ох, как я ошибся!

Королева

В тот незабываемый вечер я слегка пригубила из бокала шампанское – м-м-м! – чудесное, с клубничным вкусом, но не с приторным, а в меру – как я люблю. Магистр специально выписал три дюжины ящиков из Восточной Рускании. Но не успела я насладиться вторым бокалом (а первый подали сразу после удара колокола), как меня потянуло в сон, да так стремительно стало в него засасывать, что я даже не успела дойти до опочивальни, и стала падать, падать, падать...

Просыпаюсь, разлепляю тяжёлые веки. Королевство очень похожеё на моё. Только в нём королева почему-то спит. Долго не просыпается, наверное, она заколдована. Коварный магистр устроил заговор, но он знал, что убить королеву нельзя – народ взбунтуется и разорвет на куски обладателя восьмиконечной звезды на груди. Поэтому он усыпил королеву и всем рассказал о постигшей страну беде. Траур длился месяц, а потом мало-помалу люди привыкли, привыкли к тому, что королева спит в прозрачном саркофаге... Я попробовала проснуться – сон был слишком реалистичный и недобрый, можно даже сказать, что это был кошмар – ведь поначалу демократическое правление магистра обернулось сначала диктатурой, а позже и тиранией. Знание он спрятал под замок в библиотеке и запретил туда доступ. Ползунков объявил вредными существами, приносящими в дом

горе, и вкупе запретил курить не табак под страхом смерти, и много чего ещё стало вдруг нельзя делать, в частности выпускать свои газеты – газета осталась одна промагистровская. Усилием мысли мне удалось проснуться. Я снова оказалась в королевстве, очень похожем на моё. Магистр усыпил королеву... Стоп, стоп, стоп! Опять тот же сон! Вложенное сновидение – это уже серьёзно. Так, главное не паниковать и сосредоточиться на намерении проснуться по-настоящему.

Мне это удалось. Перед моим взором предстало королевство очень похожее на моё...

Разобравшись с правилами этой игры (а я решила воспринимать это нестандартное для особы королевских кровей положение как игру, а не как безнадежную ситуацию или проблему), я приступила к действиям уже направленным не на выход из игры, а на её коррекцию. Это у меня получилось не сразу. Примерно сорок лет ушло на учёбу, потом ещё сто сорок на закрепление, а к третьему столетию экспериментов и результаты появились... Теперь я могла манипулировать некоторыми персонажами из моего королевства, которые не спали всё время (как я – бедняжка). Мне удалось наладить контакт с герцогиней Александрой, иногда меня воспринимал Боцман, но этот раздолбай тут же переключался на такие игривые сценарии, что толку в них задерживаться не было никакого, по крайней мере, для игры. Хорошо ещё, что я в своё время – в большой тайне от родителей! – покурила не табак и не терялась в дебрях алогичных сновидений.

Шут

Азм есть идеальный шут её величества! Вот только в эпизоде с шампанским я королеву подвел. Крепко подвел. Можно сказать смертельно или брутально подвел. Ну и подвёл, бывает... У меня даже оправдания есть: откашливаюсь, шаркаю ножкой, делаю понурый вид, это... того... в общем... и целом... дела у меня были, не требующие отлагательства, гораздо более важные, чем государственные. Вот я и не успел предупредить мою любимую ВВ (так я обозначаю её величество) о том, что клубничные пузырьки несут долгий сон. А она любила пузырьки. Впрочем, не правильно употребил глагол. Она любит пузырьки, особенно клубничные. Королева заснула. На меня объявили охоту. Магистр не простил мне пару шуточек над собой. Клянусь, что они были совершенно не смешные: про его лысину, про пунктуальность и про маню думать, что он любит кошек – на эту он особенно обозлился. И меня неминуемо укоротили бы на целую голову, да только вот никак не могли найти. Маркелу докладывали, что я покинул королевство. Но я не только не покинул пределов Лас-Ки, я самым наглым образом спал во дворце. Как такое возможно? Очень просто. Мне не нужны деньги. Вот я и тратил всю свою зарплату на подарки придворным, фрейлинам, охранникам, поварам, трубочистам и прочим дельникам (в отличие от бездельников, которым от меня перепла-

дали только шуточки, как всегда несмешные). Кому нужна была медовуха, получали от меня самую лучшую медовуху, какую только можно было достать. Кому нужен был не табак, получал кисетик-другой отличнейшего не табака. У кого сердце заходило от блеска бриллиантов, получал (чаще получала) бесцветные камешки высшей пробы. А ещё я знал все – то есть действительно все! – тайные покои, ходы и секретные комнаты. Короче меня было архитрудно выловить во дворце. Единственное чего я никак не мог сделать – это разбудить королеву. От одной мысли, что я ударю в колокол, а ВВ не проснётся, меня выкидывало из себя в жуткий стресс. Я не хотел быть палачом людских надежд и чаяний, пусть кто-нибудь другой попробует. Да к тому же в пыльной колокольне мой камзол мог испачкаться, нет тут нужно усилить никчемный аргумент и с выражением произнести: «Мог испачкаться!» И все эти бедствия посыпались на ВВ, на меня, а также на многочисленных других подданных, только из-за важных дел, дел важнее государственных, которые помешали мне предупредить королеву о заговоре: в то время, как ВВ пробовала на вкус клубничные пузырьки, окруженные шампанским, я... спал. Конечно, не просто так сухо: спал. Я спал мертвецки пьяный, или даже так: пьяный в никуда, как мой папа в молодости. Вот гены и взяли своё. А гены мы не выбираем, мы с ними живём и с ними умираем. А уж передал ты их или нет потомству – только от тебя зависит.

Боцман

Если четыре ночи тому назад ты дежурил, три ночи назад – запускал змеев с пацанами, две ночи назад – спал рядом со злой на тебя женой, но считай один, а прошлую – тоже дежурил, то в преддверии нынешней ночи возникают разные мысли. Но это у других людей может и разные, а у меня сплошь любовные или о любви – кому как больше нравится. Слава Всевышнему и у Эльзы мысленный процесс пошёл в этом же русле и... мы занялись-таки любовью, забыв о суетных разногласиях и недовольстве сопредельной стороной. Я заметил, что когда мы кувыркаемся в доставшейся по наследству от Эльзиных родителей необъятной кровати, кстати, единственной путевой мебели в нашем доме, ползунки часто дерутся под потолком на своих шпагах или рапирах. Эта ночь тоже не была исключением из правила – мы выдавливали скрипы из кровати вниз, а ползунки звенели шпагами вверх и шуршали своей мягонькой кожицей о потолок. Вот такой сводный ансамбль скрипения и гремяния получился. Всем привет, кто не слышал!

Ползунки

Мы с Инной задорно играли в тупаки. Игра эта увлекательная: надо закидывать тупаки в тупакилку, причем очки набранные зависят как от положения твоих тупаков на сучках тупакилки (есть сучки, приносящие удвоенные или утроенные очки, и есть менее очковые сучки – которые добавляют пол или четверть очка), так и от их положения относительно тупаков противника, находящихся по цветовой гамме выше. То есть важно распределение тупаков на сучках и цвет фишек. Играли мы на нашей любимой подставке под тупакилку, она у нас очень удобная: когда складывается – маленькая, а когда раскладывается – в два раза больше и высоту каждой из половинок, можно регулировать, перекладывая подвижные листы, они такие тонкие, что можно добиться точно горизонтального положения тупакилки, а это очень важно для серьезной игры. Так вот, играли мы себе спокойненько в тупаки, причём Инна выигрывала у меня уже 59 очков и ещё полочка – а это серьёзное преимущество, как вдруг до нас снизу стали долетать звуки борьбы. Ну, мы, как и положено всяким порядочным осам (особенно Верескового роя), любопытствовали: кто чем там кого и за что. Оказалось хозяин пещеры, в которой мы устроили гнездо, борется с хозяйкой той же пещеры, а кто из них по настоящему главный мы до сих пор не решили. Они энтим

делом занимаются довольно часто, но не каждое тёмное время, видимо, есть запрещённые числа для сего ритуального занятия, как есть и запрещённые сучки в тупакилке.

– Дуэль? – спросила у меня Инна.

– Дуэль! – поддержал её порыв я.

Мы вылезли из своих спальников, надели дуэльные плащи (она – белый, я – чёрный), взяли в левые руки колесики с ручками, в правые – жала, и стали кататься под сводами пещеры, нанося друг другу уколы. Не по-настоящему, а лишь обозначая выпады. Но это только всяким неразумным осамтрутням кажется, что это баловство одно, на самом деле даже несчитовые уколы довольно болезненны, и супружеские дуэли хоть и не заканчиваются ранениями, но все равно не идут ни в какое сравнения по жесткости, например с игрой в тупаки – тут всё гораздо серьёзнее. Очень важно в фехтовании умение быстро менять направление ударов крылышками, чтобы мгновенно менять угол атаки, её направление и быстроту. Наши жала скрещивались отбивали уколы друг дружки и переплетались в затейливые фигуры. А снизу доносились смешные звуки: "Ох" "Ах" "Ещё" и иногда самый прикольный: "Бум" – он раздавался, когда лопотуны падали на дно пещеры с ритуального возвышения для борьбы. Видимо, это означало чей-то выигрыш и чей-то проигрыш...

Магистр

Неблагодарные! Что им ещё нужно? У них же есть главное – стабильность. То есть я. Магистр предсказуем, ибо вечен. А значим им не нужно волноваться – кто будет решать за них завтра, послезавтра, через десять лет, через столетие. Всё стабильно, всё спокойно. И что я попросил взамен спокойствия? Чуток поступиться свободой. Да они её и не пользовались! И зачем вообще этим неразумным людишкам свобода? Когда даже соседи не могут договориться, где ставить забор или жилыцы одного дома – в какой цвет красить забор. Куда заведут государство множественные мнения? Есть только два мнения: моё и неправильное. Это очень легко принять и тогда легко жить и подчиняться приказам. Не нужно думать и рефлексировать. Мудрый магистр уже обо всём подумал и всё решил. И в магистрате и в его столице Риме – всё спокойно.

Но эти неблагодарные иногда рвутся бунтовать. Бунты бессмысленны, у нас армия заточена на подавления беспорядков, да ещё и полиция занимается тем же. Это хорошо, две конкурирующие структуры стремятся выслужиться передо мной. Любой мятеж подавляется на корню. Любой инакомыслящий отправляется в тюрьму. Официальные бюллетени все могут прочитать в единственной газете. Моей газете. Но, к слову печатному будет сказано, зачем вам воль-

ная газета? Чтобы критиковать меня? А за распространение слухов каждый не шибко добропорядочный подданный может загреметь на общественные работы. Лопата, заступ или метла быстро выбивают дурь из головы. Кто там бунтовал последний раз? Студенты. От них одни неприятности. Много гормонов в крови, мало мозга в голове. С жиру бесятся. Чем меньше люди знают, чем спокойнее они принимают данный им мной порядок. Единственно правильный. И навсегда. Стабильность была, есть и будет. Потому что я вечен.

Смотрю в зеркало... что-то не так... старею, что ли? Мысль о том, что тебя может убить любой охранник – страшна. Но не менее страшна мысль, что эликсир бессмертия начали бодяжить или ингредиенты стали менее чудодейственными... это значит – старость и смерть, а смерть в моём возрасте неизбежно страшна... я это после двухсот прожитых лет кожей, хрящами и костями осознал, а уж после трёхсотлетия... лучше и не говорить...

Боцман

После такой ночки хочется одного: горячей ванны, кофе с коньяком (или чая с лимоном) и звуков флейты для акустического фона. Да, получилось несколько больше чем один компонент, но на практике я имел совсем другое число – ни одного, однако это обстоятельство совсем меня не расстраивало. Я снова обвел взглядом нашу улицу и стал готовить себя к спуску в подвал. Дело в том, что я неделю назад обещал Эльзе слазить за огурцами, но всё как-то не удосуживался и не удосуживался. Сегодня наступил крайний или последний срок. Набат прозвенел, гром грянул, рак свистнул. Но... неохота! Ещё раз обвожу глазами нашу тихую улочку. Ага, ситуация в корне изменилась – вот оно спасение: на улице показались мальчишки. Увидев меня, они замахали руками и засвистели, я важно так подбоченился и небрежно козырнул им, как и подобает большому и толстому боцману. Ну и что, если я не большой и не толстый? Зато Боцман! Сначала мы церемонно обменялись приветствиями, потом обмыли все косточки погоде, то бишь обсудили: скорость ветра, атмосферный напруг – некоторые его давлением кличут, влажность воздуха (некоторые о ней забывают, а потом от болезней мучаются – комнаты надо проветривать, а воздух – увлажнять, вот вам базис для здорового образа жизни, а ещё гулять надо по крышам, но это отдельная история)... И

наконец мы перешли к делу, точнее каждый перешёл к делу своему.

– Боцман, расскажи страшилку! – ударили в меня с боков два тарана-просьбы.

– Страшилки не рассказывают при свете дня, – начал я обходной маневр. – Вот если бы мы спустились в подвал...

Вопрос с подвалом быстро решили положительно без дебатов и прений. И вот мы уже гуськом медленно погружаемся в недра нашего подвала, а путь нам освещает единственный огарок свечи – это важная деталь. Тени на стенах смыкали над нашими головами то, что обычно смыкают тени над спускающимися в подземелья путниками с одним жалким огоньком, нетвердо державшимся на свечке. Наверное, они смыкали сами себя. Очень интересное наблюдение, возможно, мне есть чем обрадовать нашу Академию наук.

– А у тебя здесь баламутит нечисть? – спросил Шкет, чтобы помочь мне в организации мрачной атмосферы для рассказа.

– Немножко, – вальяжно ответил я.

– Да ладно заливать! – попытался вывести меня на чистую воду Джекоб-младший.

На такую провокацию я ничего не ответил, лишь посветил в угол, где у меня пылился скелет, мальчишки затихли.

– Он то-же не ве-е-ерил, – сообщил я замогильным шепотом, ме-е-е-дленно растягивая слова. – Так вам нужна страшная история? И вы думаете, что мне удастся напугать

таких смелых молодых людей, как вы? Сильно сомневаюсь, скорее уж, вы меня напугаете. Ну да ладно, попробую вспомнить что-нибудь смешное и забавное. Значит так, жила три года назад в нашем городе одна семья... – Огарок я поставил на бочку с оливковым маслом и стал рассматривать банки, найдя «огуречную», я присел на деревянный якорь (не спрашивайте, зачем он нужен в подвале, возможно, чтобы показывать уровень наводнения, но это предположение требует обоснования хотя бы в виде бочонка рома) и целиком отдался своему повествованию: – У родителей было три дочери и вот старшей из них отец по совету матери купил картину. Намалевана, как положено: серые краски, серый фон, серые фигуры, хоть во дворец вешай. На ней был изображен лес, обступающий со всех сторон полянку и пасущийся на этой полянке конь. Короче, картина как картина, но было на ней одно цветное пятно. Причем старшая сестра, когда рассматривала картину, увидела пятно зелёным, средней оно показалось красным, а младшая долго пялила зенки в пятно жёлтое. Повесили картину в комнату старшей дочери. И вот заснула она ночью и приснился ей сон: конь с картины стал говорить человеческим голосом: "Встань с постели и подойди ко мне!" старшая сестра так и сделала, а конь продолжает заманивать: "Потри пятно мизинцем и загадай желание – оно тотчас сбудется или я не волшебный конь!" старшая сестра потеряла зелёное пятно и загадала...

Тут я сделал паузу и посмотрел каждому пацану в глаза.

Иногда мой взгляд бывает настолько тяжелым, что собеседнику кажется: ему на плечи кто-то положил руки, большие, тяжелые, холодные руки...

– На утро родители нашли свою старшую дочь повешенной на собственных чулках, а на листке бумаги, что лежал на столе, было написано её почерком: "Хочу к принцу, не удерживайте меня", родители ничего не поняли, лишь заплакали и похоронили свою дочь, лицо которой после смерти позеленело, – я стал растягивать гласные на слове "по-зе-ле-не-ло" и ещё добавил жути в свой голос. – После похорон картину с конём перенесли в комнату средней сестры. И вот девочка заснула... никто из вас скелет не трогал? – резко меняю тему, озабоченно всматриваюсь в темноту (скелета с этого места не видно), от бегающего пламени свечи скелетообразующие кости словно начинают немного шевелиться... Мальчишки долго лупоглазили то на меня, то на скелет неизвестной жертвы медиков – страшилка начала работать.

– Что такое? – спросил Скилли, когда я уж слишком пристально посмотрел на скелет.

– Да вроде у него рука пошевелилась, если это сквозняк, то я тут с вами ревматизм подхватчу. Итак, средняя сестра заснула, и приснилось ей, что конь с картины заговорил человеческим голосом. "Встань с постели и подойди ко мне!", средняя сестра так и сделала, а конь стал дальше приказывать: "Потри пятно мизинцем и загадай желание – оно тотчас сбудется или я не волшебный конь!" (наклоняюсь, смот-

рю искоса, поднимая правую бровь) – "Я тебе не верю!" – сказал средняя сестра. – "Твоя старшая сестра уже загадала желание и сейчас живет во дворце с прекрасным принцем богато и счастливо". – "Правда?" – "Чистая правда, или я не волшебный конь!" – "А исполнится любое желание?" – "Любое-прилюбое". Средняя сестра потёрла красное пятно и загадала желание. На следующее утро её нашли горбатой, немой и все лицо её было в толстой, противной корке...

– Красной? – уточнил Скилли.

– Конечно, красной! – заверещал я, запуская крещендо. – Родители долго плакали и жалели свою дочь, они неоднократно приглашали самых лучших врачей из разных королевств, но никто бедняжку так и не смог вылечить. Картину после этого перенесли в комнату младшей сестры, ведь средняя ныкалась по больницам, гм... что там дальше? Ага! И вот наступила ночь, и девочка заснула... а ей приснилось, что конь с картины с ней разговаривает: "Встань с постели и подойди ко мне!" – "Потри пятно мизинцем и загадай желание – оно тотчас сбудется или я не волшебный конь!" – так он её окучивал своими лживыми речами. – "Я тебе не верю!" – сказала младшая сестра. – "Твоя старшая сестра уже загадала желание и сейчас живет во дворце с прекрасным принцем богато и счастливо". – "А что стало с моей средней сестрой, она же теперь уродина?!" – "Она загадала быть самой красивой и теперь живет в большом и славном городе и действительно там самая красивая девушка из всех, в неё

даже влюбился сын короля. Просто вместо неё к вам была перенесена уродина из того мира для соблюдения принципа равновесия". – "А ты меня не обманываешь?" – "Я волшебный конь и никого никогда не обманываю!" – заявил коняка и фыркнул. Младшая сестра подошла к картине и потеряла жёлтое пятно... – Я сделал вид, что очень устал рассказывать, и облизнул губы.

– А дальше? Что было дальше? – не выдержал Ут.

– На следующее утро младшая сестра прыгала как заводная и кричала: "Мы богаты, мы богаты!" – она зачерпывала из своего передничка золотые монеты и подкидывала их вверх (пацаны вздохнули с облегчением... рановато). Обалдевшие родители стояли под настоящим золотым дождём. Те, конечно, очень удивились такому неожиданному богатству, но ничего не сказали. А когда они вернулись с работы... нашли труп младшей дочурки – она на один золотой купила целую корзину пирожных и подавилась одним из них. Вот и вся история.

– А какого цвета было пятно на самом деле? – спросил Шкет.

– А на самом деле пятно было... – я столкнул свечку на пол, предварительно подмигнув Шкету, и стало темно.

Шкет затряс скелет, а я стал "могильничать", то есть не своим голосом завопил:

– Пятно было чёрным или я не волшебный конь!

Когда топот маленьких ног затих, я щелкнул зажигалкой

и, найдя на полу свечной огарок, подпитал его оптимизмом пламени. Стало видно место, где brave мальчишки бесславно дезертировали, остался лишь Шкет, который с доблестью выполнил свою часть работы.

– Ну и какую банку тащить на кухню? – понимающе спросил он.

– Вот эту, с огурцами, – порадовался я его прозорливости. Мы поднялись наверх и этим спасли ватагу от ужаса, мальчишки думали, что мы уже на том свете.

– Тебя только за смертью посылать! – по-доброму заворчала Эльза, когда я в сопровождении свиты вошёл в кухню, а банка огурцов (неразбитая!) с помощью рук Шкета водрузилась на кухонный стол.

– Миссия выполнена! – отрапортовал я. – Надо бы мои верные войска накормить, а то они без булок с джемом отсюда не уйдут.

– Пусть твои верные войска сначала руки вымоют, – моя супружница всегда готова к урокам хороших манер и блюде-нию санитарно-эпидемиологических норм.

Войска знали, что хоть их император – это, безусловно, я, но на кухне, а также в любой другой комнате дома главная – императрица, и безропотно поплелись к рукомойнику, между собой переругиваясь за первенство намылись руки, обсуждая при этом последние события в подвале.

– А нам сегодня в школе долдонили про Рим, – поделился новостями Скилли.

– Про что? – переспросил я у мальчишки.

– Ну что наш город это Рим и его историю там древнюю и современную.

– Наш город называется Лас-Ка.

А вот Художник называет наш город пунктирным, так ему он видится. Действительно, в нашем городе часто можно на столбах увидеть новые эдикты магистра, где полно ПУНК-Тов, да и ИР в Лас-Ке полно, часто попадаются прехорошенькие...

– Лас-Ка – это Рим по-древнему?

– Это по-настоящему. Римом его обозвал Маркел, когда королева заснула. Зачем ему это было надо, я точно не знаю, но, скорее всего, для того, чтобы мы забыли о спящей королеве, настоящей властительницы Зелёных холмов. А ещё раньше здесь было поселение первородных, оно обозначалось символом, – я начертил его на столе, – значение которого никто из людей сейчас не знает, да и вряд ли раньше знал, тем более никто не может произнести его вслух, чтобы оживить те времена. Вот это настоящая история, а та, что дается в школе...

– Знаем, знаем, офис-с-сиальная! – мальчишки действительно знали, хотя и не все буквы выговаривали уверенно.

– А почему наше королевство называется королевством Зелёных холмов? – спросил Шкет, не для себя спросил – для мальцов.

– Потому что у нас полно красивых зелёных холмов и да-

же после того, как магистр закрыл всю информацию о красках в библиотеке и дома, заборы, одежда, обувь, мебель игрушки и картины стали серыми, холмы по-прежнему зелены. Вообще-то и в других королевствах тоже имеются зелёные холмы, но наши самые зелёные.

– Почему?

– Потому что наши, потому что надо родину любить.

– То есть, быть патриотами?

– Нет, просто любить родину. Мужики! – мальцы всегда тают от такого к ним обращения, тем более, что мужиками я их называю нечасто, чтобы эффект не завуалировать, ко мне в голову иногда протискиваются длинные и сложные слова-реликты, значения некоторых я не знаю, а у других не могу представить обозначаемые ими понятия, но к сему привык и не рыпаюсь – заползают и пусть себе! Но пора продолжать рассказ:

– Наши холмы на самом деле ничуть не лучше любых других холмов. Надо же понимать! Любить родину и в то же время любить всю нашу планету и не быть ограниченными патриотами, которые любят лишь свой уголок, потому что он свой. Вот вы сейчас компот в брюхо заливаете, а ведь вода по всему миру одинаковая и что же наш компот лучше, чем такой же компот, который сейчас на другой стороне нашего мира пьют такие же, как мы запускатели змеев? А лучше он – потому что наш? Нет, он для нас, конечно, самый лучший, а на самом деле...

– Ты что-то хочешь сказать про компот, который я лично закатывала? – вмешалась управительница моей судьбы в проводимый мной урок.

– Я... то есть мы... они...

– Нас в школе по-другому учили, – помог мне Скилли.

– Не всему тому, что говорят в школе нужно верить... – начала Эльза.

– Потому что это офис-с-сиальщина! – продолжили мужики, в это раз они были подбодрены, чувствовали ответственность и все согласные выговорили верно.

Нет, они положительно кое-чему научились у такого не педагога как я. Школа, школа, помню, учился уже здесь, в Лас-Ке. Я – из «понаехавших», не коренной столичный житель, ходил в интернат для таких же беженцев и нам там давали как раз официальную версию истории. А я то был из провинции, где многие даже не знали, как зовут магистра, да и вообще не ведали, что у нас теперь магистрат, а думали, что живут в королевстве Зелёных холмов со столицей Лас-Ка и со спящей королевой. Рано или поздно она проснётся, а магистр – это временная фикция... Мне хватило мозгов молчать и не рассказывать о подобном видение событий... так вот, по дороге из школы в палаточный городок, где жили беженцы, можно было увидеть надпись... буквы кто-то довольно криво намалевал высоко на сером бетонном столбе, из которого торчали непонятные железяки, видимо что-то строили и не достроили, или наоборот – ломали и не до-

ломали. Надпись вывели добротной, жирной, стойкой белой краской: "Завтра ты вернёшься" и это был приговор, от которого я избавился. Однажды я не вернулся. Так я не закончил даже среднюю школу. Не жалею, все равно аэродинамику знаю лучше выпускников академии.

Когда сидишь на карнизе, болтаешь ногами в пустоте, при этом лопаешь мороженое и смотришь в небо, – вот в такие глобальные моменты простого человеческого счастья мелкие мысли выпадают из твоей головы. Они падают вниз и рассыпаются по мостовой. Можно на них плюнуть, но зачем? да и слюна после мороженого вязкая, такой не попадёшь в цель от слова «совсем».

А вот другие мысли, наоборот, залетают в голову. Они легки и проносятся почти незаметно для тебя, легкое движение, поворот головы, кивок или даже моргание может спугнуть их.

Только тишина и покой может удержать этих ветроногих беглянок, да ещё мороженое может помочь их заманить – они сладёны. Поймать их невозможно, в силах человеческих лишь обрисовать их, окружить ванилью, чтобы потом уже в тяжёлом мире сделать копию легкогривых тонконогих мыслей – уже собственных или поналетевших из какого-то высшего, горного мира? – сие мне до конца не понятно... И тогда летучие балерины затвердеют и превратятся в стойких оловянных солдатиков. Ах, в такой бы армии и сам служил!

Если что – я невоеннообязанный.

Вот и сейчас пару новых слепков ушло в музей, и я, до-
смаковав холодную сладость, уже было хотел отправиться в
путешествие по его новому отделу, чтобы во всех деталях
запомнить моих новых гостей, но... Бамс – в глаза хлынула
резкость. Колокольня пробил тонкий мыльный радужный
пузырь. Её игла была устремлена в высь, но она была слиш-
ком тяжела, чтобы взлететь. Скорее это дерево с обрублен-
ными ветвями, которое растет вниз. На самом верху прита-
ился вековой колокол. Ударить в него и проверить слухи.

Я улыбнулся – многие мечтают об этом. Ведь тут можно
получить славу, можно стать героем, можно войти в исто-
рию, именно войти, а не вляпаться. А я никогда об этом не
мечтал. Нет, стоял бы я сейчас на той площадке... конечно
бы ударил, слов нет. Но только я не ползунок – летать не мо-
гу.

То ли слеза от ветра в глазе вызрела, то ли мягкая пеле-
на на разум накинута (а мы же видим мозгом, а не очами
– он нас и морочит больше, чем любой глазной недуг): ко-
локольня превратилась в виселицу, а поскольку кроме меня
этот столб с веревкой никто больше не видел, то и виселица
была моя, точнее за-шею-моя.

Мороженое стало колом в горле. Я поперхнулся и стал
спускаться с крыши – настроение стало слишком земным,
чтобы заниматься высокими глупостями.

– Ты изменил мне? – ласково шепнула мне на ухо Эльзуса.

– С чего ты взяла? – насторожился я.

– У тебя взгляд висельника...

Ну не ведьма ли она? Насквозь меня видит! Я поцеловал её, и всё со мной стало ясно.

На следующий день погода стояла хмурая, как кот, которому сметана не досталось. Жена покрасила туфли в радикально жёлтый цвет с закосом под плащик, причём их изгиб от носка к каблуку снизу покрасила, а не верх... и дала высохнуть обуви – туфельки во время сушки устремили тонкие каблочки в потолок... потолок что ли покрасить? Да, ладно – ремонт можно начать, но его нельзя закончить. А я не любил бесконечные хлопоты...

– Эльза, а видно же не будет... – посмотрел я вопросительно на мастерицу.

– А вот так? – она ловко обулась, сделала финт попкой и подняла ножку...

– Я тебя в таком развратном виде во дворец не отпущу, я твой муж, хозяин дома и вообще!

Но супружница уже ускакала на дежурство, вот и верь после этого людям!

Магистр

Жмётся проректор, глаза у него на мокром месте, пятнами пошёл, а потом побелел... иш! Хотел о жене своей распутной просить. А я ему с ходу бац – папочку преподнёс, а в ней всё чёрным по белому, что супруга наговорила в Ордене меченосцев. Читает, подлец, холодеет изнутри... сейчас дойдёт до кондиции. И точно – дошёл:

– Магистр, я не знал... я честное слово не знал... если бы я знал...

А дальше всё по канону, который я много раз слышал уже. Клятвы верности и отречение от жены. Как-то он быстро от неё отмежевался, не любил что ли? Зачем тогда женился? По расчёту, да Марина была знатного рода, благодаря этому, а также своей чрезмерной работоспособности и показной преданности он и выбился в проректоры. Он у меня на хозяйстве, и пока ржавчина коррупции его не коснулась. Идеальный. А жену проглядел...

– Не будем об этом, покажи-ка мне лучше проект нового шоссе...

Дороги – это артерии жизни. По ним и товары можно возить и несогласных с режимом вывозить на дальние рудники. Удобно.

Убийца

Проверяю расстояние, направление и силу ветра... прикидываю прицел... натягиваю тетиву... выдыхаю воздух из лёгких и ласково её отпускаю... раздаётся никому неслышимый треньк и стрела с белым оперением уносится к жертве... Попадание. А пути отхода мне уже известны... у калеки на противоположной крыше нет никаких шансов...

Боцман

Много раз видел колокольню с крыш. С разных крыш. С высоких и низких, с покатых и крутых. С разного расстояния. Вот она близко, вот далеко, а вот – едва различима, даже непонятно: как такую козявку глаз различил? Сейчас дистанция была средней, а перепад высот между крышей и колокольней небольшим – дом стоял на холме. Многие хотели залезть и ударить. Боцман тоже хотел. Но не залезть. Вот если бы оказался там, наверху, тогда бы да, грохнул бронзой. А так... ведь убьют, ежели попытаешься влезть. А разбудишь ли Королеву – ещё не известно. В мечтах-то она, естественно, просыпается, а вот как будет на практике? Нет, бунтовать ради призраков надежд слишком не боцманское дело. Боцман прищурился, колокольню стало видно чуть лучше. Вот так часто бывает, чтобы увидеть что-то лучше, надо объект наблюдения закрыть, теми же ресницами – тогда за лесом проступают отдельные деревья. Термос бы сейчас с кофейком, да не абы с каким, а приготовленным руками Эльзы. Правда, сваренный в турке кофий в термос не больно то и нальешь, но охранникам со стажем и суррогатный пойдет быстрого приготовления. И крепость будет именно та, что язык предвосхищал ощутить и сахару будет в меру. Боцман так уверился в существования термоса, что правая рука стала искать его ремешок на поясе. Но ремешка не было,

ведь и термоса не было. Здесь. Тогда Боцман просто свистнул, что не было демаскировкой – мало ли кто может свистеть на крыше, и отправил через безупречных посредников звёзд (они безупречны, потому что равнодушны) воздушно-космический поцелуй своей супруге. Чмок с вертикальным взлётом унесся в бесконечность, чтобы там повернуть и пронзить ещё одну бесконечность и прижаться к губам любимой женщины своего отправителя. Пора было запускать змея. Сегодня в одиночестве – таково было первоначальное настроение. Но что-то мешало. Сегодня змей остался не проположенным небом. Лень, видимо. Как на колокольню лезть не хочешь, так и змея валынишь – кольнула совесть. Ей вечно надо больше всех и не так как всем – извращенная жадюга. А-а-а... и махнув на жадюгу рукой (или на лень?) он стал травить нить и ловить ветер. Змей ринулся к звёздам. Конечно, не долетел, но парил. Он даже был выше колокольни. А что если подняться на змее? Ведь трудность только в том, чтобы забраться. А уж ударить сил хватит. А тебе это надо? Лень она тоже зубастая, тоже ненасытная и знает куда кусать. Вернувшись домой, Боцман увидел в глазах Эльзы отражения себя. Совсем не герой. Губы стали обниматься, языки соприкоснулись и в одной квартире города Лас-Ка начались ласки. А под потолком зашуршали ползунки.

И пропало гнетущее ощущение, что чьи-то всевидящие глаза следили. Следили за тобой, как в театре с галерки из бинокля следит какой-нибудь небогатый, но увлеченный по-

клонник. А софиты слепят глаза и ты его (её) не видишь, а она (он) тебя – отлично. Только от этого взгляда не укрыться даже в гримёрке. В детстве Боцман пробовал не думать, чтобы никто не мог прочесть его мысли. Позже он тоже такое практиковал, когда особенно красноречиво про заговор ползунков вещал Вилариба и Боцман поддавался на эти бредни, мол, ползунки управляют нашим миром и за всеми сверху следят. Не думать совсем трудно, а главное непонятно, что это даёт... пора вытрясти эту околесицу из головы... Лишь объятия любимой помогают избавиться от ощущения всепроникающего наблюдения за тобой невидимого наблюдателя, а ещё бухло в больших количествах и без закуски. Или полная озознанность – когда ты настороже и сам наблюдаешь за всем миром. Зарываюсь в родные кудряшки...

– От тебя пахнет крышами, – сказала хранительница очага и всех местных ползунков спустя наслаждение-другое.

– Плохо?

– Свежестью... и чужаком.

– Я свой!

– Докажи...

И снова зашуршали ползунки.

Магистр

Беру со стола колокольчик, он выдаёт крайне мелодичный звон. А ещё этот звук пугает секретаря. Он ведь знает, что любой звонок может стать последним для кого-то... и для него тоже. Серый преданный мышонок светит в меня взором обожания и верности. Так и надо.

– Мэра ко мне...

Мышонок исчезает и через минимальный отрезок времени является запыхавшийся мэр. Зажрался... как ни меняю столичных градоначальников, а всё одна история: беру из провинции молодого и бойкого, глядь через пару лет – уже сановный и лоснящийся, а через пятилетку и вовсе борзый боров. А из зажравшихся свиней особенно хорош холодец. Варварское блюдо, но вкусное. Я его позволяю себе на новый год.

– С рынка Ломжи получаешь мзду?

Хитрые глазки опустили долу.

– Не больше, чем все.

– Сжечь...

– Как сжечь? Кого сжечь? – засуетился уже не такой и важный начальник.

– Дотла! – прошипел я своим фирменным шипом и так на него посмотрел, что сальный шарик выкатился из моего кабинета быстрее футбольного мяча после удара пенальти.

Вот сколько борюсь с коррупцией и не могу её победить. Сам взятки не беру. Другим не разрешаю, а они знают, что нельзя и всё равно берут. И куда им золото, на тот свет что ли? И главное, чиновник или стражник берёт на своём околотке, отдаёт наверх и так до меня по вертикали власти бегут потоки нигде не декларируемого золота. Спускаю сверху проверяющих, начинают брать уже они... и где найти проверяющего для проверяющего? Власть – трудна и не так кайфова, как кажется простолюдинам снизу пирамиды. Тяжело быть королем, а ещё тяжелее – магистром, занявшим трон королевы. Помнят они... королеву. Любят фантом. Пра-пра-правнуки тех, кто видел её, рассказывают небылицы. О том, как при ней было хорошо. Не было! За годы моего правления экономика выросла в несколько раз! Ни в одном соседнем государстве подобных темпов роста не наблюдается. Жить стало лучше, жить стало веселее! А они всё талдычат байку, про то, что вот королева проснётся – тогда заживем! По легенде, нужно ударить в колокол и тогда чары рухнут. Я точно знаю, что это не так... но всё равно по ставшей привычкой схеме подхожу к телескопу и смотрю на башню: колокол – есть, а под ним – никого...

Боцман

За завтраком Эльза выдала новость дня:

– Базар на Ломже сожгли...

Я чуть не поперхнулся яичницей, благо моя малюточка так жახнула меня ладошкой по спине, что бело-жёлтая субстанция вылетела оттуда, где ей быть не положено, но далеко не улетела – я захлопнул рот и скатерть не пострадала...

– Ка-ак сож-ли? – интересуюсь, одновременно прожевывая горячую вкуснятину.

– Дотла... серые не дали торговцам даже забрать свой товар... так и сгорело всё! Теперь только на Боа и ездить... но это в три раза дальше...

– Ма-ист лю-ту... – я посмотрел вокруг... вроде никого постороннего нет, а чего я тогда так боюсь?

– И не говори... – прошептала мне на ушко благоверная.

А вот после обеда я столкнулся с бунтом малолеток.

– А почему без нас?! – начали бузить пузыри.

Шкет молчал, лишь в глазах читался тот же вопрос, но чуть переформулированный: "ну ладно, без пузырей, но почему без меня?"

– Есть такие змеи, которых надо выпускать в небо одному. Не знаешь: получится или нет. А вдруг я опозорюсь, да перед всей честной компанией. Я же не смогу показаться на глаза ни вам, ни даже своей любимой (Эльза как раз проходила

мимо и её обязательно надо вставить во фразу, а точнее во фразе обнять). Правда, клешня до её стана не дотянулась и с "обнять-поцеловать" пришлось временно погодить.

– А какого змея ты запускал?

– Акулий плавник с обратной стреловидностью.

– Да таких не бывает!

– Не было, а теперь будут.

– Покажи!

– В музее Серой стражи.

– У-у-у! – когда эмоций больше, чем мыслей, изо рта вырываются только простые звуки.

Много ходило слухов о том, куда деваются захваченные стражей змеи. Одни говорили, что их сжигают на кострах, другие – что только рвут на полоски для розжига. Но самая волнующая юные умы версия была про музей. Якобы в одной из камер тюрьмы есть музей добытых стражей змеев. Попасть туда была одна из глобальных идей мальчишек от пяти лет до... сколько мне сейчас? Ведь и я бы полез. Только я в музей не верю. Но полез бы ради мальчишек. Чтобы выяснить, что к чему и легенда либо разбилась бы о правду жизни, либо стала как его... эпосом, или снова легендой, но уже живой. Иногда для мифа нужна только ложь, но иногда нужна кровь. Кровь добавляет силы и миф дольше помнят. Он даже может стать предметом веры, тогда на его мельницу может политься новая кровь и это добавит ему силы и продлит жизнь. В копилке зазвенят деньги. Только почему-то

мне представляется другая картина – не музей, а обычная свалка, где мокнут под дождем и быстро теряют форму поломанные противозаконные змеи.

– А как ты его потерял?

– Пришлось уходить по мосту влюбленных, а он узок, вот я и сбросил змея в воду, но он не послушался и нырнул на площадку, где обычно целуются сами знаете кто...

– Тили-тили... – но пузыря оборвал Шкет.

– Там его серые и заграбастали.

– Крысы пархатые!

– Тише, тише, они же официально охраняют спокойствие наших снов.

– Офис-сиально... – сплюнули мальчишки, а я, в который уже раз отметил, что есть, есть на кого оставить местный бардак.

С мальчишками мы вышли на площадь Свободы (ныне площадь Согласия), в центре был установлен одноимённый памятник, на постаменте вечно куда-то кого-то звала полуголая женщина по имени Свобода, которая по велению магистра стала Согласием – только табличку и поменяли, а саму фигуру не тронули... а рядом с постаментом сегодня стоял в одиночном пикете Изя. Он всегда боролся, боролся по любому поводу – то за права животных, то за экологию, то за гражданские свободы. Вот сейчас стоял с листком бумаги, на котором было написано «Соблюдайте Конституцию». А около него глумились пионеры, скоро так дело может дойти

до помидорометания...

– Идите на ..., пионеры! – задал я им вектор движения, а поскольку возглавлял целую стаю мальчишек, то от моих слов было не отмахнуться.

– Боцман, по тебе околоток плачет! – процедил один из магистровских пионеров с красным галстуком на шее, такой своего отца заложит ради нового значка на груди. Я лишь сплюнул в ответ. Пионеры сдриснули.

– Изя, сейчас же серая стража тебя заберёт, – констатировал я, после того, как мы поздоровались.

– Одиночные пикеты разрешены! – горящие глаза, горящее сердце, чистые руки... вот он – типичный революционер. Только у нас нет революционной ситуации. Всё в магистрате наглухо законопачено... наверное, котёл рванет, но не сейчас...

– Ну, смотри...

Я пошёл в ближайший бар и заказал себе пиво, а мальчишкам – мороженое. Устроились мы за уличными столиками под зонтиками. Как я и предполагал, скоро приехали серые и забрали сопротивляющегося Изю... мы не по Конституции живём, а по прямым и конкретным приказам магистрата. Уж скорей бы королева проснулась, что ли...

Утро. Дом. На руках ношу Эльзу. В календаре не значится официального праздника или другого какого повода для такого эксцентричного способа передвижения супруги по комнатам – просто у меня в душе клокочет соответствующее на-

строение. Если вы просто так, а не ради чего-то, никогда не носите свою любовь на руках, я вам не смогу ничего объяснить, а если носите – зачем разжевывать очевидное? Я кружил мою радость, орал неофициальный гимн королевства Зелёных холмов "Проснись королева!" и умудрялся при этом иногда даже притоптывать.

– Какая-то ты тяжёлая сегодня, – совсем не по-комплиментски заявил я.

– Наглоталась ночью звёздной пыли, – не задумываясь, ответила моя полногрудая кудряшечка.

– Мда, – только и смог сказать я до поцелуя, а после него говорить и вовсе разучился.

Хорошо, что не разучился кое-что другое делать. В тот раз она об этом не сказала, а вот на следующий день...

На следующий день в дом проникло ужасное слово "тёща" и никакими антикошмарными средствами его вытравить не удавалось. К нему стали прирастать другие жуткие слова: "поехать", "скоро" и особенно убийственное: "завтра". Не хотел я ехать в Анихею, но пришлось, там жила ненаглядная тёща моя, а точнее будет сказано: мать Эльзина. Аргументы типа: опять? зачем? а может быть не надо? были отвергнуты одним махом (ну, если быть точным – одним ночным махом). И мы стали собираться в путь-дорогу. Собирались долго, так как необходимо было уместить много вещей в минимум поклажи. У моей благоверной это дело получалось гораздо лучше, чем у "меня-однорукого", я стал ве-

сти разговоры-уводки-от-ответственности, мол, что-то локтевой сустав ломит и ноет, пойду натру змеиной мазью (для лекарственных мазей лучшая змея – это кобра)... наверное, циклон идёт к нам... далее, охающий и ахающий я-квинтэссенция-лени дезертировал на крышу, чтобы последний (или крайний) раз поближе взглянуть на наше небо, ведь там где тёща – небо не наше. Главная задача сборов: не допустить того, чтобы в наш багаж пробрались ползунки, но вроде бы всё обошлось – ни один "заяц" легче воздуха не пробрался в многочисленную нашу поклажу, которая органично поместилось на двухколесном возке, в него – в свою очередь – органично впряглись (практически без моего участия) два очаровательных пони, ибо на лошадей денег не хватило. Под восторженные крики провожающих нас мальчишек мы тронулись в путешествие, рассчитывая вернуться в любимый дом на набережной где-то через месяц-другой. Эльза взяла отпуск за свой счёт (других просто не давали), срок которого сделан из резины, а меня уволили за то, что работу выполнял хорошо (правда понятие хорошо у меня и у моего начальства не совпадали) и я, таким образом, вообще стал свободной птахой. Таможню у ворот миновали без приключений, только в нашей мошне стало на одну деньгу меньше.

Пони перешли с медленного шага на очень медленный, таким недвусмысленным образом давая понять: хозяева, вы там делайте что хотите, а нам надо мальчика передохнуть и немного подкрепиться. Мы намек поняли и сделали привал;

я стал распрягать наших гордых коней, а Эльза расстелила клеёнку и организовала дорожный перекус. Перекусывали чем Бог послал: яйца, лук и огурцы с помидорами составили салат, сало и чёрный хлеб – бутерброды, вода и фрукты – десерт. А пони стали вволю щипать сочную траву и ею довольно хрустеть. С этими понями (нравится мне это неправильное слово) вообще отдельная история, купили мы их, а точнее будет сказать, арендовали на неограниченный срок у одного колоритного старика с золотой серьгой в ухе, который при совершении сделки как-то странно улыбался и приговаривал: "Хорошие пони, добрые", и шурился так хитро. Сторговались, значит, с ним и я повел домой с рынка Буцефала и Йорика – так звали наших "залихватских удалых скакунов". Хотя лучше бы их назвали наоборот, ведь Буцефал был доходячий и какой-то глючный, а Йорик – сама энергия и мощь (наверняка лишние в таком малом объеме лошади). Вот и сейчас Буцефал ел траву привередливо, выбирая клевер и цветочки, а Йорик счищал всё без разбору, как газонокосилка, только челюсти ходуном ходили, да ещё и копытом себя подбадривал: ударит и ещё быстрее челюстями задвигает – типа веселей так траву жрать.

Когда мы всей нашей дружной компанией наелись (каждому досталась своя еда), я улегся навзничь и, закрыв глаза, стал слушать не только ветер: Эльза достала флейту и заиграла старую народную песню: "ту-ту-ту, ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту..." называлась она просто (как все гениальное): "Вче-

ра", только не по-нашему а по-ненашему. И тут что-то случилось, что не дало мне нормально насладиться музыкой в темноте – меня толкнули в бок, я, нехотя, открыл один глаз и посмотрел во внешний мир. Эльза, не отрываясь от флейты, показывала взглядом на поляну. Я приподнялся и увидел такую картину: Буцефал поднялся на дыбы и махал передними ногами, как на параде головной начальник (не знаю я, как их по протоколу величают) дает отмашки пестрым штандартом, а Йорик скакал вокруг него, да не просто скакал, а с вывертами, в рваном темпе и лихими подпрыгами с маханием ногами. Так мы узнали, что приобрели не простых пони, а цирковых. А циркачи бы своих любимцев не продали бы так задешево, значит что? Значит, мы приобрели не простых пони, и не простых цирковых пони, а цирковых краденых пони. Такие дела. В дальнейшем, мы развлекали танцами "ученых карликовых лошадей" (так мы объявляли выход на арену Буцефала и Йорика) посетителей придорожных таверн и прочих заведений быстрого питания и легкой выпивки с тяжёлым характером выхода из организма. Платили нам в основном бесплатной едой или мы сами покупали еду на вырученные деньги – способы разные, результат одинаковый: хватало набить собственное брюхо и на добротный овес для наших непарнокопытных тружеников.

А в остальном дорога была как дорога: верстовые столбы через каждую версту и природа, природа, природа во всех своих проявлениях между ними. Да ещё люди и кони попада-

лись в попутную с нами сторону и навстречу, одни обгоняют без эмоций, другие просто улыбаются и смотрят на наш возок и коняшек или отпускают шутки, разной степени смешливости, – зрелище мы действительно представляли собой неординарное, ну а уж если я говорил, что еду к любимой тещё, то получал выпивку и сочувственные хлопки по плечу. Халяву получал, ясное дело, только от мужиков женатых, ведь от холостых дурней только приколы сыпались, ну уж они сами попадут в такое же положение когда-нибудь.

А ещё случай был: мимо нас проезжал добрый молодец в добром же состоянии духа, то есть уже практически ничего впереди себя не различающий, нам ещё повезло, что он нас не сверху решил обогнать, а, как и положено правилами – слева. Ну, а навстречу ему тоже добрый молодец и что характерно тоже не лыком шит, а под завязку заправился на ближайшей заправке всем, что заливали за воротничок кольчуги – и столкнулись они лоб в лоб (потому что один свесился с лошади слева, а другой – справа), и упало два тело на землю, то есть сначала был звонкий "Бац!", а потом глухие два "хлобысь" и "хлобысь", почти слившиеся в один большой «хлобысь». Короче, такого, пусть и не сыгранного дуэта я не слышал никогда – но выдали они порцию отборной какофонии, что называется от души и для души. А как выдали – так и затихли, обняв друг друга в железных латных объятиях. Кони их стали около хозяев, и дорога стала временно непроезжей. Ибо мало охотников распутывать двух пьяных

рыцарей друг от друга и оттаскивать их в придорожную канаву – а ну как они проснутся и им не понравится, что их распутывают и оттаскивают?

На очередной зелёной стоянке я протянул нескольким муравьям бревно для них, а для меня соломинку и они её (или его?) опрыскали охран-жидкостью. Дегустировали напиток губы и язык Эльзы.

– Кисленько! – сказала она и добавила: – Но вкусненько. И попросила добавки. Молча. Одними глазами.

Мы любили друг друга, и поэтому нам совсем не было кисло или горько. И нам не мешали муравьи, а мы не мешали муравьям. Столько эмоций, а всего на всего один привал на дороге. Лепота!

Только вот шквал налетел, да так, что унёс часть нашего лёгкого скарба. А потом ударил ливень. Что это был за ливень! Он лил со всех сторон, он бил упругими струями и прижимал все к земле, а потом от неё же отрывал, он мочил всё живое и неживое и снаружи и изнутри! А молнии сверкали так густо, что казались сверкающим лесом, только росшим корнями в небо. Мы с Эльзой кое-как привязали наших пони под дубом и сами дрожали рядом, обнявшись.

– А молния не ударит в дуб? – прокричала мне в ухо промокшая до нитки и испуганная до пяток жена.

– Не бойсь, всё будет хорошо! – я дерзко улыбнулся, хотя боялся так же сильно, если не больше.

И молния ударила в дуб... но не в наш... а рядом... и мо-

гучее дерево треснуло от огненного удара и часть ствола отломилась, а пламя охватило крону, но быстро потухло – никакой огонь не мог долго жить под хлесткими струями ливня.

Буря кончилась так же внезапно, как началась и уже скоро мы с Эльзой обсохли и пили горячий чай, в котором коньяка было больше, чем чая... мы и наших миниатюрных коняшек напоили, и те обалдевшими глазами смотрели на мир, видимо, не веря, что живы...

Однажды мы с Эльзой заплутали, точнее, заплутали наши пони, а уж вместе с ними в лесу потерялись мы. И достигли мы какого-то глухого места и в том урочище неприятном перед нашим взором вырос частокол с воротами, над которыми красовалась надпись: «Труд освобождает». Нас остановил дозор серых и в грубой форме потребовал, чтобы мы повернули... задницы наших пони восвояси. Мы так и сделали от греха... и снова выбрали не ту дорогу. Несчастливый это был день...

Колонна двигалась неровно, люди еле передвигали ноги... в полосатых робах худые и небритые... и конвоиры мордатые, лоснящиеся от хорошей кормёжки, с арбалетами и плётками в руках... и лающие овчарки...

– В сторону... – нас обложили хлесткими матюгами, Буцефал и Йорик как-то съёжились и сошли с дороги... они дрожали, а больше наших пони дрожали мы... невозможно было отвести глаз от вереницы этих худых измождённых лиц,

этих просящих еду глаз, этих плетущихся фигур... к нам тянули тощие руки, но под арбалетами мы ничего не смогли передать заключённым... только Эльза изловчилась и сунула в руки самого ловкого в полосатой робе краюху хлеба...

А я увидел Кротова... худого, забитого... наши глаза встретились... и он что-то прошептал... «Скажи, что я жив...» или «Скажи, что я мёртв»... видимо так или не так я понял, читая по его губам, – и что я скажу его родным? Я хотел выхватить нож и проткнуть ближайшего охранника... но что бы это дало? Нас с Эльзой застрелили бы... да и заключенные не подняли бы бунт... они слишком измождены... нет шансов... во мне никогда не было столько гнева! Я понял, что магистра нужно убить. Без затей, просто убить... или ударить в колокол, чтобы королева проснулась, а потом убить магистра.

– Может, магистр не знает... – прошептала Эльза и заплакала.

– Он всё знает! – я обнял рыдающую мне в грудь жену и стал гладить её ладонью по волосам... – Но ничего, рано или поздно ответка ему придёт! За всё!

Наверное, так и становятся революционерами.

Шут

В детстве я разговаривал с ягодами.

– Привет ягодка, как переночевала? Я тоже спал хорошо и видел сны, ты, наверное, видишь красные сны, а я – больше фиолетовые, хотя, иногда приходят и красные, они самые сладкие, но порой бывают противными, когда сахара чересчур много. Но красные никогда не бывают страшными, а фиолетовые интересные, но иногда аж вздрагиваешь – настолько жутко и достоверно. Ты не боишься? Я рад. А чего бы ты хотела от жизни: быть съеденной; сгнить никому не нужной; быть растоптанной чьим-то башмаком (копытом) или иссохнуть от жары? Ты не определилась. Тебе всё равно. Это травянистая позиция: что выросло, то выросло. Траве это без разницы: где и как расти. А потом приходит садовник и всё что выше нужного уровня – вжить и нету. Но ты же ягодка, тебе нужна цель! Хочешь, я обниму тебя своими губами и волю в себя? Ты ещё недостаточно созрела для этого? Ладно, подожду.

А потом я перестал слышать ответы ягод. Я стал важным и посчитал ягоды глупыми, а себя соответственно наоборот – шибко разумным. Гордыня слопала меня. На самом деле это ягоды перестали со мной разговаривать – зачем общаться с бумажными цветами? Бумажным цветком стал я. Много позже, выпарив из своего тела не один пуд соли, я перестал

недооценивать ягоды и снова между нами завелись шепучие червячки диалогов.

Как я стал шутком? Вы не задали этого вопроса? А мне всё равно, рассказ уже впивается мне в зубы с их внутренней стороны, и я выпускаю его на волю.

Давным-давно, когда я ещё верил в случайность или случайность верила в меня, что абсолютно одно и то же, если вдуматься в эту глупость, хотя зачем вдумываться в глупость – мы все ищем залежи мудрости? Так вот, очень много лет назад я нашёл пару страниц из книги, название которой, как и её автора, невозможно было определить (в нашем королевстве так часто бывает, хорошо ещё, что у королевы сохранилась неплохая библиотека, а у других – труба, даже лупоглазики жалуются на недостаток книг). У меня уже тогда с памятью было все в порядке, и я запомнил эти листки до последнего знака препинания. Привожу текст полностью и дословно (ни единой запятой не изменил – пунктуация и орфография автора сохранены).

Два одинаково не запоминающихся существа влетели в комнату артиста.

– Здравствуй, мы хотим предложить тебе роль, – сразу перешло к делу одно из них.

– Привет, несуществующие, вы предлагаете мне роль? – артист попытался изобразить удивление, но это плохо у него получилось. – А вы видите меня сейчас?

– Да, мы получаем трехмерную картинку.

– В цвете, надеюсь?

– Разумеется.

– Ну, тогда вы должны видеть, что я выгляжу, мягко говоря, никак, – артист сказал слово "никак" с непонятной интонацией.

– Нет, мы этого не видим.

– Да что вы говорите? – артист вскочил с постели, в которой кроме него находились две девушки (судя по всему несовершеннолетние), и выбежал из спальни.

Существа неслышно вылетели за ним.

– Теперь можно поговорить по душам... – артист сделал паузу непонятно зачем. – Прилетели, понимаешь, тратите чёрт знает сколько денег на поддержание двухсторонней связи в режиме реального времени, и ни хрена не замечаете! Да, посмотрите на моё лицо, где мимика, где выразительность, где игра чувств? Это не вопрос, можете не напрягать своих электронных болванов. Точнее это был риторический вопрос... Эмоций – нет! это лицо ни на что не способно! – артист оттянул свои щеки и стал их мять, потом ударил правой ладонью себе по лбу. – Я не умею шевелить ушами, брови почти не двигаются... А голос? Послушайте: "А-а-а-а!" – он попытался напеть что-то и сфальшивил. – Слышите? Слуха нет. У меня нет слуха! У меня, раньше различавшего малейший дефект в звучании камертонов, напрочь отсутствует слух! Да лучше бы мне член отпилили тупой ножовкой! Далее... ещё раз слушайте: "А-а-а-а!" – он опять что-то изобраа-

зил. – Когда-то я мог вытянуть диапазон в три октавы, а сейчас? Скрип несмазанной двери, а не голос! Где былой диапазон?! Этот мерзкий голосишка выпиливает лобзиком по моему сердцу иероглиф под названием «Боль»! Стоит ли говорить, что я не могу танцевать? Ходить по канату я тоже не могу, простейшие движения мне не доступны, – он ударил себя по животу. – Здесь был пресс с кубиками! А сейчас я – лысый толстяк неспособный десять раз подтянуться на перекладине! Но вы не знаете, наверное, самого страшного? Сейчас я вам это скажу. Я не могу даже над собой посмеяться! Видите улыбку? – артист попытался улыбнуться, получилось у него это очень плохо. – А смех? Ха-ха-ха, – вам видно это во всех подробностях?

– Вы великий артист, – сказала одно из существ.

– Что? А, ну да. Я не буду кокетничать и отрицать то, что я великий артист. Но, вы забыли сказать в своем предложении один маленький глагол: "Был". Я был великим артистом.

– Если вы выполните то, что мы вам предложим, тогда вы попадете в другой мир.

– В мир с прыжками?

– Нет.

– А мне не нужен новый мир без прыжков, – существа не услышали обреченности в голосе (а она там была). – Мне хватает и этого...

– Мы сможем переправить вас в мир, в котором хотя и нет прыжков, зато есть возможность попасть в мир с прыж-

ками... – вступило в разговор второе существо.

– С этого и надо было начинать, а то ломали тут понимаешь дешёвую комедию... Что я должен сделать?

– Сыграть шута.

– Что?!!

– Сыграть шута.

– Вот с такими данными?!

– Да.

– Нет, несуществующие здесь, вы просто чудо как разумны, это же надо до такого додуматься... я восхищаюсь вами! – артист налил себе коллекционный коньяк и, наплевав на ритуал принятия в себя этого благородного напитка, выпил его залпом.

– Я сыграю шута, да, я сыграю шута! – повторил он, смакую слова. – Даже если мне придется умереть от рук жестокого тирана, лишённого чувства юмора, я все равно сыграю шута так, как его не могут визуализировать настоящие шуты!

– Вы будете служить не у короля, а у принца, который при удачном раскладе станет султаном на Веронии, но он действительно может лишить вас жизни за одно неверное слово.

– Но если я удачно выступлю, вы меня отправите в мир, из которого можно попасть в другой, уже с прыжками?

– Да.

– Я согласен.

– Никакого гонорара сверх оговоренных условий.

– Мне не нужны подачки.

Существа пару секунд помедлили, а потом открыли для артиста окно перехода. Он шагнул в мир, где он должен будет играть роль шута, смешающего всех вокруг под ежеминутной угрозой плахи и топора.

Магистр

Ну что за люди в наше время? Сопляки... где демиурги, где герои, где просто добросовестные работяги? О подвигах даже говорить не хочется... украсть, стырить, повернуть дельце ещё могут, но так чтобы вырвать сердце из груди и осветить тьму, чтобы вывести соплеменников из лабиринта... нет, что вы... о чём сейчас говорят обыватели? Кто и где будет отдыхать... курорт Золотые пески – предел мечтаний. Ну, ещё дом, белый дом, с зелёной лужайкой и качелями, два этажа, фикусы на окне... мещане! На юге нацисты коловороты поднимают голову. Кто будет с ними воевать? Вот эти белые воротнички, которые не могут представить, что такое битва в грязи после дождя, кровавый понос во время осады и протухшее мясо на обед (ибо кто-то наварился на поставках армии и отправил туда залежалый товар). Война неизбежна! А воевать почти некому... ладно ещё я загодя приготовил мои легионы смерти... Ещё один насущный вопрос: кто будет модернизировать промышленность, если смены по 5-6 часов люди считают чуть ли не рабством... отпуск в 40 дней, плюс «мамины и папины» дни... и как в такой тепличной обстановке поднимать экономику, как обеспечить рост валового продукта выше, чем у соседних государств? Да у нас 99 процентов людей и знать не знают, что такое ВВП... И ведь я кропотливо уже более двух сотен лет ращу правильных лю-

дей с помощью правильных учебников в школах и правильных школьных и вузовских учебных программ, а вырастает всякая сволочь! Вот так сажаешь в землю цветок, а рядом с ним из почвы лезут сорняки, их нужно выпалывать, да и цветочки иной раз надо подрезать, а то лезут во все стороны, куда не надо...

Сколько раз я смотрел в умные, преданные глаза своих помощников, терпеливо объяснял им задачу, потом спрашивал: «Поняли?» Мне кивали и заверяли, что исполнят всё и в срок... и что же? Задержки, брак, преступления и ещё хуже – ошибки... причём ошибки раз из раза повторяющиеся. Кнут и пряник применял – толку ноль. Только смерть исполнителя может избавить от его ошибок... но проблема в том, что на место устранившегося винтика в механизм нужно завернуть новый винтик. Иначе государственная машина начнёт рассыпаться... А где взять столько безупречных винтиков? Многие идут во власть, чтобы решить свои меркантильные интересы, кое-кто думает, что обогатится или станет влиятельным и можно будет раздувать щёки и оттопыривать губу перед соседями и однокашниками, и уж конечно власть даёт бонусные проценты в сексуальной привлекательности. Иногда во власть идут идеалисты, которые хотят изменить мир к лучшему. Да много какого сброда рвётся до штурвала, но итог один – редкий сородич избежит искушения коррупции, плюс начинается клановость: своим – всё, остальным – закон. А любая служба по борьбе со злоупотреблениями сама

начинает злоупотреблять и так до бесконечности...

Я закрыл глаза. У меня нет друзей, я один, совсем один. А если я уйду – всё в государственном аппарате развалится, а саму страну раздербанят на мелкие лоскутки, на окраинах уже набирают силы сепаратисты. Да карательные экспедиции пока эффективны, но насколько этих паллиативных мер хватит? Зачем кормить столицу? Известный лозунг. И неискоренимая вера в королеву. Вот она проснётся, и тогда эти бесхребетные людишки заживут... наивные глупцы. Только при мне вы живёте! А без меня будете бедствовать и выживать. Но простолюдины не способны заглянуть даже в завтрашний день, а о послезавтра они могут только мечтать... белый домик, зелёная лужайка, отдых на Золотых песках... схема отработана и всё идёт по плану.

Боцман

Уже на просторах Анихеи я отчётливо понял, что фрукты у наших южных соседей нажористее, а вот дома почти как у нас – тоже в основном серые, только украшены ярче и богаче. Но зелёные холмы – тут уж режьте меня семеро – зеленее у нас и девки краше! Эльза не даст соврать.

На пороге необъятного дома, крытого красной черепицей (а значит, она была сварганена ещё до утраты секрета прочных красок) нас ждала бабища необъятных размеров, а именно – Клара Ивановна Чегеварова собственной персоной.

– Здравствуй, доча, здравствуй, любимый зятек, а исхудал-то как! – всплеск руками, на которых нет ни складки жира, а есть лишь внушительные мышцы. – Эта шалопутная девка, наверное, тебя плохо кормит, Эльза, так нельзя! – два всплеска руками, ну а дальше понеслась старая песня о вечном...

Тёща думает, что если она к моему приезду напекла блины (со сметаной, с вареньем, с фаршем и с икрой – с настоящей чёрной и красной икрой, добытой браконьерами прямо сегодня и сегодня же скушанной, а не с той икрой, что разные шаромыжники продают в своих лабазах и дерут за неё втридорога), сделала: пирожки с мясом, с картошкой, с мясом и картошкой, с луком и яйцами, с рыбой разных сор-

тов, с грибами; приготовила: пельмени (с мясом и отдельно с капустой), артишоки, кабачки, салаты (всех их и не упомянешь, но очень вкусные), стейк с кровью, манты, тосты, бутерброды, торты (один большой и несколько малых), пудинг и ватрушки; достала: варенья, соленья, икру, вяленое мясо и сыр; порезала: свежие овощи, фрукты, зелень; извлекла: только что собранный с пасеки мед, шоколад; поставила на стол: чай (чёрный, зелёный, красный), кофе, какао, водку, наливку, коньяк, вино, пиво, портвейн, самогон чистый как слеза бездомного ребенка, джин, бальзам и что-то в глиняной бутылки (это я никогда не успеваю попробовать), то она этим всем показушным хлебосольством произведёт на меня впечатление. Шалишь! Меня таким обжорным рядом не удивить! И вот тут я безбожно вру. Путь к сердцу зятя лежит через желудок.

Через н-цать минут из верхнего окна дома тёщи раздался её зычный бас (никаких контральто, умники, это был бас – я сказал):

– Мой любимый боцман (это типа я) уходит завтра в море!..

– И никогда он больше не вернется в край родной... – это уже я подпевал.

– А всё-таки вернётся, он к теще на блины! – получи Боцман не в рифму, а в глаз.

Идиллия была прервана самым кошмарным образом: из нашего саквояжа (свиная кожа отменной выделки – практи-

чески единственная путевая вещь в нашей коллекции чемоданов-сумок) вылетели два ползунка, один – белый, другой – чёрный. Я узнал их – это были два самых бесшабашных обитателя нашей квартиры, они часто дрались под потолком, в то время как мы с Эльзой...

– Это что такое?! – оборвала поток моих мыслей Клара Ивановна.

– Это ползунки... – промямлил я. Как потом сказала Эльза: у меня был совершенно идиотский вид, хотя я думаю, что вид может быть или идиотский или не идиотский, но никаких градаций типа совершенно, или абсолютно или наиболее идиотский – быть не может, но это, конечно, лишь мое личное мнение.

– Да вы знаете, что бывает за их контрабанду?! – голос Чегеваровой добрался до потолка верхнего этажа и отразился по всем многочисленным комнатам эхом.

– Смертная казнь... – я икнул и...

Позже Эльза утверждала: "Упал ты, Боцман, лицом в салат оливье", а я же, протестировав память, безапелляционно заявил: "Достойно прилег на свою правую руку". Правда, какие-то подлые кусочки овощей и колбасы хорошо вываленные в майонезе почему-то оказались у меня за левым ухом и между волосами (а волосы, интересно делятся на левые и правые?) Но это случайность – однозначно!

Королева

Прекрасно, в деталях вижу, как в цветном экране, магистра, тирана, кровопийцу. Но мне его не достать, посему попытаюсь быть объективной. Я помню Маркела высоким и статным, а теперь он выглядел худым, слегка сутулым с грязно-седыми длинными и сальными волосами, весь он был каким-то потрепанным жизнью, видимо, он не сразу нашёл рецепт вечной жизни в тайном отделе библиотеки. Или это злость его так изъела изнутри. Интересно, если брать в среднем, то худые и высокие люди менее добры, чем невысокие толстячки? Но как проверишь такое? Учёные занимаются многим, но бесконечно большим они не занимаются – руки и умы не доходят...

Как всякий тиран и кровопийца, магистр был до чрезвычайности сентиментален. Он мог подписать десять смертных приговоров за раз, но даже и мысли не мог допустить, что его любимые сиамские кошечки останутся без теплого молочка утром. К пушистым и усатым особам приписали личного повара с наказом: не дай боже допустить какую-нибудь, пусть даже самую мало-мальскую оплошность в приготовлении кушаний для любимых крошек магистра – тут же в кандалы и на рудник, с которого не возвращаются. В данный момент свои обязанности исполнял уже шестой кулинарных дел мастер по счёту и, судя по всему, скоро его сменит седь-

мой повар – уж слишком подозрительно долго он оставался на своем месте и не совершил пока ни единой промашки – да, это было подозрительно, но не мог же магистр лишиться (пусть и на один день пересменки) своих любимцев полноценного питания? Как на это отреагируют Мэри – старшая и самая привередливая кошка, не говоря уж о молодой красотки Люси – любимица из любимиц магистра, а доблестный ловелас Артур – он же может обессилить без паштетика из гусиной печени, как он будет соблазнять своих многочисленных поклонниц? Нет, видимо, и сегодня шестому повару повезет – он обойдётся без тяжёлых украшений на руках и ногах. От дел государственной важности магистра отвлек деликатный кашель секретаря.

– Ну что там ещё? – спросил повелитель третьего магистрата.

– Ночные сводки, – шарканье ножкой и низкий поклон, все формальности соблюдены, но все равно магистр с удовольствием удавил бы гада-секретаря, но где найдёшь ему замену.

– Давай их скорее сюда и выметайся, а то ещё потревожишь Мэри, она только что заснула!

Секретарь на цыпочках прокрался к креслу, в котором среди подушек и пледов утопали кости магистра, и передал бумаги.

– Вон, скорее вон! – шёпотом завопил любитель кошек, и этот повелительный шёпот догнал секретаря и пригвоздил

того к паркету, но изворотливый придворный и "смертельно раненным" смог убраться из кабинета восвояси.

В сводках не фигурировало ничего интересного: ни обнаруженного заговора, ни раскрытого злодейства против магистрата, ни упоминаний о бунте, ни живых картинок с мест массовых беспорядков. Одна скука: пьяная драка в баре, два запускателя змеев на доме судьи мешали своими противоправными действиями добропорядочным людям спокойно спать. А именно – выкрикивали непристойности. Цитаты записаны, сами нарушители – не пойманы, магистр сделал пометку: наказать нерадивых стражей, которые упустили шанс повысить свое звание, проявили в этом некомпетентность и теперь им придется проявлять её на более низком уровне служебной иерархии. Кроме этого необходимо издать указ облагающий бары дополнительным налогом на спокойствие – это уже была вторая пометка. Решив, таким образом, все дела – он отложил бумаги и стал наблюдать за кошками, это занятие умиротворило его холодное сердце и погрузило в дрему. Тут-то к нему и явилась королева...

– Привет, магистр! – сказала я не слишком громко, чтобы старикан не проснулся от испуга.

Магистр задрожал и стал плевать – не слишком вежливый приём в своих покоях дамы, а тем более королевы! Мне стало понятно, почему он до сих пор холостяк. Одних кошек ещё могла бы терпеть женщина, но смириться с брызжущей во все стороны слюной и трясущимся подбородком – нет,

уж, увольте! Лучше остаться старой девой. По крайней мере, настоящая женщина такого букета недостатков не стала бы терпеть.

– Ты, опять ты... – заскрежетал зубами Маркел (я называла его просто Маркелом без титулов – ещё чего титулы прибавлять к имени этого самозванца!) – Ты сон, ты просто сон!

– Не просто сон, а твой эксклюзивный кошмар! А скоро могу стать и явью, – делаю отмашку бровью, чтобы знал, собака, с кем разговаривает.

– Нет, тебя никто не разбудит! Я принял меры.

– Недостаточные меры, но всё ещё можно изменить. Давай сыграем в шахматы, выиграешь ты – я никогда не проснусь, ну а если мне повезет – твоему магистрату... – тут я употребила слово не достойное особ королевских кровей и даже парламентариев.

– Я плохо играю в шахматы.

Ложь как бритва отрезала кусочек добра от его существа и этого уже не вернуть, не исправить, не изменить, с этим можно только смириться, обдумать, сделать выводы на будущее. Да ещё наблюдать, как тёмная взвесь неприятного осадка навсегда осталась внутри светлого в общем-то существа.

– А я что, хорошо? К тому же ты можешь советоваться с гроссмейстерами, а я тут одна без поддержки, бедная всеми забытая девушка... – это сколько же воды я вылила на мельницу госпожи Лжи?

– Чур, я белыми!

– Тогда я чёрными! – пусть порадуется, дурашка.

– А не обманешь? – спросил магистр, расставляю фигуры.

– Честное благородно, если выиграешь – засну вечным сном! – несчитовая клятва, во-первых, я за спиной держала крестик из пальцев, а во-вторых, это же не вещей, а самый что ни на есть обычный сон (в таких вещах очень важны нюансы, которые магистр не ловил, как его любимые кошки не ловят мышей).

Я расставила свою чёрную армию и та застыла в ожидании хода белых, те не заставили себя долго ждать и пешка на вертикали "е" выдвинулась вперед. Я не успела ответить – магистр проснулся. Пробудившись ото сна и решив, что его посетило вещее сновидение, он приказал установить в своем любимом кабинете шахматную доску и сходил (как и во сне) e2 – e4. Партия началась! В следующем сне я ответила e7 – e5. А на утро к ужасу магистра кто-то в соответствии с моим ходом передвинул чёрную пешку. Уже наяву!

Дознание, учиненное Маркелом, ничего не дало – все имеющие допуск в магистровские покои клялись и божились, что не прикасались к шахматам и даже пытки не дали обычного результата. Так наша борьба и закрутилась: магистр делал свой ход днём белыми, а я – ночью передвигала свои чёрные фигуры. От этой "катавасии" (определение самого магистра) у него разыгрались нервные приступы, начались расстройства желудка и самое для меня главное: он стал хуже соображать, а это уже реальная помощь в деле пробуж-

дения меня-любимой. Маркел не предполагал, насколько он был близок к разгадке творившейся в его кабинете чертовщины, когда обозвал её катавасией. Ведь чтобы двигать фигуры наяву (и тем самым выводить из равновесия магистра), мне приходилось вселяться в какую-нибудь из сиамских кошек. Я предпочитала Люси – она была более восприимчива и считала контакт со мной новой игрой. Оказавшись в теле кошки, я всегда потягивалась – а где ещё можно так грациозно потянуться? И только потом запрыгивала на стол, поддерживающей шестидесяти четырёх клеточное поле моей битвы с Маркелом. Зубками аккуратно зажимала нужную фигуру (лапами как показала практика двигать фигуры и особенно пешки было как-то не с руки – если можно так выразиться) и передвигала её куда надо, предварительно, если этого требовала ситуация, убрав с клетки белого "бойца". В шахматы я почти не умела играть, но, подключив все ресурсы своей интуиции, действовала наобум и это наобумие неплохо выводило в эндшпиль... Впрочем, я немного лукавлю, иногда я пробиралась в сны одного почтенного шахматиста и подробно консультировалась с ним по интересной для него теме, но являлась я к нему в образе музы шахмат – с вуалью, вся такая загадочная, и вырез на юбке достаточно многообещающий... почти до... а почему бы и нет? Немного флирта и карнавала ещё никому не повредило, да к тому же что было бы, явись я к нему королевой – одни приветствия длились бы полсна.

Тратя на партию с магистром лишь четверть своих сил,

остальные я бросила на сбор своей настоящей армии и начала, разумеется, с герцогини Александры, та уже практически сама добралась до моих владений во сне, и ей оставалось открыть лишь последние врата, ведущие напрямиком к моим покоям.

Магистр

Глупые, они критикуют меня за то, что лишил их ярких вещей и красок. Мещане – они как сороки падки на всё блестящее, золото им подавай, полезное серебро слишком блекло... шмотки – только от модных кутюрье, ковёр в доме – чтобы был пушистее, ярче и цветастее, чем у соседа, а хрустальная посуда блестела ослепительнее и звучала мощнее при щелчке серебряной ложкой. Культ быстрых карет, дорогой одежды, забубённой мебели и в целом барахла. И на всё это нужно деньги... А я дал им культ здорового тела, это я запустил факельные шествия ночью и физкультурные парады днём. Тысячи спортивных мужчин и женщин синхронно делают одно и то же движение – это прекрасно и это вдохновляет жить! Им не нужно думать, я уже за них всё придумал. Я объединил людей в кружки и общества, каждой организации придумали форму и знаки отличия. С семи лет дети записывались в пионеры, потом в смотрящие, а становясь взрослыми в трудовые дружины, серую стражу или легионы смерти (в зависимости от физических и психических данных).

Кем бы они были при королеве? Да никем. Если ты не дворянин, ты никто. А при мне заработали социальные лифты и простая доярка может стать проректором и даже ректором (начальником) большой организации. Кто был ничем,

тот стал почти всем (всё-таки моё место занято, и я его никому не отдам). И что? Они до сих пор вздыхают о королеве. Ничего не помнят из того мира, но он кажется им прекрасным.

А ещё все ждут – когда же я официально женюсь. Им нужна свадьба, светская жизнь магистра, им не хватает балов королевы, чтобы показать свои наряды и драгоценности. Не дождётесь! О моей личной жизни знаю только я, ну и пару особо приближённых телохранителей. Даже мои двойники не знают, кто согревает моё ложе.

Боцман

Анихейцы в целом сумасшедшие, а если учесть, что какой народ – такое и правительство, то становится понятным как могут в государстве с вполне благородным названием существовать такие... (впишите нужное слово) законы. Впрочем, кое в чём они равнялись на наше королевство (ныне магистрат) и тоже ограничили знания для народа. По принципу: меньше знаешь – крепче спишь! Зато бурным цветом в Анихее расцвели всякие дикие культы и мракобесие, а это отражается и на обществе и на законотворчестве. Так что неудивительно, что за ползунков здесь сажают на кол! Да и ползункам не легче, их сразу в кипяток и на стол императору Анихеи. Вот так, неожиданно-негаданно мы попали в серьёзный переплёт. Клара Ивановна, естественно, приняла меры: объяснила своей челяди в жутких подробностях, что случится с языком, кожей на спине и ягодицах каждого, кто хоть словом обмолвится о маленьких существах, которые никогда не летали под потолком гостиной, и которых никто и никогда не видел в доме вообще. Все челядинцы внемли увещанию и дружно заявили, что глухи слепы и беспамятны с самого рождения.

Я уже упоминал о своеобразии анихейцев, так у них не только законы были... дурацкими, но и таможенные правила такими же! Например, случай с ползунками – это же ше-

девр казуистики-мистики! Сами ползунки не были вне закона, но по таможенному соглашению могли импортироваться в Анихею только как начинка для супа (другими словами все поступающие на территорию этой страны ползунки тут же обдавались крутым кипятком и срочно доставлялись к императорскому столу, где блюда из них считались деликатесом). А если кто-либо провозил их через таможню нелегально – это уже была контрабанда и наказывалась колом. Ползунков же ждал всё тот же неумолимый и ультимативный кипяток.

Но, не смотря на всеобъемлющие меры Чегеваровой, кто-то всё же проболтался и скоро под окнами великолепного тещино дома появились гвардейцы. Впереди ехал самый пестрый "петух"... Наряд гвардейцев действительно смахивал на петушиную манишку, а уж сооружение на шлеме – я не знаю, как оно называется (плюмаж, что ли), выглядело как вылитый петушиный гребень. Так вот, самый главный петух начал заниматься бюрократизмом и идиотизмом одновременно, а именно: стал зачитывать права Кларе Ивановне, да она сама воплощение права сильного в этом мире!

– Ваш дом окружен, сопротивление бессмысленно, выдайте ползунков и будете казнены в соответствии с таможенных эдиктом нашего славного импе...

Договорить петух не успел – на него обрушился бочонок с превосходным красным вином и глас закона умолк, если не навсегда, то надолго. Завязалась перестрелка-перекидка, то есть гвардейцы палили по окнам из арбалетов, а домочадцы

выкидывали всякие разные тяжёлые предметы из окон и корчили непотребные рожи петухам. Победа доказала где зарыта справедливость: гвардейцы отступили и стали зализывать свои раны, а все обитатели дома благополучно покинули его гостеприимные стены через заблаговременно вырытый подземный ход, ведущий на соседнюю улицу.

– Хвала моему рано ушедшему в лучший мир мужу, он хоть и был доходягой, а таки вырыл этот, в некоторых местах узкий, но крепкий ход на всякий пожарный случай, – Клара Ивановна всхлипнула и погрозила кому-то наверху кулаком. – Он так и говорил: "всякий пожарный".

– Мама, зачем вы тягаете такие тяжести? – спросила Эльза.

– Это не тяжести, это обеспечит мою достойную старость, а также достойную старость вас и ваших детей... а почему вы опять без малых деток явились, не запылились?..

Дальше пошла очередная лекция на тему: "Как завести детей и делать это регулярно", там было любопытное место про один весьма затейливый способ делания детей, а также моралите против измен на стороне. Чегеварова произносила обличительную речь об изменах с таким пафосом, что становилось ясно: она их оправдывает! Но остальные сорок пять минут из часовой речи были скучны и заучены мной наизусть. К тому же, во время этой продолжительной тирады нельзя было болтать, целоваться, невнимательно слушать или делать вид, отличающийся от положенного уставом: глаза устрем-

лены в рот тѣщи, руки по швам, лицо внемлющие откровения с небес.

Мы благополучно выбрались на белый свет, но лекция не прекратилась и в некотором роде мы были ещё окружены тьмой. Тик-так – всё проходит, вот и накачка знаний под самую крышку моей скороварки закончилась. Далее мощной своей дланью Клара Ивановна направила нас на путь истинный – подальше от стражи, поближе к кормушке. Мы подкрепились на дорожку и с помощью доверенных лиц (подкупленных стражников) вышли через северные ворота.

– ...и да увижу я поскорее своих внуков! – закончила свою речь Чегеварова.

– Обязательно! – сказали мы с Эльзой с воодушевлением.

– Не верю! – оборвала поток неправды тѣща и добавила: – Хоть сама за дело берись!

Я вздрогнул, а в глазах у меня потемнело, я оперся здоровой правой рукой на сильное плечо Эльзы.

– Маман, не пугайте зятя! – хорошо иметь чуткую жену, плохо, когда у этой душки такая маман (ещё одно доказательство несовершенства мира).

Направив домочадцев к одному из бесчисленных дальних родственников, тѣща стала моделировать наше будущее.

– Я тут из достоверных источников узнала, что в бухте Кара-Чуп стоит корабль докси, по моему мнению, нам надо сесть на него и покинуть мой родной край, раз уж моя доча имела неосторожность выйти замуж на такого... (что-то у

меня со слухом случилось – сплошное «бу-бу-бу», никак помехи...) который провез ползунков в наши анихейские пределы, чтобы императору пусто было!

– Аминь! – сказал я.

– А докси нам помогут? – спросила более предусмотрительная Эльза.

– Не знаю как вам, а я их очарую! – веско заявила Чегварова.

Я кое-что слышал про великих и могучих покорителей морей и океанов докси, но никогда с ними не сталкивался лично – они неохотно забираются далеко в сухопутные пределы нашего материка, а королевство Зелёных холмов находится в самом сердце центральной и плодородной его равнины. Если коротко, то: докси – это такие вооруженные моряки, не имеющие ни родимого края, ни сколько бы долгой прописки у одного капитана, живут они лишь ради моря и наживы, обитающей на его пенных просторах и на берегах. Доксином не рождаются, доксином – становятся. Многие мальчишки из прибрежных земель мечтают о пиратских набегах и сокровищах, стоит ли говорить, что количество романтиков, пополняющих ряды докси, не уменьшается от поколения к поколению. Одежда простого доксина состоит из татуировок, шрамов и оружия. Без оружия докси чувствуют себя голыми. А для прибрежного люда, терпящего набеги от этих варваров морей, свирепые докси в тату и шрамах (при этом размахивающие острыми железяками) являются,

несомненно, злыми и голыми даже с оружием. Для докси же, чтобы чувствовать себя комфортно при любом ветре и в любой воде (вода холодной не бывает – одна из поговорок докси), никакой одежды не надо ни в принципе, ни тем более на практике, даже наоборот – одежда прикрывает тату, которые символизируют сексуальные предпочтения своего хозяина, а также его философию, образ жизни и заслуги в грабежах и насилии. Одежда прикрывает ещё и шрамы, которые дают понять, что перед тобой не какой-то юнец, а настоящий матёрый доксин. Единственное подобие одежды, которое докси допускают – это различные наплечники, налокотники, наколенники, и начленники, но первейшая задача их не защитить тело от удара клинка врага, а прикрыть татуировки, за которые доксину стыдно, например, он по молодости выколлот у себя на плече: "Люблю Роксану", а спустя годы, когда от Роксаны и запаха подмышек не осталось, прикрыл ошибку молодости стальной или кожаной цензурой.

И вот встреча с такими бравыми ребятами нас ожидала в перспективе. Под стук копыт уже не наших пони, а здоровенных лошадей из конюшни одного из многочисленных родственников Чегеваровой окружающий пейзаж быстро сменился: сначала появилась бухта, потом силуэт корабля, потом образ капитана, он поставил одну ногу на борт и смотрел на наше прибытие исподлобья и из пол густых почти сросшихся между собой бровей. Когда мы поднялись из шлюпки по веревочной лестнице – как она выдержала тушу

тещи?! – на палубу, он выдал хриплым басом, достающим до печёнок:

– Меня зовут Ворд, добро пожаловать на борт, сухопутные крысы!

– Ты кого назвал крысой? – рассвирепела Чегеварова и выдала на гора такое количество солёных выражений, что татуировки на теле Ворда побледнели.

– О знойная женщина, мечта каждого докси, рад приветствовать тебя на моей лоханки, с кем ты трахаешься сегодня ночью? А то мой дракоша застоялся... – Ворд опустил глаза, на его мужском достоинстве красовалась тату дракона, хвост которого обвивал это самое достоинство несколько раз. – Пятнадцать витков! – гордо ответил на наш невысказанный вопрос капитан.

– А такое впечатление, что пять, да и тонкий он какой-то! – загрохотала Клара Ивановна, но когда Ворд галантно поцеловал её необъятную ручку, зарделась, и сменила гнев на милость. – Поглядим на остальной экипаж, если ничего более подходящего не улицезрю, то попробую на крепость твоего доходячего червячка.

– Вот это романтический разговор, я впадаю в амбивалентность! Клянусь Белугой! – капитан подбоченился и явно ухлёстывал за вдовой.

– Клянусь Белугой! – подхватила команда.

Эльза поначалу смущалась – самую малость! – от обилия обнаженной мужской природы вокруг, но буквально через па-

ру минут она уже не замечала отсутствие на вешалках гардероба (или в гардеробе вешалок), а помогло ей в этом одно обстоятельство. Ко мне подошёл громила, выше меня всего на вершок, но амбиции в нём копошились бесконечные, сморкнулся мне под ноги и ткнул в мою грудь своим тупым указательным пальцем:

– Да у твоей девушки волосы короче, чем у тебя, или ты тоже девчонка?

Пришлось отвечать за то, что я люблю ходить с волосами, достигающими плеч. Слова в данном случае вряд ли могли поспособствовать поиску консенсуса, поэтому я выдохнул и вложил в выдох всю свою злость относительно человеческих стереотипов. Выдох я в свою очередь сфокусировал в свой кулак, а кулак отправил прямо в подбородок громилы. И это без замаха – чтобы мой коллега по диалогу ничего не пронюхал раньше времени. Челюсть его сказала: "Крак", вылетела и опустилась вместе с головой своего хозяина на палубу. Громила ни мало не смутился такому обороту дела, вставил с обратным щелчком «Карк» изогнутую кость с зубами назад, поднялся и протянул мне руку:

– Меня зовут Ревун и, клянусь Белугой, ты не девушка, а настоящий докси, хоть и в штанах.

– Докси в штанах, докси в штанах! – загалдели остальные матросы, которые окружили место нашего с Ревуном разговора.

– Молчать!!! – рявкнул Ревун и всем незнакомым с ним

людям стало ясно, почему его зовут так, а не иначе.

Ветер начал толкаться с парусами и от этого форштевень сначала захлебнулся, а потом стал лизать волны и сплевывать соль сквозь густые усы. Короче, корабль поплыл. Вперёд, но не прямо, а зигзагами, их ещё на море галсами кличат.

Магистр

На балконе дворца стоял гарант Конституции и объявлял свою волю народу:

– Жители магистрата! Мужчины и женщины! Настали новые времена! Анихея, где долгие годы наши сограждане вынуждены были существовать под диктатом коррумпированных властей и сумасброда императора, наконец-то воссоединилась с нашим народом!

Анихея вошла в состав магистрата! Ура, братья и сёстры!

Далее человек, очень похожий на магистра, долго и красноречиво объяснял, как все люди расширившегося магистрата теперь хорошо заживут... а то, что магистрат и дальше будет расширяться в речи не упоминалось... Это правильно, ведь текст правил я, составители не всё понимают.

И вроде бы всё тип-топ, только вот в далеких странах наше дружеское воссоединение с Анихеей называют грубым словом «аннексия». Они просто завидуют. Надо будет сказать двойнику, чтобы он так на людях руками то не размахивал. Скромнее надо быть. Я перестал слушать «свою» речь и пошёл кормить кошек.

Шут

И всё – обрыв. Наверное, там было продолжение, артист, несомненно, нашёл своего принца и... может быть, попал в вожделенный мир с прыжками, а быть может – секир башка. Но это дело неизвестное, впрочем, и неважное тоже. Важнее другое: прочитав сей опус, я как-то сразу понял – буду шутом. У меня тоже не было никаких данных для этой профессии. И я стал самым несмешным шутом в королевстве. Но зато получил работу. Смешно? Нет. Как раз к тому моменту, когда я сшил себе настоящий камзол шута, состоящий из лоскутов красных и лоскутов фиолетовых, королева устроила конкурс на должность придворного шута (не зря же камзол мой шился). Поскольку наша королева не отличалась необдуманными жестокими жестами, вроде отрубания головы за неудачную шутку и не была настолько несчастна, чтобы быть жадной, на конкурс слетелось шутов столько, сколько мух обычно слетается на дохлого слона. И вот в зале смеётся королева, она уже много-много раз приходила к мысли: «вот смешнее этого клоуна и быть никого не может». А шуты всё шли и шли, и шли... А я появился совсем не в зале – в других покоях. И, разумеется, не материализовался из воздуха, а зашёл ножками посредством взятки, открывшей нужную дверку в комнату, куда королева удалилась для раздумий. К тому времени она уже не могла видеть смешные

рожи, ужимки, падения и шутки. Я галантно присел рядом с диванчиком, на котором решила прилечь одна из самых красивых женщин, коих мне посчастливилось наблюдать в своей жизни, и шепотом не напрягающим уставшие от всевозможных шумов королевские ушки сказал: "Привет, ВВ, и долго ты будешь терпеть этих фигляров, чем тебе не нравлюсь я?" Потом мы сошлись на том, что я не смешон, имею сволочную натуру и предам королевство в целом и королеву в частности при первой же возможности. Надо ли говорить, что я занял вакантную должность в королевском табеле на жалование.

– Не называй меня ВВ, – она щелкнула по одному из колокольчиков на моем колпаке и тот не зазвенел. – Почему он не звенит?

– Понимаешь, ВВ, я залил все колокольчики свинцом, звон, конечно, пропал, но зато появилась возможность незаметно красться в темноте. Согласись, что такое вроде бы не колокольное свойство очень пригождается для прослушки и подглядки, к тому же, в случае чего я снимаю колпак и отмахиваюсь им от врагов, таким бубенцом по башке заедешь и мало не покажется.

– И все-таки ты ужасно не смешон, кто же будет меня веселить?

– В основном придворные, но я могу из своей зарплаты нанять человечка смешной наружности, пусть валяется по углам, если так угодно ВВ, которая вообразила себя стервой.

Кстати, я таких видал стерв, по сравнению с которыми ты просто Агнец Божий.

– Вот агнец мне нравится, называй меня так.

– Хорошо, ВВ.

– У тебя ещё и глаза разные?

– По размеру одинаковые.

– Зануда, я говорю про цвет!

– Зануда, я говорю про размер!

Она кинула в меня короной (не тряслась она над золотом – уважаю), я поймал драгоценный обруч и кинул его обратно, не настолько сильно, чтобы причинить королеве вред, но все-таки поймать его было не легко – она поймала. Так мы дурачились некоторое время, если бы не одежда, трудно было бы понять: кто из нас монарх, а кто – клоун.

Так королева приобрела никакого шута, зато большую сволочь и талантливую соглядатая за чужими тёмными делишками. С тех пор, для королевы даже самое мутное озеро чужих интриг легким усилием моей тяжёлой длани (ну не мог я свои изящные ручонки обозвать как-нибудь по-другому, например, корягами кривыми) превращалась в стекло, которое было прозрачнее росы, прячущейся от девственниц в гриве единорога.

Боцман

Это была она, это была Она! Сама вошла ко мне в спальню! Из всех она выбрала меня! Я даже как-то стушевался по началу, как-никак сама королева!.. у меня, простого безработного сторожа! Но потом, основной инстинкт очухался и стал рулить моим телом... и тут я обнаружил, что проснулся и целую Эльзу.

– Что это ты так на меня смотришь, как будто во сне видел другую?

– Я... просто... сон тут, нет сон там, а тут ты и там тоже... ты... а я думал сон... какая радость!

– Не юли, кого ты видел во сне?

– Никакой Юли я не видел! Только тебя, любимая! Только тебя! – я не дал своей благоверной засомневаться в моих словах и дабы избежать дальнейших разборок заткнул ей уста проникновенным поцелуем...

Но, если быть честным до откровенности, видел я во сне не Эльзу.

Королева

Однако я не забывала присматривать и за другими персонажами сновидческой игры, она же в некотором роде все-таки моя игра. Где моя верная фрейлина? Ага, с ней всё в порядке – она рядом с супругом. А с ним тоже полный порядок: он находился не где-нибудь в тюрьме (рано, ещё рано), а в трусах. Труссы у Боцмана знатные: подвязывались веревкой, доходили до колен, а колор? половина полосок – чёрные, половина – белые, правда белые завязукались в многочисленных передрыгах, а чёрные – вылиняли, но зато веревочка, она сохранила себя такой, какой появилось на свет при плетении неизвестно кого неизвестно когда – обыкновенной, но зато надёжной, ведь трусы ещё ни разу не спадали когда не надо. А уж к лучшему это или к худшему – пусть каждый решит сам. Вот в этих знатных трусах он и стоял сейчас, закрывая глаза от солнца ладонью, и обозревал просторы моря, а Эльза любовалась мужем, он ей нравился таким – загорелым и в трусах, ну какое слабое женское сердце устоит от такой картины маслом? А мне нравились они оба, прекрасная пара. Вид чужого счастья на некоторых навивает грусть, а меня сейчас согрел... я широко улыбнулась, одна, в собственном сне, но согретая, а это важно.

Вся такая внезапная и энергичная я направилась на встречу с герцогиней. Александра уже ждала меня в парке, ей лег-

че всего удавалась представить меня во сне в парке, что разбит позади моего – во сне уж точно моего! – дворца.

– Доброй ночи, ваше величество! – приветствовала она меня.

– Доброе утро, Саша!

Мы взялись за руки, и я стала объяснять ей план...

– ...значит, мне нужно провести в ваш сон Эльзу и Майю?

– Для начала да, потом к вам присоединиться ещё одна девушка, но об этом позже.

– До свидания, ваше величество!

– До скорого, Саша! и не будь ты такой официальной.

– Воспитание не даёт даже во сне отступить от этикета.

Герцогиня мило улыбнулась и исчезла из парка, где мы гуляли, сделала это она самым естественным образом: проснувшись в придорожной гостинице, где снимала номер.

Я же не проснулась, ибо просыпаться мне было некуда.

Магистр

Вот она лежит в саркофаге. Красивая и мёртвая, но как живая. Саркофаг герметично запаян, воздух туда не поступает, да и тело не дышит... а такое впечатление, что сейчас веки задрожат и глаза распахнутся... но это всё придумывает мой мозг. Она мертва, как и знахарь, что приготовил мне яд. Он потерял бдительность, когда увидел обещанное ему золото, тут его и удавили гарротой. Потом пришлось поменять кресло в кабинете. Человечество так и не придумало способа чистого умерщвления, то кровь льётся из человека, то моча...

Что девочка лежишь, так и будешь лежать в зелёном платье с капюшоном... красивая и бледная. Думала, что тебе страна досталась и всё будет хорошо. А что было хорошо? Запредельная коррупция, дефицит бюджета, нищета, безработица... но обо всём этом забыли в сытые годы, сытыми они стали после моих реформ! Возросшие закупочные цены на зерно и молоко спасли сельское хозяйство. Масштабные дорожные работы победили безработицу. Да несколько зарвавшихся герцогов и графьём пришлось приморить, а их имущество поступило в казну. И что? Меня проклинаяют на улицах, а тебя вспоминают с мечтательной ложью – вот были времена... Да никто из ныне живущих (за исключением шута, которого до сих пор не поймали) уже не помнит даже рас-

сказов пра-пра-прадедушек своих о том, как было при королеве. Но с надеждой ждут, что ты встанешь из гроба... учёные заверили меня, что это не возможно в принципе. Колдуны трясли чучелами крокодилов и прочих гадов и выдали такой же вердикт. Но ничто, даже моя спальня, не охраняется в королевстве (анахронизм, не изжить, магистратом государство так и не называют) Зелёных холмов так, как колокольню... ведь по легенде герой ударит в колокол и королева проснётся... а пока она спит. И так будет всегда!

Набравшись спокойствия, я пошёл читать свою речь для волшебных экранов. Деграция образования привела к тому, что обычные телевизоры называют волшебными. Для тренировки мозга я задал себе задачку – найти сопротивление каскада резисторов в виде сердца, перечёркнутого стрелой... и заодно проверил посты. Я могу делать много дел одновременно. А эта девка могла только пить шампанское и танцевать...

Ну, ещё она является мне во сне и довольно неплохо играет в шахматы (кто бы мог подумать?!). Поэтому я и пришёл сегодня к саркофагу. Теперь пару недель не будет сниться... тонкое одеяло, хорошо проветриваемая комната и чистая совесть – залог хорошего сна. И ещё надежные телохранители за дверью... и овчарка Блонди у постели. Это уже семнадцатая, нет – восемнадцатая моя Блонди... они умирают и возрождаются в потомстве, а я вечен.

Да, я не люблю кошек. Это очередная тщательно выпесто-

ванная мной легенда «о магистре»... кошки присутствуют, и повар у них имеется, и даже выходит специальный бюллетень об их здоровье и играх (с цветными качественными фотографиями). Но разве можно любить глупых котиков? Только верным псам можно доверить свой сон!

Боцман

Сквозь тернии секса добрались до политики, но уже без Эльзы, и уперлись в коловороты. Коловороты – это бывшие мельники. Раньше они занимались своим привычным делом: мелили муку и пили пиво и медовуху в пабах и барах своих деревень. То есть были трудягами, на крепких плечах которых и держится наш мир.

Но потихоньку среди них распространилось учение о том, что истинные люди – белые, а значит мельники – истинные люди. Все остальные же темнее, это ясно видно невооруженным взглядом, а значит – выродки и недочеловеки. И, конечно, богатство на земле должны принадлежать настоящим белым людям, а не всяким там чёрным нелюдям. Это же ясно, как белый день! И под воздействием такого простого и притягательного мифа мельники постепенно стали перерождаться в коловороты. Их символом стала мельница, точнее её ветряк, концы которого были загнуты. Получилась свастика – символ древний, но кого это теперь волнует? Он стал однозначным символом зла.

В какую сторону свастику загибать? На этом вопросе произошёл первый раскол среди коловороты, и они разделились на правосторонних и левосторонних, в зависимости от того, куда загибались концы ветряка – посолонь или наоборот. Формой коловорота стала белая рубака, белые джинсы

и белые шипованные ботинки, на бритой голове (изначально мельники брили головы, чтобы в муку не попали их волосы) – белый колпак. На рукаве рубахи – красный коловорот. В честь праздников они посыпали себя мукой и выходили в таком виде на улицы.

Поначалу коловороты лишь пили пиво или медовуху в питейных заведениях и рассуждали о своей исключительности. Причём левосторонние предпочитали из двух основных напитков именно пиво, а медовухой уже баловались правосторонние. Но потом «истинные люди» стали мочить всех, кто был не согласен с такой позицией. Тут произошел второй раскол. Коловороты разделились на радикалов, которые считали, что мочить нужно всех, кто не коловорот, и на умеренных, которые утверждали, что мельники и врачи, даже если они и не коловороты, все равно белые люди, а значит, их мочить не нужно. Соответственно всего коловоротов стало четыре вида: радикальные правосторонние, умеренные правосторонние, радикальные левосторонние, умеренные левосторонние.

Но, как только собрался первый съезд всех коловоротов, тут же появилась ещё и пятая группа, так называемые отмороженные коловороты. Эти вообще считали, что истинный коловорот – это отмороженный коловорот. Зимой отморозки сидели голыми задницами на снегу, от чего часто заболели менингитом и мерли, а летом – покупали на членские взносы большой холод, пропитывали им лавки и на них мо-

розились, делом доказывая свою исключительность. Первый съезд коловоротов закончился их глобальной пьянкой и не менее глобальной дракой. И все бы это было смешно, но на практике очень быстро комедия превратилась в трагедию по каким-то диалектическим законам бытия.

Постепенно от людей со свастикой на рукаве и со свастикой в головах стали страдать уже окружающие, то есть все, кто не был коловоротом или был не коловоротом. Особенно люто коловороты ненавидели евреев и масонов (свободных строителей) и старались очистить от них всё пространство, на котором преобладали. Под размес попали цыгане (их мало кто любит) и заднепроходники (любители неклассического секса), а также все, кто защищал эти меньшинства.

Здравый человек никогда не пойдёт в коловороты, но к ним шли, особенно молодые. Шли те, кто не доволен жизнью, ведь идеология коловоротов очень простая: ты – белый и, значит, по определению должен быть счастливым и пользоваться жизненным пространством и его основными благами. Только вот власть в стране захватили евреи, масоны, буржуины капиталисты, голубое лобби и прочая сволочь. Вот поэтому ты с семьей таких же белых и достойных людей ютишься в маленькой квартире в рабочем районе, а у сволочи – процветает бизнес и брюхо от экзотической жратвы лопается! Что делать? Конечно, записываться в боевые отряды коловоротов! И тогда ты можешь отобрать у ненавистного соседа всё – квартиру, бизнес, барахло и прочее нажи-

тое имущество. А соседа можно убить, он какой-то не такой, подозрительный, на тебя не похожий. Была для тебя несправедливость велика, а стало всё любо и благолепно. А главное – ты в стае, ты не один, ты чувствуешь локоть товарища, ты не один бьёшь и пинаешь недолудей, это делает стая и вообще ты ни в чём не виноват – ты выполняешь приказы доброго фюрера. А он не может ошибаться!

Коловоротское движение было объявлено вне закона в либеральных государствах, а в темных странах, не дошедших в своем развитии до светоча цивилизации, коловорота так и вовсе, если поймают – сразу засовывают головой в мешок муки и ждут пока он не затихнет навсегда, чтобы жизнь малиной не казалась.

– А почему вы идёте на Байду? – спросила Клара у Ворда.

– Раньше Байда была нормальной такой байдой, там пили, ели, делали детей. А сейчас там рулят коловороты.

– Так у вас же с ними нейтралитет был?

– Вот именно был, диалектики недоделанные! – Ворд стукнул по столу и одна из его досок треснула. – Решили на своем съезде, что мы нелюди и нас надо мочить.

Вот так политика и вторглась в мою жизнь, хорошо ещё, что в ходе пьянки с доксинами я прошёл через теоретические тернии (см. выше) и знал, кто такие коловороты.

– А раньше вас, значит, за людей считали?

– Да не в этом дело, мы бы и сами рано или поздно схлестнулись с коловоротами, да повода не было, они на суше, мы

– на море. Чего делить-то? Но после того как они захватили один наш корабль, перевозивший большой холод, и вырезали всю команду... – Ворд вторично стукнул по столу и одним столком в его каюте стало меньше. – Короче, совет капитанов решил: собираемся все и делаем коловоротам кирдык.

– Всем?

– Мы, докси-плавучий-народ – люди основательные и ленивые, вторично один и тот же сорняк, мешающий прорастать не табаку, искоренять не будем. Клянусь Белугой!

Белуга, как оказалась, священная рыба у докси и почитается матерью самого первого доксина. За это ей почет, а кто её убил – лютей враг и требует немедленного кирдыкания. Поэтому-то рыбаки, как увидят корабль докси – так и сбрасывают с грузом весь улов белуги (если таковой имеется на рыбачьей шхуне), по слухам, иногда, и грузилами или любым тяжелым скарбом, что под руку подвернется, утяжеляют ценную рыбку – жизнь-то она дороже.

Магистр

Транжиры, они тратят деньги на всё более дорогие вещи, а потом жалуются на якобы низкие зарплаты. Сколько одежды они носят? А я хожу в сером френче и лишь на торжественные мероприятия надеваю его парадный, но тоже радикально серый вариант. Пара серых брюк, удобные мокасины, а зимой – мягкие сапожки. Вот и весь мой гардероб. Если бы людей хоронили с их вещами, то могилы бы пришлось копать размером с большой шкаф или даже однокомнатную квартиру.

Меньше работать, а лучше совсем не работать, больше получать, а лучше жить на ренту. Постоянно покупать барахло, ковры, хрусталь и прочую бесполезную посуду. Следить за обновлением волшебных экранов и тут же приобретать последнюю модель. Чтобы было круче, чем у соседа. Мещане. И с таким народом приходится жить.

Опять же слава, как любят мои подчинённые всякие пышные звания и блестящие побрякушки награды. И меня хотят постоянно чем-то наградить. Я всегда отказываюсь от медалей и орденов. И от званий... меня хотели сделать генералиссимусом. На полном серьёзе. У нас войны не было более трёхсот лет. Руки потянулись к трубке... но я бросил курить лет двести назад... и пропагандирую здоровый образ жизни – ходьбу, плавание, велосипед. Я сильно ограничил торгов-

лю алкоголем, за что меня жёстко критиковали сто лет назад, ведь монополия неплохо пополняла бюджет. Но зелёный змий коварен, он бьёт по семье – основе основ. Вы видели валяющихся под заборами мужчин? А женщин? Табак у нас ещё сильнее зарегулирован, а за торговлю нетабаком и вообще полагается виселица. Наркомания ещё вреднее, чем алкоголизм. Так что я повертел в руках свою старую трубку из вишневого дерева и положил её в ящик стола. Всему своё время и место.

Боцман

На штурм укреплений Байды направились команды от двадцати девяти кораблей докси – это был самый большой отряд доксинов, какой только собирался в одном месте и в одно время, обычно даже для взятия приморского города средних размеров объединялось не более пяти кораблей. На штурм пошли по очень простому плану, утвержденному на общем собрании капитанов или пьянке вселенского масштаба. Формулировался он так: половина идет на приступ северо-восточной стены, а остальные – на приступ северо-западной, а экипаж оставшегося от деления эскадры напололам корабля сидит в резерве покуда сможет, а потом ватагой рвёт когти в любое место боя. Докси не любили обходных маневров, поэтому, как только придумали стратегический план, так сразу и стали его исполнять.

С криками: "Мочи коловоротов!" и общего: "А-а-а!" (боевой клич докси, "А-а-а!" – это сокращение от слова "Белуга!") толпа татуированных пиратов бросилась на стены Байды. Первым же приступом город был взят. Дальше пошли ожесточенные бои на улицах.

Мне доверили нести знамя корабля Ворда – красный флаг с чёрным драконом, который пыхал огнём из двух голов в разные стороны – сей символ означал, что команда Ворда может нападать везде на своих врагов, благо тыл защищен.

Я нёс знамя и всё хотел нанизать пару коловоротов на свой кинжал, но мне после потока доксинов с разным холодным оружием в руках ни одного живого коловорота кольнуть так и не удалось.

Главного вождя коловоротов замочили в сортире – фюрер думал там отсидеться – не вышло! В замке вождя я нашёл кабинет главара коловоротов и поджёг белые знамёна с красными свастиками, установленные за импровизированным тронem. На столе лежала открытая книга. Я посмотрел на обложку, еле читаемыми буквами там было написано: "Дао Де Диктатур" и ещё по-нашему: "Путь диктатора", имя и фамилия автора не читались, лишь еле-еле можно было различить инициалы: "СС". Я пролистал пару страниц и уже было хотел кинуть эту пакость в бурчащий от голода огонь, ещё только набирающий свою искровую силу, но мой порыв уничтожить книгу остановила рука, на костяшках пальцев которой были вытатуированы четыре буквы: В, О, Р, Д.

– Оставь, может, ещё пригодится.

– Чтобы это дерьмо всплыло опять?! – изумился я.

– Книга не является плохой или хорошей до той поры, пока её не взял в руки человек, именно он расставляет акценты, сортируя информацию на плохую и хорошую, на важную и не важную, на белую и чёрную. Короче, Боцман, не муми! – Ворд иногда говорил так, как будто бы читал какой-то сценарий, и лишь иногда позволял себе грубо импровизировать, или, наоборот, грубость и была его естественным состояни-

ем, а заумь – игрой на просвещённую публику.

– Капитан, мы нашли большой холод! – доложил один доксин.

Так мне выпала удача познакомиться с большим холодом. Но это было после...

После зачистки Байды от оставшихся в живых при штурме города коловоротов, настало время для прощания с погибшими докси. Их с почестями положили на один из двадцати девяти кораблей (какой именно решил жребий), который отвели в море и подожгли. Погребальный костер запылал в ночи жёлтым цветком. Докси стали пить и петь. Я был грустен – тело Ревуна положили на корабль, отправившийся в свой последний рейс.

– Не грусти, Боцман, – Ворд подсунул к моему носу здоровенную флягу. – Выпей за Ревуна, он сейчас курит не табак на корабле, плывущем к звёздам, трахает там сисястых тёлочек, и поверь мне, пьёт он там безбожно за наше здоровье и горланит похабные песни.

Я взял флягу, а капитан гаркнул своим сорвиголовам:

– На свете жил один доксин!

– Дом его – океан, а жена – острая сабля!.. – подтянули остальные докси и долго выводили куплеты временами веселой, а временами грустной песни про простого докси, который много плавал, много рубил бошек и грабил судов, много трахал портовых девок, а потом сложил свою голову в сечи и отправился к звёздам, чтобы там, в высшем мире также пить,

портить девок и оттягиваться в полный рост.

После третьего глотка из фляги и я стал подпевать, хотя совершенно не знал слов, но это было не важно, важным было то, что моя душа слилась в экстазе с душами остальных доксинов:

– Любовницу кинул в порту!..

Во мне боролись разные чувства, подгоняемые ещё более разными мыслями. С одной стороны я радуюсь победе над коловоротами, с другой стороны – тревожусь. Ведь перелом в битве и основной вклад в победу внесли... совсем не докси, при всём моём к ним уважении! А... легионы магистра. Об этом мы быстро забыли в радостной пьянке... но не было бы легионов и их порядка, их силы, их массы – нам бы не забороть коловоротов...

От мысленных баталий с самим собой меня отвлекло знакомство с большим пребольшим холодом. Докси по имени Маргус достал пузатую бутылку, сделанную из легкого металла, и откупорил её широкоую пробку, из горлышка вырвался белый дымок.

У меня перед носом пролетела ладонь. Ладонь туда, ладонь обратно.

– Боцман, ответь мне на один вопрос, – начал до боли знакомый голос.

– Не волнуйся милая, я не переберу!

– Я не об этом, как называется это место на корабле? – хранительница ключиков от моего сердца подпрыгнула, и её

каблуки недвусмысленно указали на "это место".

– Ют, – вымолвил я, после некоторого копания в своей памяти.

– И откуда ты все знаешь, любимый морской волк?

– Я всё-таки работал на шлюзе, а это как-никак близко к морским делам.

– Клянусь Вордом, сейчас повеселимся! – сказал Ворд и приказал сделать баню настоящего доксина. – Все на полубак!

Толпа переместилась на площадку, которую я опрометчиво назвал ютом. В глазах Эльзы я прочитал следующее: в левом – "Эх", а в правом – "Боцман, боцман!" и ещё что-то неразборчивой про какой-то «непей», наверное, там была опечатка и следовало понимать: «репей».

Докси соорудили нечто вроде палатки на палубе, в которую мог зайти любой желающий острых ощущений, после чего в неё выливался половник белого пара из бутылки и там становилось холоднее, чем у нас в королевстве самой лютой зимой. Докси после задержки дыхания врывался в палатку на столько, на сколько он мог терпеть холод, а потом выбегал и требовал огненного рома, в чем ему не было отказа. Вот такое развлечение.

– Ворд, расскажи мне о большом холоде, – попросил я капитана заглянуть пробел в моем образовании.

– Лучше сам попробуй!

Я попробовал и не пожалел – это однозначно по эмоциям

круче чем секс, но не так прикольно, как запускать змея, висся на карнизе вниз головой.

– Капитан, я очень любопытный боцман, ик! – сказал я вернувшись с того света. – А что это за штука и где она живет?

– Мы её берем у головастиков, что живут на далеком юге, а уж как они добывают большой холод – тайна для непосвященных, но за штуку хорошо платят все, кому любопытны затейливые забавы. Крысу на палубу! – приказал он уже своим татуированным братьям.

На палубу вытащили крысу и погрузили её в бутылку с большим холодом, потом, держащий животное за хвост доксин, вытащил тельце замерзшей крысы и подкинул его вверх. Тушка зверька, описав дугу, ударилась о доски палубы и разлетелась на мелкие осколки.

– А-а-а! – загалдела пьяная толпа.

– Вот за это и платят золотом. Правда, весело? – глаза капитана блестели.

– Ага, а для чего ещё нужен большой холод?

– Твое сознание не знает предела для удовлетворения обжорства собственного незнания! – капитан хлопнул меня по плечу и перешел на более понятный язык. – Ещё его используют как охладитель в жару, если выливать по столовой ложке в опочивальне, то температура даже в самый зной и пекло будет прохладной. Тет, это климат бывает прохладным, а температура приемлемой... и коловороты его в этом каче-

стве использовали, да встретят их корабли на небе демонов, чтобы порубить их на фарш!

– Хотел бы я увидеть головастика, ведь это они придумали цветные экраны и много других чудес, – вдохнул я.

– Поверь мне, Боцман, на трезвую голову лучше головастика не видеть, а на пьяную – не слышать, ик! Да ты рожа сухопутная меня заразил икотой – пей штрафную!

После штрафной небо стало темнеть, палуба – качаться, лицо Эльзы раздваиваться и отделяться от тела, ик!

Магистр

Вызвал и отчитал главного по пропаганде Анатолия. Он длинный, как сосиска и такой же гибкий, под ударами моих слов пропагандист гнулся, но не ломался.

– Бойду взяли доксины?

– Ваше вели... великий магистр, – знал, подлец, как оговорится, – это ведь единичные слухи, мы из всех утюгов даём информацию, что это ваши доблестные легионы уничтожили гидру нацизма!

– Что дальше будешь делать?

– Планирую парад... пусть гвардейцы пройдут маршем по центральной площади и бросят захваченные знамёна к вашим ногам!

– Я тебе что, богиня... – тут я сдержался, – Виктория?! Кидайте эти тряпки... – и тут я сдержался и не сказал «к общественному туалету», – к вечному огню...

– Но его же...

– Так сделайте на площади могилу неизвестного солдата, олицетворяющего всех, кто безымянный погиб во всех войнах, а рядом – вечный огонь! Почему мне нужно вас всему учить?!

Анатолий записывал и восхищённо блестел на меня из под очков влюблёнными глазами. Вот умеет, сволочь, проявить верноподданный инстинкт, а он один из самых основных для

карьерного роста.

Боцман

У меня болела голова, у меня очень сильно болела голова и даже холодный компресс, наложенный заботливой рукой Эльзы, не спасал бедную мою головушку от иголок и булавок, которые то сжимались, то разжимались, то собирались в хоровод и кружились внутри моей черепушки в разные стороны.

– М-м-м! – пожаловался я на свою тяжёлую долю.

– Пить надо меньше на похоронах! – иногда Эльзе удается быть крайне неделикатной.

– Да что ты понимаешь, женщина в погребальных церемониях, – начал было я, но закончил опять стенанием. – М-м-м!

– Хочешь, скину тебя за борт к акулкам, они враз вылечат твой чердак от всего лишнего?! – супруга нахмурилась.

– Издеваешься?

– Забочусь!

– Пить! – плачу и стенаю на всех частотах.

– На, – моя милашка протянула мне кувшин с молоком.

– М-м-м, мо-ло-ко?! – не оценил я заботы о моем здоровье. – А рассола нет?

– Твоя любимая тёща отпаивает им капитана.

– М-м-м! – только и мог вымолвить я.

Так продолжалось до обеда, на обед я встать уже смог, но

есть принципиально отказался, аргументировал я это дело так: "М-м-м!" ипил лишь очень сильно разведенную медовуху. Вот за обедом и стал дуть сильный восточный ветер, увлекший нас в края, которые мы совсем не собирались посещать...

Вода она везде одинаковая, где-то солонее, где-то преснее, где-то её больше, где-то меньше, но везде и всюду это одна и та же вода. Познакомился с одной её каплей и считай, что знаешь все моря и океаны. Ага, щас! Одно дело дуть на горячий чай с лимоном у себя в тёплом доме, когда вокруг бушует шквальный ветер и вода хлещет со всех сторон, и совсем другое дело, когда попадаешь в шторм на корабле – тут уж не до чая! Знатно нас качало. Сначала позеленела Эльза, потом и я не выдержал и облегчился за борт. Да не морской я волк, а пока ещё морской щенок. Но хоть я и не держал вахту – кто ж мне доверит такое ответственно дело? – но воду откачивал на равных с другими, ведь качать насос в моих силах, я хоть и полуторарукий, но жилистый и терпеливый. Вот и в этом нудном процессе я себя показал: более мышцеобильные люди уже выдохались, а я знай себе рычаг дергаю. А по шлангу идет вода отсюда туда, а оттуда сюда льется вода другая... или та же самая...

Зато как приятно после шторма выйти на палубу и смотреть как валы теряют свою силу и сглаживаются, это вам не на блюдце с чаем дуть!

Всё это случилось ещё до того, как у нас кончилась пи-

тьевая вода, до того, как у нас кончилось пиво и медовуха, до того, как у нас кончилась еда. То есть очень давно. Подул восточный ветер и с каждым днем он только усиливался, но ни на градус не меня своего направления, нас все дальше и дальше уносило к полумифической стране Амбиции. Туда не добирались даже докси и о ней ходили лишь пьяные байки и выдуманные истории ярмарочных шарлатанов. Если мы выживем – узнаем правду об этом загадочном континенте нашего мира. Если выживем. А восточный ветер всё дул и дул...

– Земля! – крикнул вахтенный на верхушке мачты, но до нас его хрип не достал.

– Земля! – повторил он с тем же эффектом.

И только когда сам Ворд заметил тёмную полосу у горизонта на западе, он рыкнул так, что услышали все гвозди на корабле:

– Клянусь Белугой, земля!

Чегеварова прослезилась, Эльза лежала в горячке, но нашла силы улыбнуться, а я заплакал, это не достойно боцмана, но я об этом думал меньше всего. Докси кричали: "Слава Ворду!", но капитан оборвал их: "Богам было угодно понаблюдать за нашими жизнями ещё несколько мгновений, вот мы и доплыли, а я здесь не причём!"

Как самый настоящий предвестник большой беды, восточный ветер разбил корабль о прибрежные рифы – даже опытные мореходы не всегда могут избежать с ними встречи.

Докси плавали как их священная рыба белуга, то есть лучше, чем ходили по суше, а вот тёща, хоть и имела большое водоизмещение, но плавала как топор – только вниз. Ворду пришлось изрядно попотеть, буксируя её тушу до галечного пляжа. Эльзу пара матросов уложила на две связанные доски и на таком (как оказалось надёжном плоту) доставила на берег, сам я плыл преимущественно на спине, это было самое надёжное при моей калечной левой руке.

Когда мы выбрались на берег Амбиции – а размеры земли давали ясно понять, что это не какой-нибудь атолловый островок, а сам континент; когда мы поцеловали эту землю обитаемую (возможно); когда мы согрелись у костра раздался гром и вокруг стали пролетать быстрые мухи, они были такими твердыми, что, сталкиваясь с человеком, пробивали его насквозь и летели дальше. Много докси погибло от этих грохочущих мух, пока не наступила тишина и хрипловатый голос из леса не спросил:

– Кто вы такие, готовы ли вы сдать шерифу Боллсу или желаете умереть?

Странный способ знакомиться и задавать три вопроса в одном предложении. Амбицийцы нам сразу не понравились. Но мне-то было всё равно – я прикрывал собой Эльзу от мух и готов был умереть или сдать, если у победителей есть лекарь, который бы согласился лечить мою любимую, а вот Ворду пришлось делать выбор между честью докси и ответственностью за оставшийся экипаж вкупе с сухопутными

крысами, в состав которых входили: Чегеварова, её дочь и я, словосочетание "зять её" мне не нравилось – у меня тоже были амбиции.

– Я – капитан Ворд и готов вести переговоры с вашим Боллсом, – сказал капитан, вставая с земли.

– Подними руки и подойди к дереву, – раздалось из леса.

Ворд так и сделал. Из-за деревьев, как призраки, появились одетые в пятнисто-зелёные комбинезоны люди, они обыскали капитана, отобрали нож (меч он оставил ещё до того, как пошёл на переговоры) и увели в лес. Мы ждали где-то с полчаса. Потом Ворд под охраной вышел из леса и гаркнул:

– Бей их ребята, у них мухи кончились! – тут же он схватился в рукопашной со своими конвоирами и быстро одного поломал, а другого завалил, отобрал у того маленький топорик и быстро стал кроить черепа другим пятнистым.

Докси тоже времени зря не теряли, рассредоточились и пошли зачищать буйную зелень от таких же буйных амбицийцев. Мухи, действительно, больше не собирали кровавый урожай. Спустя ещё полчаса, ситуация в корне изменилась: уже Ворд спрашивал, а Боллс отвечал. Начал капитан изда-лека:

– Что это у тебя на груди?

На груди у пленника была золотистая семиконечная звезда.

– Звезда шерифа.

– Ты что подмагистр? – вклинился в разговор я (у маги-

стра на звезде восемь лучей, у этого хрыча – семь, получается подмагистр по моим прикидкам).

– Я никакой не подмагистр, а шериф этого округа и взяв меня в плен, вы будете за это казнены справедливым демократическим судом Лайна.

– Это ещё белуга надвое сказала, – возразил Ворд. – Какого черта вы запускали в нас своих быстрых мух?

– Не мухи это, глупый варвар, а пули.

– Мне по ватерлинию как эта пакость у вас называется, я буду называть их быстрыми мухами и для меня они будут быстрые мухи. Но ты не ответил на вопрос... – Ворд ножом отрезал мизинец на левой руке шерифа.

Тот долго вопил, пока его вопль не заткнул капитанский кулак.

– Лучше быстро и чётко отвечай на поставленные вопросы, и тогда твое тело останется в прежних границах. Это понятно?

Боллс кивнул.

– Зачем твои люди запускали в нас быстрых мух?

– Вы похожи на беглых рабов.

– У вас что, есть рабы? – удивился капитан.

– Да, вот это, например, раб Дарий, он из беглых, мы поймали его вчера, – шериф указал на второго амбицийца, оставшегося в живых после стычки.

– Ты раб? – спросил капитан Дария.

– Увы, раб. Но, надеюсь, вы освободите меня... вы ка-

житесь мне людьми просвещёнными, – Дарий посмотрел на Ворда влюбленными глазами, отчего тот сплюнул и вернулся к допросу Боллса:

– Сам ты варвар, рожа зелёная, а ещё смеешь говорить о градации уровней цивилизации общества, с которым даже не имел дипломатических сношений! Что это за страна, где нам волею судеб пришлось оказаться?

– Это центральные соединенные королевства амбиции, сокращенно ЦСКА.

– Он врёт! – заявил Дарий.

Ворд взялся за нож.

– Нет, нет! – взмолился шериф. – Пощадите! Я не вру. Просто этот грязный раб, который предаст вас при первой же возможности, имеет в виду гражданскую войну, расколовшую ЦСКА на центр и периферию.

– Из-за чего воюете?

– В центре пошёл процесс упадка морали и рабов объявили людьми с ограниченной свободой и отпустили их, дав привилегии в некоторых областях даже большие, чем у настоящих граждан. Да и заднепроходников там полно стало! А в провинции сохранились ещё здравомыслящие люди, не согласные с таким разложением вечных ценностей. У нас тут по периферии ещё сильны духовные скрепы! Вот и началась война.

– Они её проигрывают! – захлопал связанными руками Дарий.

– Пока проигрываем, но супероружие нашего вождя...

– Нет никакого супероружия! – Дарий впал в эйфорию.

– Цыц, а то зубы выбью! – успокоил раба Ворд. – Я буду

думать.

– Врач здесь есть поблизости? – спросил я у Боллса.

– Я врач, я врач! – Дарий заелозил по опавшим листьям своей попой и всем своим естеством.

С молчаливого согласия капитана, который размышлял над своими думками, я освободил раба и отвёл его к Эльзе. Чегеварова уже успела переодеть её в сухое бельё, снятое с подходящего по росту трупа.

– Вылечишь её – получишь свободу! – ознакомил я Дария с условиями его дальнейшей жизни. Конечно, он бы всё равно получил свободу – мы же не варвары какие-нибудь и тем более не рабовладельцы, – но зачем ему об это знать заранее?

– Женщина, – промумил тот, но узрев мой кулак вблизи своего носика и оценив то, что с его носярой может случиться, вздохнул как в театре вздыхает плохой актер. – Мне нужна горячая вода и моя сумочка, она там, там, – Дарий замахал в сторону, где происходила наиболее ожесточенная баталия, – за кустиком дикого крыжовника, где я её выронил.

Мне было не до сентиментальных подробностей и я быстрым шагом отправился на поиски сумки. Когда я вернулся с маленькой сумочкой из натуральной кожи крокодила, Дарий снова захлопал в ладоши и уже на меня посмотрел взглядом с поволокой.

– Это единственный врач? – спросила Клара Ивановна.

– К сожалению, – ответил я.

– Надо же, чтобы такому случится, единственный врач и тот...

– Вы меня дискриминируйте! – взвился Дарий на слово, которое шло сразу после трех букв "т-о-т".

Но, услышав дальнейший поток ругательств Клары Ивановны, пока ещё раб убедился на собственной шкуре, что его ещё не дискриминировали по настоящему...

Когда Ворд додумал свою думку, он приказал повесить шерифа. Таким нехитрым образом обещание капитана оставить тело шерифа в его пределах не нарушили.

– Вы ещё об этом пожалеете, кому вы доверились, Дарию? Да на нем копирайта ставить негде! – это были последние слова Боллса, прежде чем он стал частью окружающего пейзажа, висящей на пеньковой веревке.

– Про какие это копи Райта он говорил? – спросил Ворд у Дария.

Тот с легкостью прожженного эксгибициониста обнажил свою грудь, на ней синели штук пять следов от клеймения. Знаки состояли из буквы "с" в кругляшке, даты и факсимиле владельца раба.

– Вот, что делали эти тираны с людьми! – объявил Дарий, надеясь на наше сочувствие.

Ворд крякнул и ничего не сказал, а я ничего не сказал и сплюнул.

До центральных провинций ЦСКА мы добрались без приключений, а там нас встретил тоже без приключений разъезд солдат в синей форме.

– Это наши, это наши! – заголосил Дарий.

Ворд вышел с освобожденным рабом к солдафонам и объяснил им ситуацию, те посмотрели на него, на Дария, выслушали обоих и, видимо, решив, что парочка является кем угодно, только не шпионами провинциалов даровала каждому жизнь и одну на двоих флягу со спиртом – это был царский прием и скоро уже вся наша разношерстная ватага (а к нам по пути присоединилось человек десять беглых рабов) вышла из чащобы глотнуть целительного спиртика.

Но когда мы прибыли в столицу ситуация в корне поменялась – нас арестовали и начали судить "самым демократическим" на планете судом Лайна. Главным свидетелем обвинения был, конечно, Дарий. Вот дословный пересказ лишь десятой части той грязи, что он вылил на нас: "Досточтимые судьи, эти ренегаты и волюнтаристы третировали меня, гражданина (глазки в потолок) с ограниченной свободой и смеялись над моим бедственным положением (глазки в пол), тяжелой судьбой и неординарной личной жизнью! (из глазок потекли слёзки) А я ведь известный эстет!"

– Что вы можете сказать в свое оправдание? – спросила судья у Ворда.

– Да я спас этого раба...

– Называйте его «человеком со временно ограниченной

свободой», – сделала капитану замечание судья.

– Если я вижу сосновый лес с единственной березой и повешенной на ней монашкой, я говорю, что вижу сосновый лес, березу и повешенную на ней монашку...

– За издевательство над судом вы лишаетесь права голоса. Ворда увели.

– Я из тебя мумиё сделаю! – пообещал напоследок Дарию капитан.

– Что вы можете сказать в свое оправдание? – спросила судья у Чегеваровой.

И тут в Чегеваровне разыграла нумейская кровь. Нумейцы – это древнее племя, которое славилось двумя качествами: мало говорили, много делали. Если и говорили, то обходились одним словом "ну". Да, придут бывало нумейцы в новую для них местность, посмотрят, посмотрят, да и завоюют все города-веси, а потом соберутся за медовухой и обсудят дела-делишки:

– Ну, – скажет один нумеец, чтобы начать беседу не с пусто-порожного трепа.

– Ну, – поддержит его другой нумеец и разовьет тему, чтобы никто не подумал, что он просто поддакнул первому.

– Ну, – не согласится с ним третий, у него всегда свое мнения по любому вопросу и все это знают.

– Ну, – четвертый выразится матерно, ибо уже накипело на душе от излишних споров на общие темы.

– Ну, – пятый обоснует, что каждый из говоривших прав

по своему, в том числе и он.

– Ну, – так не бывает, мол, возникнет в беседе шестой, который вроде бы до этого упал под стол.

– Ну, – седьмой присовокупит к теме беседы нынешнюю погоду не из вежливости, а потому что действительно уже до печёнок чёртовой бабушки надоел этот ветер с дождем, который своими завываниями мешает вести неторопливый разговор.

– Ну, – восьмой во всеуслышание заявит, что никто из болтавших до него не врубается в тему, а для пущей убедительности своих слов он возьмёт в руки табуретку.

– Ну, – поинтересуется девятый: «мы же все здесь великие полководцы, но зачем же обязательно табуретки ломать?»

– Ну, – и это тоже аргумент весомый, скажет десятый, крепко перехватывая руками скамью.

Дальше беседа перетекает в русло немногословного молчания.

Как я уже сказал, тут то в Чегеваровой и проснулась нумейская кровь... Чтобы было окончательно ясно про кровь можно присовокупить: враги нумейцев ничего не могут нам рассказать, по причине собственного не бытия... историю всегда пишут победители!

– Да я этого пи... – после трех минут непрерывного мата, Клару Ивановну удалось с помощью пятерых зрителей оторвать от скамьи для подсудимых и вывести из зала суда.

– Что вы можете сказать в своё оправдание? – спросила

судья у Эльзы.

– Меня тоже третировали эти грубые и извращенные личности, среди которые мне волею судьей приходилось терпеть унижения долгое время, а вот за него, – мой свет в окошке указала на меня пальцем, – я должна была выйти замуж из-за отсталости обычаев в том патриархальном государстве, где долгое время томилась моя неординарная сущность, – тут Эльза применила свое тяжёлое оружие – ресницы, добавив для кучи ещё и стрельбу глазами, а также – немаловажная деталь – одна из бретелек сползла (совершенно не случайно) с плеча... а у моей супруги грудь налитая, ядрёная, соски торчком... короче, судья поплыла...

– Она врёт, она – врёт, она не лесбиянка! – попытался было возразить Дарий, но судья (коей была старая перечница) была уже сражена наповал.

Если бы я не был предупрежден подмигиванием Эльзы, то стал бы волноваться, а так я лишь мальчика мандражировал и когда в свою очередь уже у меня поинтересовались, что я могу сказать в своё оправдание, я встал в позу и коротко, но емко обрисовал перспективы страны, где судят таким образом:

– Кара с небес не заставит вас ждать!

За такие слова я был помещён в камеру смертников, где встретился с Вордом и остальной частью команды, а Чегеварова дожидалась срока нашей общей казни в женском корпусе. По неписаным правилам всех тюрем различных госу-

дарств смертнику положена отдельная камера, но, видимо, в ЦСКА смертные приговоры выносили в последнее время пачками, так как камеры смертников представляли собой один большой обезьянник, разделенный на мелкие клетушки временными загородками – никакой тюремной романтики. Но такая форма камер позволяла соседям переговариваться, моим соседом был Ворд и мы неплохо провели первые десять дней заключения, потом мы в тех же философских беседах провели ещё одну декаду, а потом запас анекдотов у меня и смешных историй у капитана стал заканчиваться и наши беседы стали прерываться долгим молчанием.

– А знаешь ли ты, Боцман, почему мы оказались здесь?

– Нет, может быть, потому что нам был брошен вызов судьбы, а мы не смогли поднять эту перчатку достойно?

– Красиво, при всей своей сухопутности в тебе есть романтика морских просторов. Да, мы мальчика облажались, надо было Дария повесить напротив Боллса и тем самым добиться гармонии на локальном участке здешнего пространства, но не будем говорить об истории в сослагательном наклонении. Мне кажется, что попали мы за эти хлипкие решётки вот по какой причине: у нас теперь есть куча времени для ведения неторопливой беседы, благо здешняя пенитенциарная система сие позволяет.

– Я бы предпочел всё то же самое, но на свежем воздухе, за кубком вина и в компании моей благоверной супруги, или молоденьких гетер.

– Вот тогда бы у нас точно не было бы времени так замечательно поговорить. А Чегеварова бы тебе показала гетер! – Ворд затрясся от хохота.

Я слегка насупился – у меня все в порядке с воображением и сонмы гибких гетер были разогнаны образом тёщи, как стаю голубей в один миг рассеивает тень ястреба (или сокола, или кречета, или коршуна, или орла – я же не птицефил, чтобы в таких нюансах разбираться).

– Не охватывай пласт информации больший, чем можешь обдумать мозгом без допинга. Вот лучше я тебе притчу расскажу об Учителе и гномиках. Ты знаешь кто такие гномики?

– Я даже кто такой Учитель не знаю.

– Дремучий ты, Боцман, тип! Слушай сюда и не говори потом, что не слышал. На одном острове, находящемся далеко к югу от Мантилии, живут гномики, ростом тебе по колено, на лицо зелёные, нос обычно крючком, характер скверный, женщин у них мало, возможно, поэтому и скверный характер. Ещё у них варьируется число пальцев на лапищах – у кого-то их пять, как у нас, а бывает, что и шесть и семь, и четыре и три, и два, и даже один культяпный отросток на ладони. По этому пальцевому поводу у них велись жаркие споры с мордобитием: что считать правильным стандартном для исконного гнома, изначального гнома, гнома прародителя, гнома от земли матери, так сказать, – сколько пальцев должно быть на руке уважаемого гнома? Естественно, мнений было столько, сколько представителей разного количе-

ства пальцев на руке. Но больше чем количество пальцев на руке их зарубала другая тема – цвет волос! Ты знаешь, что генов, отвечающих за цвет всего два: один рыжий, другой чёрный и их комбинации дает весь спектр цветов от пепельных блондинок, до жгучих брюнеток? По глазам вижу, что ты этого не знал.

– А как же альбиносы?

– Такое бывает, когда эти два гена отдыхают и краска в волосы новорожденного совсем не поступает, но у гномиков не бывает альбиносов. Так вот у них там эти гены сильнодоминантные и никакая генетика не может их разбавить... да не закатывай ты глаза! Проще говоря, гномики бывают либо абсолютно рыжими, либо – черными как уголь. Считается, что рыжая щетина (волосами их проволоку назвать тяжело) более гномистая, она – квинтэссенция высокого гномического качества, присущего идеальному гному или точнее представлению об идеальном гноме, выраженному в отдельно взятом гномике. Ведь идеальных гномиков в природе не бывает, они могут жить только в мире идей. Но тебе о такой высокой горной выси слушать пока рано. Так вот, чернощетинные гномы на острове были вроде как второй сорт. Представь теперь типичную семейку, сидящую за обеденным столом: папа – брюнет, на руке восемь пальцев; мама – рыжая, четыре пальца; старший сын – брюнет, семь пальцев; средний сын – брюнет, два пальца; младший сын – рыжий, четыре пальца; самый младший сын – рыжий, три пальца; дите

в люльке – щетина уже лезет чёрной, а пальцев пять; дочурка единственная – рыжая в маму и восьмипальцевая в папу. Представил? Как ты, наверное, догадываешься им есть о чём поговорить за обедом и даже на ужин вопросов нерешенных за глаза обсудить хватит, я тебе даже больше скажу, ещё ни один обед не обходился без потасовки, повод-то есть железный – кто должен первый выбирать кусок мяса? И очередность просто по старшинству их никак не устраивает: рыжие хотят обогнать чёрных, а те, у кого больше пальцев – "уродов малопальцевых". Бьют чем угодно по чему угодно – и это внутри семьи грызня, так сказать, грызня семейного масштаба. А какого очутится на базарной площади, где тысяча гномиков начинает подобную цветовую и пальцевую дифференциацию?! А бывает и в заведения кое-кого по цвету волос или малости пальцев не пускают – тут уж штурм и кто не спрятался – тот об этом пожалеет! У них же один крайний аргумент – топор. И вот на острове появился Учитель, прибыл он на платформе, что всегда висит в метре от земли или воды.

– Антикварная?

– Да, ещё с древних времен осталась. Гномики мало что понимали, когда Учитель что либо говорил (уж больно мудрёны были слова для гномьих мозгов), а это бывало редко, но зато полюбили кататься на платформе – места там хватало примерно для двадцати гномиков, а если усесться поплотнее, то и все тридцать набивались и с краев не падали. И вот

однажды едут гномики на платформе, куда их Учитель везёт, а тот напился медовухи и кружит по острову без определенной цели, ну может и с целью, но нашему непросветленному сознанию недоступной. А гномики сидят так: поближе к учителю рыжики, а подальше – чернушки. И вот рыжики между собой перетирают, мол, сзади брюнеты про нас разную чепуху говорят, а брюнетики в свою очередь базарят о том, что вот рыжие опять лучшие места заняли, и обсасывают эти темы со всех сторон, кулаки при этом чешутся необычайно. Когда Учитель остановил платформу, то дискуссию вынесли на ближайшей ровное место, и началось мочилово «стенка на стенку». Учитель созерцал эту суету, созерцал, а потом выдал: "Что вы делаете, гномики, на самом деле вы не рыжие и не брюнеты, вы – зелёные, вы все зелёные гномики и нечего мутозить друг друга почему зря!" Гномики загалдели: "Мы зелёные, мы зелёные, а ведь действительно – все одинаковые!" Стали брататься и целоваться. А Учитель говорит: "Ну, раз вы помирились, то садитесь на платформу. Светло-зелёные вперёд, темно-зелёные – назад".

Я ожидал какой-нибудь заумной мудрости, а тут – такое. Смеялся долго. Как раз к окончанию этого немереного смеха явилась Эльза. Она выпросила свидание, и ей кое-кто не смог отказать (Ничего не хочу слушать и знать! Как, кто, за что и почему! Не хочу! И не буду!)

– Надеюсь, ты мне здесь не изменял? – сказала она вместо дружелюбного приветствия (у меня вопросы остались, но я

уже сказал, что ничего не хочу знать!)

Прическа её стала ещё короче, в ушах добавилось сережек и только после поцелуя я понял, что мне все эти нововведения нравится, даже при учёте негативного обстоятельства, заключающегося в следующем: время вести неторопливые беседы кануло в Лету. Но оказалось, что радость не приходит одна...

– Ворд! – раздался гром с небес.

– Кларушка-хохотушка!

Капитан и тёща обнялись, отчего некоторые решётки слегка погнулись.

– Как там на воле? – спросил я Эльзу, когда смог.

– ЦСКА – кирдык. Спартак пришёл.

– Это кто ж такой?

– Правитель Спарты, северной страны. Действует по принципу: пришёл, увидел, победил. Армия позволяет. Рабов освобождает, господ вешает – короче за ним идет чернь и скоро здесь будет жарко.

– Мне что-то тоже захотелось поменять климат.

– Для этого нам надо найти Чуму.

– А это ещё что за чудик?

– Профессор материалистических наук.

– Типа головастик?

– Вот именно – типа. Хоть бы комплимент мне сказал, как тебе нравится моя новая причёска?

Тут я как всегда не смог выразить словами то, что чув-

ствовало моё сердце и кое-что ещё, чем вызвал недовольство света очей моих, радости сердца моего, властительницы души моей, смысла все жизни моей, луча света в темноте моего сознания, ключика жизни к моей темнице смерти, вершительницы очага... нет, кажется хранительнице очага, а вот вершительницы кого?.. забыл.

Магистр

Опасная бритва бреет меня – начинает с черепа, там, где за затылком ещё пытаются расти волосы, остальные давно эмигрировали на грудь и там поседели... потом бритва возьмётся за щетину на щеках и подбородке, и подберётся к шее... есть тайное – не для всех – удовольствие в том, что тебя бреют острейшим лезвием, которое легко может перерезать тебе горло. Вжик – и всё, захлебнёшься кровью и узнаешь, что там – за горизонтом событий.

Она так и не сняла платье и сейчас ткань намокла и обтягивала её полную грудь.

– Не шевелись, – сказала экономка и своей твёрдой рукой сняла пену и сбритые волосы от горла к подбородку. И окунула бритву в воду...

Мы сидели в тёплой ванне и никто не мог нам помешать. Даже если бы войну объявили магистрату, гонец всё равно бы ждал, ибо меня нельзя беспокоить, когда я принимаю «цирюльника». Когда процедура закончилась, я взял из рук экономки бритву и очень осторожно отрезал пуговицы на платье в зоне декольте... и отбросил бритву на пол, предварительно сложив, чтобы не испортить лезвие...

Боцман

Капитан долго наблюдал за сокамерником – Боцман смотрел в одну точку на стене, на ней, конечно, была нарисована голая баба и нацарапаны разные матерные слова, но всё-таки это не достаточная причина для такой сосредоточенности.

– Ты чего делаешь? – спросил сокамерника Ворд.

– Аппетит наглядываю.

– Чего?

– Ну, нагулять я его не могу, нас никуда не выпускают, вот я его и наглядываю. Смотри – вот тут грибочки, тут капусточка, тут огурчики с помидорчиками и лучком, тут свиинка жареная с соусами, а тут баранинка, свеженькая такая баранинка, только что освежёванная с молодого барашка и на шашлычке с лучком...

– Да я тебя задушю! – заревел капитан

– Если ты его не задушишь, я его зарежу! – раздался вой из соседних камер.

Могли бы и зарезать. Но пришёл Спартак и всех освободил. Народным героям слава! А чтобы не отставать от процесса, мы активно стали вооружаться и мочить козлов. Ну, тех, кто против нас. Потому что те, кто против тех, кто против нас, не справляются с ними без нас. Откуда эта строчка? Песня что ли... может, мне надо было не в боцманы, а в композиторы пойти. Они, говорят, могут орудовать нотами

и одной рукой смычком махать по несложному алгоритму: крепче локоть, мягче кисть.

Чума готовился к отлету, он кружился, как ползунок вокруг гнезда, в долгополых своих одеждах около сооружения, больше всего похожего на летающий корабль. Как оказалось, этот объект являл собой действительно летающий корабль и назывался он самолётом "Чума-1". Наши языки и ножи вкупе с пистолетами (только Ворд по прежнему называл огнестрельное оружие по-свойски – запускателями быстрых мух) недвусмысленно направили Чуму к мысли взять нас с собой. В итоге в самолёт влезли: Чума (без него никак), Ворд с Чегваровой, я и коротко стриженная Эльза, два наших ползунка (одна чёрная, другой белый, а быть может – наоборот). Остальных желающих покататься по воздуху пришлось отстрелить. Причем, взлетели мы вовремя: не прошло и часа – мы даже не долетели до побережья Амбиции, – как материк задрожал, и стал погружаться в пучину океана, унося с тобой ЦСКА и Спарту, господ и рабов, копирайты на телах рабов и крепко засевшие в разные головы обычаи.

– Мои приборы предсказали землетрясение, вызванное пробуждением супервулкана Йоло-Крепкий-Пук, но я не думал, что процесс будет настолько глобальным, – сказал Чума, после того как мы отлипли от иллюминаторов. А пялились мы в них долго – не каждый день удаётся понаблюдать за гибелью целого континента!

Впрочем, если быть точным, то мы не проявили особо-

го сопереживания катастрофе мирового масштаба (Забегая вперёд надо сказать – не целого... это нам так казалось, ушла под воду лишь одна область, правда, не маленькая). Нет, конечно, можно всплакнуть на публику. Но зачем? Неискренне получится. Эльза более эмоционально реагировала бы на убежавшее молоко, Ворд – на течь в трюме своего корабля, профессор Чума вообще не проявил интереса к затоплению материка – его же приборы это предсказали с точностью до дня, Чегеварову больше волновало отсутствие у неё внуков, меня же больше зацепляли ползунки. Что это, душевная черствость? Как сказать. Да, мы понимали, что много людей погибло, но мы не могли ничего поделать и изменить ситуацию – это, во-первых, а во-вторых, если уж начистоту – то это массово погибли незнакомые нам люди. Мы их никогда не знали, и уже никогда не узнаем. Их для нас не было, и сейчас нет. Катастрофы трагичны, но нам сейчас важно не вписаться в нашу локальную катастрофу – в сложном организме «Чума-1» что-нибудь гикнется и мы гикнемся в море. И погибнем без вариантов. Так что наши мысли и переживания лежали в другой плоскости или на другом эшелоне (так авиаторы называют высоту полёта).

– Карма у местных обитателей была плохая! – заявил Ворд.

– Не говори про то, о чем не имеешь понятия, – сказала тёща. – Если хочешь поумничать, лучше набери в рот медуухи и глотай.

– Наливай!

Тёща налила капитану и себе, оценила количество медовухи и, вздохнув, наполнила ещё два стакана, потому что профессор за штурвалом пить отказывался категорически, да мы и не настаивали. Не успел я как следует прочувствовать путь медовухи в моём теле, как услышал шорох в сакво-яже с ползунками, я открыл его и чёрно-белый клубок вылетел на волю. Ползунки сначала бессмысленно кружили под полукруглым сводом кабины самолета, потом освоились и подлетели к одному из иллюминаторов. И тут их понесло: они стали биться о стекло и верещать. Мне было тошно, но я нажал на ручку и стекло уехало в сторону, в кабину ворвался ветер, а из кабины вылетели два моих старых знакомых ползунка. Один белый, другой чёрный... Вот тут я всплакнул. Нонсенс. Континент с людьми затонул – не плакал, а тут разревелся из-за двух... насекомые они, летающие ящеры или кто вообще?

Я так и не понял, почему они вернулись. Эльза предположила, что они летали на свидание со своей королевой. Может быть, не у всех же королевы спят. А когда ползунки вернулись, оживился Чума:

– Чумаво, существа легче воздуха! Дайте мне их! – глаза его лихорадочно заблестели.

– Зачем? – спросил я.

– Я открою секрет свободного полета...

– Они не любят, когда их беспокоят.

– Я не буду их беспокоить, только разрежу и посмотрю, что у них внутри!

Чтобы прекратить его домогания, я приставил под нос профессора ствол ружья, передёрнул затвор и отрубил его притязания:

– Только через твой труп!

– Отсталые люди! – обозвал он нас всех, но довольно вежливо, все-таки профессор – интеллигенция.

Во время полёта среди облаков моя супружница со своей матушкой делились друг с другом классификациями мужчин. У Эльзы всё сводилось к четырем группам: сволочи, не сволочи, принцы и гады. У тёщи имелись ещё шлимазалы, мазурики и настоящие мужики (вымирающий вид). Пока Чума бурчал под свой длинный нос разные непонятки типа: квантовая теория согласуется в вопросе четности флуктуаций изометрического состояния некоторых ядер нескучной валентности, находящихся в надмагнитном поле... Пока ползунки шуршали своими крылышками под потолком кабины. Короче: пока все вышеперечисленные существа, делали всё вышеперечисленное, мы с капитаном пытались с помощью дедукции объяснить принцип действия ружей. Сначала капитан упомянул об обычае устраивать во время великих пьянок конкурс на самый мощный пук, потом я добавил рассуждение о полете плевка, далее мы добавили к этому детские трубки и горох и, в конце концов, мы расколошматили этот орешек знаний. Можно было бы, конечно, просто

спросить у Чумы – но мы не ищем легких путей.

– И все-таки ты, Ворд, ретроград! – я похлопал по плечу "ретрограда".

– Это ещё почему?

– А зачем называть огнестрельное оружие штуками для запуска быстрых мух?

– А чем моё название хуже общепринятого?

– Ну, так ведь... – тут я задумался.

– То, что другим пользуется большинство, не есть решающий фактор для отказа от быстрых мух, ведь согласишься быстрые мухи – очень образно.

– Может быть, ты тоже художник?

– Я докси, Боцман, просто докси.

А ещё я пристал к теще (не подумайте чего плохого – намерения были самые благородные) с вопросом: почему колвороты так свободных строителей невзлюбили, есть ли у этого явления исторические корни и вообще?

– Знаешь, Боцман, я умных книжек не читала, но от себя могу сказать так: эсэсовцы когда достигают в своем мастерстве определенной стадии уходят из артели и строят мост. То есть это у них как испытание – сумел или не сумел, ну одинокое, ясное дело, какой уж мост может построить – так мостик, через ручей если только. Но когда таких желающих собирается до сотни, а то и больше, тогда это уже серьёзная сила и она способно на многое – вот и появляются мосты там, где они были необходимы, но деньги на их строительство всё ни-

как не находились. Это называется на их профессиональном жаргоне: наводить мосты. А коловоротом это зело не любо – ведь чем больше мостов через реки, овраги и прочие неприятные для сообщения детали географического рельефа, тем легче сообщения между странами или отдельными людьми, а значит что? Значит, разные люди становятся ближе друг к другу, им тяжелее запудрить мозги теориями о расовом превосходстве. То есть их идеология со свастикой накрывается медным тазом. А оно им надо? Поэтому и мочат они свободных строителей сразу, как только где обнаружат. Вот и моего законного... – она прослезилась (ей богу не вру!). – Нет, не убили, но бока помяли здорово, а он, сердечный, болезненный был, много ли ему надо тумачков-то? Эх, слег он и больше уже не вставал. Но свой мост он построил, до сих пор стоит, и век ещё будет стоять – я тебе его когда-нибудь покажу!

– Хорошо! – сказал я и стал представлять мост, который никогда не видел, но, вероятно, когда-нибудь увижу.

Я читал занятный трактат про любовь, прихваченный мной из одной библиотеки в Амбиции. В первом отрывке говорилось, что настоящая любовь – это любовь мужчины к мужчине, а совсем не мужчины к женщине, и только такая "любовь" осенена манной небесной. Во втором описывалось, что конкретно должен делать муж с мальчиком, чтобы все было чики-пуки, и как себя должен вести "правильный" мальчонка со своим мужем, чтобы все не было пуки-чики. В третьем мусолилась тема фаланг, мол, самыми лучшими

фалангами будут те, что составят влюбленные пары...

– ... – сказал я всё, что думал по этому поводу.

– Ты это о чем? – спросил меня Ворд, заинтересовавшийся густоте мата.

– О любви мужчины к мужчине.

– Амбицианцы покоя не дают? – съехидничал капитан.

– Понаписали, понимаешь, всякой... – я хотел было изорвать трактат, но истинный доксин вновь спас от меня книгу.

– Но, но! Горячая голова, мы же вроде уже обсуждали тему не уничтожения информации только по критерию её неудобоваримости для некоторых молодых рассудков.

– Так ты за такую любовь?! – я аж от возмущения забыл, где находится моя любовь.

– А ты прямо святее всех святых?

– Ну, лесбиянки ещё ничего... но эти... – я не понимал, как Ворд может защищать заднепроходников.

– Пусть взрослые люди по обоюдному согласию занимаются сексом так, как им нравится! И нечего книжки рвать! Остынь, а она у меня в сумке полежит. Когда научишься читать между строк и не забивать голову внешним, я тебе дам её почитать снова, наверняка, найдешь там с десятков умных мыслей и не касающихся педофилии и прочих извращений.

– А, по-моему, как раз эти извращения и привели Амбицию к такому концу.

– Это лишь версия. Все зависит от той модели, в которой ты рассматриваешь окружающий мир. Если ты предполага-

есть наличие кармических сил, уравнивающих добро и зло, то, возможно, Амбиция утонула благодаря нелицеприятному поведению её обитателей, которые в следующих жизнях будут морскими кольчатыми червями или всякими кишечно-полостными паразитами. Если же ты сторонник материализма, то тебе ближе будет такая версия: обитатели – отдельно, землетрясение – отдельно и эти события друг с другом не коррелируют, для не окончивших школу объясняю попроще: не связаны между собой. Если же ты веришь в единого Бога – то можешь рассматривать погружение континента в пучину морскую как очередной потоп, правда, не всемирный, а локальный, или как следствие слишком сильного божественного чиха.

– А что Боги чихают?

– Насморк неизлечим, Боцман, особенно, если сопли скопились в извилинах. Прочисть мозги, открой кингстоны, провентилируй трюмы. Кроме этого, не цепляйся ты так за предрассудки и суеверия, за слова, понятия и образы, вообще не за что не цепляйся, плыви в свой омут свободным Боцманом. Белуга тебе в помощь!

Иногда не поймешь, когда Ворд прикалывается, а когда точно прикалывается.

– Ворд, – одна мыслишка засвербила у меня около левого виска и требовала немедленного и глубокого почесывания.

– Что?

– Ты знаешь кто такие буквоеды?

– Точно не знаю, а врать не хочу, хотя на самом деле мне просто лень освещать вопрос, который в свое время и совсем другой человек тебе разъяснит тебе гораздо лучше простого и необразованного доксина. Но не забудь у него ещё спросить и про богоборцев. А мне вопросов больше не задавай – я сон вещий видел и ты меня уже в нем своими бесконечными расспросами достал. Сначала ему непонятно то, потом сё вызывает трудности для восприятия. Определись, наконец, с границами своего непонимания и не вылазь за них слишком далеко, чтобы чему-нибудь плохому не научиться, а то ещё чего доброго станешь буквоедом или богоборцем...

Тут Ворд заснул своим крепким капитанским сном, а я так ничего и не понял. Пришлось мыслишку прихлопнуть другой, более сильной – а нет ли здесь такого местечка, где можно было бы...

– Я уже интересовалась, такого места – нет, – оборвала меня Эльза, чем подтвердила свою заботу о муже и умение читать мои мысли. Обычно она угадывает мои желания двух видов: пожрать и это самое.

Пришлось просто поцеловать светляк и он погас. Такие поцелуи называются поцелуями тьмы. Светляки от них гаснут и чтобы в дальнейшем вырвать из их стеклянных душ свет нужно будет потереть каждый шарик о что-нибудь волосатое, например, о рукав шерстяного платья или шубу, можно и о прическу (если ты не лыс), а на худой конец подойдет и собственное предплечье, если, конечно, на нем есть хотя

бы парочка волосков. Эльза в свою очередь затушила свой светляк и наш уголок "Чумы-1" стал темноват и этим пригож для сна, который всё же не пришёл, пришла лишь дрема.

Королева

Магистр взялся за перо давно, но довёл свой труд до логического конца только сегодня. Он закрыл папку с рукописью, завязал алые тесемки узлом и любовно погладил ладонью шершавую обложку, на которой каллиграфическим подчерком было выведено: "Трактат о народе вообще и о народах населяющих Третий великий магистрат в частности". Я заглянула в книгу (благо для меня, что книга закрытая, что открытая – всё едино, ведь в сновидении они одинаково доступны) и узнала что:

"Народы делятся на два класса: испорченные и неиспорченные. С каждым классом надо поступать правителю особо, испорченные держать в великой строгости, а не испорченные – просто в строгости, чтобы не допустить морального разложения. Хотя испорченные народы лучше всего переселить за пределы государства, а если это невозможно – то на самые окраины или в самые суровые земли, какие только есть в государстве – там им и место. Но, отдаляя больной кусок плоти от себя, ты утрачиваешь и возможность наблюдать за ним, ведь как не хорош какой-нибудь твой доверенный человек, на месте наблюдающий за переселенным народом, все равно у него есть свои пристрастия и убеждения, которые наложат отпечаток на передаваемую в столицу информацию. А значит, контролировать переселенцев будет сложнее, при-

дется увеличить штат соглядатаев и силовых структур – а это всегда вызывает недовольство. Бунтовщиков нужно казнить без всякой жалости и сочувствия, иногда уничтожать нужно и родственников бунтовщиков (порой достаточно ликвидировать только близких, а иногда нужно выжечь даже и дальних), чтобы никто не смог отомстить. Неиспорченные народы, то есть народы, в которых есть сознание того, что государя и государственный строй (со всеми его структурами принуждения к порядку) необходим, а значит, нужен таким, какой он есть и совершенно не нужно что-либо переустраивать и бунтовать – вот такие благоприятные для правителя народы – это дар Божий. Им нужно распорядится с умом, не разбазарить и не положить в бессмысленной войне, а война считается бессмысленной, если она проиграна. На неиспорченные народы можно положиться даже в не самые благоприятные времена – когда неурожай, когда большие внешние долги и, наконец, когда на державу напал сильный сосед. Всё равно народ поможет в свершениях, но только если эти свершения будут учитывать интересы и народа (а не только государя, как это часто бывает)...” гм... дальше, пожалуй, не буду читать – себе дороже.

Там ещё много по бумаге было рассыпано подобных пространственных выражений про народы большие и малые, высокие и низкие, великие и ненужные, но моё любопытство переместило фокус восприятия сразу на место, где магистр описывал тот народ, который ему достался, то есть народ моего ко-

ролевства, мой народ...

"Народ, населяющий пределы Третьего великого магистрата (это моё королевство!), по своей структуре смешан, то есть на окраинах, особенно на северных – он неразвращен, а в центре, особенно в столице – развращен. Посему мне (хорошо ещё, что он к себе не в третьем лице обращался) очень трудно принимать меры, которые бы адекватно воздействовали на весь народ в целом. То, что хорошо для окраин, смерти подобно в столице и наоборот: меры для города совершенно нормальные, для провинции – непонятны и вызывают недоумение и неприязнь. К сожалению, более-менее предсказуемый баланс народных масс был окончательно разрушен теми последствиями, которые оказала волна от затонувшего континента Амбиция (или его части – величину катастрофы пока трудно оценить). Теперь всё и вся перемешалось в магистрате и смута вызревает везде. Я предпринимаю меры, чтобы выкорчевать эти сорняки, но обычные старые и проверенные методы не дают результата. Нужны меры жесткие и решительные, а магистрат колеблется, боится разделить ответственность за массовые казни. Плохо и то, что я не являюсь диктатором, ибо слишком добр и мягок. Для других же, более достойных правителей пишу: никакие меры не могут быть излишне жестокими для подавления восстания против законной власти..."

И так далее в том же духе. Значит, магистр был излишне мягок и добр... О небеса, да если бы я только проснулась!

Но мне ещё много надо сделать для этого и самое малое – передвинуть коня на поле f6. На завтра магистру будет о чём подумать и кроме своего "премилого" трактата. Ведь я сделала ещё одно "чёрное" дело, "чёрное" – потому что, во-первых, я играю чёрными, во-вторых, фигуры передвигаю ночью с помощью кошки, пусть и не полностью чёрной, – вот и выходит, что занимаюсь чёрными делишками – ничего, я не суеверная.

Как я хохотала, когда Магистр обнаружил коня, передвинутого мной посредством кошки! Он уже и двери закрывал и стражу ставил, только я все эти хитрости обходила. Ведь никто не подумает, что фигуры двигает кошка, правильно? А никто посторонний в комнату не входил. А когда магистр посадил специального человека следить за доской через глазок, то я подсылала одного кота глазок закрыть своей пушистой тушкой, а в это время...

Прямо люблюсь, какое багровое стало лицо магистра от прилитой тёмной крови! Он прямо сейчас лопнет же, как лопается крепко налитой гнойник... интересно, от этого взрыва я проснусь?

Боцман

Юго-восточный ветер сносил нас на север, мы промахнулись мимо нашего континента, его ещё называют Олдовия, это с древнего языка означает Старый, хотя, я думаю, он не старше других. А ведь Чума применял всякие умные приборы для навигации – не помогло. Оказались мы на далеком севере. Начало холодать, если более подробно то: холодало, холодало, холодало и холодало, а потом ещё похолодало.

– Это вам не палатка с большим холодом! – сказал Ворд и натянул на себя медвежью шкуру.

Мы все уже давным-давно закутались, кто во что смог, и нам было тяжко лицезреть наготу капитана... зато, когда он все-таки прикрыл гусиную кожу, всем сразу стало легче... но не теплее.

– Вот и ты стал похож на человека! – Чегеварова больше всех обрадовалась тому, что Ворд упаковался в шкуру.

– Я теперь не докси, я теперь как все! – запричитал могучий представитель вольных морских волков.

– А раньше ты был как все докси, то есть тоже принадлежал к определенной группе общества.

– Молчи, женщина, ты меня ещё к мазурикам причисли!

– Ты самый великий капитан, которого я видела за все года моих скитаний по свету (насколько я знал, Чегеварова до этого за пределы Ахинеи никуда не выезжала), твои руки по-

рубали многие несправедливые головы... – и пошёл поток патоки по трубам вордовского мышления.

Эльза, кстати, в мехах стала похожа на пончик, а мне вообще не нравятся девушки, у которых есть лишние килограммы в телесах, и я тут же начал над её внешним видом глумиться:

– Эльза, на каком ты месяце беременности или сколько банок варенья ты съела за завтраком?

В ответ я много чего о себе нового узнал, и не всё было хорошим и добрым... Но веселится мне пришлось недолго – надо было что-то делать с вернувшимися в наш самолёт ползунками. Они не переносят мороза и могут погибнуть в холодрыге, образовавшейся внутри "Чумы-1". Это, без сомнения, классный самолёт, но в нём не было предусмотрена конструктором всего одна мелочь – печка. Я переложил еле шевелящихся ползунков из их раковин в меховую варежку, потом осторожно засунул её за пазуху и стал согревать созданий неба своим дыханием, когда теплодувничать устал, меня на посту сменила Эльза. Обычно ползунки не любят, когда их беспокоят и уж тем более не допускают таких фамильярностей как хватание их хрупких телес пальцами, но сейчас они не выразили протеста, видимо, понимали: по-другому – никак.

Ползунки

Мы с Инной сразу почувствовали – летим к нему, непонятно как – ведь лопотуны тяжелее воздуха и совсем не похожи на птиц, но точно – летим. Мы стали ковырять жалами футляр для нас, в который мы были заботливо упакованными лопотунами и те, слыша наши потуги, выпустили нас. Так и есть – лопотуны забрались внутрь летающей пещеры с прозрачными глазами, а та взлетела выше облаков. Вот это радость! Мы запели гимн Облаков облакам и стали проситься к нашим прародителям. Для нас открыли один глаз в летающей пещере. Мы оказались выше облаков. Мы были выше облаков не во сне, не в грезе от палочек-вонялочек, не понарошку, не обладая цветками в головах, а по-всамделишному!

– Здравствуйте наши далекие предки! – сказали мы дружно и полетели к этим белым гигантам, чтобы совершить обряд поклонения.

Но этот обряд слишком интимен, чтобы можно было даже думать о его разглашении кому бы то ни было, кроме братьев и сестёр по рою. Позже и не известно на сколько позже и чего позже – само время для нас остановилась во время обряда, – мы обессиленные, еле-еле передвигая крылышками, догнали летающую пещеру и вернулись в наш футляр.

– Это было здорово, Ян! – сказала Инна.

– Мы самые счастливые осы в нашем рое... – у меня слипались глаза.

– Нет, просто мы самые смелые – вот и попадаем туда, куда судьба не пускает остальных братьев и сестер по рою.

– Спасибо судьбе! – уже засыпая, сказал я.

– Спасибо свету, освещающему наш путь...

Мы любили всё и вся, мы даже, наверное, полюбили бы шершней, если бы те нас раньше не сожрали. Мир прекрасен и удивителен, особенно с высоты осинового полета! Да будет счастье в вашем гнезде и радость пусть не покинет ваш рой!

Когда в летающей пещере лопотунов стало нестерпимо холодно... мы с Инной посмотрели друг на друга в последний раз; когда мы закрыли глаза, после того как посмотрели друг на друга в последний раз; когда мы свернулись в позы только что родившейся осы и приготовились к вылету из лёгкого мира, после того как мы закрыли глаза, много после того как посмотрели друг на друга в последний раз, нас что-то согрело извне. Это лопотуны переложили к себе под шкуру и дули на нас тёплым воздухом, выходящим из их жевал.

– Инна, ты видишь это? – спросил я, не веря своим глазам.

– Да, вижу, я сама хотела тебя об этом же спросить.

– Они нас спасают!

– Мне кажется, не в первый раз, – Инну била дрожь, а я ничем не мог помочь, казнь себя в данном случае тоже бы не помогла, вот и выходит – совершенно ничем любимой помочь не могу! Меня охватила ярость на собственное бессие-

лие, но и она была бессильной что-либо изменить.

– Да, но тогда это было больше по их привычке, они же думают, что они сильные и могущественные и что им подвластно изменение окружающего их тяжелого мира и даже нашего мира – тонкого, а сейчас другое: они нас просто так греют, – только говорить и могу, совсем как лопотун.

– Обязательно надо будет рассказать нашим братьям и сёстрам по рою!

– Если долетим до них.

– Да, если долетим.

Когда нет сил ни на что, остается просто болтать, и мы обсуждали самих себя, ведь не каждый же день, осы после того как посмотрели друг на друга в последний раз, видят себя снова! Каждое такое событие становится легендой – а уж если тут замешаны лопотуны... Да, такого ещё не было за всю историю нашего роя и поэтому нельзя было утверждать, что с этим можно было что-либо поделаться или поделаться что-либо, чтобы потом что-то утверждать.

Боцман

Вынырнув из облаков, "Чума-1" оказался около острова-града, растущего из океана на гигантских платформах разной вышины. Когда мы облетали его кругом, в одном месте мы увидели большие светящиеся в темноте буквы: "НЗАК".

– Какое-то это твердое "к", на конце, по-моему, не хватает мягкого знака, – сказала Чегеварова.

– Умягчать "к", какой вздор! – не согласился Ворд, но после поцелуя моей тётчи и его любовницы изменил своё мнение.

Над названием города на высокой мачте реял белый флаг с чёрным квадратом посередине. Его мы тоже обсудили.

– Сдается мне это дракон, почти такой же ужасный, как тот, что вытатуирован у меня на теле, – сказал Ворд, разглядывая полотнище флага.

– Какой ещё дракон, где? – спросил Чума.

– Да на флаге, изображен чёрный дракон.

– Это же просто квадрат.

– Квадратов на флагах нет, не было и не будет, круги ещё бывают, а квадраты люди на свои знамена не пускают и правильно делают – не их ранг там ошиваться. А это однозначно чёрный дракон.

– Вот чумава! Спорим, что это просто квадрат, – предло-

жил профессор.

– На что?

– На банку медовухи.

– Идет!

Я разрубил руки спорящих, а сам остался в недоумении – квадрат это или дракон? Как показало недалекое будущее, прав оказался Ворд. На знамени гордо реял чёрный дракон – Чума проиграл медовуху. А я в очередной раз убедился в том, что слухам верить нельзя никак. Ведь что говорят слухи: докси недалекие люди и ничего дальше бушприта своего корабля не видят. А практика показывает, что в чёрном квадрате доксин без вливания допинга видит дракона, который там на самом деле есть, и который абсолютно не доступен для взгляда даже такого просвещённого человека как профессор (а про себя я вообще молчу – в искусстве не разбираюсь вовсе).

Нам нужна была площадка для посадки, но в темноте садиться было опасно – мало ли что и где местные понатыкали у себя на крышах, вследствие этого мы так и кружили до утра на малой высоте над городом, чтобы можно было при свете зари найти безопасный «чумадром». Самолёт Чумы мог садиться практически вертикально и ранним утром мы благополучно и мягко воткнулись на плоской крыше одного из самых высоких зданий города Нзак. «Чумадром» оказался подходящим – площадью около пятисот квадратных локтей.

– Добро пожаловать в суверенный город Нзак, – привет-

ствовала нас чиновник в красно-зелёной униформе, образовавшийся из двери небольшой кабинки, в которой можно было узнать неприятный выход на крышу. – Вы из какого района нашего славного города?

– Вы же прекрасно видели, что мы совсем не из вашего города, мы путешественники, – взяла на себя миссию дипломата Эльза.

– Значит, виз у вас нет?

– Точно так, – милая улыбка.

– Тогда платите пошлину за въезд в чужой район.

– Сколько?

– Всё ваше движимое и недвижимое имущество.

– Гостеприимные мы страны посещаем! – заметил Ворд, передёргивая затвор ружья.

Я сделал то же самое. Чиновника пришлось убить, как и его охрану, как и подкрепление, подбежавшее на стрельбу, как и подкрепление, прибывшее позже уже на другую стрельбу. Только убедившись, что стандартными средствами ведения боя (а нзакцы не знали ни огнестрельного оружия, ни арбалетов или луков и воевали лишь булавами и кинжалами) нас не взять, к нам послали гонца с белым флагом, причём без чёрного дракона-квадрата. Мы потребовали контрибуции в виде: жратвы, питья и местной валюты. Нас тут же заважали...

Через малое время мы уже пили на брудершафт с

местным старейшиной Чарли (ему было от силы тридцать лет, но он был до сих пор жив и по понятиям издалека уже являлся почётным патриархом) в его шикарной резиденции.

– Как быстро вы сможете доставить первую партию оружия? – спросил Чарли (Ворд ему немного приврал, что мы летающие торговцы).

– Через неделю, – и глазом не моргнув, ответил капитан и ополовинил глотком литровую кружку медовухи.

Как он мне потом объяснил, надежда была троекратной: во-первых, Чарли мог умереть, во-вторых, мы могли умереть, в-третьих, все могли умереть – в любом случае нам не пришлось бы выполнять свои обязательства. А аванс в золотых монетах мы предусмотрительно уже получили. Как показала практика, Ворд не ошибся в своих предположениях: Чарли вскоре убили на разборке из-за спорных северных территорий. В Нзаке вообще из-за границ воевали постоянно, этот город, по сути, являлся одним большим железобетонным сооружением, построенным в древние времена в виде перевернутого казана. Это некогда грандиозное сооружение (видимо, на случай воны) теперь было полузатоплено, большая часть помещений не подходило для жизни людей, лишь макушка – малая часть "пирога" – была заселена гордыми горцами (впрочем, ленивыми и не совсем горцами). Ради места под солнцем им постоянно приходилось воевать, тем более что всегда находилась свежая голова, которую озаряла очередная идея фикс: поделить все не квадра-

тами, а треугольниками, или ромбами, или параллелограммами, или секторами, или трапециями, а ещё можно было менять единицы измерения длинны... короче, весь Нзак часто обмеряли по-новому и устанавливали "самые правильные" границы, естественно, это вызывало новый поток территориальных претензий. А к нашему прибытию ситуация ещё больше обострилась: волна, которую вызвало затопление Амбиции, поглотила два нижних обитаемых этажа. Теперь лакомых кусочков, с одной стороны, убавилось, зато, с другой стороны, «лакомость» каждой из сохранившихся территорий многократно возросла! Соответственно предложению вырос и спрос на сорви-голов, готовых взяться на разделочный нож. Вжик-вжик – только и слышалось в тёмных углах – с освещённостью в Нзаке, если выразиться одним словом, было сумрачно.

Да, конечно, в острове-граде имелась дума, но городской голова исполнял лишь роль свадебного генерала и ничего не решал. Хотя у него было одно серьёзное занятие: он вычислял точный возраст Нзака (который всегда увеличивался после новых археологических находок в самых нижних подвалах и даже в фундаменте) и определял день города – праздновали его неделю и в это время не воевали (праздник же). В некоторые года праздновались даже два дня города – а что здесь такого? Если народ хочет зрелищ, то почему бы ему в этом не способствовать. К каждому празднику выпускалась местная бесцветная медовуха (которую называли поче-

му-то водкой), с соответствующим названием: "300 лет Нзаку", "500 лет Нзаку" и т.д. Когда дошли до 100 000 лет Нзаку, решили возраст обнулить. По этому поводу пили аж целый месяц!

Я всё больше и больше убеждался в том, что Ворду интересны местные аборигены и что у него в лысой башке зревает какой-то грандиозный план... Редко так бывает, но в этот раз думал я совершенно правильно. Чегеварова и Ворд решили остаться в Нзаке, у меня это вызвало двойное чувство: жаль было расставаться с другом, ну а о теще либо ничего, либо хорошо, поэтому помолчу. Ворд так объяснял свое решение: "Понимаешь, Боцман, здесь самое место попробовать некоторые главы из "Пути диктатора", ситуация благоприятная – а значит мне нужно быть сейчас здесь". На мой вопрос: "Когда здесь всё завоюешь, придешь ли ты воевать в наше королевство?" капитан ответил так: "Не принимай всё так буквально, мне не нужна власть над всем миром, просто хочется проверить теорию. А если она подтвердится на практике, то после окончательной победы разума над глупостью я построю добротный корабль и наберу экипаж, который можно будет довести до уровня доксинов. Запомни Боцман: путь докси может совпадать на некотором этапе с путем диктатора, но это все равно будут совершенно разные пути. Не бойся знания как такового, бойся уверенности в том, что знаешь, как его правильно применять". Тёща свое решение по великой тайне доверила Эльзе, а она – мне: "Ворд такой

милый в меховой шубке..." Я её не понимал (мне мужики что голые, что одетые...), но скатертью дорога, как говорится... хотя опять сошлюсь на то же правило "Закрытого рта" и умолкну.

Вот так и получилось, что улетели мы из Нзака на "Чуме-1" уже втроём (хотя, если считать с ползунками – впятером) взлетели почти вертикально вверх и направились к городу с ласковым названием, где спала наша королева. И всё шло благополучно, но вдруг Чума стал умирать... где он подцепил то ли чуму, то ли собачью чумку, то ли птичий грипп, то ли свиную заразу – осталось загадкой. Но то, что скончался он в судорогах – это точно. «Это коронавирус!» – пояснил он нам, кашляя. – «Наденьте защитные маски и перчатки». Мы ничего не поняли, но маски и перчатки надели. Перед своим концом профессор открыл нам тайну парашютов "Чума-12" – средства индивидуального спасения с самолёта. Очевидно, первые одиннадцать моделей были негодными, а кто их испробовал, я не стал уточнять, наверное, люди с временно ограниченной свободой. Когда мы подлетели к нашему королевству, наш самолёт пошел враздрай: нос его сначала задирался круто вверх, а потом он сваливался в пикирование и начинал так трястись, что казалось – настал полный карачуп. Мы решили не испытывать судьбу дальше и покинуть борт через эвакуационный выход (дверь, за которой небо). У Эльзы с собой было два мешочка золота – скромная наша добыча в Нзаке, – а я крепко-крепко держал в руках

саквояж с ползунками, ведь ещё древняя мудрость гласит: мы ответственно за тех, кого приручили.

Действуя строго по инструкции о применении парашюта "Чума-12", мы закрепили друг на друге ремни, а потом прыгнули, когда надо – дернули кольца, потом уже вместе кричали: "А-а-а!", чуть позже ударились о землю, но не так сильно, чтобы вышибло дух из тел двух супругов. Впоследствии всё это мне снилось, в разных вариантах, а порой и с небывалыми в яви яркими подробностями.

Место посадки (или крушения) мы не выбирали, но получилось шикарно! Грохнулись мы с небес прямо на площади маленького городка, где вешали художника. Можно было бы авторитетно заявить, что координаты мне опять подсказывали облака. Но я бы соврал. Сверху все кучерявые белые облака кажутся несколько затейливее, чем когда на них пялишься снизу, да и вообще... что можно предсказать во время падения на землю, если думаешь лишь о том, как бы не оборвалась ни одна из многочисленных лямок, которые держат твое грешное тело?

Дима с верёвкой на шее стоял на помосте и смотрел на небо, взор его был слегка затуманен и немного отрешён от жизни (ну, с петлей-то на шее точка зрения на мир меняется). Тут с неба свалились мы. Мне вот одно интересно, а если бы нас ветер снес в какой-нибудь хлев или куда ещё, что бы он сделал – взлетел аки птица и покинул палачей? Это вопрос, я бы даже сказал так: это большой вопрос. Почему-то

я уверен, что его банально повесили, и одним художником стало на свете меньше. Но случилось всё так, как случилось. Казнь (какое мягкое слово с мягоньким знаком на кончике, очень похожим на петлю) была прервана, люди стали обсуждать, не повесить ли им ещё и нас, но ни в одном законе не сказано, что чужакам запрещено падать с большими белыми простынями с неба на площадь, где проходит казнь. Одним мешочком с золотыми кружочками мы подкупили местного старосту и правосудие тотчас объявило, что у художника не находили не траву, а всё это происки деструктивного элемента (у нас часто валят шишки на этот элемент) или иностранных агентов (аналогично). И Диму освободили прямо из петли. Мы решили в столь негостеприимном месте не задерживаться и из городка в направлении столицы мы вышли в таком порядке: Эльза идёт впереди, а чуть сзади мы с художником дискутируем на счет вероятностей.

За нами на солнечном лучике ехал кот Малыш. Существует теория, что это выдуманный кот, ведь ни один нормальный кошак не сможет оседлать солнечный луч. Я подобную парадигму не оспариваю. Может, мы все чьи-то выдуманные персонажи сказки?

– Дима, скажи, пожалуйста, а если бы мы не упали сюда, как снег на голову и у нас с собой не было бы мешочка золота, кто бы рисовал синих котов, которые летали верхом на лиловых крокодилах и жёлтых драконах у нас на стенах дома? – спросил я.

– Если бы не было вас, я бы взлетел, просто моим намерениям было легче позвать своих друзей, чем воплотить в жизни все остальные варианты.

– Ах, вариантов значит было ещё и много?

– Примерно три, но лично я рад, что видел орущую супружескую пару, спускающуюся с небес и гармонично вписавшуюся в картину моей не казни.

– Хорошо, что ты не берешь на себя более длинную цепь событий: ветер, пригнавший наш самолет в город Нзак; запасец золота, предусмотрительно экспроприруемый у нерадивых его обладателей; чумку, от которой умер Чума, ...

– Чумаво!

– Это, кстати, было любимое выражение профессора материалистических наук, до того, как он покинул этот мир.

– А где он сейчас?

– Я думаю, похороны состоялись за несколько верст на северо-восток, но ни родные, ни близкие на них не успели.

Чуть позже мы расстались, Художник направился в Ярморочный город, а мы – в любимую Лас-Ку. Малыш, вцепившись всеми четырьмя лапами в солнечный лучик, удалился за художниками, что было и понятно – нашу еду он всю уже слопал.

– Я думаю, что он теперь должен нарисовать наш цветной портрет, естественно, когда королева проснется и откроет секрет стойких цветных красок.

– Мой любимый меркантильный Боцман, – она чмокнула

меня в щеку. – Художник нам ничего не должен!

– Разумеется. Но, во-первых, я не меркантильный, я – домовитый, а во-вторых, ты не попала поцелуем.

Тут перед нами нарисовался стог сена, в котором Эльза уже отстрелялась точно. Да и я накрыл все цели своими ласками. А потом мы лежали, и она даже поправили сбившуюся повязку, которая сдерживает мои волосы от разлетания. Жена нашла в стогу перо птицы и вставила мне в шевелюру.

– И волос пробило перо...

Не было зеркальца, но, наверное, я стал похож на дикаря. Таких героических дикарей рисуют в детских книжках. Сами дикари давно вымерли. Точнее их убили цивилизованные люди – вот кто настоящие дикари.

Несколько позже:

– Уси-пуси! – я знал, что Эльза не любит, когда я это говорю.

– Не произноси этого слова таким тоном!

– Уси-пуси, почему? – и перестрелка поцелуями началась с новой силой.

Прошла ещё одна вечность... и мы помолчали на одну тему, мы даже друг другу в глаза не смотрели, настолько это было глухое молчание: Веры не было рядом с Художником. Тут и страх в нашу семейку поскребся – ведь такое может с каждым случиться. А не хотелось бы. Просыпаешься утром, а ты один...

Магистр

С попами я обошёлся просто, я обложил церковное имущество налогом, таким же налогом, как облагается любая коммерческая недвижимость. И всё встало на свои места. В королевстве... – вот ведь оговорочка! – в магистрате стало значительно меньше церквей и прочих храмов. Но свято место пусто не бывает, и стали расти секты, как грибы... но с этими ползучими культами мы борются уже силы правопорядка (я не люблю словосочетание «органы правопорядка» от него веет расчленёнкой). Пришлось взять веру в свои руки и оставить одну официальную религию. Зачем людям мучатся выбором? Без них уже всё придумали.

Боцман

Успели мы к нашей халупе как раз вовремя: аккуратно тогда, когда начался аукцион по продаже нашего любимого домика на набережной. Нас не было под его крышей три месяца и по новому закону здание зачислили в свободный жилой фонд и выставили на продажу. Так от нас ушёл второй мешочек золота. Да, это был грабеж среди бела дня! Целый мешочек золота мы отдали за наш же дом! Но, во-первых, цены у нас в столице на недвижимость высокими были всегда, а сейчас так и вовсе бум разыгрался-раскрутился в связи с перенаселением; во-вторых, нам с Эльзой всегда нравился вид на реку, а за удовольствия надо платить; в-третьих, это же был наш дом! Ну и не хай с ним, с золотом, зато мы снова обрели родные пенаты.

Но не одни. Дело в том, что пятнадцатиметровая волна от затонувшего континента Амбиции докатилась и до нашего материка и много бед с собой принесла. Прибрежные города, деревни, хутора и другие селения или смыло полностью или затопило и у нас в городе впервые за много-много лет появились беженцы. Точнее, мы впервые узнали, что означает это слово, а смысл его всегда один – много горя, страданий и слёз. Так вот, беженцев нужно было где-то селить, и по указу (а то мы без него бы не разобрались!) половину жилых комнат в домах надо было безвозмездно предоставить

нуждающимся.

Вот и мы с Эльзой отдали многочисленному семейству весь первый этаж. Дело в том, что гнездо ползунков находилось на втором этаже, а тревожить наших любимцев лишний раз – это значит рисковать их потерять. Ползунки чрезвычайно привередливы в выборе дома, где они устраивают свою хатку. Обычно для этого они выбирают нежилые постройки, чаще вообще давно заброшенные людьми строения или развалины, но иногда селятся прямо в спальне или какой другой комнате жилого дома – так произошло и в нашем случае. По древним приметам – к счастью, по современным обычаям – крайне дурной тон и сама неприличность. Но мы с Эльзой жили по старым законам и жили счастливо. Ползунки не дадут соврать!

Если же расширить тему, то многое изменилось с тех пор, как правление королевы сменил магистрат. Раньше кто как хотел, тот так и верил в Бога (или не верил), а сейчас всем рекомендовалась единственно правильная религия, общаковская, так сказать. Каждое воскресенье – в церковь, слушать разные умности. Вот я думал раньше, что Бог один и он везде и всё он видит, а теперь оказывается, что надо идти за пастырем и только он ведаёт, куда идти, только он знает как правильно общаться с Богом и что тому нравится и что не нравится. Грехи замаливать – тоже только через официального посредника. Свечку поставить – только в лицензируемом месте и за указанную в прейскуранте сумму. Стоит ли

говорить, что я своих убеждений не изменил, в воскресенье делал то же самое, что и в любой другой день недели, и ни разу не приходил к нашему "пастырю" каяться в грехах. С такой репутацией, оставалась только одна работа – сторож шлюза, но она мне удивительным образом нравилась. Компания у нас подобралась соответствующая – одни "недобропорядочными" граждане нашего королевства (я обычно не употребляю словосочетание: "великий третий магистрат" – уж и не знаю почему). Но это раньше я был трудоустроен, а теперь не тружусь. Так, картишки иногда перемешиваю, да раздаю...

Сидели мы в баре и играли в преферанс. Пулю расписали на четверых: Ардо, Вилариба, я и бармен Зюйд, который успевал и в карты посмотреть – сначала в чужие, а потом уж в свои, всё как положено! – и клиентов выпивкой отоварить. Благо играли мы за стойкой, и Зюйду не приходилось от рабочего места отлучаться. Было мое первое слово, мне пришёл страшный мизер, по моим судорожным ужимкам все поняли, что мне пришёл страшный мизер и айда меня жизни учить.

– Боцман, пас можно сказать на любой карте, – выдал Ардо, у которого, судя по всему, был наичистейший пас. Как я уже говорил, Ардо за всё то время, что я его знал, сказал лишь три слова и тут требуется пояснение. Так вот, в зачет идут лишь важные слова, а обычный треп, типа: кто и сколько заказывает за карточным столом или не выпить ли прямо

сейчас... – подобная болтовня не учитывается.

– Не кидайся в него древней мудростью, он и так умный как утка, а после общения с докси так и вовсе стал умнее белуги! – "защитил" меня Зюйд, который сидел на прикупе.

– Посоветуйся с ползунками, они тебе помогут... – процедил Вилариба сквозь зубы, у него была игрища взяток на семь, и он не хотел, чтобы я играл мизер.

– Пас! – выпалил я.

– А-а-а, Боцман опять сказал "пас", поэтому он и женился так рано. Помни: на любой карте можно это сказать... – глумились со всех сторон.

– Мизер! – тут же объявил я, пока никто ничего не сказал по игре.

Нет, в прикупе не было два туза, был всего один и семёрка, но не та семёрка, которая мне была нужна. Зюйд написал на меня висты, а я отобрал свою законную взятку... потов вторую (такой расклад вышел), и записал за них на гору. Пулю я проиграл в хлам, потом мы напились, кто на радостях, а кто, обмывая проигрыш. До дома дошел по стенкам знакомых домов. Но ключ-зараза отказывался поворачиваться в замке. Сначала не лез, а потом гнида не поворачивался! Я стал царапать в дверь ногтями и хрипло звать Эльзу.

– Чего? – заспанно ответило солнце мое со второго этажа.

– Прости меня...

– Ты кто?

– Боцман...

– А я?

– Эльза...

– А раньше я была свет очей твоих... – она перечислила имен сто ласковых и ещё пятьдесят интимных, что шептал ей в более трезвые периоды своей жизни и резю-зю-мировала: – ...пить надо меньше!

Я ничего не понял, кроме того, что мне не откроют, и начал сворачиваться клубочком на крыльце. Какое мягкое крыльцо... голову я положил поближе к краю, чтобы в случае чего можно было легко облегчиться вниз и не запачкать крыльцо. Вдруг чьи-то руки потащили меня куда-то с такого гостеприимного крыльца и облегчался я уже не с него.

Утром я пообещал найти работу и с первой же зарплаты осыпать мою благоверную бриллиантами. На работу я устроился – стал дворником на родной улице к радости местной детворы. Первую зарплату получил в срок, но её не хватило даже на пыль от бриллиантов. "Ничего, проживу и голая, – успокоила меня Эльзуня, совершенно неслучайно она в этот момент действительно была полностью обнажена. – Главное, что ты теперь регулярно приносишь кофе в постель!" Это сущая правда Утром я как раз успевал очистить набережную от опавшей за ночь листвы и приготовить к пробуждению смысла моей жизни чашечку кофе. А с ароматом кофеёчка-кофейка в спальне для Эльзы начиналось утро.

Александра как обычно приехала неожиданно, но не так неожиданно, как появляются художники – облака никак не

намекали на её приезд, впрочем, как и любые другие явления природы. Поцеловав меня, она увлекла за собой Эльзу в гостевую комнату, чтобы рассказать нечто такое, что не предназначалось для моих грубых мужских ушей и получить от неё порцию вестей такого же содержания. Я вполне понимал необходимость общения тет-а-тет, но для порядку выразил легкий протест:

– Вы там без меня не балуйте!

– Обязательно будем баловать! – ответила симпампушечка моя.

– Боцман, мы немножко без тебя побалуем, а потом множко с тобой! – успокоила меня Александра и они уединились.

Спустя минут десять запахло ароматными палочками, ползунки вылезли из своих раковин и, став легче воздуха, прилипли к потолку с очумелым видом.

– А вы, значит, недавно переехали? – спросила Александра у меня, принявшего на грудь уже третью бутылку тёмного пива.

– Угу.

– Пиво тёмное?

– Угу, – я откупорил ещё одну бутылочку и протянул герцогине.

– Вот за что я люблю тебя Боцман, так это за твое немногословие в вербальном диалоге и быстрое действие на уровне витальном. Сколько раз ты в мыслях пытался затащить меня в постель?

Это у неё была любимая манера разговора, так сказать то-стовая (или тестовая – кто какие напитки предпочитает): на-чинает с ума, а заканчивает около самого сердца или в его пределах.

– Да с каждым твоим приездом такая мыслишка проска-кивает, но я понимаю, Эльзе я не конкурент.

– Ты не конкурент девушкам, но успокойся – я больше люблю мужчин, но не женатых на моих подругах – это свя-тое.

– Угу.

– У тебя это просто основная фраза внутреннего диалога.

– Угу.

– Когда ты своему золотому лучику подаришь кольцо или хотя бы бриллиантовые сережки? – резко поменял диалого-вое поле Александра.

– А когда ты в седьмой раз замуж выйдешь, так я сразу и осчастливлю свою благоверную!

– Я была в законном браке лишь пять раз, и до седьмого моего опыта Эльза может и не дотерпеть, вот бросит она те-бя, и что ты будешь тогда из себя представлять?

На самом деле замужем Александра побывала только один раз (ныне в разводе воспитывает замечательного сына), но кому интересны такие банальные сюжеты?

– Безупречного боцмана, наслаждающегося своей свобо-дой на пути к сердцу герцогини. Нет, вот так – боцмана, без-упречно наслаждающегося свободой пути к сердцу герцогини-

ни. Не-не-не... вот так – наслаждающегося боцмана, идущего по пути с сердцем к свободной герцогине.

Ничего не сказала Александра, лишь поцеловала меня и, допив бутылку, сделала знак глазами, мол, откупоривай следующую, что я и сделал. А потом мы на троих выкурили одну сигарету не табака... или их было две...

– Что последний раз нарисовали на вашем доме художники? – спросила Александра.

– Синих котов, которые летали верхом на лиловых крокодилах и жёлтых драконах, – почти без запинки (и это после тёмного пива) отбарабанил я. – Но это было в другом доме.

– В том же самом! – возразила Эльза-уси-пуси.

– В другом! – стал спорить я, ведь это же было очевидно: дом был другой. И я готов был полезть на дно очередной бутылки ради истины! Но больше спорил не по горячке, а так... легко, для проформы, просто меня не трава не цепляет (такая уж у меня организма), поэтому приходится сместить больше других, чем немного знакомого мне человека с именем Боцман.

– Расстояние для видящих глюки не имеет значение. Значит, сегодня будем вызывать лиловых крокодилов. Берегитесь, это самые опасные твари тонкого мира! – Александра стала вызывать лиловых крокодилов (если вы не знаете, как это делается – не знайте дальше).

– После собаки-барабаки, разумеется! – заявила Эльза.

– Кто такая собака-барабака? – поинтересовалась герцогиня.

– Пусть Боцман рассказывает – он её придумал.

– Боцман рассказывай!

Я стал в лицах ткать ткань этого анекдота и барышни заразились хи-хической болезнью, а она, как известно, после курения не табака неизлечима, а уж когда я поведал про холодные губы – настал полный атас! Помогло излечиться от глюков как всегда лишь время, напомнившее о себе боем часов на башне спасенной принцессы.

Как оказалось, наши соседи снизу – никак не могу запомнить их сложные имена и фамилии – даже не слышали историю этой башни. Пришлось их просвещать, и я в красках рассказал историю, которая произошла до того как наша королева заснула и даже до того как её родители появились на свет. Короче было это во времена преданий старины глубокой. Тогда нашим королевством правили добрый король и добрая королева (такое редко, но случается, обычно монархи – те ещё тираны и кровопийцы на теле народном) и родилась у них дочь златокудрая красавица и на её первый день рождения слетелись волшебницы, одиннадцать добрых и одна злая, но с характером. К слову, её не приглашали вообще-то, но зло – оно же на то зло и есть, чтобы вредить всем и всюду без приглашения. Добрые феи (не путать с фейками) пожелали девочке всяких милых и замечательных качеств и счастья, а злая, чтобы подтвердить свой лярвический харак-

тер, возьми и ляпни ни с того ни с сего: "В шестнадцать лет она уколется о веретено и заснёт вечным сном, а разбудить её сможет только поцелуй принца". Ну не лярва ли? Представляете стерву в квадрате? Так лярва – это стерва в кубе. А ведь ей и вина на приеме наливали и пирожными угощали на халяву – а она такое! Прошло пятнадцать лет и девять месяцев – в королевстве всё спокойно, ещё бы – все прялки с веретенами уничтожены и ткань импортируем уже готовую из сопредельных земель. Но кто ищет – тот обязательно найдёт, даже если ищет неосознанно. Принцесса искала... наверное, приключений или принца, или приключений с принцем... но нашла лишь бабку из разряда «божий-одуванчик», которая явно зажила на свете. Она, знамо дело, не слышала никаких эдиктов и пряла себе спокойно пряжу на длинные-предлинную рубаху или носки (об этом история умалчивает). Зато доподлинно известно, что принцесса спросила: "А это что?", ткнула пальцем в прялку и укололась о веретено – так всегда бывает, хочешь ткнуть одно, а подворачивается всякая... Уколовшись, девушка тут же заснула и брякнулась о деревянный и совсем не струганный пол (плотники же не знали, что на их творение будут падать принцессы, а знали бы – так отполировали). Депрессия крепко захватила королевство в свои тошнотворные объятия. Король с королевой ещё боролись, но как ни крути – в округе не было ни одного принца. Когда не надо их полно, как опята на гнилом пне – стаями вокруг принцесс кружат, а когда надо – ау!

АУ!!! Нету принцев, ни одного на горизонте не видать! Ни кривого, ни косоного, ни косматого, ни щербатого – повывелись все как тараканы в избе, если зимой дверь настежь открыть да день с ночью так подержать. Был объявлен конкурс на лучшую замануху для принцев. Победила такая: "У нашей принцессы красивые ноги, красивые руки, и... всё остальное!" Этот текст набрали большими буквами (кое-где даже золотом) на дорогах, ведущих в королевство Зелёных холмов. Принцев ждали, ждали, но так и не дождались. Тогда королевская чета придумала план: нашли в глухой деревне красного молодца – статного, здорового и без вредных привычек, Во всяком случае, в носу он не ковырял, но предков знатных не имел, как и многие другие красные молодцы. Не беда – стали из его генеалогического пня выращивать полноценное древо. К имени Альт прибавили завитушек и превратилась деревенщина в перспективного принца с факсимиле: Альт Эрн-т-Иф – все чин-чинарем. И вот этот свежеспеченный как румяный колобок принц подъехал ко дворцу, шаркнул ножкой, вошёл в покои, где спала принцесса, покраснел и выполнил возложенные на него обязанности, то есть облобызал невинную девушку со свойственной красным молодцам страстью. Короче говоря, осуществил свою провинциальную мечту – завоевал столицу, и никто ему уже никогда бы не крикнул: "Лимита! Понаехали тут!" Но, чуда не произошло, то есть не произошло расколдования принцессы – магия она фикции и подтасовки фактов не признает, ей,

извините, натравить с высокой колокольни на всякие там выдуманные древа предков – ей истину подавай, а не «официальную правду». Представляю, как смеялась в своем логове злая колдунья! Но не представляю горя родителей принцессы. Они тихо вместе скончались в один день, как и обещали перед алтарем. Правда, в это время по нашей стране прокатилась бубновая чума, которая пожалала свою страшную жатву и возможно, королевская чета умерла от этой неизлечимой до сих пор болезни. Бубновая чума оставила после себя много некрологов и одну поговорку преферансистов: "Если не с чего ходить – ходи с бубен!", наверняка, сочиненную циником. Власть, за неимением особ королевских кровей на территории нашего королевства, перешла к магистру. Но не надолго. Он, конечно, принял меры: комнату, где спала принцесса заколотили, саму принцессу погрузили в хрустальный саркофаг; на всех столбах повесили объявления: "Кто видел проезжающего принца сообщить в ближайшую префектуру" и отдельно крупным шрифтом примечание специально для принцев: "Уважаемые принцы, уезжали бы вы отсюда, пока голова ваша при ваших светлостях обитает!" Вроде бы меры необходимые, но не всегда достаточные... И вот нашёлся один отпрыск королевских кровей настырный донельзя, он не умел читать, поэтому объявления хоть и видел, но не бельмеса не понял в их завитушках, а выглядел он так неприятно, что в этом рваном ублюдке никто принца и не признал, и соответственно в префектуры не донес. Но

зато он умел открывать замки отмычками и на раз подобрал код к секретной сторож-системе хрустального саркофага. Он думал там найти золото или бриллианты, а нашёл молодую и что характерно симпатичную, даже более того – красивую девушку и... снаружи она его не сильно то и привлекла, он мыслил так: девка – это обманка, а на самом деле внутри саркофага золото-серебро схоронена. Открыл саркофаг – а там нет золота и драгоценностей, вообще ничего ценного нету от слова «совсем»! Тогда, в этой пиковой или трэфовой ситуации взломщик, не долго думая, а долго размышлять он сроду не умел, приложился к губам принцессы своими губашлепками (причём совсем не покраснел, как Альт Эрн-т-Иф). Какого же было удивление принцессы, когда она вместо гадости, о которую по неосторожности укололась и дряхлой старухе, обнаружила подле себя... ну если и не прекрасного, то, во всяком случае, живого и здорового юношу. Девка сразу почуяла, что это принц и настоящий кобелина. Народ как-то про все эти добрые дела прознал и обрадовался, а магистр совсем наоборот – опечалился. Но это уже никого не волновало – все готовились к свадьбе. На этом сказочке и конец, ах да, чуть не забыл: запертая комната с саркофагом находилась в башне с часами, которую после всех этих мелодраматических историй и получила название Башня спасенной принцессы.

Рассказ понравился, и я стал и дальше знакомить беженцев с историей нашего королевства. Очередной урок от ав-

торитетного педагога без диплома: так давно, что никто и не помнит когда, тут обитали первородные, и чего-то было с символом, смысла которого никто тепереча не может раскусить. Потом на этой местности создали магистрат – первый, его ещё называли великим, но великим он совсем не был – был он даже, если так можно выразиться, отсталым. Потом пришёл энергичный король и, сместив магистра, установил благоденствие в лице своего самодержавия. Когда принцесса уснула, я только что об этом рассказывал, у нас был второй магистрат (короткий). При нем жилось хуже, чем при монархии, поэтому все пробуждению принцессы обрадовались. Потом пошли столетия спокойствия и процветания... не буду подробно о них здесь живописать – а то вы ещё обзавидуетесь. Ну а после того как наша любимая королева заснула (по невыясненным до сего момента причинам) власть опять перешла к магистру. Эти магистры, пользуясь тем, что их в свое время не искоренили как сорняки (когда пришёл энергичный король, и когда проснулась та древняя принцесса), все время отирались около трона и как только монаршая власть ослабевала и скипетр с державой оказывались бесхозными, тут же объявляли магистрат единственной и законной властью. Последний магистрат по счету третий и его объявили Тысячелетним (в чем народ сильно сомневался и сомневается), но уже тянется пару столетий с гаком. Сейчас многие из богатых – за сохранения стабильности и статуса кво (или ква), из народа попроще кое-кто ждёт, когда же коро-

лева проснется и даже готов ради этого кое-чем рискнуть, но молчаливому большинству как всегда – всё по... пусть будет по пояс. Ходит легенда: королева проснется, если ударить в Вековой колокол – но её не подтвердила ни одна волшебница (даже злая беспредельщица). Ну а пока... пока королева спит.

Я думал, что Александра быстро уедет – она никогда долго не задерживалась на одном месте, но случилось всё гораздо запутаннее и печальнее: она уехала с Эльзой. "Так надо!" – сказала радость моя и ничего к этому не добавила, кроме крепких объятий и долгих поцелуев. "Не грусти, Боцман, не успеешь ты три раза запустить своих змеев в небеса, как мы уже вернёмся", – успокоила меня герцогиня. Но я не успокоился. Они что-то замыслили, и это что-то было серьёзным, серьёзным настолько, что меня изначально от этого чего-то устранили. Мои глаза стал грустными и чем дальше уезжали две прекрасные дамы, тем грустнее становились мои глаза. Только одна мысль помогала мне сохранить видимость спокойствия и смирить свои порывы: возможно, мне когда-нибудь об этой сверхсекретной миссии расскажут. А ведь могут и не рассказать. Да, могут.

Ползунки

Мы с Инной очень любили, когда к нашим лопотону и лопотунье приезжала в гости или на какой другой праздник лопотунья с палочками-вонялочками. Это было что-то! Как только она появлялась в пещере у наших лопотунов, начинался такой прикольный шум и гам внизу, что мы за животики хватались. Отдельное спасибо надо было сказать этой лопотунье за палочки-вонялочки и мы его выражали танцами Утренней Росы и Распустившихся Цветов – всё чин-чином!

Лопотунья выращивала жёлтый цветок, который щекотал палочки-вонялочки и выманивал из них дурман-аромат, от которого мы как бы засыпали наяву, покидали свои спальные и, раздуваясь в желудках, прилипали к верхнему своду пещеры лопотунов, отдаваясь на волю грёз и живых видений.

Жалко, жалко, очень жалко, что лопотунья, которую мы прозвали Дарующей Мечты и Обладательницей Жёлтого Цветка, очень редко посещала наших лопотунов. Мы готовы были идти за ней хоть на край неба, хоть за край, но были не в силах этого сделать, находясь под влиянием грёз, а когда мы вновь могли стать тяжелее эфира, то от Дарующей Мечты даже запаховый след простывал. Некоторые малoverы даже утверждали, что её и не было на самом деле, и замолкали они лишь с её новым появлением. А Вабута даже сочинил стих про неё:

Дарующая Мечты, приходи к нам, полосатым осам Верескового роя!

Дарующая Мечты, вырасти жёлтый цветок и дай нам вкусить от плодов его!

Не уходи так быстро, о Дарующая Мечты, мы будем скучать без тебя!

Или хотя бы покажи дорогу к твоей пещере, или научи опылять Жёлтый Цветок!

Мы будем достойны этого и будем охранять покой твоих детенышей-лопотунчиков своими жалами.

Ему никто не сказал, что в стихе должны быть рифма и размер, но он знал, что в стихотворении должна быть частичка сердца осы-сочинительницы, и вложил в стих часть своего сердца, а поэтому мы запомнили эти строчки и стали звать Вабуту не иначе как: Вабута-стихоплёт.

Боцман

Мету, мету, мету я. Листья и прочий мусор. Хотя листья зелёные, жёлтые и красные – разве это мусор? Осень наступает в душе моей. Печаль холодит в объятиях. Нет уверенности в завтрашней игре в преферанс... и так из седмицы в седмицу.

И тут ко мне в размеренную жизнь – от одного взмаха метлы до другого – ворвались мальчишки и загалдели, из их хаотичных выкриков я нацедил страшную новость: "Филиппика убили!" Филиппов много на свете, но мальцы галдели о своем товарище – худеньком мальчугане в очках и с вечно задумчивым видом, он тоже иногда запускал змеев и учился рисовать, отпускал в одиночное плавание модели кораблей и много читал, короче, он был разносторонне развит, если исключить область физической культуры – бойкая девчонка могла его легко одолеть в драке, но он никогда не доводил своих дел до потасовки с дамой. Известен он был ещё и тем, что сочинял стишки, их называли филиппиками, вот текст, пожалуй, самого известного стиха:

Маленький мальчик нашёл арбалет.

Все люди гуляют, а магистр – нет.

– Ему двадцать ударов по пяткам присудили! – перекри-

чал всех остальных Шкет. – Когда палач его бить стал, Филиппик ни разу не крикнул, а на пятнадцатом или шестнадцатом...

– Шестнадцатом! – уточнили остальные.

– Он... он... – Шкет пытался не заплакать. – Обмяк как-то и набок стал заваливаться... а палач...

– Иуда! – обвинил палача хор мальчишек.

– Он, значит, ещё четыре удара... а когда... Филиппик уже не дышал... Боцман, почему до сих пор не ударили в колокол? Королева должна знать, что здесь творится. Долой магистра!

– Долой магистра! – завопили пацанята.

– Тихо! – пришлось взять на себя непопулярное дело. – Тихо, я сказал! Не время сейчас орать. За Филиппа отомстим, когда срок придет.

– Когда он придет? ты как все взрослые... ты... ты – равнодушный!

Слово "равнодушный" повисло в воздухе свинцовой гирей и ничего не могло сдвинуть её с места...

Мету, мету, мету, я. Листья и прочий мусор. Да, листья – это мусор (по циркуляру для дворников). Ш-шить, ш-шить – щекочет мостовую метла. Сведённые скулы не дают улыбки родиться на моем лице. Да и чему улыбаться? Сквозь сомкнутые губы, под ритм метлы выдыхаю тревожные для власть захватившего Маркела строчки:

Маленький мальчик нашёл арбалет.

Все люди гуляют, а магистр – нет.

Руки заняты метлой, а мысли – свободны. Вот в них-то я не мету, я протираю и хожу чужой арбалет. Я знаю – не я из него выстрелю. Но есть уже на свете арбалет, который оборвет жизнь магистра. Я это знаю также точно, как и то, что я не боцман, а дворник, хотя и не дворник, а Боцман. И арбалет не подведет – за ним ухаживают опытные в этом деле руки, не калечные. Руки не мои и в то же время мои. Мы разные, на разных сторонах, и в то же время мы – одно. Ш-шить... ш-шить...

Так я до сих пор толком и не познакомился со всеми беженцами с первого этажа (ладно, ладно – выпить), зато не прошло и года как я начал монтировать второй звонок, чтобы часто приходящие ко мне мальчишки не беспокоили наших новых соседей, к самим-то соседям вряд ли бы кто часто звонил – пойди найди сородичей среди разбросанных по всему городу горемык. И аккурат в момент, когда я ввернул последний шуруп, раздался звонок. Пришлось оперативно слезать со стремянки и открывать дверь. На крыльце стояла стройная блондинка с рюкзачком за плечами, короткие шорты открывали слишком много для боцмана, который уже неделю не видел своей женушки. В шортах, у нас же осень... но ноги – будь здоров у неё... такие бы ноги закинуть на плечи...

– Здравствуйте, у вас есть свободные комнаты? – спросила незнакомка и вошла, не дождавшись моего "да".

– Первый этаж весь занят... – слишком скованно для хозяина дома сказал я и закашлялся, чтобы вернуть нормальный голос с сексуальными оттенками.

– А второй? – спросила она и вновь прошла мимо меня на лестницу, я не успевал отвечать.

Надо было сказать: "Занят" или что-то другое более вежливое, но однозначно дающее понять: нет. Нет – именно то слово, которое я должен был высказать, по крайней мере, твердо про себя. Но основной инстинкт уже толкал в диафрагму и рвался на волю (и это бы совсем не инстинкт самосохранения!).

– Нет, – я так и сказал, но этого никто из нас не услышал.

Она уже оглядела спальню наверху и поняла, что хозяйка хоть и есть, но уже долго не спит здесь... и вот блондинка уже принимает душ, она уже выходит из душа, она уже обнимает меня. Нет. Это я уже обнимаю её...

Магистр

Тысячелетний магистрат принял больше миллиона беженцев из соседних стран, вынужденные переселенцы размещены и накормлены, а ещё обеспечены работой – они строят новые дороги и социально-культурные объекты. К сожалению, штата силовых структур стало явно не хватать, чтобы достойно охватить понаехавших. А ведь они не просто так приехали, они привезли с собой идеи... которые на таможне, к сожалению, от багажа не отфильтруешь. Была бы у непокорных граждан одна шея. Так легко было бы её перерезать...

Народу стало больше, еды – меньше, должностей денежных осталось столько же, но они уже так не радовали. Это инфляция власти. Закручивать гайки уже больше некуда... и трибуналами с виселицами делу не поможешь... остаётся ждать... или это бурлящее варево вышибет крышку котла и меня вместе с ней, или всё успокоится...

Боцман

Со Шкетом запускали змеев. Это уже второй наш выход на крыши с тех пор, как меня покинула Эльза. Запускали ночью в сильный ветер – мы любили такие условия, свобода и беззаконие сплетались в притягательный ком и щекотали грудь.

– А давай их отпустим! – неожиданно предложил Шкет.

– В страну свободных змеев?

– Да, может быть, она есть...

– Она обязательно есть! – я тогда и сам в это верил, и достал финку и полоснул ей по нитке, и мой змей полностью отдался ветру.

Он протянул финку Шкету, но тот мотнул головой. Он просто отпустил свою катушку и утяжелённый таким образом его змей гораздо ровнее стал набирать высоту. Моё творение упало на соседнюю улицу и было растоптано серой стражей. А вот змей Шкета унесся в небеса, и, быть может, попал туда, за грань, в страну свободных змеев, где нет людей, которые думают, что являются их хозяевами.

Придя домой и обнаружив в постели совсем не Эльзу, я задумался. Ведь и мы похожи на змеев в чьих-то руках. Нами также играют, то отпуская нить и давая иллюзию свободы, то выбирают её, направляя туда, куда мы совсем не хотим. И только немногим даётся право сорваться с нити – и на то

есть воля тех, кто держит нити. Наверное, тогда я и перестал верить в свободу выбора.

Ползунки

Однажды мне в голову пришла мысль и я стал её проверять. Для этого я нашёл Вабуту и задал ему прямой вопрос:

– Ты, случаем, не влюбился ли в Дарующую Мечты?

– Да, а что?

– Но она же не оса?

– Я знаю, – сказал Вабута.

Я понял, что не понимаю чего-то в нашем легком мире и полетел скорее к Инне, чтобы она мне всё растолковала. Она не объяснила, но поняла, обогрела и успокоила. Это было то, что мне и требовалось, А вот нерешённый вопрос так и остался висеть перед моими глазами разноцветными точками, потом точки перегруппировались и получилось ещё более непонятно: "Веревку надо поднять наверх, чтобы лопотун смог воспользоваться шумелкой", – насчёт этих слов я полетел уже советоваться с Вдруком, но он ничего не объяснил, лишь сказал: "В своё время тебе всё станет ясно, и ты поднимешь веревку или найдётся кто-то другой, кто сделает это за тебя". Я же думал, что всё время – моё. Непонятки.

А ночью стало ещё более неясно: наш лопотун боролся на ритуальном ристалище с не нашей лопотуньей, у неё были светлые волосы и до этого она ни разу не появлялась в нашей пещере.

– Может быть, наш лопотун перешёл на следующий уровень развития и ему положен более сильный противник? – предположила Инна.

– Во-первых, нельзя однозначно сказать, что эта новая лопотунья сильнее, чем прежняя, а во-вторых...

– Не будь занудой, Ян! – засмеялась Инна.

Я не стал занудой и предложил дуэль. Через миг наши жала выбили пыль из недомолвок и натянутостей, которые опутывали нас целый день, а через две обоюдные атаки эта липкая и неприятная паутина уже падала вниз, но лопотуны не заметили её лоскутков и продолжали свою борьбу на ристалище.

Королева

Ко мне в сон прибыли Эльза и Александра.

– Сейчас мы отправимся в страну Чебуреков! – после дружеских приветствий, обнимашек и поцелуев заявила я тоном, не предполагающим возражения.

Да, я справилась с депрессией и снова стала энергичной королевой, как много... много... не будем говорить сколько лет назад. Видя меня такой, никто бы и не подумал, что недавно я подумывала о самоубийстве. И не надо спрашивать, как бы я это сделала, пусть чёрная полоса навсегда отойдёт в прошлое...

Мои подданные даже не задали вполне допустимых в данных обстоятельствах вопросов, вроде: "Куда, куда?!"

– Вы не ослышались. Мы отправляемся в страну Чебуреков. За мной!

Я махнула рукой и мы, оседлав коньков-горбунков, помчались сквозь миры. Не всё пошло гладко по мной утверждённому плану. Но главное ввязаться в бой, а там уж как получится. Нас остановил патруль, состоящий из десятка одинаково красивых парней, стоявших колонной по два, у пяти на камзолах были вышиты нолики, а у пяти – крестики.

– Куда путь держите? – спросили хором крестики.

– В страну Чебуреков.

– Без пошлины вы через наш мир не проедете! – заверили

нолики.

– И какова пошлина? – спросила я.

– Вы должны дать сеанс одновременной игры в крестики-нолики нашему чемпиону. Клеточное поле – бесконечное, выигрывает тот, кто первым поставит пять крестиков или пять ноликов. Если кто-нибудь из вас победит хотя бы в одной партии, то мы проводим вас до границы страны Чебуреков.

– А если мы ни разу не выиграем? – спросила Александра.

– Останетесь здесь переписчиками лучших партий, – объявил один страж.

– Красивыми переписчиками... – добавил его брат близнец и покраснел. Мы его простили.

– Мы согласны, где ваш чемпион? – с легкостью приняла я условия испытания.

– Я здесь, – отозвался некто в тумане, было неясно: крестик он или нолик.

Мы играли, играли, играли и проиграли первые 1028 партий...

– А что это за мир? – спросила меня Эльза, чтобы как-то отвлечься от мельтешащих перед глазами палочек и бубликов.

– Это мир, где живет идея хорошо нам знакомой игры на бумаге в клетку.

– Озабоченные они какие-то, – заметила Александра. – Зачем им переписчики, у них же архивы постоянно попол-

няются.

– Не знаю, девчонки, давайте поднапряжемся и уделаем чемпиона.

Мы поднапряглись и проиграли ещё 1028 партий. "Уф!!!" – только и доносилась от наших столиков, где мы терпели поражение за поражением.

– Чемпион всегда играет крестиками, у нас нет шансов выиграть! – пожаловалась охраняющим нас десяти юношам Александра.

– Так принято, но за пределами нашего мира иногда начинают нолики, так поддерживается гармония. А мы сохраняем традицию без изменений.

– А почему вас десять? – спросила у охранников Эльза.

– Чтобы никто никого не победил! – хором объяснил десяток "инкубаторских" молодых людей.

– Жуть! – одновременно сказали мы и засмеялись.

Соблазнить, обмануть, убить, усыпить, разжалобить, обжулить, прозомбировать и ещё кое-что заканчивающееся на "ть" чемпиона нам не удалось. Мы проиграли ещё 1028 партий. После этого чемпион «сменился» – в тумане мы заметили, что он из крестика превратился в нолика. Начинал он крестиками и так же легко выигрывал у нас, но... Его мы всё же обмишурили: не потому что шибко умные, просто у нас осталась одна отложенная партия. В ней я ещё играла ноликами и он не мог у меня выиграть из соображений гуманности или морали, или ещё чего-то – какая разница? – а

я у него выиграть могла! Правда, мне показалось, что он мне поддался, после того как я пообещала всю жизнь играть ноликами... Впрочем, какая разница – в чём причина победы? Главное то, что я выиграла с присущим мне блеском и изяществом. Проигранные тысячи партий были забыты и стерты из хроник наших путешествий сквозь миры.

До мельчайших подробностей знакомые нам бравые молодцы-десятиряшки чинно проводили нас к границе страны Чебуреков. На прощанье стража подарила нам десятитомник избранных партий, сыгранных последним двумястами чемпионами. В последствие это издание пошло на самокрутки и другие бумажные нужды. Не жалко, ведь партии в книги зашифровали, чтобы посторонние, коими мы тоже являлись, не научились мастерству игры.

– А где страна Чебуреков? – спросила у меня Эльза, когда мы славно поужинали в обыкновенной придорожной таверне.

– Вокруг.

– А где чебуреки?

– Повсюду.

– Я ничего не вижу... – Александра пыталась найти чебуреки и в этом была её проблема.

– Ты хочешь увидеть необычное, а видишь лишь обычное, и думаешь, что тебя обманули. Чебуреки здесь везде, – я протянула руку к кружке с пивом и она превратилась в маленький и пухлый чебурек с аппетитной корочкой.

– Ух ты! – только и смогли сказать мои подружки.

– А то!

Таверна начала таять и мы очутились в огромной кухне, где готовились только чебуреки, лишь чебуреки и ничего кроме чебуреков. Здесь румянили свои бока чебуреки всех видов и размеров, всех форм и способов приготовления. Создавалось впечатление, что вокруг нас раскинулся чебурековый рай.

– Это мир, где живет идея чебуреков или чебурекового рая? – спросили догады.

– Нет, это просто страна Чебуреков.

Кухня превратилась в холодильники. Много холодильников. Очень много холодильников сплошь набитых чебуреками. Ряды холодильников простирались на сколько хватало взгляда и, разумеется, ещё дальше.

– А это чебурековое кладбище? – спросила уже одна Эльза.

– Нет, это просто страна Чебуреков.

Когда нас стало тошнить одними чебуреками, я дала команду возвращаться домой.

– А зачем ты водила нас в страну Чебуреков? – по виду Александры я поняла, что она пыталась додуматься до ответа на этот вопрос сама, но у неё ничего не получилось.

– Чтобы показать вам, что есть области, где всем абсолютно всё равно: сплю ли я или уже мертва, находится ли моё королевство в благополучии или в бедствии, есть ли вообще

наш мир или его нет. Теперь вы убедились, что отнюдь не все герои хотят меня разбудить, убить, забыть, воскресить или ещё чего-нибудь со мной сделать, плохое или хорошее, злое или доброе, законное или в принципе законное, но не легитимное. Наверное, вам теперь будет не так больно, если бунт будет подавлен.

– Но революция победит, обязательно победит, у нас всё продумано!... – они плакали, и клялись и удалялись от меня.

Они ещё много чего говорили невнятно – они просыпались и покидали свою королеву. Я на время осталась в своём сне одна.

Боцман

– По-моему, настало время познакомиться... – в некоторых королевствах, я слышал, проведённая вместе ночь не является поводом для знакомства, но только не в нашем.

– Майя, – просто сказала блондинка.

– Боцман, – в свою очередь просто сказал я.

– Ты не похож на боцмана.

– А ты не похожа на май.

– Но я – действительно Майя.

– А я – действительно Боцман.

Так я изменил Эльзе, не в первый раз, но в первый раз по настоящему: в нашем доме, в нашей постели, в присутствии наших ползунков...

Ползунки

Странная всё-таки лопотунья пробралась в нашу пещеру. Очень странная. Я бы даже сказал странная вдвойне, ведь её странность заключалась в двух качествах: у неё были необычного вида волосы цвета соломы, и она пробралась в пещеру тайно, так в неё гости-лопотуны попали впервые. Но она нас довольно быстро обрадовала – достала палочки-вонялочки и добыла из своих пальцев жёлтый огонь. Когда предел мечтаний в виде дыма достиг нас, мы выскользнули из спальников и прилипли к верхнему своду пещеры. Хорошо!

Но ещё лучше нам стало, когда мы обнаружили, что хозяйка жёлтого огня не покинула нас, как это обычно бывало, когда осиное наслаждение отпустило своих почитателей. Более того, она знала наш язык. Лопотунья могла с нами общаться! Она стала учить нас, как помочь попавшим в беду, мы сначала не понимали о какой беде она толкует, но она привела аналогию, что и у лопотунов есть свои осы и свои шершни, вот тогда то мы и смекнули – что к чему...

Только Дебелый не доверял Огненной – так мы прозвали лопотунью за цвет её волос. Он и раньше призывал покинуть пещеру лопотунов, а сейчас стал просто одержимым идеей иммиграции. Он считал, что всё зло в мире – от лопотунов и что нам, лёгким существам, не надо якшаться с этими грязными представителями тяжёлого мира. "Палочки-вонялоч-

ки – злая приманка для слабохарактерных ос! – утверждал Дебелый. – С помощью их, вас накачивают чуждыми идеями и вы становитесь бездвижными, безвольными, не мыслящими самостоятельно – просто летающими трупами. Одумайтесь! Пора собирать манатки и валить из этого логова в чистый новый мир без лопотунов!" Такими проповедями он надоедал всем и каждому. На него перестали обращать внимание, решив, что в его голове просто стал расти мак. Такое бывает: раз – и в голове начинает расти цветок, у одних – мак, тогда их начинают обуревать странные идеи, у других – ромашка и они становятся хорошими предсказателями, у третьих – лотос (как у Вдрука) и они начинают познавать природу времени, у четвертых – кактус, который сильно колется и т.д. У каждого в голове может вырасти свой цветок, а может и не начать свой рост. Но после знакомства нашего роя с Огненной, Дебелый стал абсолютно невыносим, и мы удалили его из гнезда. "Раз ему хотелось улететь – пусть улетает", – решили мы на совете и отпустили Дебелого на все шестнадцать сторон света. Он и покинуть нас не смог тихо: наговорил всяких гадостей и даже проклял наше гнездо, что уж ни какими цветками в голове объяснить нельзя. Больше мы Дебелого никогда не видели и не слышали слухов о нем. Видимо, он выбрал себе не ту сторону, мак – опасный цветок.

– Шершни, шершни, шершни! – орали все, кто мог орать,

остальные орали про себя.

Набег на наше гнездо! Мы встретили его достойно! Каждый дрался как оса раза в три большая, чем он (или она) был на самом деле. Только много позже, когда отошли от горячки боя, мы стали подсчитывать потери: пять погибших – их тела мы отправили к облакам. И восемь наших взято в плен. Среди них была и... Инна, Инночка, Иннюся...

Как я мог её потерять? Я кусал себя, но мне было не больно. Больно было от того, что со мной нет любимой!

По гнезду объявили траур.

Нас разбудил Борщ, он навел такого шороху, какой никогда не выдавали в эфир даже лопотуны.

– Доколь вы будете сидеть, сложа крылышки? Надо уничтожить гнездо шершней с помощью Жёлтого цветка, как нас научила Огненная!

– А кто понесет цветок? – мы не до конца ожили.

– Я!!! – и это его "Я" нас пробудило.

Мы стали готовиться к своему набегу, первому набегу ос на шершней. На самом деле мы (осы) совсем не нужны шершням, но им нужны грибы особого сорта, которые растут только в осиных головах. Вот шершни и ловят наших и выращивают в нас свои любимые грибы, а потом жрут, не нас – грибы. Но что случается с осой, в голове которой съели гриб? Правильно, ничего хорошего.

Борщ нёс в руках урну со спящим Жёлтым цветком. Мы все – двадцать четыре отборных жала! – составили отряд

прикрытия. А Борщ стал нашей надеждой. Мы напали со стороны света и стали рубить стражу у дупла шершней. А Борщ, опалив свои усы, все-таки пронёс урну в их гнездо. Жёлтый цветок проснулся. Наши стали вылетать из плена вместе с потерявшими лицо шершнями. Мы разили шершней и раздавали запасные жала своим. Это была великая битва, вошедшая в гнездо поэтов.

Ура! И всем нам Ура! И отдельное моё ура! Ведь Инне не успели посадить в голову гриб! О большем я и мечтать не мог. Когда вернулись в наш дом, я стал слабеть от ран... Инна заботливо ухаживала за мной, смачивала мои раны прополисом, а я любовался на её красоту счастливыми фасеточными глазами.

Боцман

Однажды в промозглый вечер как-то тошно и муторно стало на душе, и я целенаправленно поплёлся в бар "Зелёная лошадь", раньше он назывался "Белый единорог", но в магистрате кое-кому показалось, что название слишком свободолюбивое, и под предлогом несуществования единорогов название попросили сменить в добровольно принудительном порядке. Правда и зелёных лошадей не существует, но новое название у контролирующих органов протеста не вызвало. Я поздоровался с Зюйдом, стоящим за стойкой, принял от него кружку тёмного пива – он как никто другой знает, что я заказываю в сумрачном состоянии, и уселся за столик в углу спиной ко входу, ясно давая всем понять – я за одиночное плавание к Бахусу.

Но есть категория людей, которая не понимает тонких намеков, через две кружки пива, рядом со мной шлепнулась знакомая туша.

– Пока королева спит, – сказала она и чокнулась со мной кружкой такого же тёмного пива.

Узнаю чок Виларибы и его фирменный тоскливый тост. Иногда его ещё используют в качестве приветствия. Хотя обычно ту же информацию запикивают в более весёлую форму, например: "Чтобы, наконец, эта стерва проснулась!", или: "А наша старушка ещё дрыхнет!" и т.д. Фраза "Пока ко-

ролева спит" в устах Виларибы ясно давала понять, что настроение у него примерно такое же минусовое, как у меня, но если учесть, что он отставал от меня на две кружки, то... то он меня уже сегодня не догонит.

– И тебе привет! – сказал я.

– Знаешь, Боцман, на твоё место взяли сопливого юнца, так он начал весь шлюз окроплять святой водой, якобы от нечисти.

– Из папского источника?

– Из него самого.

– И что?

– Ясный перец – ничего. Нашей прожженной нечисти чихать на папу и иже с ним!

– Да, нечисть у нас нажористая, её водичкой не проймёшь... – согласился я.

– Но дело не в этом, – Вилариба придвинулся ко мне поближе, а это могло означать только одно: он начнёт делиться своими самыми последними изысканиями в выведении на чистую воду всемирного заговора ползунков.

– Ты думаешь, почему Амбиция затонула?

– Ну не вся, как недавно стало известно...

– Всё равно это глобальная карастрофа!

– Ужель ползунки виноваты?

– Они!

– Но в Амбиции не было ползунков.

– Вот именно! Это же был единственный свободный от

них континент, не считая льдов севера и юга! А теперь что? – эффектная пауза, на меня взирают обладающие знанием глаза. – Они весь мир контролируют! К каждому у них тянется ниточка и к тебе и ко мне.

– Что-то я не вижу ниток, торчащих у меня из головы.

– Так они невидимые!

Он до жути логичен, как все немного тронутые. Впрочем, не мне судить и изводить тараканов в чужих головах, в своей бы с ними покончить.

– Раз так, почему ты о них знаешь, если бы они нас контролировали, то тебе бы таким мысли просто не пришли в голову.

– А ползунок, который мной управляет, не согласен с общим замыслом, – проникновенным шепотом сообщил Вилариба и придвинулся ко мне ещё ближе.

– Ну и какой их генеральный замысел?

– Не знаю, пока не знаю, но точно уверен – он архискверный!

– Женится тебе, Вилариба, надо. Погулял своё – и в стойло плодить детишек как все. Ты не думай, это не ползунки так хотят, чтобы управлять было легче, просто ничего лучше семьи для продолжения рода мы, свободные люди, не придумали за всё время развития.

А ведь мог сказать кое-что про его кепку, мол, не жмёт она тебе мозги? Дело в том, что Вилариба всегда ходил в кепке, точнее только в козырьке. Козырек держался на двух винтах,

которые надежно своей резьбой цеплялись за череп. В детстве Вилариба неудачно упал и ударился лбом об угол стола, кусочек черепа при этом потерялся и его место один находчивый лекарь заменил серебряной пластинкой. Её-то он и прищпандорил двумя винтами. Спустя несколько лет Вилариба решил, что нечего функциональным элементам его головушки пропадать и подвесил к пластине козырек. С тех пор Виларибу без козырька никто не видел. Но ссылаться на дефекты головы собеседника – это крайний аргумент, и я его в споре не использую. А девки его и с козырьком любили, харизма у него была и сексуально хриплый голос... – это я тут не комплименты источаю, а констатирую. Меня-то его рулады на гитаре не колышат...

– Да какое развитие, одна деградация прёт!

– Знаешь, кого здесь не хватает?

– Ардо?

– Точно!

На ловца и зверь бежит: третьим за наш столик присел ещё один действующий сторож шлюза. Мы чокнулись и немного помолчали. А потом мы с Виларибой замолкли окончательно, так как заговорил Ардо. Если учесть, что заговорил он впервые за то время, что мы его знали, легко понять наше изумление. Да и заговорил он складно и конкретно, было совсем не похоже, что он пьян, или он мог симулировать свое опьянение так же безупречно, как и свою молчаливость.

– Мы не первый год друг друга знаем, и пришло время

узнать друг друга ещё лучше. Сейчас совсем плохо сидеть в баре и напиваться – это можно было делать в прошлом и ещё много раз можно будет делать в будущем, но не теперь. Если вы не заметили, я вам обрисую сегодняшнюю картину жизни в нашем королевстве... – пауза. – Третий магистрат реально можно свергнуть! Недовольство народа есть? Есть. Желание намотать кишки магистра на свой локоть присутствует? Присутствует. Много свежей крови в городе, которую ещё не опутали наши законы и нравы, появилось? Появилось. Так чего же мы ждём?! Не можете ответить! – он щёлкнул пальцами, как победитель. А ведь у нас и времени на ответ не было, но Ардо продолжил дальше, совсем об этом не заботясь. – Создалась революционная ситуация. Действовать надо решительно и быстро в трёх направлениях. Первое, захватить арсенал, чтобы было оружие на случай затяжного конфликта. Второе, ударить в Вечный колокол – а вдруг королева проснётся – тогда магистру и без нас кирдык придет. И наконец, третье, если первые два замысла не удастся осуществить – открыть шлюзы и затопить город.

– Воды же мало?

– Воды будет достаточно!

Тут я не выдержал и перебил:

– Ты это, случайно, не в "Пути диктатора" прочитал?

– Нет, своим умом дошёл.

– У тебя есть эта книга? – вспыхнул Вилариба и даже схватил меня за руку, а это не характерный жест для двух кол-

лег-сторожей.

– Нет, просто демонстрирую боцманскую эрудицию, – отбрил я необоснованные притязания.

– Какие мы крутые, – непонятно на что обозлился он. – А знаешь ли ты, что твоя Майя – дочь одного из членов магистрата?

– Откуда информация?

– Оттуда! – он указал на потолок.

Я не люблю, когда в разговоре ссылаются на не наш мир. Некорректно это, также некорректно, как использовать крайний аргумент.

– Это правда, – подтвердил Ардо.

Если бы это сказал не он, если бы это сказал кто-нибудь другой, даже бы Эльза – я бы не поверил. Но это сказал Ардо. Я понял, что пить мне сегодня бесполезно.

– Сегодня на шлюзе дежурит новенький?

– А иначе как бы мы все могли здесь встретиться? – а ведь Вилариба мог просто сказать "да".

– Я пойду ночевать на шлюз, – сказал я и встал из-за стола.

– Мы все пойдем туда, – Ардо тоже поднялся. – И устроим веселую ночку обрызгивателю святой воды.

– Так вы его прозвали?

– Нет, обычно мы зовем его просто мудака.

Старые сторожа всегда знаю немного больше, чем сторожа молодые, вот и мы знали такие ходы-выходы в древнее здание шлюза, что проникли в него совершенно незаметно

для стража, который, надо отдать ему должное, не спал и честно нёс свою вахту. Взобравшись на крышу охранной будки, мы стали изгаляться, как могли. Вилариба заунывно завывал: "У-у-у!" Ардо не своим, я бы даже сказал нечеловеческим, голосом орал: "Крови, мы хотим твоей крови!" а я в силу того, что длинные слова выговаривать уже не мог, да и вообще язык мой меня уже не слушался, просто скрёб осколком стекла по железному коньку крыши, получался мурашковызывающий звук: "Виз-з-з-ж-ж-ж". А вместе выходило следующее: "У-у-у! мы хотим... виз-з-з-ж-ж... твоей крови!" Вот так и рождаются страшные истории, ведь, наверняка, этот мудак внизу будет днём рассказывать, как чудом избежал смерти от лап нечисти. Самой отъявленной нечистью на шлюзе в эту ночь были мы, а где хоронилась настоящая нечисть я не знаю. Возможно, измерив количество алкоголя в нашей крови, она поняла: ловить здесь нечего, можно и по заливку схлопотать.

На крышу вылез только храбрый пёс Алый, которому стало любопытно – кто тут лютует... Но узнав своих, он успокоился... а мы его даже погладили (в рукавицах, конечно). Алый никак не помог новичку в разоблачении псевдонечисти, ведь собаки лучше людей знают – кто хороший, а кто так себе...

Как заснул – не помню. А проснулся я обыкновенным ползунком. У меня были прозрачные крылышки, шпага и раковина. Она нужна для того, чтобы не улететь навсегда в небо,

если вдруг я стану легче воздуха. И друзья у меня были все самые настоящие ползунки и любимая – тоже была ползунком. Я ничуть не удивился такому превращения – в жизни и не такое бывает. Только как я теперь буду пить пиво? Оказывается, ползунки очень легко засыпают – вот и я заснул. И приснилось мне, что я настоящий человек, зовут меня Боцман и я жду свою суженную у окна. Я совсем не удивился тому, что из ползунка превратился в Боцмана – в жизни и не такое бывает. Но Эльза не приехала, приехала Александра, она подошла к окну, через которое я смотрел на нашу улицу, и сказала мне: "Боцман, это не твой сон", Это был, действительно, не мой сон, я подчинился укоризненному взгляду герцогини и проснулся. Снова я был ползунком и только один звук мешал мне им быть – это было мощное: "Бом, бом, бом!" – он как бы выталкивал меня из естественного состояния куда-то в неведомое. Где-то я его уже слышал...

Проснулся я на крыше шлюза от ударов часов, которые били на башне спящей принцессы, в компании Ардо и Виларибы. Чего только не приснится на свежем воздухе, в нечистом месте, особенно после всяких мутных разговоров про всемирный заговор ползунков! Вообще-то в нашем королевстве, а особенно в нашем городе, где уже несколько столетий почивает королева, людям довольно часто снятся вещие сны. Например, ночью видишь, что к тебе пришли гости, а днем – точно, твои кореша стучаться к тебе в дверь и хорошо, если ты приготовился и достал припасы, а если нет – пе-

ный на себя (тебя же во сне предупреждали). Единственным сном, который не сбывается и поэтому удалён из списка вещей, является сновидение про то, как королева просыпается. Его слишком часто видят представители самых разных слоев общества и профессий (для сторонников магистра это кошмар)... а толку – нуль. Пока королева спит.

– Вставайте, хрычи, завтрак проспите! – гаркнул я.

– Ты что ли пойдешь за завтраком? – спросил Вилариба.

– Завтрак – это цель, как революция... ик... ночью было ещё рано, а в обед будет уже поздно, ловить надо сейчас! – выдал я энергично.

– А из тебя бы вышел неплохой проповедник, и блеск в глазах при упоминании еды появился, – заметил Ардо.

На часах натикало уже одиннадцать часов и мы спрыгнули с крыши на смотровую площадку и спустились к Слепому. Теперь можно было уже не бояться выдать секрет перед новеньким – кто был нечистью сегодня ночью. Нельзя же чудака-мудака так травмировать, ведь нечисть есть, её не может не быть. Старый лоцман обозвал нас шалопутами, но, несмотря на наше шалопутство, накормил яичницей с салом, за что мы сказали ему троекратное спасибо и причислили к когорте замечательных людей нашего городка.

– Не волнуйся, Слепой, не посмертно причисляем, ещё при жизни.

– Марш по домам, шалопуты неразумные! – вежливо выставил нас лоцман и мы пошли по домам.

Не знаю как другим, а мне-то домой совсем не хотелось. Но я не откладываю трудные разговоры на потом, тем более что этого самого потом может и не быть, а тогда куда же денется трудный разговор – получается, я его пропущу? Нет уж! Что мне положено судьбой, то положено и этого не отнять. Вот и до дома дошёл – близко все-таки я живу от моей бывшей работы.

– Привет, шалопут! – поприветствовала меня Майя и весь мой стройный план разговора рухнул как карточный домик.

– Угу, – а надо было сказать хотя бы "привет".

Она взяла меня за руку отвела как маленького на второй этаж, усадила на стул, села ко мне на колени и сказала:

– Потому что так надо было.

– Что надо было?

– Ты хотел меня спросить, почему я тебе не сказала кто мой отец, и я ответила на этот вопрос.

Только не надо говорить, что всё это можно было рассчитать логически или увидеть во сне; может быть, у вас в головах и есть запасы серого вещества величиной с наш шлюз, а только у меня такого арсенала мудрости нету в наличии, а вещего сна я не видел, точнее, видел, но какой-то странный и совсем не похожий на вещей, да к тому же там Майи совсем не было. Вот так. Ладно, она меня ещё после этих загадок просто поцеловала, а то бы я её сам поцеловал – хотя этого я уже не упустил...

Я так крепко запутался, что оставалась одно: ждать пока

чего-нибудь произойдёт потому, что «так надо»... даже если сейчас закрыть глаза и ни о чем не думать – всё равно запутаешься ещё больше.

Магистр

Информаторы сообщают с мест, что в народе созревают протестные настроения. Так и до бунта может прийти. Нужно всех активистов посадить, а особо буйных повесить. Пушай проветрятся.

– Ах ты моя лапа, – погладил я Люси и та замурлыкала. Это ли не счастье? К сожалению, нужно было ещё и в шахматы играть. Отвлекает меня спящая стерва. Ладно, не долго ей до мата осталось...

Шут

Слышал я о выдуманной стране, но никогда туда не заглядывал. А сейчас довелось. Народ там придумывает королевства, историю, существ и живёт в этом выдуманном мире, лишь слегка соприкасаясь с миром ... скажем так: не выдуманным ими (или выдуманным не ими). Я ходил и смотрел на эльфов, оборотней, гоблинов, троллей, гаргулий, ведьм и драконов, которые не были эльфами, оборотнями, гоблинами, троллями, гаргульями, ведьмами и драконами. Грустно. Одно дело, когда ты восхищаешься сказочным миром, в котором ты живешь (некоторые думают, что это реальный мир) и добавляешь к нему свою фантазию, и совсем другое дело, когда ты убегаешь из сказки своей жизни в придуманный ненатуральный мир...

Я ни с кем не разговаривал в выдуманном королевстве. Никто там не мог сказать того, чего бы я уже не знал, а мои словоблудия его персонажам были бы не интересны. К тому же меня там никто не замечал. Я же не перевоплощался и не играл и их игры, я был натуральным несмешным шутом и посему в выдуманной стране моя персона никого не интересовала. В свою очередь и меня не интересовали люди, которые играют в игры.

Но вот – и в этом вся прелесть жизни! – новый поворот. Мой путь повернула малина.

– Шут, куда ты спешишь голодный, когда я здесь разбросала спелые ягоды по своим веткам?

– Уже никуда не спешу.

– Вот и ладненько.

Я стал кушать её, она – учить меня.

– Я вывела правило и назвала его правило Малины.

– С удовольствием послушаю.

– Так слушай же, и оторвись от этой... нет уже этой... нет от всех ягод, я требую внимания!

Пришлось быстро слизнуть ещё парочку крупных малинок и сделать серьёзное лицо

– Внимаю, о королева ягод!

Малина зарделась и продолжила:

– Ягода, которую ты ещё не съел, всегда вкуснее той, что тает у тебя во рту.

Листья её затрепетали от осознания собственной мудрости.

– Полностью согласен, только это относится и к другим ягодам.

– Не спорю, но вывела-то его я, поэтому называться оно будет правилом Малины. И никаких гвоздей!

Гвоздей поблизости, действительно, не было никаких, даже стеклянных, оловянных и деревянных. Я не стал малину разочаровывать, ведь она была не права, точнее она по-малинному, возможно, и была близка к истине, а вот по отношению к тому, кто её вкушал – нет. Все было наоборот: яго-

да, которую ты только что закинул в свой рот – самая вкусная на свете, ведь другой у тебя может уже не быть. Люди обычно не думают о сиюминутности своего бытия и внезапной смертности своей. Что ж – это их право, право заблуждаться по любому поводу. Малина что-то почувствовала, какой-то отголосок моего несогласия уловила, кокетливо распустила листики и выдала мне новую тему разговора:

– Кстати, был ли ты на кладбище Богов?

– Нет, – ответил я, интересно, кстати, к чему она это сказала, мы же о Богах не говорили совсем.

– Ну-ну! – совершенно без эмоций сказала малина, и это был самый заманчивый призыв посетить кладбище Богов, так сказать, идеальная заманилка. Или замалинка.

Пришлось сворачивать и долго петлять, малина не знала точно, где находится кладбище, она про него слышала краем уха от плюща, плющ – от папоротника, папоротник – от ёлки, ёлка – от пня с мхом на холке... короче мне помог ветер, без него бы не нашёл.

Кладбище Богов располагалось в узкой долине, зажатой двумя скалами – чёрной и жёлтой. Солнце заглядывала сюда только в середине дня, да и то на пару-тройку часов, настолько скалы были круты, а долина – узкой, как горлышко трясогузки. Всю её заплотоняли, загромождали и захламляли скульптуры, памятники, идолы, монументы, бюсты и прочие каменные изображения великих людей и разных по калибру Богов. Если слоны сами приходят в долину смерти, что-

бы умереть подальше от любопытных глаз, то памятники сюда явно кто-то притащил. Кто, когда, зачем? Неизвестно. Поправка – пока неизвестно. Я протискивался между каменными истуканами и смотрел, просто смотрел на отражения мёртвых героев и Богов, живых когда-то Богов. Шло время, люди меняли историю и вот уже великие мужи плывут сюда на платформах, которые тянет множество рук. С Богами хуже, в них перестают верить, уже не приносят жертв, уже не молятся им... а возводят новых идолов и проливают кровь уже за них. Старых Богов забывают и тащат сюда, как рухлядь, как хлам, как мусор. Боги хранят молчание. Только одна фигура задрожала при моем приближении, она алкала моей кровушки, но не было ножа, способного перерезать мне глотку и древний Бог замер неоживлённый. Сейчас уже не разобрать надписи на постаментах, непонятно кто сидит на лошади и показывает мечом в даль, куда зовёт этот могучий воин свой народ, да и есть ли этот народ, или только жалкие потомки где-то распродают останки былой цивилизации по базарам и не способны на рывок за горизонт.

Десять месяцев я обследовал кладбище Богов, это было ещё до рождения родителей мальчика, который выберет себе звалку Боцман. Говорить слово «прозвище» более правильно? Зато звалка – смешнее. Я не нашёл ответов на многие свои вопросы, узнал лишь о богоборцах и кое-что ещё. А нашёл... лишь старика, он судорожно сжимал мешочек, исчерканный непонятной вязью, состоящей из белых палочек,

рубящихся на фоне из темной шерсти.

– Здравствуй, старик, надо ли тебе еды или питья?

– Нет, – затряс он головой. – Тебе не обмануть меня! Но ты не возьмешь мешочек силой!

– Не возьму, но хотел бы узнать, что в нем.

– Ха! Ты не знаешь?! Там музыка Богов, и ты пришёл за ней!

– Нет. Я не знал, что она там. Расскажи мне о том, что произойдёт, если его развязать.

– Люди просто увидят музыку и услышат гармонию, а увидев и услышав такое, тут же забудут о войнах и прочей глупости.

– Тогда тебе самое время его развязать.

– Не могу. У меня нет полномочий.

Я подумал, что и у меня нет полномочий, и оставил старика цепляться за чудо дальше. Уныние, пропитавшее кладбище Богов, высушило меня, и я долго отмокал под струями водопада в другом месте и в другое время. Так было. По крайней мере, мешочек до сих пор там. Если у вас есть полномочия, придите и освободите старика от его бремени, или освободите его скелет, или просто подберите мешочек в пыли того, что некогда было человеком. И освободите музыку! Я даже провожу вас, не гремя бубенчиками, и обещаю не подпевать...

Магистр

Ко мне в кабинет зашёл глава службы перевоспитания и доложил обстановку. Заключение бодры, веселы, славят меня и перевоспитываются трудом. Смертность снижена, да и количество перевоспитуемых в летних лагерях уменьшилась. Система работает. Бунт лучше предотвратить, чем его заливать кровью.

Из будничного, прочитал бюллетень статистики. Мой рейтинг снова вырос... он растёт и достигает цифры 99 процентов, а потом плавно снижается до 95, я же не золото, чтобы нравится всем. Хотя и драгоценные металлы оставляют равнодушными около полпроцента граждан. Это нормально.

Боцман

– ...а потом я пришла в ваш дом и нашла тебя, – Майя закончила объяснение, которого я по большому счету не слышал, потому что витал в облаках.

– Значит, ты за революцию?

– Да, но если ты мне не веришь...

– Верю... Ни слова больше! – Я приложил к её губам свой указательный палец и она его незамедлительно укусила.

– Ай! Зачем же пальцы кусать?

– Потому что так надо! – передразнила сама себя Майя и мы засмеялись.

Если и были между нами какие-то недомолвки, то они растворились в этом смехе... ну и в том, что было до смеха и после.

– Расскажи мне сказку, – попросила Майя. – А то я не засну.

– Ну и ладно – не спи.

– Но тогда я и тебе спать не дам! – тут я понял, что и сам хочу спать.

Стоп! а куда делся день? Я помнил, как утром прощался с друзьями у шлюза, помнил, как пришёл домой вечером. А день-то где?!

– Так значит, сказку... сейчас я что-нибудь придумаю... гм... дело было так...

– Нет, так сказку не начинают. Надо говорить: в некотором царстве, в некотором государстве жил да был... – она так на меня посмотрела, что я забыл даже где и какое дело было.

– ...жил да был...

– Ну?! – галера её взгляда протаранила баркас моих мыслей.

– Мальчишка, было ему лет пятнадцать, то есть самый тот возраст, когда идут добывать свой первый клинок.

– Это ещё что за штука такая?

– Это местный обычай в ихнем королевстве.

– Грамотно говорить так: в их королевстве.

– В их королевстве...

Всё-таки у меня железное терпение, в который раз мою сказку перебивают самым наглým образом, а я ничего – креплюсь! Железный боцман легко, как якорь, идёт ко дну...

– Было принято юношам добывать свой первый клинок самим. А делали настоящие клинки, а не какой-нибудь дешёвый ширпотреб только в одном месте – внутри горы Кузнецов. Это такие искусные мастера, наподобие наших лупоглазиков, только специализировались исключительно по ковке и обработке металла. Обитали они глубоко в этих... недрах горы, а подходы к ним... к кузнецам охраняла всякая нечисть...

– Наподобие нашей у шлюза?

– Можно и так сказать. То есть она не охраняла кузнецов, а лишь поедала торговцев и всяких лихих людей, которые

занимались переправкой мечей и другого оружия от кузнецов на поверхность. Дело это не зря считалось сложным и опасным, поэтому цена хорошего меча доходила до стоимости дома или доброго коня. А если юноша жил в небогатой семье, то клинок он мог получить никак иначе, кроме как отправившись самостоятельно внутрь горы Кузнецов.

– А он был красивый?

– Тебе какие юноши больше нравятся?

– Брюнеты... – она посмотрела на меня. – С длинными волосами и с тёмными глазами, выше среднего роста, ну и чтобы уд стоял, а не висел на полседьмого...

– Он был брюнетом с волосами до плеч, которые он подвывывал красной лентой... ну что ещё сказать, стройный был, а в черноте его глаз уже тонули девушки...

– А уд? – вот ведь зараза дотошная.

– Стоял! – успокоил я заразу.

– Мечта...

– Эта "мечта", не сказав родителям, куда он направляется, попёрся прямо к горе Кузнецов.

– Попёрся – убери, и как его звали, кстати?

– Попёрся – убрал, а звали его...

– Чтобы было мужественно и с перспективой... – задала очей очарованье тяжёлую задачу мне как рассказчику сказки.

– Чебурашка?

– Не пойдёт, – она уткнулась мне носом в шею, задышала,

от этого внутри меня образовалась щекотка, а выдумывать «сказку на ночь» стало практически невозможно.

– Михей?

– Неа, – её дыхание обжигало...

– Воланд? – просто подвиг находчивости какой-то с моей стороны.

– Было уже, – и как она всё помнит?

Воландом звали ангела, являющегося маленькой девочке, которую родители назвали весело – Хлю, в одноименной сказке.

– Кирьян?

– Бр-р-р... – меня тоже затрясло от её "быр-ра".

– Володя?

– Пускай Володя отдыхает! – бархатистый смех украсил место отдыха Володи.

– Зёма?

– Туда же Зёму!

Фантазия моя стала давать трещину.

– Эх, Боцман, Боцман, – покачала надо мной головой хранительница очага. – Не умеешь ты сказки рассказывать. Слушай и учись...

И она стала рассказывать эту же сказку про первый клинок, но так живо и проникновенно, что я сам оказался в собственном выдуманном королевстве и сопереживал приключением жгучего брюнета с тёмными глазами; отмахивался вместе с ним от нечисти в узких туннелях горы Кузнецов, плыл

в бурном потоке и тонул; встретился с рыцарем и вместе с этим закаленным бойцом вступил в схватку, уже обладая заветным стальным лезвием. Сказка расцвела красками, набралась сил и ожила, и стала жить уже своей сказочной жизнью внутри нашей – несказочной.

Я даже к концу заснул, а это значит, что сказка получилась настоящей, ибо она выполнила свою главную функцию: заставила ребёнка закрыть глазки и провалиться в сон. Под воздействием волшебства чадо забыло о недоигранных играх, или недостроенных городах из кубиков или недорисованных картинках на бумаге. Я даже начал сон видеть про всё это... но меня жестоко растолкали.

– Пошли запускать змеев! – бодро призвала меня Майя, как будто это не она давеча хотела спать.

– Что?! – не проникся я соблазнительным замыслом.

– Время запускать змеев, Боцман, почему я должна два раза повторять?! – взъярилась королева моих снов (простите ваше величество, вы, конечно, незыблемо на первом месте всегда, особенно в эротических сновидениях, а тут – просто конъюнктура момента).

– Слушаюсь и повинуюсь, о луч света в тёмном царстве... – пелена дремы спала с моих глаз, и я мог уже в полном сознании увидеть лицо "луча света в тёмном царстве" в обрамлении копны золотистых волос.

Я как раз закончил два змея один – чёрный, другой – белый, формой они напоминали ползунков, только ползунков

не в раковинах, каких мы обычно видим... У большинства людей сложился стереотип, что ползунки – это некие создания наподобие рака-отшельника, которые не могут обойтись без домиков на спинках. А это в корне не верно. Ползунки – существа стремительные! Вот и змеи получились свободными от этих своих грузил, с угловатыми силуэтами и хищными обводами – таких покорителей небес можно запускать даже в сильный ветер, и они не разрушатся в его резких порывах.

– Ого, почти точные копии живущих у тебя ползунков, – она не сказала "у нас" – плохой признак.

– Ага, без раковин.

– Так они гораздо изящнее, – она надела чёрные джинсы и такого же цвета куртку. Очень правильно сделала – нечего светиться яркими нарядами перед серой стражей.

Я тоже оделся в чёрное и мы вылезли на крышу. С кошачьей грацией Майя совершенно легко ходила по покатым крышам и бесстрашно перепрыгивала с одного дома на другой. В нашем квартале крыши домов практически сходятся – но все равно надо обладать определенным мужеством, чтобы ходить по ним как по мостовой, что ощерилась булыжниками далеко внизу. Без эксцессов мы добрались до места, которое кольнуло нас – мол, надо здесь запускать – так часто бывает, и мы, не мудрствуя лукаво, стали разматывать нитки. Ветер облизал змеев, они ему понравились и вот уже два ползунка выписывают в ночном небе нашего города причуд-

ливые фигуры. Где-то через полчаса, а может быть, через половину вечности, нас заметили стража, и сотрудники правопорядка (почему нет сотрудников «левопорядка», а?) стали предпринимать отчаянные попытки к задержанию нарушителей. Но новому указу магистра за змеев положено двадцать ударов плетками или штраф в двадцать условных единиц. Эту ересь ввели, потому что валюта Третьего "великого" магистрата стала быстро обесцениваться и её курс по отношению к золотой монете каждый день падал, вот золотая монета и была объявлена условной единицей – глупость по-моему – надо свои деньги делать такими, чтобы за них не боялись на торжище давать золото. Причем со штрафа за запускание змея десять единиц шло в карман стражников, поймавших нарушителя порядка. Так что замотивированные бойцы бодро свистели нам, приказывали сдаться, бегали вокруг домов, на которых мы "нарушали безобразия" и делали ещё много различных поползновений к нашему задержанию. Впрочем, все их усилия канули в Лету – у этих дуболомов просто не было шанса нас взять!

В эту ночь мы совсем не спали – после бурных приключений напились кофе и стали смотреть цветной экран, так как раз шёл утренний вестник, в котором рассказывалось о ночных происшествиях. Мы в него попали, хотя камера и не взяла наших крупных планов, но зато обидные для стражи жесты передала доступно для понимания (их сделали нерезкими, но всё равно они остались понятными), а больше нам

и ничего не надо было – мы добавили в кофе коньяка и чокнулись за запускателей ползунков. Чок-чок!

Королева

Майя подобрала чёрного котенка и мои подружки стали придумывать ему имя.

– Назовем Дарком, – предложила Александра. – Он весь чёрный с головы до пят, ни одного белого пятнышка – вылитый мистер тьма.

– Он больше похож на Шанса, вылитый чей-то последний шанс! – сказала Эльза, глядя беспризорника печальными глазами.

– А может Жук, смотрите как он усами шевелит, а уменьшительно Жучило, – Майя тоже приняла участие в наречении.

– Какой же он жучило, он же в ладони помещается? – опротестовала Александра.

– Вот именно так, как делает самый настоящий жук.

– Надо посоветоваться с королевой...

Ого, обо мне вспомнили, товарки мои любимые. Сейчас уже девчонки быстро находили дорогу из моего бывшего королевства в теперешнюю мою резиденцию, скованную холодными рамками сна, которые сами никакими рамками не ограничивались, и это в них самое противное.

– Здравствуйте, ваше величество!

– Привет, привет! Сразу к делу – мне Шанс больше нравится. Аргументирую: шанс может стать тьмой или жуком,

а кекс не может стать, например, жуком или его шансом и с жуком такая же история. То есть, кличка Шанс вмещает в себя и самоё себя, и жука, и тьму, она является полной, а значит наиболее подходит для этого приёма.

– А ещё какие-нибудь аргументы есть? – спросила Александра, уже смирившаяся с "потерей дарка".

– Да, мне Шанс больше нравится, – ай да аргумент!

Вопрос решили. Но скоро выяснилось, что мы немного ошиблись. Шанс оказалась не котом, а кошкой. Мы снова стали обсуждать кличку кота-кошки во сне:

– Лучше бы мы её назвали Мур, не пришлось бы переименовывать, – заметила Александра.

– Ещё не поздно, – согласилась Эльза.

– Поздно, она на Шанс откликается, – вступила в диалог Майя.

– Бу-бу-бу, – это уже я сказала то, что первое на ум пришло (а у вас так не бывает? Не верю!) и потом добавила: – А почему это Шанс должен быть обязательно мужского рода? Что не бывает шансов женских? Даже если не было, то теперь уже есть. И нечего головы ломать!

Больше мы головы и не ломали, а Шанс становилась всё грациознее и грациознее, пока окончательно не превратилась в элегантную даму угольной наружности (это я слегка в будущее заглянула – возвращаюсь: !тьюф).

Но на этом беседа о словах не закончилась.

– А почему вы называете революцию бунтом? – спросила

Эльза.

– Потому что революция предполагает существенное изменение государственного строя, или уклада жизни обычных людей, то есть большинства граждан страны. А в нашем случае – я заснула в своем королевстве и проснуться хочу там же – практически никаких изменений. Да и для большей части подданных это видится так же. Так что процесс свержения Маркела называть глобальным словом "революция" – больно жирно, обойдётся и бунтом.

– Обойдётся! – воскликнули мои любимые подруги и пошли бунтовать.

Шут

Направляясь дорожкой непрямой к гнездышку королевских девчонок, я наткнулся на чёрный комок шерсти, шипящий на рыжий комок шерсти. Поясню, чёрный комок – котёнок, рыжий – глупая собака, которая имела наглость лаять взахлёб на несовершеннолетнего мурлыку. Это не правильно и я объяснил ей азы этикета. Собака перестала лаять, а котёнок – шипеть. Я взял его на руки, и он тут же с остервенением впился клыками и когтями в мою ладонь и пальцы, при этом он истошно мяукал, подзадоривая свою злобу. Это вам не какой-нибудь жеманный кот, который сидит на печке, мурлычит и ламкой своё рыльце трёт... это был кот-огонь, хотя и чёрный... где-нибудь в параллельном мире обязательно бывает чёрное пламя!

– Ты царапаешься и мяукаешь или мяукаешь и царапаешься? – задал я вопрос пока безмянному котёнку (если быть точным, то кошечке).

Она объяснила, что с удовольствием бы полностью отдалась процессу... тут она сказала по-кошачьи одно слово, которое обозначала одновременное мяуканье с упоением и неистовое царапанье, но адекватно на человеческий язык оно не переводится. Но ей приходится объяснить элементарные вещи какому-то дылде. Слово "элементарные" она выделила кошачьим префиксом "пш-ш".

– Больше вопросов не имею! – я подул в мордочку будущей кошке, как ни странно она не отвернулась и не ослабила челюсти, терзающие мой большой палец – не характерная для кошек реакция на сильный ветер в глаза.

Я подбросил котёнка девчонкам, чтобы проверить, как они относятся к маленькому чёрному котёнку, и как маленькая чёрная кошечка относиться к трём стервозам (я решил никого не обделять этим титулом, хотя, если копнуть поглубже, истинная стерва там была всего одна, да и её истинность – относительная, смотря с чьей сравнивать, по сравнению с ВВ – там вообще не было стерв). Никто не подвел ожиданий, и она стала Шансом, а они – обладательницами Шанса. Убедившись, что все классные, я предстал перед общиной во всей своей красе и сволочизме.

Тут мне удалось ненадолго попасть к ВВ, я обычно к ней на прием не рвусь, мне всегда лениво забираться в дебри её сна, который так похож на наше королевство со всеми окрестными землями, что не сразу и поймешь: где сон, где не сон. Чуть полью воду на мельницу этикета: я доложил о своих делах, она прервала меня, мол, сама с усами, не хуже Шанса. А я и не сомневался.

– Расскажи о своей последней думке – тон слишком приказной.

– Проведала-таки! – улыбаюсь.

– Обойдусь без твоих комплиментов! – тон стал ещё более

приказным.

– А я их не говорил! – сжигаю мосты.

– Зато подумал! – как она обворожительна в гневе. И королева права. Вообще-то королева всегда права.

– Я думал о том челе (так в том мире с шумными домами сократили слово человек, наверное, там тоже завелись буквоеды), к которому ты залетела в левое ухо и вылетела из правого, при этом добыв пару рассказов. Он же про нас книгу сейчас пишет. Вот я и подумал, а что если мы все живем только в его воображении? Или обратное: он со всем тамошним миром, лишь твой сон.

– А почему мы не можем быть его сном?

– Я могу быть плодом воображения, но не частью сна.

– Ты сейчас часть сна.

– Да, но во сне, а наяву я уже не часть сна твоего.

– Почему ты не можешь в это время быть частью сна того писателя?

– Не занудствуй! Есть третий вариант: наши два мира всего лишь песчинки, несущиеся ветрами, которые задули нехилые существа или одно нехилое существо.

– Сам не занудствуй! Лучше скажи, что ты думаешь об этой косметичке?

– Это часть сна, похожая на прозрачную косметичку, являющуюся явно импортным продуктом, ради которого неразумные барышни готовы на любые жертвы... – получив прозрачной косметичкой по щеке, я добавил. – К тому же она

явно беременна тяжёлой красотой.

От следующего налёта я увернулся. У меня щеки не казенные, хоть я по-прежнему числюсь в рядах придворных. А потом косметичка исчезла и я понял, что она из будущего... вероятного будущего... которое ещё не проросло в настоящее... чего-то ни бывает во снах... время нелинейное... логика часто сбивает...

– Но это не главное, тебе не интересно как там у него со сказкой, ведь даже ты не знаешь, чем у нас тут всё закончится, а если он там не так всё запишет, тебе не будет обидно? – вопрос был не слишком изящен, но зато по существу дела, даже виртуальная история слишком серьёзная штука, чтобы её мистифицировать или переписывать почём зря.

Королева задумалась и не стала больше обращать на меня свои милости, напомним, что щёки у меня не государственные, а личные. Да и вообще жалованье уже несколько столетий мне не платят. Как жить, я вас спрашиваю, как жить? А, вы не бухгалтерия, а министерство культуры. Понял. Короче говоря, под этот не шумок я и покинул сон королевы, или мой сон о королеве, или сон писателя о своей сказке... и из абстракции пророс в конкретику... выбрался я из сновидческого мира аки мытарь без приданного на белый свет, который – мне так казалось – был ничьим.

Боцман

Не знаю как у других, а у меня бывает, бывает «это» – так безлико называю, потому что до сих пор не придумал название для сего явления, "зов" – мне не нравится, непонятно кто зовёт и зачем, да и зовет ли вообще; "струя" – тоже не подходит, ибо нет никакой струи и непонятно что огибают турбулентные и ламинарные потоки; "болезнь" – совсем без комментариев – не годится. Не знаю, как назвать. Просто я иногда – очень редко, но все же бывает примерно эдак раз в год или в два – просто начинаю идти куда-нибудь с какой-нибудь целью и эта цель мне кажется важнее, чем все остальные цели и я ни на что другое не отвлекаюсь. Вот и в этот раз в меня своими клешнями вцепилась такая цель: пойти к лупоглазикам и добиться у них помощи в благородном деле революции. Я даже не попрощался с Майей (я вовсе не заходил домой), и не взял с собой ползунков, и ничего не рассказал Ардо и Виларибе, и не предупредил мальчишек, я просто взял и пошёл к южным воротам города.

Иногда уверенность в том, что всё будет спокойно и ничего плохого просто не может произойти, настолько сильна, что неприятности отлетают от неё как от хорошей кирасы. Вот и в этот раз я был абсолютно спокоен – ничегошеньки со мной худого не может произойти. Так и шёл... Не доходя до ворот, я увидел телегу, запряженную в старую клячу, ко-

торой управлял дедок, явно зажившийся на белом свете, он сидел на телеге и завершал собой причинно-следственную круговерть.

– Дедушка, вы случаем, не на юг ли путь держите?

– На юг, бывший сторож шлюза, коли и тебе туда, могу подвести.

– Буду безмерно благодарен, всемилостивейший государь! – я низко поклонился, но не шутливо, а от души, и сел на телегу.

– Хватит хиромантией страдать, зови меня просто Валенсио Боска, а лошадь мою ненаглядную, которая скоро околеет, но не раньше, чем доставит нас обратно в город, где спит наша ненаглядная королева, кличь не иначе как Пепе, он хоть этого уже и не услышит, но ему все равно будет приятно.

– А меня зовут Боцман.

– Да знаю я, ты ещё змеев по ночам запускаешь.

– Откуда такие точные сведения, Валенсио?

– Вещие сны, милок, вещие сны... – Боска натянул поводья, отчего Пепе хоть и с сильно замедленной реакцией, но таки остановил себя и телегу около таможенников, которые подпирали городские ворота.

– Опять, Боска, контрабанду везешь? – спросил левый таможенник.

– Опять, архаровец, опять я вас дую.

– Будем обыскивать!

– Валяйте!

Только тут я понял, что не взял в свой путь никаких документов подтверждающих мою личность, но на меня архаровцы не обратили ни малейшего внимания, они целиком погрузились в досмотр: тщательно обыскали телегу, лошадь и даже сбрую Пепе, провели досмотр и самого старика. При чем, телега и находящаяся в ней солома были просеяны буквально через сито, но ничего входящего в список запрещённых к вывозу товаров архаровцы не обнаружили.

– Повезло тебе в этот раз! – сказал уже правый, умаявшийся от трудов праведных, таможенник.

– А мне всегда по жизни везёт! – объявил старик, залезая на телегу и хлопая поводьями по крупу Пепе.

– Ну, ведь вывозишь же что-то? – восхищенно спросил левый таможенник.

– А как же, ясное дело, вывожу – телегу с жеребцом, победителем скачек позапрошлого десятилетия...

Я тоже забрался на солому, которая была весьма кстати: телегу изготовили для перевозки груза и совсем не предназначили для удобств пассажиров – никаких мягких кресел или простого матраса, одни доски да брусья, хотя время и отполировала их до гладкости, но отнюдь не сделало мягче. Таким образом, моему мягкому месту солома очень пришлась к месту (каламбурю мальчика). Когда мы отъехали от ворот на приличное расстояние, такое приличное, что ни одни даже самые чуткие вражеские уши не могли бы разобрать слов на-

шей беседы, я осмелился спросить:

– А за что, Валенсио, вас на таможне так не любят?

– А за то, что я их дую.

– Выходит, вы контрабандист?

– Закоренелый и идейный. Любые таможенные платежи – это просто грабёж среди бела дня!

– Так ничего же не нашли? Что же вы контрабандите?

– И никогда не найдут, сейчас-то действительно телега пустая, а вот когда обратно от лупоглазиков поеду, там будут цветные экраны, нелицензионные, конечно. У тебя вот дома какой стоит?

– На лицензионный денег нет... – признался я.

– Значит, я его в город привёз в своё время.

– Спасибо за труды, облегчающие нам, бедным запускателям змеев, жизнь!

– Всегда, пожалуйста! – рассмеялся дед. – А вот помню в молодости, я ещё чёрно-белые экраны возил, а до этого просто звуковые ящики с цветными лампочками, по ним изображение не видно было, только музыку передавали, да цветные огоньки в такт мигали. Прогресс, однако!

– У родителей помню, был такой ящик, но когда... когда их в горячей точке убили... короче, продал я его на барахолке, а деньги проел.

– Конфликт на западной границе? – Валенсио сразу понял, про какие годы я говорю, по моим прослезившимся глазам и неровному голосу.

– Да, второй.

– А я ещё первый помню, там сопредельная сторона столбы ночью на метр передвинула, ну а наши утром заметили, и пошла массовка, сначала без оружия, просто стенка на стенку, потом с кастетами, ну а потом все виды вооружений, даже медвежьи капканы стали применять, это против разведчиков или дозоров хорошо – цап – и нет ноги. Потом-то их запретили конвенцией вместе с химией.

– Говорят, у нас ещё запасы есть.

– А как же без запасов, а ну если враг свои использует, что тогда? Галошами спагетти жрать? Шалишь брат, арсенальчик всегда должен быть полнѐхонек.

– Валенсио, если не секрет, на что же вы у лупоглазиков будете цветные экраны выменивать? – любопытная у меня душа.

– Коммерческая тайна, Боцман, но тебе как тоже человеку в некотором роде тоже вне закона скажу: на помёт ползунков, – дед при этом перешѐл на шѐпот. – Только ты об этом никому!

– Могила!

– А что, молодѐжь, скоро ли революцию организовывать будете?

– Это, конечно, военная тайна, но вам, по большому секрету, скажу: очень скоро.

– И правильно, пора королеву будить, а магистра наоборот того – в вечный сон. Ты, кстати, думаешь, небось, что лицен-

зионные экраны от нелегальных только ценой и отличаются?

– А что ещё чем-то что ли? Я глядел, изображение такое же, никаких потерь качества! – изумился я.

– А то! Какие уж там потери... одни прибыли, особенно для нас, контрабандистов, к тому же необлагаемые налогом. Молчу, впитываю, чую, что главное впереди.

– Только есть и принципиальная разница, или как говаривали в пору моей молодости: капитальная. Системки одной у нелегальных не хватает, системки маленькой, да шустрой. Она не простое изображение на экран выводит, а с добавками, а добавки не простые, там всё патока идет, про кисельные реки, да шоколадные берега, да и особенно про то, что магистр добрейший души человек и вестимо лучший правитель всех времен и народов, и что королеву будить не надо, и что серый цвет – лучший из палитры, и что ползунки – вражье семя, да много чего ещё вещает лицензионный ящик, да не на прямую, а исподволь, так, что и не заметишь, как в твою головушку это пойло напихали по самое «не балуй».

– Ну! – не поверил я.

– Ты Пепе не понукай, он везет, как может. И на меня лупоглазиться не надо, видал я таких лупоглазых – не счесть, вникай лучше, да разумеешь, извилинами шевели, а то впадешь в маразм и будет тебе на старости лет скучно и одиноко. Раз говорю: вещают! Значит вещают. А на нелегальных

экранах такой системки нет, поэтому их для головы смотреть, конечно, не полезней, но легче. Хотя дуроскопы они и есть дуроскопы.

– Чего?

– Дуроскопы, у тебя дома тоже дуроскоп стоит. Пусть и не лицензионный, пусть он и не призывает тебя быть послушным подданным "свободного" города Рима под предводительством "всенародно избранного" магистра, но и по нему в основном муть передают и дурость, для мутных людишек и дураков вроде тебя. Которые плодят потом таких же дураков. Замкнутый круг, едрёна кочерышка! Если смотришь дуроскоп, как тебя назвать?

– Ну...

– Не нукай! Пепе и так бежит резво, к тому же ему повезло, твоего лепета он не слышит. Все твои аргументы наперёд знаю, и про полезные передачи и про красотень цветную, которую в жизни не увидишь, потому что, видите ли, секрет цветных красок кое-кто спрятал надёжно, и про многое чего другое, что с твоего языка слететь хочется. Только кого ты, дурачина, защищаешь, а? Ладно, положим те, кто в лицензионные дуроскопы глаза пялит уже и за мысли и слова свои не отвечают, что увидят – то и хорошо, то и правильно. А ты, смотришь без скрытого вещания, и что? Думаешь... думаешь... думаешь... сам, али как? Включил экран и не оторвешь ведь. Да, новости пропускаешь, да официальные передачи тоже из своей личной программы вымарываешь,

считаешь себя необычным, на той стороне, а всё же жмёшь на кнопку и налог платишь, ну и кто ты после этого? Хе-хе! Только не квакай, Пепе не любит лягушек. Да ты и не лягушка, скорее рыбка – до того тебя в аквариум замуровали, с твоего, между прочим, молчаливого согласия. Тогда оно было просто молчаливым, а потом тебе ротик-то и заштопали, чтобы никакой отсебятины в муть вокруг не приносил. Слезть хочешь, пешочком пройтись захотелось?

– Да я посижу, Валенсио, так быстрее.

– А... лень в жилу пошла. Пусть так, сиди, слушай, денег за разговоры не возьму. Сейчас ты мне пригодишься, молодой человек, дерьмо поможешь грузить.

– Фи! – возмутилась одна дородная особа, в обгоняющей нас карете. – Мужлан! Надо говорить не дерьмо, а фекалии!

– Для вас, может, ползунки и фекалии производят, а для меня самое настоящее дерьмо.

– Да ещё фекалии ползунков, кошмар, чем только всякая рвань ни занимается! Адольф, ты это слышишь?

Но слышит или нет свою матрону Адольф, мы с Валенсио так и не выяснили – карета умчалась вперед, а Пепе свернул к постоялому двору. Там нас ждало... дерьмо. Почти полную телегу я накидал – и как это я раньше не замечал, что ползунки такие засранцы?

– Да срут они много! Хе-хе, места надо знать, – Валенсио закурил трубку. Я стал умываться, долго и тщательно.

– Продолжаем разговор! – Боска был явно рад тому об-

стоятельству, что не один везет дерь... не один занимается контрабандой. – На чем мы там бишь остановились?

– На лягушках.

– Тема зелёная и скользкая, не боишься, что на бал не возьмут? По глазам вижу, не боишься. Ладно, покалякаем о более важном, хотя трудно представить, например, для Пепе тему более важную, чем лягушки, пожалуй, только овес его волнует больше. А овес – это пища, примерно такая же пища, как та, что ты лопаешь из дуроскопа. А кто-то тебе её скармливает. Ты ещё пока выбираешь, а большинство жрёт то, что дают.

В таких противозаконных беседах прошла вся дорога до места обитания лупоглазиков...

Убийца

Из пары на телеге сначала можно зарубить молодого, потом – старого искромсать, а позже уже без свидетелей распрячь и увести лошадь, напоминающую ходячий скелет. Всё сделать нечисто, пусть будет много крови, следы борьбы, что создаст впечатление у дознавателей, что здесь орудовали какие-то злобные упыри грабители.

Только заказа на Боцмана до сих пор нет. Везёт ему пока...

Боцман

...а обитали лупоглазики под землей в громадных катакомбах, которые остались с древних времен гигантомании. В наши годы никому бы и в голову не пришло такие ямищи рыть, нужные только для того, чтобы пережить в них ядерную зиму от последствий мировой войны. Перед входом в подземелья, около которого торчали трубы различного диаметра, источающие из себя разноцветный дым, был установлен шлагбаум, он не поднимался и не опускался – он просто обозначал территорию лупоглазиков. За шлагбаум мог войти в принципе всякий, но выйдет ли он обратно – зависело только от него самого, да желаний фортуны. Тут мы разделились: дед пошёл устраивать Пепе в стойло, а я не стал терять времени и пошёл меняться, у меня с собой ничего не было... одна надежда на затейливый рассказ, который можно было бы у лупоглазиков сменять на что-нибудь материальное. Дело в том, что лупоглазики всегда сидят в своей дыре и носа из неё никуда не кажут. Естественно, от такого образа жизни развивается скука и как следствие любопытство, то есть потребность в информации, а где есть потребности, там можно уже совершить акт их удовлетворения или товарообмена по формуле: нужное вам – на нужное нам. У лупоглазиков нет охраны как таковой, но есть какой-то высокотехнологичный способ убийства всяких нежелательных в их катакомбах эле-

ментов, о котором известно становится только перед смертью, поэтому ничего об их охране сказать не могу, но точно знаю: не надо на них наезжать, даже если у тебя муж волшебник или жена ведьма.

Выглядят лупоглазики так: ростом с полено, нос длинный как у птицы чибис. Птичка занятная, водится она на болотах или в густых лесах, известна своим паскудным нравом: в самые неподходящие моменты эта сука орёт недуром своё коронное: "Ах!" – и спугивает тем самым дичь, или, что ещё хуже, наводит на места обитания беглецов карательные отряды серых. Вот и лупоглазик – вылитая птица чибис, только на носу закрывающие пол-лица очки. И хорошо, что эти сложные и большие устройства многое скрывают, ибо кожа подземных учёных обычно в бородавках, лишаях или подозрительной сыпи. Очки совмещены с нагубником, от которого идут трубочки к ящику, укреплённому за плечами лупоглазика. Видимо, наш воздух для их лёгких кажется не достаточно чистым. Что тут можно сказать... крайне далеки лупоглазики от народа. Вообще с внешним видом этих странных созданий, помешанных на науке, связана одна философская заморочка: откуда ты знаешь, что перед тобой лупоглазик, если ты видишь его в первый раз? Однако все, кто спускался к ним в катакомбы и кому удалось оттуда подняться, утверждают: сразу ясно лупоглазик ли перед тобой или одна из их самодвижущих штук, которые иногда очень похожи на живых лупоглазиков. Решения этой проблемы я не знаю. Сам,

когда в первый раз спускался в эту дыру, очень внимательно следил за своими ощущениями, но без толку – так и не уразумел, как отличил первого увиденного лупоглазика от первой увиденной самоходящей машины.

– Приветствую тебя, пришелец из внешнего мира! – сказал лупоглазик, увлекший меня за собой в одну из безлико-серых комнат. Странно, как разные стратегии социального устройства приводят к одинаковому результату. Магистр построил диктатуру и у нас все дома серые. У лупоглазиков полная анархия и никакого госаппарата принуждения нет. А стены тоже серые... диалектика жизни.

– И тебе привет, обладатель очков и маски! – а что делать, приходится юморить, когда в карманах пусто и ветру приходится гулять там в одиночку.

– Что ты принёс на обмен?

– Историю, самую свежую, самую интересную самую загадочную, и самую непредсказуемую! – скромно делаю рекламу себе великолепному.

– И на что ты её хочешь сменять?

– А вы её сами оцените, и взвесьте мне что-нибудь из ваших загашников, я вам доверяю.

– Рассказывай, – сказал лупоглазик, растопырив уши и направив на меня какое-то стеклышко.

– А водички прохладительной или пивка у вас нет, а то у меня в горле пересохло?

– Нет.

Да, добрые они ребята и гостеприимные!

– Тогда приступаю. Значится, дело было в некотором королевстве, которое смоделировал один очень великий волшебник...

– Не бывает волшебников, способных смоделировать с приемлемой детализацией целое королевство со всеми его обитателями, постройками и природными явлениями, – перебила меня умная голова.

– Если вы будете меня перебивать, то я потеряю алую нить своего повествования, и тогда вы сможете меня обвинить в неустойке, а это уже моветон! – запротестовал я. – Вы ещё прожектора включите и в лицо мне направьте.

– В этом нет необходимости, моя камера отлично снимает и при такой освещённости в люминах.

– Я рад за неё. Гм... на чем я остановился... ах да! королевство смоделировал со всеми природными явлениями и детализацией персонажей один великий волшебник, – я зыркнул на лупоглазика, мол, знай наших. – И установил он такое свойство: в заданной области пространства мгновенно выполняются любые желания людей. То есть, любой человек в не зависимости от пола, возраста, национальности, вероисповедания и сексуальной ориентации чётко формулирует своё желание и оно тут же исполняется без задержек и волокиты...

– Фр-р – абсолютно нереализуемая функция! – закудахта-тала наседка в очках.

– Это вам виднее, а в королевстве желания стали сбываться. Ну, например, я мог бы пожелать фосфоресцирующего змея площадью десять метров, и чтобы меня никто за его запуск не арестовывал – и вуаля – я уже запускаю такого змея. Или бы Веленсио, он сейчас у вас обменивает помёт ползунков на цветные экраны...

– Телевизионные приемники, разрешением четыре ка, – в который уже раз перебила меня рожа лупоглазая, но я не обиделся – я терпеливый.

– ...загадал бы в таком королевстве повозку-невидимку и с тех пор бы без напрягов перевозил контрабанду через таможду. А в картах было бы так: кто-то играет шесть пик, это преферансный термин, если вы не в курсе.

– Я в курсе.

– Берёт он, значит, свои взятки, а тут партнер загадывает козырем, допустим, трефы (у него их пять!), ну и так далее... это уже желания, касающиеся не только загадавшего, но и непосредственное его окружение, а это в свою очередь может повлечь за собой загадывание желания противоположного значения к загаданному твоим соседом за карточным столом. А вот теперь самое интересное: допустим, кто-то загадает себе императорский трон – тут же он становится императором над всей подвластной ему территорией, но это наверняка не понравится другим обитателям этой области, которая вдруг стала империей. Они в свою очередь загадают желания посадить в тюрьму доморощенного импера-

тора – бац – и он в тюрюге или даже на плахе у палача. Но власть манит и стимулирует на разные коварные планы, и вот один башковитый товарищ может додуматься загадать такое желание: "Хочу, чтобы сбывались только мои желания!" По идеи это конец истории – для остальных мега халява закончилась – выполняются желания только одного человека. Эксперимент волшебника подошёл к концу, господа наблюдатели, делайте свои выводы! – Я раскланялся и стал ждать награды.

– Не факт, – не согласился с моими досужими выдумками лупоглазик, который воспринял их всерьёз, они вообще всё всегда воспринимают всерьёз, от своих постоянных экспериментов у них полностью атрофированы чувство юмора и ирония. – В начальных условиях было сказано, что в королевстве выполняются любые желания всех, если выполнятся желаниии, в результате которого перестанут выполняться желания других индивидуумов, то мы придем к парадоксу и получим парадоксальное королевство, точнее модель парадоксального королевство и на основе наблюдения за ним никакие выводы нельзя будет сделать (кроме парадоксальных, но мы их не рассматриваем в первом приближении). А это значит... впрочем, мои дальнейшие размышления будут непонятны такому отсталому существу, как ты... – лупоглазик открыл один из многочисленных ящичков, расположенных по всей высоте округлых стен комнаты, достал оттуда моток тонких ниток и дал его мне. – Вот держи, за непроду-

манную историю более чем достаточная награда.

– А за чувственность, а за оригинальность замысла! – начал я эмоциональный торг.

– Ещё напильник возьми, – он протянул мне напильник больше похожий на надфиль. – Свободен!

Это уже было по всем прикидкам самое последнее слово лупоглазика. Мне не оставалась ничего, кроме как ретироваться, зажав в руках добычу, пусть и скудную, но зато честно заграбастанную. А то, что я свободен, я знаю с детства и незачем мне об этом напоминать!

– Ах да, чуть не забыл, – обратился я к лупоглазику уже в коридоре. – Не поможете ли вы своими развитыми техническими средствами нам осуществить революцию в королевстве Зелёных холмов? А то прогрессивные силы общества пошли на штурм крепостей, которые возвели ретроградные представители магистрата и...

– Нет! Внутриполитические дразги на поверхности нас совсем не интересуют. За нарушения режима ты можешь быть оштрафован...

Я не дослушал лупоглазика и в темпе галопа почапал к выходу, около которого встретился с Боской, он уже упаковал цветные экраны в солому и собирался в обратный путь. Помогал ему один из роботов на колёсиках и с большими лапищами, которые ловко управлялись с громоздким товаром.

– Ну что, Бецман, удалось тебе разжиться чем-нибудь полезным у жителей подземелья?

– Ага, нитку и иголку дали, как будто я дивчина какая.

– Главное, что дали и что выпустили. Как насчёт по полтишку? – Валенсио смачно щёлкнул пальцем себя около кадыка. – Как-никак снова увидели солнышко?

Старик достал фляжку, в которой что-то оптимистично плескалось.

– С удовольствием выпью за здоровья всех контрабандистов и их патриарха! – поддержал я правильное начинание.

До столицы нашего королевства мы добрались в состоянии зюзи – раскачивались в обнимку и распевали старые народные – местами похабные – песни. Обыск повозки ничего не дал, потому что экраны мы заблаговременно выгрузили перед таможней в секретной точке. Пустыми, пьяными и с песнями мы благополучно и медленно – Пепе как всегда никуда не торопился – вкатились в город.

А потом я открыл глаза.

– Вот это вещий сон, вот это я понимаю! – сделал вывод я, когда проснулся и припомнил всё путешествие к лупоглазикам и обратно вместе с Валенсио.

– Какой сон? – спросила Майя, которая проснулась от моего вопля.

– Смысл всей моей жизни, подожди мгновение и я заглажу свою вину, а я виновен в твоём неурочном пробуждении и нет мне оправдания, – склоняю виновато голову, – но быть может кофе в постель?..

– Не медли, любовник мой милый, за кофе скорее спе-

ши! – выдала она одностишье, подстегнувшее и без того неукротимую энергию моего действия.

Сильно я уважаю магию приготовления пищи, ибо сам к ней совершенно не способен и могу создавать лишь всевозможные напитки и легкие бутерброды к ним – на этом список блюд практически исчерпывается, ну яичница там, или макароны по-флотски, или греча с тушенкой ведь не в счёт? Никогда не мешаю я человеку, творящему практически из ничего разные вкусности. Картина маслом: Майя в ультракоротких шортиках и таком же ультракоротком топике готовится из сырья вкусняшки, а я пою моей любимой блондинке дифирамбы... вот именно тогда я и был огорошен неожиданным вопросом моей ненаглядной:

– А почему они не снимут язык?

– Какой язык и кто его до сих пор не снял? – совершенно ничего не понял я.

– Почему бы магистру не приказать снять язык у Векового колокола, ведь тогда в него нельзя будет позвонить – это же так просто!

Майя при этих своих словах так изящно махнула ножичком, и стало ясно, что всё просто и по этому поводу лучше не спорить. В этом они с Эльзой похожи, та тоже могла поинтересоваться чем-то глобальным, строгая овощи для салата. Я немного подумал и ответил:

– Понимаешь, магистр, наверняка, продумывал этот вариант, да, в самом деле, если снять язык у Векового колокола

в него никто не сможет позвонить. Но есть один тонкий момент: кому доверить эту операцию? Один человек это не осуществит, значит, нужно как минимум два надежных человека, а двух надёжных человек в нашем королевстве для магистра сыскать не так-то просто. Допустим, к двум приблизительно надёжным людям приставят двух ещё более приблизительно надёжных арбалетчиков – получается уже четыре человека – а это максимум, который может вместить маленькая площадка, над которой висит Вековой колокол. И вот четверо на этой площадке – где гарантия, что никто случайно не ударит в колокол, что язык не ударит сам по себе, когда его снимут? Да что угодно может произойти, например, из озорства даже вполне благонадежный гражданин может попробовать осуществить запретное. Наверное, поэтому-то язык и не сняли, а просто замуровали лестницу, ведущую к колоколу и теперь желающему в него ударить необходимо прошагать шагов сто вертикально вверх по практически абсолютно гладкой стене. К тому же язык можно же и обратно прицепить.

– Вижу, ты тоже об этом думал.

– Да, я такой – думаю о чём угодно, только не о том, как бы найти денежную работу и достойно содержать семью. Скоро кушать будет уже нечего, жалованье дворникам чего-то задерживают – мету, как дурак! – хотя почему дурак, мне нравилось мести, опять же я обещал мести, и мету, а зарплату обещал платить люди в префектуре и мне по барабану – дер-

жат они свое слово или нет.

– Не волнуйся, скоро нас уже не будет на этой кухне...

– Что значит, нас не будет? – встрепнулся я и представил сразу и могилу и крематорий...

– Я приготовлю завтрак для тебя, с удовольствием понаблюдаю, как ты его слопаешь, а потом отправлюсь к двум милым созданиям, которых ты, наверно, знаешь, одну зовут Эльза, другую – Александра.

Я как сидел, так и застыл с недожёванным бутербродом во рту (на меня так же безмолвно взирал из тарелки салат). Потом ступор прошёл, и я спросил у совершенно спокойной Майи:

– Ты знаешь, где они?

– Да.

– Далеко? – какой-то ком подкатил к горлу, наверно, голод в его сухой форме.

– Не дальше того предела, к которому я могу приблизиться. Но не думай слишком напряжённо об этом – у тебя другая цель и ты останешься здесь, но продукты тебе уже не понадобятся.

– Из меня что, скелет сделают или мумию?

– Нет, – она улыбнулась. – Просто харчи станут казёнными.

– Я найду подходящую службу, ты видела это в вещем сне?

– Можно сказать, ты действительно получишь место на бирже занятости, – она как-то нехорошо полуулыбнулась...

– И когда это будет? – что-то совсем пересохло в горле.

– Скоро, очень скоро.

Майя поставила на стол передо мной дымящуюся тарелку с рисом и отбивной, и я на время забыл обо всём, кроме еды. Вкусной еды. Потом меня дёрнуло током и я бросил фразу:

– Передавай привет Александре... и Эльзе!

– А что это ты засмушался? – улыбнулась она (я не смушался, просто погрузился в процесс поглощения пищи). – Ладно, передам.

– А ты да-вно знашь гелцо-иню? – с набитым ртом спросил я.

– Не очень, но мы довольно быстро близко сошлись, ты ведь, наверное, в курсе – она не равнодушна к красивым девушкам.

– Я думал, она не равнодушна к богатым и именитым мужчинам.

– И к ним тоже, но ты забыл добавить прилагательное "умным".

– Слушай, я как-то не решался у неё в лоб спросить, она действительно убивает своих мужей?

– Даже если бы она это делала, то какие бы близкие между нами отношения не были, она вряд ли бы мне об этом рассказала, – по мере того, как Майя переодевалась, рис становился все более жёстким и царапал горло так, что не исправишь дело даже молоком. Есть в этом доме пиво или нет?!

– А, по-моему, она всегда откровенна.

– Дело не в откровенности, дело в том, что некоторые семейные ценности и тем более скелеты в шкафу не выносят на улицу. Если она кого-то и убила, на то, без всякого сомнения, были веские причины и этот кто-то сам в своей смертушки виновен.

– Круто.

– А ты думал. Ну, мне пора. Пока... – быстрый поцелуй и Майя с уже собранным рюкзачком (и когда она успела) исчезла из моей жизни, лишь напоследок бросив нечто загадочное:

– Запомни, Боцман, лучше быть первой Майей, чем восьмой Мартой.

Серые стены, серый пол, серый потолок и серая мебель, стали ещё более серыми. Нет, они не усугубили свой цвет – просто в моей голове опустилась на глаза дополнительное серое стекло. А ещё я разбил свою синюю чашку... она выскользнула из рук и неудачно упала на пол... хотел выкинуть осколки, но потом собрал в коробку... может, склею когда-нибудь... нет, в доме меня больше ничего не держало. От нечего делать я пошёл без цели гулять по городу, на одной из узких и витиеватых улиц мне встретился Валенсио Боска. Он радостно приветствовал меня.

– Здравствуйте, Валенсио, – ответил я недоуменно. – А вы что, тоже видели вещий сон?

– Да какой там сон, держи свои вещи и не раскидывай их больше у меня по повозке, контрабанду сувать некуда! – он

протянул мне моток ниток и напильник.

Я взял дары лупоглазиков и хотел что-то сказать, но Боска уже хлестнул Пепе и крикнул мне, удаляясь в серый флер:

– Пока, Боцман!

– До свидание, Боска!

Я так и не понял: прикалывает он меня или всё действительно так и было, но если оно так и было то где – во сне или наяву? Поняв, что эту загадку так просто не отгадаю, я пошёл в бар, там уже сидели Ардо и Вилариба.

– И сколько тебя можно ждать? – недовольно поинтересовались они у меня. Во дурак! Из-за расставания с Майей я совершенно забыл о назначенной встрече.

– У меня личное горе.

– Сменил любовницу? – не упустил шанса уколоть меня Вилариба.

– Или ориентацию? – Ардо был ещё более циничен.

– Да идите вы все в задницу Пепе! – по-доброму я послал их в задницу старому коню.

– Выпивка за твой счет, – они тут же выставили меня на выпивку.

– У меня денег нет, я – не получающий зарплату дворник! – взмолился я о милосердии.

– Укради, убей какого-нибудь богача, продай свою молодое тело – нам не важно как ты заработаешь золото, это твоя головная боль! – накинулись на меня два друга.

– Я так понял, в заднице вас не приняли, идите к лупогла-

зикам, может из вас гербарий там сделают, – меня стратегию, ведь нападение – это лучшая защита.

– Упёртый тип! – пафосно воскликнул Вилариба.

– Непримируемый с жизнью фанатик! – поддержал его Ардо.

– Ой, давайте банально пить! – предложил я, чтобы закончить эту нервотрепку.

– За твой счёт!

Я пересчитал гроши по карманам и вздохнул.

– По кружке каждому я оплачу, остальное – как-нибудь сами.

– Он ругается непонятными словами! – доверительно прошептал Вилариба своему компаньону в их общей тирании меня.

– А может, это и не Боцман вовсе, а засланец от магистра? – предположил Ардо.

– Да сами вы засланцы... – я докатился до местных и не местных идиоматических выражений.

– Наш человек! – облегченно вздохнули двое моих корешей. – Рассказывай, что там у тебя стряслось.

Я вкратце поведал им о моём горе и о моих непонятках с вещим сном или явью, которую я не помню.

– Нитки с тобой? – спросил Ардо.

– Да, – я показал им моток ниток и напильник.

Как оказалась, это были не нитки, то есть выглядело это как моток обычных серых ниток, но порвать их мы втроем не

смогли, не смогли и разрезать их даже самым острым ножом. А напильник был вроде как обычный – он соскребал опилки с металла, опробовали мы его на окантовке стола.

– Значит, лупоглазики нам не помогут, – перешел от физических опытов к общему положению дел Ардо. – А я так на них рассчитывал. Ладно, обойдемся. План захвата арсенала разработан, при минимуме везения – он осуществится. Для захвата шлюза везение не понадобится вовсе – лоцман за нас, ну и половина сторожей, а новенький – не в счет, он уже малость не в себе ... – мы чокнулись кружками и заржали. – Короче, шлюз будет наш почти в любую ночь. А вот с колоколом напряжёнка, совершенно не ясно как туда забраться, и даже подходы к нему пока не проработаны. Предлагаю сконцентрироваться на нём и устроить... как это поумному? – он щелкнул пальцами, надеясь вспомнить выражение.

– Мозговой штурм? – предположил я.

– Точно, практически трезвыми мозгами сейчас его и устроим.

И мы его устроили. Махнули, махнули, махнули, махнули... потом ещё махнули и запели про чёрного ворона – песню древнюю и душевную. И тут меня ударило под дых:

– А ты знаешь, Боцман, со шлюза забрали Алого...

И сердце у меня ухнуло...

– Серые... и сожгли...

Хоть бы подготовили что ли... сказали бы, поскользнулся

и утоп... Горько стало мне. Я так не переживал, когда людей забирали с нашей улицы и отправляли в концлагеря... а тут мёртвая собака... Нелогично всё.

– Пей! – мне налили.

В рюмку что-то капнуло... и я выпил солёную водку... но легче не стало... я не знаю, куда отправляются умершие два раза псы... возможно, туда же, куда и все мы...

Королева

Лупоглазик положительно не хотел со мной контактировать, он бегал туда-сюда, что-то делал на верстаке, потом бежал в соседнюю лабораторию и взрывал парочку колб, успокоившись после большого "баха", он замирал, но лишь на мгновение, а потом снова бежал к верстаку, или в соседнюю лабораторию, или на склад. В таком своеобразном беличьем колесе проходил весь его день и большая часть ночи. Но мне очень нужно было отвлечь именно этого лупоглазика и я всё-таки подловила его на одном крутом повороте сна...

"Метр великий равен (приблизённо) одной сорока миллионной части длинны меридиана, проходящего через крайне западную точку Олдовии, но в силу обстоятельств пару сантиметров надо накинуть", скорей, скорей в лабораторию, так эта пробирка не на месте, ага, что тут у меня в центрифуге крутится? Забыл – в мусор, в мусор! "Метр самый великий равен расстоянию, проходимому в вакууме плоской электромагнитной волной за одну двести девяносто девять миллионов семьсот девяносто две тысячи четыреста пятьдесят восьмую долю секунды, но как всегда пару сантиметров надо накинуть, или мы не лупоглазики". Пробирка разлетелась, опять экономят поставщики на стекле (сделать пометку в... ой! Ой-ё-ей! Вторжение извне! Вирус!! Запустить антивирус. Процедура запущена. Вирус называется

"Сон королевы", не изучен, не поддается излечению... уничтожить невозможно. Ой, меня захватили. Я – пленник. Я – грустный пленник. Прекрасная госпожа, приказывайте, я повинуюсь любому вашему желанию. Я пленник. Я веселый пленник! "Секунда приблизительно равна одной тридцати одно миллионной пятьсот пятьдесят шести тысячной девятьсот двадцать пятой и ещё после запятой девять тысяч семьсот сорок седьмой части времени обращения нашей планеты вокруг звезды, или, если быть гораздо точнее, секунда равна девяти миллиардам сто девяносто двум миллионам шестьсот тридцать одной тысячи семьсот семидесяти периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133, что практически равно бесконечности мигнов между прошлым и будущим, но в силу того, что умножение на бесконечную величину не корректно, длительность мига до сих пор не определена", я это говорю не в обиду вам, ваше величество "Килограмм приблизительно равен массе одного литра чистой воды при температуре пятнадцать градусов по шкале великого Цуля". Куда мне пойти? Встретить варвара с поверхности? Слушаюсь и повинуюсь. Что ещё? Слушать его историю... я бы лучше послушал вашу... Да, грустным пленникам не положены весёлые желания, а весёлым пленникам не положены желания грустные. Парадокс. Что, я должен ему подарить за эту историю? Глупая история, неинтересная история, надуманная история, она даже катушки одно-молекулярно-

го полиэтилена С-12 не стоит. Что, всё же стоит? Понял, выдам этому длинноволосому варвару последнюю катушку полиэтилена С-12. Этого мало? Да история же была рассказана скучная, неинтересная... Понял, понял, добавить ещё универсальный резак. Что, компактную версию? Моя любимая модель, спецзаказ, удобная ручка, облегченный трёхгранный... Ясно, отдать эту драгоценность, этот шедевр нашей конструктивной нанотехнологической мысли, это никакое не чудо самых современных технологий лохматому гостю с поверхности. Пусть этот варвар им себе все зубы спилит! Что, ваше величество, этот варвар вам дорог? А дорога его длинна и полна ужасов... бывает и так. А знаете ли вы, что "Полная механическая энергия замкнутой системы тел, взаимодействующих силами тяготения и упругости, остается неизменной"? Вы этого не знали? А как же вы жили? Хорошо жили – понял. Не покидайте своего раба, ваше величество, я ещё могу рассказать, что: "Давление текущей жидкости больше в тех сечениях трубы, в которых скорость её движения меньше, и, наоборот, в тех сечениях, в которых скорость больше, давление меньше..." Не уходите от меня, ваше величество!.. А-а-а!!!

Ого, вирус покинул меня – займусь-ка я тестом памяти. Стереть последние воспоминания. Нет, отправить их в раздел "Дефективные опыты". Уф, теперь можно заняться серьёзной работой. Так, для начала повторю древние правила: "Мощность машины или механизма равна отношению со-

вершенной работы к промежутку времени, в течение которого она совершена". Вот, помню же! А то вирус, понимаешь! Меня руками без перчаток не возьмешь! Адью, ваше величество – возвращайтесь в свой хрустальный саркофаг... или саркофаг был у той, другой? Не важно. Важно, что: "Тело, способное вращаться вокруг закрепленной оси, находится в равновесии, если алгебраическая сумма моментов приложенных к нему сил относительно этой оси равно нулю" – эврикой клянусь! А "расстояние до наиболее удалённого от нас объекта, который мы ещё-таки можем наблюдать равно десять в тридцать седьмой степени саженей", не смотря ни на какие ваши эдикты, ваше величество, интересно, кстати, померить ваши моменты и силы. Ух ты, королевские моменты получатся! Где бы подходящий для модели объект найти. Буду ждать варвара с поверхности по массе сходного с королевой. У него должны быть две ноги (иногда приходят одноногие – они не подойдут для моего эксперимента). Ба, да я премию Усреднёнки могу получить... Надо работать, работать и ещё раз работать, и стараться это делать без неконтролируемых выпусков энтропии. Материя везде и всюду, материя всегда при мне! Тру-ля-ля, и двадцать девять коэффициентов против...

Магистр

На дух не переношу любые массовые мероприятия со своим участием. Но народ так любит меня, что на мой День рождения приходит на центральную площадь, чтобы восславить мудрость моего правления. Это поливает моё чувство собственного величия живительной влагой. Приходится выходить на балкон и махать ручкой обалдевшим от любви ко мне гражданам и особенно гражданкам. Те писают кипятком...

Но это же не безопасно, поэтому на балкон выходит мой двойник. Ему не надо говорить, просто улыбаться и махать рукой... ну вот и домахался... стрела прилетела и проткнула двойника. Прямо в сердце попала... без шансов. Я рассматривал тело – очень похож на меня, неужели и я так отрешенно от всего буду выглядеть, когда...

– Найдите убийцу...

– Есть! – вытянулся служивый и уточнил: – Ликвидировать его?

Я долго смотрю на главу моей службы охраны. Он действительно не понимает или даёт мне шанс проявить мудрость и поучить его очевидному?

– Ни в коем случае! Как найдёте – предложите за услуги втрое больше денег и переманите работать на меня. И почему вы решили, что это обязательно он?

– Уж слишком хороший выстрел!

– Могла стрелять и женщина...

Я рассматриваю перья на стреле... белые, очень редкие...

– Обратите внимание на перья...

Провожу рукой по перу...

– Так точно!

Действительно, так точно. Прямо в сердце...

Боцман

Как пришёл домой – не помню, как разделся – не помню, где лег – тоже темнота, проснулся, однако, в постели и без ботинок – значит, ум ещё функционировал в затемнённом состоянии. Включил цветной экран, там уже дневные новости передают. Дикторша по-деловому так выдает: "... сегодня были задержаны главари заговорщиков, ими оказались..." были названы фамилии Ардо и Виларибы, и... моя фамилия. Непонятно это – меня арестовали, а я дома прохлаждаюсь. Это только потом я понял, что новости видел вечерние. В дом вломились, беженцев перепугали, по лестницам застучали каблуками, этими же каблуками по коврам прошлись (Эльзе нравились ковры, особенно оранжевых тонов и с крупным рисунком). Скрутили – я не сопротивлялся, в моём-то состоянии лежачего лаврового листа буровозить? Права не зачитывали – не то время, чтобы зачитывать. Пару раз по почкам стукнули, чтобы уважал власть, но я не уважал и сейчас не уважил. А потом серая карета без окон, распахнула передо мной дверку, в этой зарешёченной коробке я и проследовал до места заключения. У нас тюрьмы добротные, расположены в древних постройках, они мало того что цветные, ещё, видимо, довоенное время помнят, в них пахнет миром – а это редкость почти нигде не встречаемая. Камера одиночная, сырая, тёмная – нормально упаковали.

Из камеры вывели ненадолго – на суд, он был скорым и справедливым. Где-то я это уже слышал, где-то я через это проходил – не иначе на коняшке карусельной кручусь-верчусь, обмануть кого-то хочу, только вот кого? Вынесли приговор, смертный – а чего действительно кочевряжится с этой гидрой революции? – бошки надо рубить гадам и вся недолга! Снова вернули в ту же камеру, но уже как смертника – разница с положением просто задержанного существенная... это как с царём, над которым меч висел... только на царя клинок мог и не упасть... а для меня уже где-то верёвка приготовлена и палач. Только срока не знаю, когда приговор приведут в исполнение...

Потянулись дни и ночи, дни и ночи в ожидании свидания со смертушкой, не самые приятные дни и ночи моей жизни. Библиотеку я нашёл не сразу – чувствую что-то в тюфяке жёсткое, ковырнул шов наживной, распорол пошире, руку засунул... вытащил заныканные листки бумаги, разнокалиберные они были: где рукописный текст, где печатный, а где мудреный как бы рисованный – я такого никогда и не видел. Стал читать. Первой на глаза попалась сказка...

«Сказка про Шушу»

Жила была Шуша и была она подлой и злой, циничной и безголосой, вот за безголосость и дали ей такой странное имя, если бы могла нормально жужжать, как все жужжат, то и носила бы красивое и гордое имя Жужа, а так прозвище Шуша к ней прилипло. А за то, что все звали её Шуша, она

всех и не любила и была подлой и злой, а также циничной, но вот безголосой то её быть никто не заставлял – она сама в таком положении застыла, – действительно подлая бестия!

Детей у неё, предсказуемо, не было, кто ж такую замуж возьмет подлую и циничную, а самое главное безголосую? Вот и жила Шуша одиноко и грызла зерно тоже в одиночестве – никто на её угощение в гости не приходил, даже тогда когда ей удавалось достать сало или икры – все одной приходилось жрать.

И была у неё мечта, выйти перед народом и спеть в день всеобщего праздника сбора урожая. Его устраивали, когда верхние существа сгружали в свои закрома много зерна, а через щели зерно просачивалось к малому народцу, а где щелей не было – сами прогрызали, не дураки чай. В праздничный день хотелось Шуше спеть громко и задушевно, чтобы у всякого даже черствого забулдыги душа развернулась, а потом завернулась обратно. И вот когда песня вся изольётся, то на пике момента выдать соплеменникам: "Ну что, черти полосатые, съели?" – и уйти картинно. Шуша не знала, как ходить картинно, но была уверена – когда придёт её звёздный час, она сподобится. И конечно, все бы ей кричали вслед: "Ты теперь не Шуша, ты теперь настоящая Жужа, будем тебя уважать и любить!" – А самцы бы верещали как один в экстазе: "Приходи сегодня на сеновал!" Вот такую мечту выпестовала у себя Шуша, но не сбылась грёза.

Так и умерла Шуша, не реализовав своего главного плана.

Мораль: не надо быть такой злой и подлой а также циничной, может быть тогда и к твоему корявому жужжанию прислушиваться будут.

Настало время обхода вертухаев, и я спрятал библиотеку в тюфяк. Шум отгремел, гроза утихла, тайфун умилоствовал и сдох. Можно вновь приняться за чтение – ох как я изголодался по до пищи духовной! Надо смотреть правде в глаза – это моя последняя библиотека в жизни и каждая «трапеза» может стать финальной... Второй "книгой", которую я буквально пожрал глазами, стал краткий трактат о...

«Трактат о вечных двигателях (краткий)»

О невозможности в принципе сделать вечный двигатель я писать не буду, в школьный курс уже входит объяснение – почему их нельзя сконструировать.

Поговорю лучше о том, как сделать самый простейший вечный двигатель. Все попытки осуществить такое начинание раньше упирались в один принципиальный нонсенс: невозможность достать вечные запчасти. Например, если вам нужно чтобы колесо крутилось вечно, вам просто до зарезу необходим вечный подшипник, а без него колесо вечно вращаться не будет. Тут стоит заметить, что даже колесо с вечным подшипником будет крутиться вечно только в абсолютном вакууме, который легко достигается абсолютным насосом в абсолютной камере для вакуума.

Итак, перейду от пространных рассуждений к конкретным чертежам вечного двигателя: возьмите набор "Собери

сам вечный двигатель" и расколдуйте его (на лицензионные коробки всегда наложено охранное заклятье)...

Дальше ничего невозможно было разобрать, так как на первоначальном тексте кто-то написал ещё один, а потом на этом всем ещё рисовали и затачивали карандаши, лишь в уголке жирнел символ: "*", но расшифровки этой звёздочки я нигде не нашёл.

Ещё одно «пироженко», которое я «скушал», оказалось объяснительной запиской (орфография и пунктуация неизвестного автора сохранены)...

«Объяснительная записка»

Я такой-то и такой-то (мине так сказали писать, а зовут меня по-другому совсем), позавчерась охранял общак свиной, они там живут. Я их строга стерегла всю ночь, начальника, Богом клянусь, и совсем не пил, почти Богом клянусь. И охранял добротнo – ходил вокрук тына кругами и не халвил – это по-нашему, по-сторожиному – значит не намаывать круги совсем, а спать (дрыхнуть).

Абзац. А часов где-то в пять (звезды ищо на небе мигали) один парасёночек (бойкий такой с полосами по бокам – может его мамки с лестными кабанами нагуляла – не мое это дело) подкоп сделал и побежал резвиться на лужок. Куда эн-тот подкоп потом делся, я не ведаю – может, засыпался сам собой, за подкопы я не отвечаю.

Второй Абзац. Этот парася долго по лугу не бегал – а иначе я бы его словила, точно вам говорю, товарищ главный

господин следователь, зоркое око государя (так писатя мне дружбана насоветовала). Он же усложнил задачу мне – побег к речке, она летом-то совсем как ручеёк, но сейчас уже не лето, а разбойница весна, да. Она и бурная, едрить (или едрить надо зачеркивать?). Так вот и я говорю: он бежать, я – ловить. Не поймать. А он-то, наверное, думал на сопредельный луг рвануть (там трава гуще нашенской), а луг тот акурат за речкой (совсем память моя ослабела – не помню, как её зовут, ручеёк едрить энтот). А парося – бултых в него, в неё, короче – в воду и поплыла.

Третий Абзац. А поплыл он как-то неуверенно, а может, он и совсем плавать не умел, только делал вид, чтобы меня в заблуждение ввести – мол, я умею и нечего за мной бегать. А я честно бегала, я же уже вам, товарищ главный господин следователь, говорил. А бабку Федосеёвну вы не слушайте – она все врёт и напраслину возводит на меня... холера её того... особенно она бает про то, что я парося сменял на самогонку и после энтотй самой самогонки у меня ноги кренделями заплетались (у меня сроду ноги кренделями не заплетаются, даже после дерь... говно... что? Так и пишу: «некачественного продукта перегонки»), а навет она возвела в околоток на меня из-за хрена моего... то есть... как же написать-то? У меня хрен в огороде попёр буйно, а у неё нет, вот она на меня и зуб точит и поклеп возвела понапраслену. Вот.

Четвертый Абзац (последний). Я в воду бросился, и поплыл, а парося, он так головку тянул – видно жить очень хо-

тел, да травку зелёную на том берегу этой как её речки хотел ашать (то бишь есть) – да уже утонул, сердешный. Я нырять – но там омут же едрить. Короче я не виновен, о чем честно заявляю и присовокопляю эту обяву.

Ниже место для подписи оставить (так мне тоже люди ска-зали сделать – я и сделал).

Только я подписываться не обучен – я просто палец нама-жу и приложу, вот:

Такая вот объяснительная, а в конце действительно отпе-чаток чьего-то пальца, только я внимательно разглядывал – похоже, это копия, но как так искусно мог художник отпеча-ток пальца перерисовать – я в сумлении. Тьфу ты чёрт! – за-говорил как автор этого перла канцелярского юмора. Опять! Я отложил записку и стал думать. Но думать в тюрьме тяжело – все темы перескакивают одна через другую, и ни на одной не сосредотачиваешься, легче совсем не думать. Я пару раз такого состояния достигал и один раз даже трезвым. Оригинально это – совсем ни о чем не думать, а потом разные мыс-ли как тараканы набегают, да такие умные порой, что даже диву даешься – как такие нажористые особи пробрались в мою голову?

Из остального творчества мне понравилась ещё легенда о

...

Королева

Подсматривать за моими девчонками иногда так увлекательно, что я даже забываю о своих прямых обязанностях. То есть, о том, что надо структурировать реальность таким образом, чтобы герои стройным клином устремлялись бить в колокол и уже разбудили меня-любимую в самом деле! Сейчас Александра показывала свой фотоальбом Эльзе и рассказывала ей о своих мужьях. Вообще-то герцогиня об этом ни с кем не делилась, даже со мной (уж, поверьте, я на неё давила), но Эльза родила, а мужа рядом нет, вот на этой почве её окружила и замучила депрессия... Чтобы развеять мушкетера, Александра и показала Эльзе свой альбом.

– ...а это мой третий муж, – сказала герцогиня, указывая на соответствующую черно-белую фотографию.

Отмечу, что секрет цветных фоток, подлый Маркел, держал под замком моей библиотеки, как и многое другое "цветное" знание.

– Как он умер?

– О! Ему повезло. Он любил меня как... я даже не знаю с чем сравнить, скажем так: пятый муж, жалкое подобие, по силе любви, а не почему-либо другому, третьего. Он был так счастлив в день нашей свадьбы, что скончался в первую брачную ночь. Ах, де Бошир, де Бошир... – Александра закатила глаза, но чуть позже, вновь вернулась к альбому и пе-

ревернула страницу:

– А это Зайка, мой четвертый муж. На самом деле его звали Зигфрид фон-Дежавю-Восьмой, но я всегда звала его Зайкой. Посмотри, похож он на зайку?

– Несомненно! – Эльза отвлеклась от всхлипывания и самогрустнения.

– Вот я ему это всегда и говорила, он не верил, но смирился. Это было одно из условий моего замужества.

– А остальные?

– Пятый?

– Нет, условия, какие они были?

– Да практически никаких: луну там с неба достать, и дракона убить, банальщина одна...

Эльза поняла, что герцогиня пытается её развеселить и она честно попыталась развеселиться, но у неё получилось плохо: улыбка вышла какой угодно только не улыбочной. А вот я веселилась от души, но тоже насупилась, когда увидела эту Эльзину неулыбку. Но тут герцогиня перешла к рассказу о смерти Зайки, и вот этот сказ сумел-таки раскрасить лицо молодой мамы жизнью и вселить в её глаза светляков смеха.

– ...отправился он как-то на охоту, ну арбалета или лука не взял, а то мог потерять. И после третьего заезда, то есть после третьей бутылки медовухи, разгорелся у них в компании спор. А были же там одни графья и прочая голубая кровь, слово за слово и завертелась потасовка, точнее драка, а уж если совсем на чистоту это был самый настоящий про-

стонародный мордобой. На чины и звания, а также титулы и должности никто не смотрел – били по морде, или куда попадали. Пьяный угар сравнивал всех. Вот тут-то моего любимого Зайчонка по голове скамейкой и ударили.

– И он умер? – решила уточнить Эльза.

– Да ты что! чтобы вот этот Зайчища умер от одного удара скамейкой? – Александра показала особенно откровенную фотографию своего "зайки", на ней отлично были видны бугры мышц там, где должны быть мышцы и даже там, где у обычного человека гладко или свисает жирок. – Он только стал истекать кровью и потребовал ещё медовухи. Но потом все же сознание потерял. И вот тут-то вся эта пьяная шайка-лейка решила его отвезти к знахарю. Посадили его на Бербера, а это самый строптивый был жеребец – чистая ртуть, ну тот и понёс... и тут мой Заянька ударился головой о слишком низкий сук... его потом спилили, да что толку? Прямо на всей скорости.

– И умер?

– Да нет, Эльза, что ты какая мнительная? Просто стал сильнее истекать кровью. Потом его переложили на лодку, но трезвого рулевого было не сыскать – и они на стремнине ударились о камень, Зайка вылетел из лодки и об этот камень...

– Ударился?

– Можно сказать и так...

– Но не умер? – Эльза стала более догадливой.

– Естественно, но стал сильнее истекать кровью, – Александра посмотрела куда-то вверх и почти попала взглядом в меня, видимо, вспоминая все подробности. – А вот когда его все же доставили к знахарю, выяснилось, что и знахарь влил в себя изрядное количество медовухи, из-за чего и перепутал склянки. Дал Зайчику какой-то мгновенный яд, тот и успокоился навсегда. Со знахаря потом содрали кожу, но что толку? Я лучше тебе о пятом сейчас расскажу...

Эльзу история не сильно развеселила, но все-таки слегка отогрела, а вот я смеялась, даже ржала как конь. Нет, как лошадка. Но если бы кто-нибудь сравнил меня с лошадкой, то я этому кому-нибудь вставила бы шампур в одно места и он бы изошёлся крокодилыми слезами. Если разбирать эту ситуацию с точки зрения морали – вот уж, поверьте, глупый ракурс, – то мой смех вовсе не был вызван страданиями человека и его последующей смерти. Я смеялась над нелепостью всего, что этому сопутствовало. Согласитесь, Зайка умер, а Эльзе требовалось утешение и если смерть одного Зайки помогает живому человеку улыбнуться, то почему бы об этой смерти не поведать смешно. Конечно, людям с отсутствующим чувством юмора – хорошо, хорошо! – с отсутствующим чувством чёрного юмора, этого не воспринять. Ну, так и кыш отсюда, болезные!

Но рассказать Александре о пятом муженьке помешали... В гнездышко "пташек" ворвался ворон красно-фиолетовый, судите сами: высок, черноволос, широк в плечах, обладал

профилем, по которому заочно сохли ещё неисчеканенные монеты и облачён в наряд шута. А именно: облегчающее трико и камзол, на которых фиолетовые ромбики соседствовали с ромбиками красными и ни один ромбик другого цвета их компашку не разбавлял, плюс таких же цветов колпак с безголосыми колокольчиками. Обведя взглядом хибарку, он на безупречно-классическом наречии снобов центра Лас-Ки изрёк:

– Вам привет от ВВ!

– От кого? – только и смогла сказать Эльза.

– От королевы, для вас она ваше величество, а для меня просто ВВ, – да, он самонадеян, но и на меня надеялся будь здоров (улыбаюсь во сне, ибо... есть от чего).

Он сел за стол, начал вертеть пальцами левой руки вилку, а правой – ложку в противоположные стороны, глазами при этом нагло раздевал всех присутствующих дам сразу. А глаза у него разноцветные, один жёлтый, другой зелёный, но точно сказать какой глаз мигал каким цветом, сразу определить трудно, они слишком завораживали, чтобы можно было спокойно анализировать.

– Вы знаете, я нахожусь в сложном положении, – сказал он, совсем не напоминая человека, находящегося в пиковой ситуации. – Вокруг столько прекрасных барышень, что я просто смущаюсь и не могу представиться, а также – что более уместно! – не могу начать осыпать вас всех комплиментами, не задав предварительно один очень интимный во-

прос: у вас есть что-нибудь пожрать?

– А... – хотела что-то резкое выдать Александра.

– Ни слова больше! – прервал её незнакомец в красно-фиолетовом. – Я не попаду в твой альбом шестым герцогом, но могу закрыть тему мужей всей своей шутовской натурой. Раз уж начал представляться, то последовательней было бы закончить эту процедуру: я – любимый шут ВВ, Зёма.

– Это сокращенно от чего? – у герцогини в голосе были нотки, вбирающие в себя так много разношерстных эмоций, что проиндексировать их не смог бы даже гений мозговой музыки.

– От земфиры, а земфира – от совокупности первых букв: зачем ердачить мифы фантастично и рассказы амбициозно.

– То есть это аббревиатура? – решила уточнить погоду в доме Майя.

– На дух не переношу аббревиатуры, земфира пишется с маленькой буквы, а Зёма с большой. Но можете называть меня так, как вам будет угодно, только сначала накормите. И ещё в печку не ставьте, а кладите лучше в кровать широкую, постель необъятную с перспективами неведомыми...

Так мои девчонки познакомились с моим же шутком (не по принадлежности, а по знакомству), который являлся самым несмешным представителем своей профессии в истории нашего мира, а, возможно, и всех других миров. Но ни на какого другого шута Зёму, если что, я не променяла бы ни при каких условиях обмена. Почему? А вы бы посмотре-

ли на то, что делали мои девчонки. Они все вместе кормили Зёму, даже Александра носилась как пчёлка за закусками, приправами и десертом (плюшки с вареньем). Я стала подзревать герцогиню в нарушении своего же принципа: вступить в брак исключительно с герцогами. Но я ошиблась, нарушать ей было уже нечего – принцип испарился в небытие. Это и понятно, ведь люди делятся на две почти равные части: мужчин и женщин, первые довольно часто обманывают вторых и изредка врут первым, в то время как вторые лишь изредка врут вторым и довольно часто обманывают первых. Ещё это называется гармонией полов. Так что я была спокойно и за девчонок и за шута, только за себя маленько волновалась: а вдруг не разбудят прелестницу? Чуть слезу не пустила, благо пускать её было некуда, везде мой сон, если заплакать, то можно и утонуть, а утонуть во сне для королевы – дурной тон. Тем более в собственных слезах... а кто в них утонул, из классики что-то такое было... вот проснусь и перечитаю... проснуться бы, а?

Шут навел меня на одну мысль. Я не без легкой доли отвращения отправилась в мир, где есть шумные дома, и нет настоящих любителей ночи. Так я и думала! Вместо того, чтобы писать историю про меня, обо мне или хотя бы со мной в главной роли, этот террорист слов написал нечто совсем левое: "Я видел человека, который видел Бога и не умер, но поскольку он никому об этом не рассказывает, я иногда сомневаюсь, что видел человека, который видел Бо-

га и не умер". Написав это предложение, он не знал, что с ним делать. Просто не мог себе представить произведение, в которое можно было бы внедрить эту фразу, не лишенную некой доли воли – попробуйте произнести это быстро: доли воли, доли воли, доли-воли – к собственному существованию (на большее его волюшка и не претендовала). Из-за всего этого он мучался и не писал сказку. Ладно бы ещё какую другую сказку он бы не писал, так не писал же сказку обо мне! Я чуть вправила ему мозги и, убедившись, что процесс пошёл в позитивном направлении – чьи это слова, уж не магистра ли? – отлетела на историческую родину. К тому же у меня возникли проблемы несоизмеримо более важные, чем наставление на правильную стезю заблудших конструкторов словесности: у меня пару волосков выбились из ансамбля прически слишком далеко от идеала. Ужас!

Магистр

Мой рейтинг (настоящий, а не тот, что пишут в официальных отчётах для меня же самого) упал, а недовольство жизнью возросло. Пришлось зайти с козырей – во всём виноваты евреи. И начались погромы, инспирированные моими людьми, и ненависть, как круги по воде, широко разошлась в массах людских. Конечно, когда тебе плохо, то внутренний враг даёт ответ на два главных вопроса: кто виноват? и что делать? В кризисе, обесценивании валюты, гиперинфляции виноваты евреи. А значит, их нужно бить по морде, а не по паспорту.

После погромов и убийств я милостиво разрешил евреям покидать магистрат. Конечно, без ценностей и недвижимого имущества. Только личные вещи. Многие сочли это за счастьем. Ведь альтернатива маячила мрачная – попасть в концентрационные лагеря. А там возросла смертность, особенно в еврейских бараках. Ибо заключенные тоже не любят врагов народа.

Министр изящных искусств зашёл ко мне и долго расшаркивался. Его сын был женат на еврейке... чтобы прекратить его бессмысленное лопотанье, я вынес вердикт:

– Невестку – в лагерь сегодня же, а иначе завтра в лагерь отправится твой сын, а после завтра – ты сам.

Он как-то резко посерел. Вот правильный цвет. Идеологи-

чески верный. Мне одному что ли должно быть плохо? Я тут ночей не сплю, думаю, как из кризиса выйти. А эти приближённые бюрократы, только о своём комфорте и думают...

Боцман

Продолжаю читать перед сном, не сразу я осилил странички с довольно протяжённым заглавием...

«Легенда о сотворении и разрушении Общего храма (записана со слов говорящего дуба)»

Было это давным-давно, ещё до войны. Решили люди построить храм всех религий. И построили они его, но в процессе возведения выяснилось, что кроме четырёх всемирных религий есть ещё куча ответвлений в каждой из них, и последователям всех верований хотелось в общем здании иметь свою комнату. Разгорелись нешуточные страсти... и не известно, когда бы они утикли, но одному поистине гениальному архитектору удалось предложить проект, который устроил всех. Здание было круглым и от центра разбито на секции, каждая секция – для своей религии. Всего секций было сто восемьдесят четыре плюс одна – общий вход к центру, а уж от центра каждый желающий мог зайти в то отделение, какое он выбрал своим сердцем. Дом стоял в десяти километрах от меня, так что я всё хорошо чувствовал (энергетическими отростками, а не глазами, ведь каждому ясно, у нас, у дубов, нет глаз). А потом началась война. Одни люди стали убивать других людей, калеча в ходе этого бессмысленного процесса многие растения. На мне вот удумали вешать неправильных людей (вешали-то шибко правильные). И си-

туация пошла вот по какой колее: те, в чьих руках оказывался храм, разрушали секцию своих заклятых врагов. Так 36-е (я всех их не запоминал по названиям, а дал порядковые номера по часовой стрелке, чтобы свою зелёную крону особо не ломать) сломали секцию 95-х, а 102-е – секцию 14-х и так далее. Так продолжалось до тех пор, пока от здания не осталось только две стены, да подвал. А потом учудили атеисты (уж их-то название я запомнил). Они на развалины Общего храма сбросили сильную бомбу, после взрыва которой возник сначала большой гриб, а потом – большой котлован. У меня всю кору опалило тогда и после этого я смог мысленно общаться с людьми и рассказал уже много позднее (не одна зима прошла с тех пор) эту историю, и назвали они её «Легенда о сотворении и разрушении Общего храма» и даже моё авторство не забыли. Я кончил. Пора желуди разбрасывать...

А дальше пошил листки на непонятном языке. Я их просто внимательно перелистал и аккуратно сложил – может, кто другой поймет. Перебрав их, я наткнулся на восьмушку клетчатой бумаги, убористо исписанную мелким и округлым подчерком, а было написано на ней следующее:

Правила пользования камерной библиотекой

1. В библиотеку можно книги добавлять, но нельзя из неё их брать ни для какого использования кроме чтения (даже если тебе рану нечем будет перевязать – сиди и кровью исходи, а листки не тронь!)
2. На книгах нельзя ничего писать от себя (как в месте,

отмеченном "*").

3. Книги нельзя мять и читать сразу после еды – лапы-то не моешь, поди, а думаешь, книгам приятно, когда их лапают грязными руками? Вот то-то!

4. После прочтения книги нужно заныкать в тюфяк, его только мнут на предмет нахождения колюще-режущих предметов, а бумаги не замечают.

5. Выполнять надо все пункты и ничего не пропускать.

6. Я сказал все.

А на обратной стороне было написано об авторе:

Я, О... (клякса) Д... (дыра с неровными краями) собрал эти разрозненные листки в камерную библиотеку, пока сидел здесь по обвинению в убийстве серого стражника. Он изнасиловал мою жену, а я его повесил на суку, предварительно отрубив ... (неразборчиво) достоинство; собаке – собачья смерть! Завтра приговор приведут в исполнение, и я решил написать эти правила (смотри на обороте) и немного о себе. Ты, читающий это сейчас, можешь, конечно, делать с библиотекой что хочешь, даже сжечь, но перед этим просто подумай, если есть чем, а надо ли?

Вот такой вот документ я нашёл почему-то в середине, как оказалось, камерной библиотеке. А потом сразу шёл рассказ про...

Королева

Из пещерки моих крошек раздавались умильные звуки: "Агу" "Яя" и особенно мой любимый: "Трям!" это Эльза гутарила с малышом, имя которому ещё до сих пор не придумали из-за одного типа, не шибко торопящегося увидится со своей ненаглядной и ещё более не торопящегося ударить-таки в колокол. Я долго созерцала картину "мама с малышом", но, к сожалению, приходится иногда ещё и в шахматы играть. Как раз был мой ход, будь оно все неладно! Не дают поучаствовать в воспитании ребенка. От "Я-я" пришлось вернуться к "е2-е4" Мне даже корона стала жать – так усиленно я думала, ладно ещё, что умищем не обделена. Хо-хо! А ведь я ещё и щеки могу надувать, почти как хомячок, о!

Однако шахматы – шахматами, но чёрно-белые клеточки, мельтешащие перед глазами, не помешали мне насладиться пьесой, разыгранной совсем не во дворце магистра... мой это же дворец, да... вот такая я быстрая! Пьеса называлась: "Свадьба герцогини", декорации прозрачные, в суфлерской будке – спящая королева.

Действие первое

Александра пьет чай, Майя пьет чай, Эльза только что пила чай, но ребёнок заплакал, и чай остался испаряться в чашке – Эльзу сдуло сильным ветром материнской любви к сво-

ему чаду. Окно, около которого и стоит стол с тремя чашками чая, открывается и в него просовывается огромный букет роз.

– Это мне? – спрашивает Майя.

– Даже не думай! – Александра принимает букет и ждёт продолжения.

В окне показывается шлем и перчатка, перчатка пытается поднять забрало, за ним открывается симпатичная мордашка, несомненно, герцога. Забрало падает и мордашка пропадает.

– Ну! – Александра в ожидании.

– Я... – обнадеживает мордашка и вновь пропадает за забралом.

– Кажется, Эльзе требуется моя помощь, – Майя совсем не торопится идти "помогать" молодой мамаше.

– Несомненно! – Александра созерцает розы и перманентно то появляющуюся, то снова исчезающую мордашку.

Мордашка справляется с забралом и хочет что-то сказать, но натывается на громкий шёпот сверху:

– Если кто-то разбудит ребёнка, умрёт лютой смертью! – это Эльза проявляет бдительность.

Общая неразбериха.

(Актёров не умеющих играть на сцене общую неразбериху – вон из театра к чёртовой бабушке!)

Эльза одним глазом следит за ребенком, другим (приходится выглядывать с чердака) за воркующими обладателя-

ми герцогских титулов. Майя высовывается в открытый люк глубже и чуть не падает. Александра вся в разговоре, но иногда бросает короткие взгляды на своих товарок, мол, я чуть попозже вам всё подробно расскажу и покажу где раки даже не зимовали! Товарки отвечают такими же короткими ответками: лучше сами всё в сознании «на ус намотаем». Герцог снял со своей буйной головушке шлем, и теперь его мордашка никуда не пропадает.

Неуверенные поползновения "не пропадающего" гостя начать разговор. Александра помогает ему ободряющей улыбкой.

– Меня зовут Викторон де Шаразан и де Де Ку де...

– Я буду звать тебя Витя, – герцог почему-то согласился. Воркование внизу, сплетни наверху.

Действие второе

Сеновал. Он и Она (или Герцог и Герцогиня, или Она и Герцог, или Он и Герцогиня, или сокращенно: ОГ или: ГО – хотя я тоже не люблю аббревиатуры). Массовка звёзд, которые то мигают, то гаснут – актеры не умеющие изображать меркнувшие и гаснувшие звезды должны быть выгнаны даже из массовой.

– Выходи за меня замуж! – вся предшествующая биография герцога вела его к этой фразе.

– Прежде чем сказать "да" я должна тебя предупредить: ты будешь шестым.

– Теперь скажешь "да"? – глаза герцога не дают сказать что-либо другое.

– Да!

Звёзды. Она и Он. Сеновал.

– Давай устроим свадьбу прямо здесь и сейчас.

– Давай!

Он надевает на её палец кольцо, она отвечает ему тем же.

Где-то высоко-высоко звучат колокола.

– С тебя комплимент.

– Ты... ты позитивная как молодой побег не табака, – Витя замер. И...

– Будем считать, что я прочла его в твоих глазах, теперь самое главное...

Поцелуй, плавно перетекающий в первую брачную ночь.

Действие третье

Майя пьет чай. Молодожены пьют чай. Эльза пьет чай и качает свободной рукой люльку с ребёнком. Все говорят шепотом.

– И почему вы нас не пригласили на свадьбу?

– М-м-м, – отвечают молодожены, целуясь.

– Понятно. – Пауза. Пауза длиться. Пауза затягивается. Пауза переодевается. Пауза шалит. Пауза удавилась. – Эльза, нас лишили праздника!

– М-м-м, – отвечает Эльза, ребенок забеспокоился и молодая мама вся в люльке, чай забыт.

– Ясно. Что сейчас, интересно, обо всём этом думает королева? – вопрос рассеялся в воздухе.

– Что я обо всем этом думаю? – раздаётся стилизованный голос королевы сверху: – Совет да Любовь!

Стилизованный, потому что на премьере я ещё смогу озвучить сама себя, а на остальных спектаклях – дудки! Пусть замену находят, но, естественно, не найдут, вот и выходит, что голос будет лишь стилизованным.

Занавес, означающий конец пьесы.

А я сплю. Без звёзд. Одна...

Боцман

Продолжаю тюремное чтение, беру в руки рассказ...

«Рассказ про дружбу и ненависть».

Жил был мальчик Вова одиннадцати лет, ничем особенным он не выделялся из своих сверстников. Ни шрама, ни магических способностей, ни умения шевелить ушами. Зато был у него верный друг – Саша. Дружили они ещё с детского сада, и в школе учились в одном классе и сидели, конечно, за одной партой на всех уроках. Были вместе и в радости и в горе, и в счастье и в несчастье. Да, ссорились порой и даже дрались иногда, но быстро отходили и мирились. А уж если напасть какая иноземная, например, мальчишки с соседней улицы дразнят, тут уж совсем как один стояли друг за дружку. Короче говоря, были они настоящими друзьями, такими, что не только водой – кипятком не разлить. Но вот однажды купили родители Вове расписных солдатиков, не солдатiki – загляденье, мальчик даже историю стал лучше учить, чтобы узнать в какие времена такие воины сражались и что это были за битвы. Оказалось, что солдатiki – точные копии существовавших на самом деле в дремучие века гусар, гренадер, улан и прочих кирасир. Но это хоть и имеет самое прямое касательство ко всеобщей истории, с историей про Вову и Сашу никак не связано.

Естественно, Вова сразу рассказал Саше о новом чуде во-

енных игр, и мальчишки вместе стали устраивать битвы и батальи, войны и небольшие пограничные конфликты. И было им хорошо. Из всех новых солдатиков Вова наиболее полюбился трубач, он так зажигательно призывал всем своим видом в атаку. Звука его трубы, конечно, было не слышно, но иногда казалось, что он издали доносится – это фантазия давала о себе знать. Ту-ту-ту-ту – пронзительный призыв звучит, и brave солдаты смело идут в бой даже на превосходящие силы противника. Мальчик так полюбил трубача, что и засыпал теперь только с ним, и когда просыпался, первым делом искал любимого солдатика, а он иногда терялся под одеялом или, если выразиться более правильно, маскировался в скомканном ландшафте. Вова носил трубача в школу, ему казалось, что солдатик приносит на уроках удачу, мальчик даже советовался с ним, когда на контрольных выпадало особенно трудное задание.

А потом случилось страшное – трубач пропал. То есть исчез, был унесен чёрным троллем под пол, рассыпался в песок от чар злой колдуньи. Вова обыскал всё: свою кровать, одежду, заглянул даже в ботинки – не затаился ли он там, посмотрел под кроватью, под диваном, естественно, под столом. Ковер что лежал в спальне был осмотрен с превеликой тщательностью, может, под гнетом его шерстки где-то задышался трубач? Вова обыскал ещё бесчисленное количество мест, но всё без толку. Тщательные поиски ничего не дали. Трубач пропал с концами.

И тогда гаденькая мыслишка заползла незаметной змейкой в его голову: "А не взял ли трубача Саша?" – слово "украл" с собой мыслишка не притащила, но и "взял" звучало достаточно страшно. Ведь он не спросил – если бы спросил, другое дело, что бы я ему не дал? Дал, конечно, даже подарил бы, хоть и жалко, конечно, но Сашка же друг – подарил бы. А так... получается что? Он позавидовал мне и тайком унес трубача к себе и сейчас любитесь им и играет один?! Мыслишка расправила свое тело и превратилась в большую змею, и ясно стало, что это не безвредный ужик с жёлтыми пятнами на голове, а чёрная, как нефть, ядовитая гадюка. Она проросла до глаз Вовы и вот уже мальчик смотрит на окружающий мир узкими вертикальными зрачками, а через них видно вот что: точно Сашка взял, да не взял даже, а укал. Точно украл и точно украл он: вот и ходит он так, как будто украл трубача и говорит также и жесты все однозначно свидетельствуют – он украл, и голову он поворачивает не так как раньше, тянет, тянет вина голову вниз – чувствуется виновность. А значит – виновен!

И тогда Вова стал своего друга ненавидеть и думать о мести, о тайной мести – как солдатика у него украли втихую, так и он мстить будет исподтишка. Только вот не придумывалось ничего достойного – всё мелочь пузатая мельтешила. Ну, ничего, сердце-то змеиное – подождет. Гадюка удлинилась и стала сворачиваться в кольца, а чем больше колец у гадюки, тем больше в ней яда, яда жгучего, всё вокруг отрав-

ляющего. И Вова сам тем ядом стал пропитываться...

А трубач тут некстати объявился, он непонятным образом пролежал все это бурное время на книжной полке (Вова точно помнил, что он туда солдатика не ставил), и вдруг, когда его уже никто не ждал, упал с неё и очутился прямо перед змеиными глазами. Гадюка в Вовиной душе стала уменьшаться и издохла, корчась под ослепительными лучами правды. И таким мерзким он себе показался-то после её смерти! Это же надо друга подозревать, и ни разу не спросить по-человечески – прямо в лоб: "Это ты взял трубача?!", а сразу месть замыслить! А Сашка-то главное всё такой же как и был раньше, то есть до "кражи" солдатика: и смотрит он абсолютно нормально, и ходит, и бегаёт как всегда ходил, бегал; и головой поворачивает так, как поворачивать должен человек, не укравший любимого трубача. И стало Вова плохо, совсем плохо стало. Не мог он другу в глаза смотреть, да и маме с папой не мог – не достоин он! Но и молча мучиться больше не мог – не выдержал бы долго.

И тогда он побежал к Сашке с коробкой солдатиков и вывалил на стол пред изумлённым другом всех расписных гренадер, гусар, улан и прочих кирасир на стол. "На, дарю!" – запыхавшись, сказал он по быстрому и убежал. "Стоять!" – кричал Саша. – "Подожди!" Но главное было не оборачиваться и ничего не говорить, а бегал Вова быстрее своего друга. Оторвавшись от Сашки, он забежал на минутку домой, нужно было забрать загодя приготовленные вещи, и вот он уже идёт

по дороге, идёт туда, куда глаза глядят, куда глядят человеческие глаза, ведь хоть гадюка и издохла, но её яд ещё из тела мальчика не вышел. . . но с каждым шагом, с каждым добрым делом, сделанным для других людей без корысти для себя – отравка капля по капле выходила из Вовы, и он становился самим собой, а может быть новым – лучшим мальчиком. Когда яд совсем вытравится и Вова опять станет настоящим человеком без змеиной примеси, он вернётся. Обязательно вернётся и всё расскажет родителям и лучшему другу!

Прочитал и задумался. То ли у писателя был похожий эпизод в собственном детстве, то ли всё вышеизложенное про дружбу и ненависть – не более чем профессиональная выдумка. Да писаки способны до того напустить туману, что непонятно где чёткая правда, а где уже бесформенные грёзы вымысла. Другое дело художники – эти типы просто курят не траву, а потом рисуют всё, что им пригложится. Например, розовых летающих слонов. Но и тут может быть скрыт подвох, а вдруг в детстве художник на самом деле, то есть без курения не табака, видел розовых летающих слонов? А, возможно, художниками и становятся только те, кто в детстве видит таких или подобных, несуществующих для нормальных взрослых людей, тварей? Но я не художник и даже не писатель, я – заключенный, которому сидеть непонятно сколько осталось, а когда станет понятно – сразу придётся узнать: есть ли жизнь после смерти. А на этот счёт другая думка у меня припасена. Чем отличается верующий человек

от атеиста? Тем, что если атеист после смерти увидит Бога – он удивится его наличию, а если верующий окунется в такой же ситуации в абсолютное небытие, он не успеет удивиться отсутствию Творца. Так мудрецы говорят... а вот интересно: сами мудрецы часто ли сидят в тюрьмах в ожидании, когда их смертный приговор исполнят? Или у них это случается редко.

Знакомый клоп стал подбираться к моим нарам, я выделял его из всех остальных алчущих моей кровушки прохиндеев по колченогой средней ножке с левого бока – этому клопу я давал обед из жалости и, хотя мог придавить такого увечного с легкостью, но не прихлопывал, пусть у бедняжки будет пусть не счастливая, но хотя бы сытая жизнь.

От нечего делать я снова стал читать. Хотя по началу решил отложить последний имеющийся в наличии камерной библиотечки литературный материал на завтра, но подумал, что завтра может и не наступить, и прочитал про воспитание...

«Воспитание героя»

Пересвет проснулся утром и сразу понял, какой сегодня день. Сегодня он станет героем, вся деревня загодя обсуждала эту тему и сейчас, наверняка, толпа уже окружила его избу. Он потянулся на лавке – Пересвет не любил кроватей и перин, предпочитая им надежные струганные доски, – крикнул и вскочил на ноги. Умылся колодезной водой, быстро облачился в походное, рюкзак давно уже собран и ожидает

хозяина. Осталось повесить на пояс меч. Порядок. Добрый молодец вышел на свет белый. Там его, как он и думал, ждала вся деревня. "Будущий герой, сегодня твой день – покажи себя, не осрами нас!" – люди говорили наперебой, провожая на подвиг. Многие девушки обнимали Пересвета, юноши хлопали по плечу... В приподнятом настроении он вышел из деревни... путь-дорогу он мерил шагами легко, словно Пересвет стал легче, сильнее... Он не думал, идя к пещере дракона, на щите он вернётся или со щитом... конечно, он убьёт дракона! Да и щита у него не имелось... можно и одним мечом так управляться, что ни один враг не проберется сквозь круг из стали, который описывает быстро перемещающееся острие твоего клинка. Весь путь до пещеры его сопровождали соплеменники, впереди шли старейшины и уважаемые воины, позади бабы и детишки. Детишкам по обычаю было запрещено провожать испытателя своего счастья к месту схватки, но всё равно же пролезут – и в древности люди это понимали, просто не гоже всякую мелочь в обычаи заносить – вот мальчишек и не занесли, малы они для этого.

Зев пещеры пахнул сыростью и запахом гниющего мяса – драконы никогда не отличались гигиеной и если кости жертв ещё выбрасывали из своих жилищ, то зубы не чистили никогда, поэтому дух драконий, сам по себе тяжёлый, усугублялся ещё и вонью разлагающейся плоти.

Толпа замерла, в пещеру войдёт только Пересвет, остальные будут ждать развязки невидимого действия у входа. Тут

кто кого: либо наш вверх возьмёт, либо отродье чешуйчатое, опять же по результату и вечернюю брагу будут разливать: за упокой души сородича или за нового героя.

Пересвет лишь миг помедлил на пороге пещеры и вошёл в темень, меч уже был вынут из ножен и отблеск солнечного света пробежал по острию. Драконам не нужно заботиться об освещении своих логовищ – они не готовят мясо убитых жертв на костре и прекрасно видят даже в полной темноте. Пришлось достать гнилушку, зелёные тени тут же замерцали по стенам пещеры, откуда-то издали зашуршало. "Ага, зашевелились обитатели подземелья!" – подумал Пересвет. Он шел тихо и ровно – не торопясь, но и не медля – ему бояться нечего, максимум, что могло с ним случиться: не выйдет из пещеры и вся недолга, а вот дракону надо бояться: что будет, если будущий герой возьмет да не помилует драконью семейку и порешит всех гадов одним духом? И такое бывало.

А вот и семейство гадов-ползучих. Сам дракон об одной голове, трехглавые бывают в основном только в сказках, да изредка в жизни – но они слабые, такие уроды, обычно, долго не живут. Супруга его – росточком поменьше и с чешуей позеленее. Плюс хоровод их мелкой поросли, большинство из спиногрызов никогда не доживет до возраста родителей – драконов никто не любит и соответственно у них полно врагов. А главный враг, разумеется, люди – кто ж не огреет пащец дракончика, если увидит на своем пути? Чтобы завершить перечень супротивной стороны, надо упомянуть яйца,

которые где-то в укромном месте схоронены и высиживают-ся и самкой и самим главой семьи.

Дракон с чмоканьем поднялся с пола – прилип он что ли на своей плесени? Обстановка пещеры была более чем скромной: камень кругом и никакой мебели или шкур, лишь кое-где в углах лежали кости жертв да склизкие копы бурой соломы. Это и не удивительно, драконам чужды комфорт и всё что с ним связано. Самка тихим шипением созвала мелких дракошь и спряталась с ними в боковой туннель. В логовах драконов всегда бывают ответвления и запасные выходы, но они редко помогают, когда людям по-настоящему хочется уничтожить их обитателей.

Пересвет отвел руку со светящийся гнилушкой влево и приготовился к схватке – встал в позицию и замер в ней, как каменное изваяние. Пусть теперь противник понервничает, дернется и откроется для удара. Он был давно внутренне готов к бою, сегодня ему исполнилось 18 лет и обряд посвящения должен пройти сегодня – так заведено издревле и не менять устоявшиеся обычаи. В наше время примерно один из пяти-шести кандидатов погибает при обряде воспитания героя. Пересвет был уверен, он испытание пройдет.

– Что, даже не поздороваемся? – донеслось из пасти дракона, голос твари был горловым и хриплым, но и в этих нечеловеческих звукам можно было разобрать слова, складывающиеся в связное предложение.

Пересвет не подал вида, что удивился, удивился настоль-

ко сильно, что даже не помнил, когда так оторопь брала в последний раз, да и удивлялся ли вообще. Это был удар пробивший защиту человека.

– А смысл? – вопросом на вопрос ответил Пересвет.

– Да, смысла нет. Ты всё равно меня убьёшь...

– У тебя же тоже есть шанс загрызть меня, – будущему герою не хотелось, чтобы его противник сдавался до схватки и облегал его обряд.

– Да, есть один из пяти или шести, но это раньше было, до изобретения вами булата. Теперь-то за полгода ни один из ваших не погиб ещё.

– Придумайте тоже что-нибудь или уйдите с наших земель "Зачем я это говорю?" – не понял сам себя Пересвет.

– А может, мы не хотим ничего придумывать, ну а насчет земель – мы на них появились гораздо раньше, чем вы, так что ещё неизвестно кому они принадлежат по праву.

– Это не важно, сейчас мы есть, вы можете выбирать: жить с нами и бороться или уйти в глушь.

– Глуши больше нет, вы расплодились везде и всюду, лишь там, где холод совсем силён, можно найти клочок суши без людей, но мы не переносим холода ещё сильнее, чем вы. Знаешь, я не буду сопротивляться, просто заколи меня и покажи окровавленный меч толпе, жаждущей увидеть положенный знак, пусть люди порадуются очередной вашей победе, – дракон опустил передние лапы и склонил голову, отдавая себя на милость человека.

Пересвет сразу понял – это не уловка. Уж слишком безнадежно выглядела фигурка изначально немощного существа. Он думал, что драконы гораздо больше, а этот взрослый-то даже до плеча ему не доставал. А в этой позе смирения дракон казался ящерицей переростком, у которой одно оружие – хвост, способный остаться в лапах хищника, покусившегося на жизнь рептилии.

– А если я потом убью всю твою семью? – попытался будущий герой воодушевить своего врага. – Вырежу жену, детишек, разобью яйца...

– Делай что хочешь... – голос перешёл в безвольный шип.

«Ну, это уж ни в какие ворота не лезет, чёртова рептилия!» – всё было не так, как рассказывали.

– Да что за обреченность то, ёшки-патрёшки?! Дерись, это же твой дом, защищай его! – Пересвет рассердился не на шутку – он не терпел слабости в себе, а эту... зеленую плесень так и вовсе возненавидел. Это же дракон! Такое было ожидание. А оказалось – это просто безвольная ящерица.

– Не буду... – дракон ещё больше съежился и, казалось, превратился в свою тень.

– Тьфу на тебя! – Пересвет сплюнул и направился к выходу из пещеры.

– Ты куда?

– Да пошёл ты! У всех обряд как обряд, а у меня сплошная профанация, дерьмо собачье весь твой род, даже нет, хуже – он не стоит дерьма собачьего. Зря собак оскорбил.

– Я не виноват... – донесся сзади слабый возглас.

Когда Пересвет вышел из пещеры, наступила полная тишина. Сначала-то раздались бравурные крики, но потом, когда люди разглядели, что на мече героя нет следов крови дракона – вот тогда и заструилась тишина и обхватила она цепкими лапами ноги Пересвета – не выйти, не убежать, и немой вопрос стоял у всех в глазах: как же так, паря?

– Да ну его! – махнул рукой Пересвет. – Не сопротивлялся даже, просто сдался. Что я буду дракона как свинью на сало резать? Какой это обряд на...

И тут стало понятно, что детишек все-таки не следует допускать до обряда воспитания героя.

– ...я лучше в крестовый поход пойду.

Пересвет закончил свой короткую речь и вонзил меч в песок, но одумался – и достал его обратно, ведь не в камень же воткнул, да и кандидатов в короли поблизости не имелось, чтобы его потом вытаскивать (к тому же и вакантных тронов в округе не наблюдалось). С тех пор в деревне старейшины ломают голову над тем, как организовать новую традицию посвящения в герои...

А вот этот бумагомарака – не прав. Нет, возможно, в его выдуманном мире можно было и не искоренять драконов, и тем более не обязательно их было убивать, чтобы стать героем. А вот у нас все просто: или мы, или они. Нет компромисса. Нет терпимости. Нет милосердия к проигравшему битву. Или драконы живут на планете, или мы. Поэтому-то

их и уничтожили. Давным-давно. Хотя, не полностью. Есть ещё твари, но они, обычно, живут внутри людей, маскируясь под настоящего человека. Это лишь форма, для обмана глаз. Дракон требует крови, богатства, девственниц и ради них готов убивать. Убивать настоящих людей и других драконов. Так что писатель, всё-таки не прав. Его бы сюда, в тюрьму на годик-другой, тогда бы, может быть, он создал что-нибудь по-настоящему доброе.

Я решил кое-что сделать, нет, не сбежать, сбежать в моем положении невозможно без помощи извне, я решил кое-что написать. Другие вон пишут и ничего, пусть и я напишу кое-что, а потом, пожалуйста, рубите голову. Но чтобы кое-что написать мне тоже была необходима помощь, помощь Живоглота. Это главный охранник в нашем крыле. Это он ходит по коридору и заглядывает в глазки. Это он провожает узника в последний путь к эшафоту, хотя иногда помогает отправиться узнику за черту и самостоятельно. Размером он с большую бочку вина, сходство с ней усиливают постоянные булькающие звуки, которые раздаются откуда-то из недр мощной туши этого вертухая. На лицо Живоглот – вылитая смесь бульдога с носорогом. Характер примерно соответствует внешности, только хуже. На сером мундире Живоглота, засаленном и протертом кое-где, коряво выведено девять знаков: пять звезд (число лучей у многих разное, видимо, он выводил их от балды, лишь бы была звезда) и четыре креста. Когда я спросил про их значение, Живоглот отве-

тил, что само по себе было почти чудом – он практически не разговаривал с заключенными. И гордо тыкая в знаки отличия, объяснил, что девять человек пытались бежать во время его посещения их камер. И я их понял, Живоглот создавал иллюзию своей неповоротливости, а она давала пищу для построений планов бегства. Вертухай продолжил, улыбаясь: «Но черепа их не выдерживали даже легкого удара по ним, а шеи – легкой встряски. За проломленный череп – звезда, за сломанную шею – крест! Узники сейчас пошли уже не те, хлипкие какие-то, особенно как ты – политические, доходяга на доходяге, хоть бы десятый выискался, счёт бы сравнялся...» – размечтался Живоглот.

Почему-то он проникся неуставными отношениями ко мне, не симпатией или нездоровой страстью – нет, тогда бы я об этом уже не смог никому рассказать, просто он стал со мной разговаривать, что запрещено внутренним распорядком. А однажды заметил: "Тебе, кстати, повезло уже тем, что ты оказался в камере с библиотекой..." – и мои протесты обрубил. – "Не надо ля-ля, знаю я своё хозяйство, просто мне пофигу, что в этом каменном мешке валяется пара испачканных бумаженций". Так я впервые услышал, что Живоглот исповедует философию пофигизма, в дальнейшем мои наблюдения подтвердили мою догадку: Живоглот – пофигист. Причем пофигизмом он страдал в форме близкой к ортодоксальной, то есть ему было пофигу практически всё. Вот на это я и собирался надавить. При очередной встрече, я начал

атаку с фланга:

– Живоглот, тебе же всё пофиг?

– Да, сморчок, – "сморчком" он меня прозвал не сразу, сначала называл амебой, потом глистом, сейчас поднял в ранге до гриба.

– Тогда дай мне пару листов бумаги и вечное перо.

– Зачем это я буду напрягаться, мне же пофиг есть они у тебя или нет.

– Вот именно. Тебе пофиг, а мне нет, другими словами тебе пофиг, когда их у меня нет и тоже пофиг, когда они у меня есть, правильно?

– Пока да, слизняк, посмотрим, куда ты выведешь это рассуждение, – ого, я дорос до слизняка.

– Так вот, в случае если у меня не будет бумаги, а тебе это пофиг, я не напишу письмо родителям, тебе это тоже будет пофиг, а если у меня будет бумага и перо я смогу его написать, другими словами тебе будет пофиг, что у меня есть бумага и перо и пофиг, что я написал письмо, пока количество пофигов в обоих случаях совпадает. Но в варианте, когда я напишу письмо, тебе будет пофиг – прочитаешь ли ты его или нет, и прочитают ли его другие люди или нет, а родители точно не прочитают – они погибли, и значит, рамки твоего пофигизма расширяются.

– А мне и это пофиг! – мускулы его не дрогнули в улыбке, ему действительно было пофиг.

Вот этого-то аргумента я и боялся. Тут в диалоге появлял-

ся большой знак "Тупик". Приходилось подключать все резервы подсознания, надсознания, внутренней эмиссии нейронов, открывать чакры и прочищать извилины озоном.

– Разумеется! – воскликнул я и улыбнулся. – Тебе и это пофиг, иначе бы ты не был настоящим пофигистом. Однако ведь ты не будешь возражать против такого моего утверждения: если границы пофигизма не расширять, то рано или поздно они будут сужаться, и, следовательно, наступит момент, когда ты уже не сможешь сказать: "А мне и это пофиг". Как тебе такая перспектива?

Живоглот задумался. Он бы мог сказать свои волшебные слова: "А мне и это пофиг", но он их не сказал, а на следующий день у меня появились бумага и вечное перо. Так я добился своего и выяснил, что Живоглот не был упёртым пофигистом, ибо упёртый пофигист долдонил бы свою мантру «а мне всё пофиг!» до своего последнего вздоха, но и мысли бы не допустил, что может быть что-то понял не так и уж слишком сузил свою область применения философии пофигизма.

Стол в камере едва позволял разместить на его поверхности лист бумаги (а пишущая рука с локтем уже не помещалась, локоть приходилось свешивать). Когда я приготовился выводить закорючки на листке, в камеру вошёл Живоглот. Он хлопнув наискось ещё чистого листа стопкой его собратьев, но уже пожелтевших, меньшего формата, бережно упакованных в прозрачную ткань (раньше такую умели делать,

сейчас – нет).

– На-ка почитай, прежде чем бумагу марать, а то развилось вас, слизняков! – сотряс он воздух камеры и удалился, ни мало не подумав дожидаться какого-либо ответа от моей персоны.

Я распаковал листы и прочитал название: "Письмо отцу", ничего не поделаешь – раз оно лежит у меня на столе, нужно прочесть (не должно, а именно нужно – разница огромная). И я прочёл. Письмо было от человека слабого своему тирану-отцу, испытание давлением на психику в детстве автор явно не выдержал. Там был один момент: сына выставили на балкон и закрыли дверь. То есть он остался отрезанным от матери, олицетворяющей для него Добро; и отрезанным от отца, который был для него Законом; и вот он представлен самому себе вне Добра и Закона. Такое страшно и для взрослого, а уж для ребенка... Да, сил для победы в этой неравной борьбе у автора не хватило, но зато он всё проанализировал и с удивительной точностью воспроизвел на бумаге. Он смог разглядеть, что никто не виноват в том, что случилось, ибо и он как сын и его отец как воспитатель были такими, какими они были, то есть самими собой и с этим поделать ничего нельзя, точнее, это было не в их силах. К его чести можно сказать и то, что он не отомстил, ведь писатели могут очень жестоко отомстить ненавистному человеку, увековечив его в образе злодея в своей книге, и тогда позор переживет смерть этого человека. Страшно. Но автор

такой возможностью не воспользовался, не стал кидать камни в один огород. Разобрался. Я благодарен был этому Францу (в конце письма стояла подпись), наверное, это бы писатель из древних, мои мысли четче сфокусировались от прочтения его личного письма. С удвоенной энергией я принялся за письмо своё.

Шут

Иногда дети бывают мерзки, иногда жестоки, иногда нахальны, иногда глупы, но они никогда не бывают неискренни, даже когда врут. А вот и доказательство: один розовощеко-мерзкий малыш несколько раз приболжно попал в меня горохом из своей трубки, мешая тем самым спокойно ловить рыбу в пруду и размышлять о свойствах детишек.

– Ты мешаешь мне ловить карасиков! – очень вежливо намекнул я на его неподобающую поведение.

– Здесь нет пруда! – ничуть не смутившись, ответил юный циник.

Он был по-своему прав. Пруда на этой пыльной площади действительно не было. Но и я по-своему был прав тоже. Я ловил самых настоящих воображаемых рыбок в самом настоящем воображаемом пруду. Мерзкий мальчишка продолжил пулять в меня горохом.

– А это что?! – спросил я низким, рокочущим голосом, показывая ходячему сорняку (если согласиться с тем, что дети – цветы жизни) карасика, со сверкающей на лучах солнца чешуей.

– Карасик... – промумил обомлевший пакостник.

– Карасик! – передразнил его я. – Будешь в меня пулять, превращу тебя в горох и плюну тобой в мой пруд, который ты тогда увидишь по самые ноздри!

– Мама! – завопил мальчишка и побежал к своим бедным родителям.

Само собой, он прекратил при этом пулять в меня горохом. Обретя покой, я снова полностью отдался рыбалке. Но родители мальчуганы оказались людьми отнюдь не бедными, да не просто небедными, а ещё и со связями и претензиями (одно обычно переплетается с другим). Ведь могли отнестись ко всему происшедшему философски, так нет – кликнули стражу и захотели моей крови надыбать чужими ручками. Пришлось искупаться в пруду. Карасики щекотали меня, мстя за рыбалку, но лучше быть защекоченным карасиками, чем пронзенным копьями людей, которые даже не видят пруд посередине площади своего родного городка. Впрочем, хорошо, что они его не видели – иначе бы одним шутком в сказке стало меньше, а ведь нас и так очень-очень мало. Конечно, если не проводится конкурс на лучшего, самого смешного, особенно забористо забавного ублюдка, тогда-то мы выползаем из всех щелей и шутов становится хоть пруд пруди. Гм... а не напрудить ли мне в пруд, а то я слишком давно не справлял малые нужды... Что касается моей казни, то она будет лёгкой только для статистиков – взял да и убавил единичку в графе "шуты", а мне нешутливому какого?

Потом я долго сушил свой камзол, рядом с костром, валежник для него я собирал в саду, который посадил вокруг пруда и слегка перемотал время вперёд, чтобы искусственно его состарить – а иначе как получит валежник? В кар-

ман штанов забрался самый шустрый карасик, его я отпустил и не стал жарить, проявив тем самым гуманность по отношению к рыбам. А трёх его собратьев пожарил на сковороде, проявив, таким образом, гуманность по отношению к моему голоду. Хрустеть косточками прелестно, особенно под светлое пиво с собственной пивоварни, её я поместил в сад, а рядом беседку, ибо без этого как-то нелепо. Сижу, наслаждаюсь пивом, жареными карасиками, чудным видом... а вокруг суматоха! На городской площади, занятой моим прудом и моим садом, какие-то непросвещённые люди устроили митинг против шутов. Ну и кто они после этого? Шуты!

Коль скоро открылось мне истина строгая в обличии небывалом и невиданном, то я тут сразу и сник. Слишком много всего для меня-маленького.

Слепец и то видит больше, чем я-зрячий.

Много ещё чего я постиг и потерял на пути, пока понял, что постигаю и теряю.

Свернул не туда. Обомлел. Сколько всего не ведаю! Да я это и раньше знал, но как-то далеко-далеко там это было, за пределами фантазии, а это слишком за краем ойкумены, чтобы достать туда разумом или чувствами.

Хлоп по башке – и стало легче. Только кто хлопнул? Никого вокруг. Или это я себя принижаю, может, сам себя хлопнул?

Только вот надежды не стало. Беснадега сердце обняла.

Что я делаю, с кем кегли сбиваю шарами? Для чего? Чтобы королеву разбудить?

А ей это надо?

Как заводная игрушка хлопаю руками-ногами и веселю дитяню, что завела меня, а я завожу её.

А быть может, надежда просто стала невидимой...

Клинит меня. Иногда. Тогда я туплю. Иногда. Тогда я немножечко висну. Иногда. И мало шуткую в ночи. Иногда. Тогда я беру свое сердце, чтоб боли в груди не бывало, и вырываю его. Иногда. И свечу им, чтоб дорога себя проявила. И мне, и тебе, и ему...

Боцман

Письмо родителям

Здравствуй, мама! здравствуй, папа!

Вы никогда не прочтете этого письма, но все равно я его пишу, потому что... так надо. Мои молитвы могут не дойти до вас, а это письмо точно не дойдёт, но зато может помочь мне сейчас и кое-кому другому позже, если оно сохранится – причины более чем веские для того, чтобы начать.

Я хорошо вас помню, помню и то, как вы меня воспитывали. Это уже много позже я вычитал или услышал где-то древнюю мудрость воспитания: "Ребенок до пяти лет должен быть царем, с пяти до пятнадцати – слугой, а после – другом". Примерно этим путём вы и следовали в формировании меня как личности. Правда, застать я смог только две первых фазы. Другом я вам стать не успел, я слишком медленно рос, точнее, недостаточно быстро для бега времени. А моя сестра не стала слугой, за что поплатилось неправильным ростом – я не смог привить ей тех понятий, что сдерживают кое-какие желания.

Сначала мне было позволено всё – я ни в чем себе не отказывал и вы как два ослепительных бога выполняли мои желания. Это была сказка, добрая прекрасная сказка, которой некоторые дети лишены (я об этом узнал много позже). У тебя, мама, в кармане было всегда припасено какое-нибудь

лакомство, которое помогало унять мои слёзы, когда я ударялся об острые углы "плохих" вещей, и уж конечно сама рука легко унимала боль, глядя мои синяки, и волшебным образом излечивали мой плач твои поцелуи. У тебя, папа, в руках бумага и дерево превращались в змеев и это тоже было волшебство мне ещё не доступное. А ещё, мама, я помню, как ты купала меня в тёплой ванне, а потом вытирала пушистым махровым полотенцем, а я зажмурился и тянул к тебе губы, и ты всегда-всегда целовала меня! Это простое чудо любви! Отец, ты всегда был справедлив и открывал для меня новые миры... и в книгах и в жизни, шаг за шагом ты мне передавал секреты создания змеев – мастерство потихоньку изливалось из тебя и впитывалось мной. Ах, какой я был ленивый и нерадивый ученик, но даже в меня вы многое заложили. Сначала в форме игры, потом, когда я уже потихоньку достиг второго этапа своего воспитания, уже в форме прямых уроков и притч.

А потом возникли эти поезда. Первый эшелон и второй. Как мы оказались в разных? Я этого не помню, почему-то всё боялся потерять сестрёнку и судорожно сжимал её ручку, иногда слишком крепко, она жаловалась мне на это. Нам всё же удалось сесть в первый эшелон, увозивший людей из горячей точки (этот термин я узнал много позже), в которую превратилась провинция Си-Ай. Почему народ Си напал на тех, кто были Ай, я не знаю, понимания я не мог добиться и тогда, когда спрашивал у вас, и сейчас из исторических

хроник, а я их все проштудировал и беседовал с очевидцами событий – всё без толку. Вроде бы делили землю, один хотели присоединиться к нашему (теперь оно для меня наше) королевству Зелёных холмов, другие – остаться свободными, точнее псевдосвободными, мы же все равно зависели от магистрата. И вот как итог этой бессмысленной бойни, бессмысленная же сцена на вокзале, она навечно врезалась мне в память холодным айсбергом, который не растает никогда. Первый эшелон прошел через Ажурный мост, поезд был битком набит испуганными людьми и ещё более испуганными детьми – мы были разделены на эти два народца разностью страха, взрослые не понимали, как они дошли до жизни такой, дети не понимали совсем ничего. Второй эшелон, который был забит, похоже, ещё больше и на котором спасались вы, рухнул с моста в Тонкую речку, которую потом переименовали в Пропашую.

И вот первый эшелон доехал, доехал туда, где его никто не ждал. Не ждали особенно нас, детей-сирот. А мы долго не могли привыкнуть к тому, что нас теперь так называли. Сначала мы искали вас, потом прошёл страшный слух о втором эшелоне, а потом эта информация подтвердилась, и мы стали искать кого-нибудь, кто бы опроверг то, что вы были там. И только потом, пройдя через скитания и беспризорную жизнь, нас определили в приют. Тогда-то я на вопрос: "Твое имя, мальчик?" ответил: "Боцман" и до упора стоял на своём – меня так зовут. Сестра, почуяв свободу и безнаказанность

тоже сменила своё настоящее имя на Мур, и так же, как я, упёрлась: "Меня так зовут". А как я её мог бы наказывать за непослушание, когда слёзы лились из её глаз при любом слове о вас? А наказывать от своего имени я не мог, слаб был ещё авторитет, я сам себя ещё не слушался, хотя сестра, быть может, и послушалась бы моего жесткого слова, но только губы его не вымолвили... Вот так мы и стали Боцманом и Мур.

Много лет прошло с тех пор. Мур перестала быть управляемой и уже ни во что не ставила меня, что уж говорить о воспитательницах, учителях и других посторонних людях, пытавшихся как-то на неё повлиять. Последнее что я о ней знаю: будучи восемнадцатилетней она связалась с эспэпэшниками. СПП – это секта правильного пути. Сами себя сектанты так обычно не называют, придумают более кружевные и изящные слова. Просто СПП – это универсальное название для такого рода культов. Их легко выделить по некоторым признакам: уверенность в правоте своей; недопущение и мысли о том, что другие тоже могут быть в чем-то правы или в существовании альтернативного пути самосовершенствования; жесткая иерархия, основанная порой на жестокости такой степени, что о ней лучше не знать; тайные обряды (не для всех членов секты тайные), а иногда и оргии. Мур сообщила мне – не потому что хотела рассказать, а просто, потому что мы встретились в порту: «Я покидаю королевство Зелёных холмов и отправляюсь нести огонь истинной

веры аборигенам Свободных островов». Эти якобы свободные острова расположены к востоку от Олдовии. Они мелкие и на них нет природных ископаемых, к туризму тоже не больно располагают, вот их и не присоединила к себе ни одна сильная материковая держава.

И всё бы ничего, но мне очень не понравились её глаза. Тогда я не сказал ей фразу, которую много позже услышал от своего знакомого докси: "Не бойся знаний, бойся своей уверенности в том, что можешь их правильно применить". Я просто не знал этой мудрости. А Мур была на сто процентов уверена в том, что знает, как её применять полученные в секте знания.

Её глаза были бы другими, если бы она много зим тому назад, когда мы с вами расстались навсегда (я пока не уверен, что мы встретимся, посему пишу так), была бы чуть старше. Но ей было пять лет, и она ещё не слышала от вас запрещающих слов. Она ещё не узнала, что добрые боги могут быть законом и справедливостью. Закон – это ты, папа, справедливость – это ты, мама. Так я считал в ту пору. Нет, вы были для меня не полностью разными: и закон был справедлив, и справедливость была законной. Если я закрываю глаза, то вижу вас именно так: пара светлых ангелов, держащихся за руки, Закон и Справедливость. Закон утверждал наказание, справедливость молчаливым согласием давала понять, что оно абсолютно правомочно. Справедливость говорила, что надо делать и чего не надо делать, а закон показывал, как это

надо делать. И всё это с Любовью – только так правильно. Только Любовь может спасти людей и мир, в котором они живут! Человеку не просто нужен человек, человек должен сам дойти – что всё, что нужно ему, и что он может дать – это Любовь!

Мы бы стали с вами друзьями, я в этом не сомневаюсь. Мы просто не успели... У нас бы никогда не случился этот пресловутый конфликт отцов и детей. Я бы, став взрослым, понял, что ошибался, считая тебя, папа, излишне жёстким, а тебя, мама, чересчур равнодушной, когда ты не вступалась за меня в процессе отцовских наказаний. Теперь то я бы понял всё, естественно всё то, что в принципе способен понять. Своих детей я буду воспитывать также. Обещаю. Я вижу теперь, к чему приводит только ласка (пример с Мур) и только тирания (только что прочитал письмо некого Франца, вы бы, наверное, пояснили, кто это был, а здесь в тюрьме мне никто не подсказал).

Гармонии нельзя достичь, но к ней можно приблизиться.

Да, сейчас я нахожусь в тюрьме и, конечно, понимаю, что это не то место, в котором бы вам хотелось видеть своего повзрослевшего сына. Но из песни слов не выкинешь, а их моей жизни не выкинешь поступков, приведших меня в камеру смертников. Дал бы мне кто возможность вернуть всё на год, два или три назад – я бы опять пошёл по этой же колее. Это моя колея... А, возможно, ты, папа, сидел бы сейчас в соседней камере, мне почему-то кажется, что мы были бы едины в

своём "беззаконии" по отношению к магистрату. Ведь мы бы жили по законам королевства Зелёных холмов. Мама, ты бы тоже одобрила наши попытки ударить в колокол, и никогда бы не ругалась по поводу ползунков и художников, которые находят приют под нашей крышей.

Я не буду рассуждать на гипотетические темы: встретимся ли мы с вами после моей смерти или никогда больше нам не суждено увидится – зачем изводить бумагу досужими рассуждениями. Оставлю это на откуп философам и просветлённым. Я просто напишу это письмо до конца. Иногда я манкировал своими обязанностями – совершенно не хотел писать это слово "манкировал", но оно почему-то вертеться у меня в голове – а это не зря. Манкировал и когда был "царем", ведь и у царей есть обязанности, и получал за это лишь снисходительную трёпку по своим уже тогда длинным волосам. Они сейчас такие же буйные и непослушные как были в момент нашей последней встречи. И когда манкировал будучи "слугой" уже получал доходчивое внушение. Спасибо за эти уроки, папа! Спасибо, мама! Я люблю вас здесь и сейчас!

В камере стало тёмно, а светляки заключенным были не положены. Столько ещё всего хотелось написать, но бумагу надо экономить – вряд ли Живоглот даст ещё, а в темноте нельзя выводить ровные строчки и равнять буквы по команде "Мелко, в две шеренги становись!" Я вспомнил Амбицию. Там же небосрёбы, полуразрушенные стоят – таких огром-

ных развалин у нас нет – даже сравнить не с чем. А ещё там светляки у заключенных не отбирали, но книг не давали, зато рядом сидел Ворд, с которым запросто можно было поговорить на любую тему (только не о буквоедах), а здесь царствовал Живоглот – философ ещё тот! В общем, жизнь прекрасная и удивительная штука во всех своих проявлениях и скучать в ней добрые люди не дают.

А на следующий день письмо я не писал. Вдруг расхотелось или перехотелось – впрочем, какая разница как это называется. Как мечом отрезало. Я отложил перо. Не хотелось писать чушь, а без желания всегда получается лишь чушь, к тому же чушь неискренняя.

Потянулись однообразные дни. Я переписал всю библиотеку набело, даже текст на неизвестном мне языке старательно скопировал. Не скопировал я только объяснительную записку, потому что я никак не смог бы повторить отпечаток пальца её автора. Этими действиями я добился в принципе бесполезного результата: библиотека стала чище, читабельнее и удобнее, для этого я обернул листы прозрачной тканью и подшил получившееся творение нитками. К общей массе литературы я присовокупил и свое письмо. Но все эти занятия быстро иссякли и начался поток одинаковых дней и ночей. Даже если их просто пронумеровать и написать словами все цифры и то получится внушительного размера цифирь-полотнище. А ведь каждый таким образом "оцифрованный" день, был полноценным днём и его надо было

неполноценно пережить. Два раза в день питание, один раз в день – проверка и раз в три дня прогулка в «парке» – каменном мешке с видом на зарешеченное небо, плюс баня – раз в две недели... в бане иногда даже была горячая вода... Вот и все развлечения. А между ними лишь одиночество, одиночество, одиночество. Неразбавленное одиночество – истинное.

А про карцер я говорил? Там всё просто: темно, мокро и нельзя ни сесть, ни лечь, можно только стоять... он ломает психику, почище психиатра с лёгкой шизофренией и комплексами Эдипа и Электры. Чтобы выжить, я представлял себя ёжиком, которого как-нибудь в тёмной-тёмной комнате найдёт магистр своей голой ступней...

А однажды я сочинил стих: "И снова здравствуй день пригожий, ты светишь мне в оконце тоже..." Одна беда с ним, нет даже две: во-первых, я не смог определить, что это такое – одностишье или все-таки двустишье, во-вторых, на сто процентов не уверен, действительно ли я автор сей "нетленки". Быть может, какой-нибудь древний поэт уже накропал эти строчки столетия или даже тысячелетия назад и прочитал друзьям, а, возможно, даже получил за них гонорар или слава постучалась в его дом. А потом глиняная таблица с записанным «шедевром» попала в мусор, пережила все катаклизмы под спудом всякого хлама, была откопана любопытным археологом и расшифрована лупоглазиком, и текст был пронумерован и сдан в архив.

Но стихами я не увлекаюсь, да и память у меня не настолько хороша, чтобы помнить всё то, что я прочёл – так что не знаю, не знаю... В итоге я решил не грузиться и просто читать этот "опус" вслух, когда становится худо, а худо становилось всё чаще и чаще. Но, даже бездумно повторяя эти строки, приходилось иногда отвечать на вопрос: а кто их автор? И становилось трудно. Вроде бы Бодман, но кто он такой и давно ли сочиняет стихи? Не знаю...

Выручил меня снова Живоглот, он стал разгонять мою депрессию следующим образом: приходил в камеру во время проверки и спрашивал: "Пахнет ли роза, которую никто не видел?" В первый раз я ничего не ответил (надо же было подумать) и без затей получил кулаком в нос. Из него пошла кровь. На следующий день Живоглот повторил свой вопрос, но я уже был более опытен и быстро ответил: "Да". – "Неправильно" – сказал Живоглот и из моего носа снова потекло красное. На третий день я вытянулся во фронт и бодро отпартовал: "Нет!" и мой нос из твёрдого состояния вновь перешёл в жидкое. На четвёртый день я гнусаво рявкнул: "Может быть..." и снова получил лекарство в виде нескольких глотков собственной кровушки. Такое лечение быстро стимулирует работу мозга и теперь я-пациент уже не думал, что пребываю в скуке и влачу жалкое существование приговоренного к смерти. Теперь я думал... Наступил пятый – решающий день живоглотской терапии.

– Пахнет ли роза, которую никто не видел? – с порога спра-

зу о главном начал Живоглот.

– А нам пофиг! – заорал я во всё воронье горло.

– Кому это нам? – рявкнул он и в животе его забурило.

– Да всем! Если роза не смогла никого, даже самого завалящего ботаника привлечь своими роскошными лепестками, чудными тычинками и стройными стебельками, то нам, то есть людям, пчёлам и прочим тварям, которые иногда в своей жизни интересуются цветочками, должно быть пофигу до такой никчемной представительницы флоры!

– Додумался таки! – вынес свой вердикт Живоглот и лишь слегка приложился к моему левому боку. Отчего в нём изнутри что-то закололо. Возможно, во мне рождается ёжик, которого... зато кровь из носа не пошла (нос такому раскладу сильно радовался). И сочинился стих, уже точно мой: "Растопырим свои мы мизинцы, и друг друга за них же возьмём" – я думаю, что ни один из поэтов древности не сочинил его раньше меня. Стих, кстати, про нас с Эльзой, а не про каких-то гипотетических любителей поскрешивать мизинцы. Дело в том, что мы с ней часто гуляли, сцепившись мизинцами и до замужества и после, то есть в ту пору, когда многие семейные пары уже забывают свои "глупые", но такие душевные досвадебные обряды. Когда это было? Давно, ещё до тюрьмы. Какой тюрьмы? Которая сожрала меня и переваривает. Что я есть? Просто мешок костей и отблеск былого духа, который уже не может себя контролировать.

Нет! Азм есть Боцман! И мне не всё по-фиг!

Королева

"Ох, горе мне горе!" – причитал магистр. – "Казнить не могли целых девять месяцев, да за это время ребёнка можно родить (в этом Маркел абсолютно прав), а магистрат телился и обсуждал, мать-перемать! А сейчас они сбежали, порушив тюрьму, эх!" Он стал ходить по своему кабинету взад-вперед и бормотал что-то неразборчивое себе под нос, потом неразборчивое вновь стало разборчивым: "...если бы у меня был "Путь диктатора", но где эта книга? Говорят, что у коловоротов был один экземпляр – и где теперь эти коловороты? С ними можно было бы договориться, но теперь для этого нужно проникнуть в загробный мир, а я в него не верю. Тупик, опять тупик! Где мне взять силы, чтобы стать действительно тираном, меня же так только в народе называют. Необразованный народ, что он понимает в тирании, да я бы ему такую тиранию устроил..." – Маркел в конец замечтался и стал рученьками отмашки давать, не иначе своим легионам смерти приказа раздавал. Мечтай, мечтай, полированная лысина (наедине с собой он обходился без парика и представлял моему взору во всей красе), твои одиозно-харизматические планы пойдут в мусорную корзину наших хроник.

Но... и тут я вздохнула с сожалением (просто вздыхала я по привычке – мне же не нужно дышать во сне) на это вероятное будущее надо было ещё работать и работать. А в дан-

ный момент я была не способна отвлечь магистра шахматной игрой, да и встреча с верными подругами сегодня не планировалась, поэтому приходилось коротать время простым созерцанием происходящих в моём королевстве делишек.

– Вот это торкнуло так торкнуло! – раздалась речь с сильным иностранным акцентом у меня за спиной.

Я обернулась и обнажила свой стилет – мало ли, может магистр нанял убийцу-сновита, чтобы меня уничтожить на территории не являющейся вотчиной третьего "великого" магистрата? Но это был не душегуб, это была странного вида девица, судите сами: волосы яркого фиолетового цвета; на лице блестящие; в носу – гвоздик на мавританский манер; в ушах – неисчислимое количество сережек, кроме того сережки были в бровях и в нижней губе девчонки... можно даже сказать, красавицы (я умею смотреть в корень явления); глаза измазаны чёрной краской, плюс слёзы под ними тоже чёрным прорисованы; на руках – шрамы и дешёвые браслетики из бисера; тело, которое не мешало бы подвергнуть диете, прикрывает чёрный балахон с изображением страшных длинноволосых страшилищ и надписью на не нашем языке: "Поливающие дерьмом и кровью всех уродов", рядом с которой были ещё два рунических символа (разгадать их я не смогла); чёрные штаны были порваны, причем порваны специально – протереться в таких местах они никак не могли; на ногах высокие ботинки, как у серой стражи. Не надо было обладать семью пядями во лбу, чтобы понять, девица не из

нашего королевства, а быть может и не из нашего мира. И точно она в депрессии.

– Кто ты? – можно было, конечно, спросить что-то более оригинальное, например: «Ты, случайно, не подружка лупоглазиков?»

– Я – Кристи, а ты кто по жизни?

– Можешь называть меня просто – ваше величество.

– Круто, подруга, под кого косишь?

– Под королеву.

– Не хило. А где это мы?

– Не знаю где ты, а я – в своём королевстве, точнее во сне про моё королевство.

– Не гони пургу, я видела чёрный туннель, потом свет – всё как в книжках пишут. Теперь должны быть ангелы или черти. А ты не то и не сё...

Значит это я-то на ангела не похожа?! Во-первых, я отомщу, во-вторых, я жестоко отомщу, в-третьих, она ещё об этом пожалеет!

– Ага, ни Богу свечка, ни чёрту кочерга! И как же ты прошла туннель?

– Наглоталась снотворного, цельный флакон оприходовала и думала уже в нирвану окунуться, а тут ты сидишь, весь кайф обламываешь.

– А зачем тебе так много снотворного понадобилось за воротник закладывать?

– Ну ты чё, вообще ни во что не врубаешься? Чтобы за-

снуть и не проснуться.

– У меня другая проблема, я проснуться не могу, – действительно, каждому – своё.

– Так это же чумаво, подруга, не напрягайся только по пустякам, дурь тебе досталась высший сорт, к гадалке не ходи! Чо принимала то?

– Шампанское...

– С шампусика улетела?! Ни фига себе, да вы здесь зажрались, вашу мать!

– Повежливее, Кристи, у тебя что, было трудное детство, и ты чем-то обозлена на весь свет?

– Нет, только на одного урода, точнее это я теперь врубилась в то, какая же я дура – из-за этого гоблина решила покончить с собой. Да он моего обломанного ногтя не стоит!

Только тут я заметила, что у Кристи потрясающий маникюр: на каждом ногте был изображен череп со светящимися глазами. И цвет черепов на каждом ногте разный. Милота!

– Ух ты! Сама делала?

– А то!

– Сделаешь мне такой же?

– Говно вопрос! – сказала девица и я поразилась тому, каких только форм может достичь простое утверждение в узких социальных группах, вырабатывающих свой аргю.

Кристи достала прозрачную косметичку – вот такую я хочу себе! – и занялась моим маникюром.

– А у этого твоего гоблина есть имя?

– Чёрт он голимый, а зовут его Чиж.

– Так его родители назвали, пичужек что ли любили до умопомрачения?

– Неа – Валера, его ник всамделишный, но кто же в тусовке ими пользуется, отстала ты от жизни, подруга.

– А тебя как зовут на самом деле?

– Алёна, только ты меня так не зови – не люблю! Окей?

– Говно вопрос!

– А что это за лысый чёрт тут у тебя отирается, папик?

– Нет, это не мой отец, это мой враг. Он наяву сейчас управляет моим королевством... а должна – я... но меня он усыпил, – я следила за процессом преобразования моих ногтей и отвечала просто и без затей.

– Борьба за власть, пирамида хищников, орально-анальные раздражители, врубаюсь, лажа это всё, вам сознание надо расширять, да истину искать, а вы напрягаетесь из-за пустяков.

– А ты можно подумать мир хотела спасти, когда таблеток наглоталась! – возмутилось моё величество.

– Сама свои ногти пили тогда! – она оттолкнула мою руку и стала тыкать пилочкой в лысину магистра, но Маркелу, естественно, это было всё равно, что мёртвому припарка – Кристи же находилась со мной в моём сне.

Я подумала, что сейчас для меня хороший маникюр важнее монарших амбиций и попросила прощение.

– То-то. А то начала на мозги капать. Я же тебе можно

сказать душу открыла, а ты – мораль читать, как правильная! Но прикид у тебя атасный, только волосы блеклые какие-то, с шампунем ошиблась?

– С шампанским? Я давно таких ванн не принимаю – всё естественное.

– Natur-продукт? Блондинки сейчас не в моде, журналы бы тебе грамотные подтащить, а то засыхаешь в своей провинции...

– Это моё-то королевство провинция?!

И я показала ей, где зимуют настоящие провинции.

– Ну, извини, подруга, я же не знала, что у тебя пунктик по этому делу, больше не буду!

– Ладно, Кристи, забыли.

– Кстати, у тебя тут можно будет на пару дней вписаться?

– Что?

– Переночевать тут можно?

– Да, только здесь нет дней и ночей, здесь время не течёт...

– Так мы что, совсем не старимся?

– Да в смысле нет.

– Вот залетела-то! Я что, так и останусь несовершеннолетней на всю жизнь?!

– Жизнь у тебя не здесь, тебе надо вернуться назад.

– Чо я там забыла, у тебя тут клёво!

– Разберись с собой: Чиж – отдельно, Кристи – отдельно. Ты же сама сказала, что совершила ошибку, когда пыталась

совершить самоубийство, теперь самое время её исправить.

– Так я же вроде того – на том свете, теперь позднiяк метаться.

– Это тебе только так кажется. Что это вообще у вас, у молодых (тут я немного лукавлю – я тоже молодая), за привычка – чуть что, на тот свет отправляться. Успеете ещё. Слава Джульетты покоя не дает?

Знать бы ещё кто это – Джульетта, слово само в голову заскочило.

– А кто это?

– Если не знаешь – забудь, по-другому объясню.

– Попробуй.

– Жить хочешь?

– Где?

– Вообще жить?

– Так я же вроде как не умерла, вечная душа и всё такое...

Тут мне пришлось туго, я ведь не знала законов её мира и даже не знала, существует ли он – её мир в действительности или он только плод чьего-то (может быть, и моего) воображения.

– Есть твоя жизнь и твой путь. Ты прервала их естественный ход и думаешь попасть сразу в дамки – но так не получится. Нужно пройти все клетки по очереди, и никто тебе в этом не поможет, даже я, конечно, я помогу тебе, но лишь вернуться назад, – надо было как-то смягчить этот момент, и я перешла на лирику. – А Чиж ещё пожалеет, что не обра-

щал на тебя внимания – я тут тебе наколдую такого принца – у тебя волосы выпадут!

– На хрена мне такое страшилище? – она всё-таки засмеялась.

– Для коллекции, потом ещё благодарить меня будешь.

– Посмотрим.

– Нечего смотреть, надо действовать. Кстати, чтобы сбросить вес тебе надо будет сделать вот что: собери крапивы, лучше всего на кладбище или в заброшенных садах – там она более...

– Правильная? – подсказала Кристи.

– Да. Так вот месяц диета крапивная – то есть крапиву добавляешь во все блюда, даже в мороженное. И вот через тридцать и ещё три дня – будешь стройная как я. А где надо, – я обтянула платье на своей груди, – ничего лишнего не исчезнет.

– Зуб даешь?

– Даю! – а пальчики-то по привычки за спиной скрестила, не хорошо, наше величество!

– Клевота! Эх, если бы это был не сон... Остальное – я согласна – глюки от колес, но ты... короче, я рада, что тебя нашла!

– Тогда пойдем в твой мир, – я приглашающим жестом протянула ей руку.

– Да не хочу я ничего исправлять, мне и здесь хорошо! – опять заупрямилась Кристи.

– Понимаешь, это, – я обвела рукой все вокруг, – мой сон. Когда меня разбудят, а меня разбудят – всё, что ты видишь сейчас, для тебя исчезнет. Что будет при этом с тобой, я не знаю. Скорее всего, ты отправишься в свой мир, а где там твоё тело?

– Я лежу на флэту у Белки.

– Давай посмотрим, так ли это на самом деле.

– Да что тут глядеть – меня до утра хватиться не должны, а мы тут у тебя не больше двух часов сидим.

– Это тебе только так кажется...

Когда временно не можешь реализовать свои творческие задумки, помогай другим – это мудрость древних, а они не дурнее нас были. Я решила помочь вернуться Кристи в её тело. Но всё было не так просто, моя маленькая гостья быстро сменила тему.

– Когда у тебя был последний роман? – спросила она неожиданно.

Я стала считать, сколько столетий сплю, плюс ещё... получилось значительная цифра.

– Значит у тебя недотраhit в тяжёлой форме, – констатировала Кристи, не дождавшись окончания моих подсчетов.

– Что? – даже возмутиться сил нет.

– Недотраhit. Тебе нужен секс, простой здоровый пере-сып с молодым жеребцом.

– Где же я тебе его здесь нарою?

Кристи проворно села ко мне на колени и проворковала

мне на ушко:

– Ну, не обязательно жеребец.

Её фиолетовые волосы сплелись при этом с моими золотыми. У неё оказалось есть ещё серёжки – на языке (эту я уже видела, но ощутила только сейчас) и в других интересных местах...

Как всё-таки иной раз бывает хорошо и неожиданно хорошо тоже бывает...

– Стену не видела, когда ко мне летела? – вернулась я к нашим старым баранам, то есть к пути, по которому можно было отправить Кристину домой.

Мы, безусловно, были славной кошачьей семьей: она шаловливым котёнком, я – молодой мамой-кошкой или даже мамой-львицей... но рано или поздно представители семейства кошачьих выпускают своих детишек на волю. А для Кристи воля – её настоящий мир.

– Вроде нет, только стенки туннеля, чёрные такие, – она попыталась руками показать мне эти стенки.

– Нет, не то, ладно, сначала махнём сквозь веер, а там видно будет... – я взяла Кристи за руку и потащила сквозь различные сновидения.

– Вона я, смотри! – завопила она как полоумная, когда увидела себя внутри белой кареты с красной полосой и крестом.

– Кто такие эти люди?

– Врачи скорой помощи.

– Хорошо, помоги этим вашим быстролекарям, закрой глаза, успокойся и как бы ныряя, погрузись в себя. Раскрути свое желание вернуться и чётко и внятно произнеси про себя: "Хочу домой!" Вот и всё.

– Типа тренинг что ли?

– Называй, как хочешь, только действуй и не думай.

– Вот это я умею, не думать.

– Прощай!

– Эй, подруга, а поменяшки? – всполошилась, Кристи

– Какие ещё поменяшки?

– Баш на баш, ты – мне, я – тебе. Держи, – она протянула мне свою прозрачную косметичку, – Я видела, как ты на неё глаз положила.

Я в свою очередь отколола заколку с алмазом и протянула её Кристи:

– Не поминай лихом!

– Ого, настоящий брюлик?!

– А то!

Мы обнялись на прощанье, поцеловались, наши языки сказали друг другу последнее «прощай» без слов, и я направила Кристи в саму себя. Местные лекари в белой карете с синим огоньком на крыше засуетились и стали говорить непонятное про пульс, давление и ритмы сердца. Если бы я сочиняла рулады, то вывела что-нибудь такое под гитару: «моя жизнь едет в белой машине с голубым огоньком!» Кристи открыла глаза и громко приговорила: "Чижа убью!" Я

поняла, что с её духом всё в порядке и решила одним взглядом посмотреть на мир, из которого ко мне пришла Кристи. Попытка оказалась неудачной. Я прочла на стене одного здания, что внутри него расположен ночной клуб, надпись была выполнена не по-нашему, но в детстве я изучала много экзотических языков и часть из них – вымершие. Сначала я подумала, что это клуб любителей ночи, ну по аналогии – в кошачьем клубе собираются любители кошек, к собачьему – любители пёсиков, а в ночном – любители ночи... и жестоко ошиблась. Дом, в который я без труда заглянула, совсем не напоминал планетарий, а скорее... у нас рядом с такими заведениями красные огни зажигают... но, может быть, я ошибаюсь? Нет... точно дом терпимости: на сцене там раздевались, в отдельных комнатах совокуплялись, кое-где принимали всякую дрянь, про алкоголь молчу – его разливали везде, так всё это безобразие ещё и сопровождалось оглушительным шумом (музыкой эту какофонию назвать никак нельзя – так можно оскорбить все семь нот) и негармонично яркой подсветкой. Я заткнула уши и поскорее покинула этот шумный дом, а заодно и этот мир. Был ли он порождением моего сознания, или сознания чьего-то ещё, или миром самостоятельным – я не знаю, но хочется надеяться, что к моим самым тёмным закоулкам души он не имеет никакого, даже крохотуличного отношения. Однако надо отдать должное, чтобы не таскать его в своей прозрачной – ура! – косметичке, итак выбрасываю: но кое-что мне в клубе понрави-

лось. Одна лампа мигала быстро-быстро и ярко-ярко, в этих вспышках движения танцующих представлялись в новом видении. Я попыталась разобраться с этим эффектом. Начала с самой штуковины, она оказалась стробоскопом, какое-то оскопленное название, внутри уже заложено усечение... что-то в этом есть... усечённый свет – а ведь подходит! Чёрное и белое рядом... если бы ещё среди этих всевозможных подчеркнутых усечённым светом наслаждений ещё и присутствовало счастье – то можно было бы жить, но оно, видимо, сюда не захаживало. Повезло ему. Да, жаль, жаль, что нельзя подобными вспышками осветить человеческие мысли или эмоции, картина ночного клуба сильно бы изменилась... я попыталась увидеть, что бы было, если бы я подсветила мысли этих возникающих в свете и тут же пропадающих во тьме людей, находящихся в постоянном движении... Представила и уже потом – фьють! – к себе на историческую родину. Да, в клубе была одна взаимно влюбленная пара – а это оправдывало всё остальное, что в нем творилось, плюс саму постройку, включая фундамент.

Но не всё произошло так быстро, как я говорю незабываемое: "фьють!" (с потрясающе влекущей интонацией). Пришлось-таки задержаться на пару мгновений в "шумном" мире Кристи. Вылетая из совсем не клуба любителей ночи, я наткнулась на двух молодых людей, стоявших около своих автомобилей (я такие только на картинках и видела, не сразу определила в этих странных каретах автомобили). Одно ав-

то было ярко жёлтым и маленьким (очень веселым и симпатичным), другое – оранжевое и больше, к тому же угловатее маленького и, наверное, дороже.

– Значит созвонимся, – сказал один другому.

– Созвонимся! – поправил ударения в словах собеседника владелец "желтка".

– А тебе не всё равно?

– Мне-то всё равно, ударению – не всё равно.

Он, видимо, был поэтом. Я решила проверить свою версию и залетела в голову предположительно поэта – ошиблась (ну не мой это бы мир, вот интуиция и давала сбои), он был прозаиком. Хотя пару стихов накропал, пару откровенно прозаических стихов. Проза же у него была значительно лучше. Я позаимствовала пару рассказиков и оставила в знак благодарности пыльцу истории моего королевства – не пиратка же я, чтобы автора без гонорара оставлять. Авось, да прорастет!

Ну, и стих украла, я же рецидивист:

*Порой слова не могут передать
поступки тоже слишком молчаливы
и только взгляд, один лишь взгляд
от сердца вопиёт, насколько сильно
я тебя люблю!*

А ещё у меня исчезло чувство вины. Безвинная я теперь

и без вина. Без того, что с пузырьками, чтоб им пусто было! Ни стыда, ни совести, ни королевства – в сплошную фикцию превращаюсь! Ладно, ещё прозрачная косметичка не даст расслабиться. Но что это незаметненько ползёт ко мне в сон?

Ба, знакомые всё лица! Страхи они же бесплодны, посему проникают даже в сон, даже в мой, но по своему подлому характеру (хотя с их позиции всё видится совсем не так), терзают меня больно, как совершенно реальные собаки. Причем собаки голодные и злобные. Алчущие страданий псы – они тебя сначала пугают, а потом жрут твой страх, усиливая его, таким образом образуется контур самовозбуждения. Бесплотные пёсики сокращают дистанцию, окружают, давят, душат, разрывают, грызут, лают и рычат, капают на тебя своей слюной и клацают зубами. От таких... милых и очаровательных созданий не так просто избавиться. Уси-пуси, идите к мамочке, она вас всех накормит своим добрым настроением, веселым характером и хрустальным смехом. Что это с вами? Мельчаете и скулите! Бежите, сломя лапы? Ату вас, ату! Кобели и суки, счастливого пути и не умрите с голодухи!

Уф! Утираю пот, который мне только снится...

В былые времена, когда нынешний пошлый Рим был роскошной и в то же время уютной Лас-Кой, а я – королевой, причем королевой наяву, а не только во сне, в столице процветали искусства и физкультура. Теперь же в столице магистрата предпочтение отдается спорту и массовым зрели-

щам. Например, раньше в такое чудное утро люди бы сделали каждый свою гимнастику, кто дыхательную, а кто – физическую, так чтоб пропотеть, а уж ближе к вечеру все желающие могли посетить театры и... но теперь другие развлечения. Сегодня стреляют в менестрелей, о чем заблаговременно и было сообщено по цветным экранам. Условленное место, условленное время: толпа собралась и шумела, колыхаясь в предвкушении потехи. Некоторые зрители жевали закусончики лёгкие и пили из фляжек – ужас! – как будто на футбол пришли...

Маркел взошел на свою трибуну в окружении телохранителей и высших чиновников (телохранителей заметно больше). Его рука с платком опустилась и «потеха» началась. Да, арбалетчики хорошо отшлифовали свое мастерство. Ни один из свободных поэтов, попавшихся в сети серой стражи за свои стихи (объявлены грязными пасквилями), не ускользнул от испытания стрелами. Для обретения свободы и жизни трём связанным менестрелям нужно было пробежать сто сажений мимо трибун с "высшим" светом и толпы "просто людей", но это расстояние живым не пробежать... серые арбалетчики знали свое ремесло. Мне хотелось улететь каждый раз, когда очередная стрела пробивала плоть и человек падал на камни мостовой, но я сдерживала себя (мы отвечаем за всё, что происходит вокруг нас – древняя мудрость). Я пыталась найти оправдание людям, которым вынесла приговор уже давно. Но не находила. И я виновата то-

же, я ответственна за погибших менестрелей, ведь я выпила шампанское...

Депрессия достала меня, достала во сне. Я пыталась вспомнить яркие и летние моменты моей жизни, но окружали со всех сторон сплошь зимние, холодно-зелёно-синие. Грустно. Никто не обнимет, никто не подставит плечо, никому поплакаться всласть. Корона жмёт виски. Пришлось читать "вирши из шумного мира".

Убийца

Мой «привет» Маркелу – стрела с белым оперением – достиг цели. Меня наняли, за хорошие деньги. И поручили убить нескольких потенциальных революционеров, включая Боцмана. Но вот незадача – пленник сбежал...

Не беда – пойду по следу, все люди оставляют следы. И беспечны те, кто не знает, что за ними идёт смерть...

Королева

Сначала принялась за "Искушение", потому что там тоже речь шла о королеве.

Королева накрутила ногти, накрутила губки, оделась слегка фривольно, посмотрела в зеркало. Осталась недовольна, недовольна не тем, что она там увидела, а тем, что она там не увидела. Да ещё и видение посетило одинокую королеву и это при живом-то муже... Да и не видение, а просто мечта! Такой призрак, каким бы хотелось его видеть. Идеал! До малейшего оттенка тёмных глаз, до шрафика над левой бровью, до неуловимых нюансов сильных и в то же время ласковых рук он походил на то, что королеве и нужно было сейчас. Она смотрела в зеркало и видела его и что-то ей подсказывало, что достаточно одной мысли, одного её знака, и он перешагнет через разделяющее их стекло... Понятно, что просто так, без причины, такие качественные соблазны не возникают. (А если заглянуть глубже? В мысли коронованной особы...) Где-то затаился автор. Ладно, подожду. Быть может, сдую и не поддамся, хотя невероятно трудно глядеть в эти тёмные пропасти, обещающие наслаждения и... и... И не прыгнуть в них!

Королева оттолкнулась от зеркала – слишком сильно оно тянуло в свою обманчивую глубину – и быстрыми шагами подошла к окну. (И снова кто-то невидимый проник в неё.)

Нет, небо с облаками не принесло желаемого успокоения, как и молитва, как и образ мужа. Она спиной видела объект своих страстей в зеркале. Слышимые мысли про себя: хоть я от него и отвернулась, он по-прежнему пожирает меня глазами. А руки... они были способны не только согреть и разбить тот лёд одиночества, что сковывал меня, но и... а как мне о них не думать? Как не чувствовать их, уже глядящих именно там... обламывая ногти, я распахнуло окно. Свежий воздух ударил в грудь – вовремя! Уж слишком всё идеально. Автора, автора в палаты!

(Кто-то улыбнулся и оторвался от наблюдения.)

Он появился во вторник сразу после дождя. Поначалу ничего не говорил, просто улегся на диванчик и стал обмахиваться платком, промокшим от соплей. Одет в чёрное трико и такого же цвета майку, на ногах потрепанный тапочки, на правой – дыра, из которой выглядывал ноготь большого пальца, совсем не прикрытый носком. Отвратительно зрелище! За довольно большими очками скрывались красненькие глазки, слезящиеся красные глазки, их-то он и обмахивал платочком, который держал за два уголка.

– Значит, скучаешь, – произнёс он свои первые слова.

– А тебе какое дело? – королева не считала нужным вежливо разговаривать с фантомом.

– Зачем же так резко? Мне до всего есть дело. Просто удивительно, как ты, взрослая, половозрелая женщина, изводишь себя воздержанием. Твой суженый далеко... воюет.

Да и верность там тебе не хранит. А ты здесь ждёшь, ждёшь, ждёшь и опять ждёшь. Твои груди и попку никто не мнёт, в глазах никто не тонет, в волосах не зарывается, за талию не держит... – его взгляд скользнул ниже талии и всё сказал. – А комплименты? Конечно, я имею в виду настоящие комплименты, а не лесть придворных! Комплименты же на тебя не обрушиваются! А ноги? Твои ножки некому показать, не кружат они тебя в танце. Не кружат. Загар опять же...

– Что загар? – не удержалась королева.

– Загар, что обтягивает твою кожу плотной плёнкой, его же никто не соскребаёт ногтями, не собирает с него тепло. Ты как кошка в клетке ходишь туда-сюда, а что толку? Спину кому-нибудь когда последний раз царапала?

– Искушаешь?

– Ещё и не начинал. Это были факты.

– А чихаешь зачем, оспой сам себя заразил?

– Это цитата, по-моему, из Достоевского. Не мой писатель. Ничем я себя не заразил, банально простудился.

– Уси-пуси.

– Вот тебе и "уси-пуси". Мужика тебе надо!

– Сама знаю! – огрызнулась королева.

– Знать и ничего не делать для исправления собственной глупости – глупость вдвойне.

Королева взяла из фруктовой чаши яблоко и подошла к лежащему Искусителю. Она наклонилась, он заглянул за вырез чего-то воздушного и оценил воистину королевские гру-

ди. Королева закатила глаза и её губы уже были готовы соединиться с губами простывшего. Он поверил, его язык вышел на охоту... и был жестоко запихнут обратно в рот твердой мякотью яблока. Ему ничего не оставалась, как только хрумкнуть сочным плодом.

– Приятного аппетита! – сказала королева. Потом решительно подошла к зеркалу и взглянула в него так, что серебро отразило уже не мечту, а правду: прекрасную королеву, только что сделавшую свой выбор.

Искуситель ничего не сказал, лишь подумал: "Маленькая бестия!" и в этой мысли поровну было восхищения с досадой.

– Я ещё приду, – бросил он напоследок, но не так резко, как чуть позже бросил огрызок яблока в амфору.

Стало ещё хуже, но захотелось достать Достоевского – хоть в этом наблюдался позитив (положить бы его на мотив...) Дальше взялась за коротенькую зарисовочку "Разговор в постельных тонах", может хоть в ней я найду что-нибудь доброе и вечное?

Она запрыгнула ко мне под одеяло.

– Что ты ищешь? – спросил я у неё.

– Любовь.

– Нет, ты ищешь убежища. Ты бежишь. Ты бежишь от страха. Чего ты боишься?

– Не знаю...

– Знаешь. Ты боишься себя. Ты стараешься думать, что

живёшь правильно, что ты счастлива и всё у тебя хорошо. Но это не так. Где-то ты свернула не туда и пошла по пути неискренности сама с собой. Ты улыбаешься и говоришь: «у меня всё очень хорошо», – с упором на слове "очень", и делаешь это так привычно, что никто вокруг не чувствует фальши. Ты действительно можешь убедить в этой лжи всех на свете, кроме Бога и самой себя. Но от Бога можно отмежеваться, создать иллюзию его отсутствия, не замечать. Все это можно сделать в принципе, в теории, а многие научились мастерски делать такие финты на практике, в том числе и ты. Но, себя ты не обманешь. Ты стремишься к гармонии, но она не достижима, так как в тебе есть маленькая незаживающая ранка. Её нельзя ублажить никакими кремами, её нельзя замаскировать самой навороченной пудрой. Её можно лишь прикрыть платьем, но от этого она не перестанет болеть. С каждой секундой боль нарастает, понемногу, совсем незаметно, но процесс неотвратим. Скоро ты начнешь трескаться, да, да – трескаться. Сначала ногти, потом, может быть, соски, потом суставы, и, в конце концов, ты просто развалишься.

– Я умру?

– Нет, ты исчезнешь, а это гораздо хуже.

– Но что мне делать? – она и до этого вопроса прижималась ко мне, но теперь практически слилась со мной, настолько её выдавливало из себя окружающий мир.

– Вернуться назад, к себе, к той искренности детской, которая в тебе ещё есть, слиться с ней и пойти другим путём.

Многое придётся начать с начала, от многого навсегда отказаться. Будет очень больно, временами нестерпимо трудно. Но, если у тебя хватит сил, если характер не изменит тебе, если волна негативной энергии не захлестнёт тебя, а она не захлестнёт, если ты будешь безупречной, если сбудутся ещё тысячи "если", то тогда эта твоя ранка, имя которой я не называю, закроется, и ты перестанешь бояться, оставаясь наедине с собой. Только не спрашивай меня с чего начать и как действовать, я этого не знаю. Это знаешь только ты.

Она выскользнула из-под одеяла и стала одеваться, долго искала один из прозрачных чулок. Я закрыл глаза и сознательно не стал любоваться на то, как она надевает обтягивающее красное платье. Зачем? Я знал, что больше её никогда не увижу, и хотел запомнить это чудное существо обнажённой (прозрачные чулки не в счёт и туфельки – тоже не считаются... я не открывал глаза, так чуток приотжмурил одно веко...). Она ушла, ничего не сказав на прощанье. Я был этому рад и не рад одновременно. Нет, скорее всё-таки больше рад. Нет, точно рад. Да.

Если бы писатель не поставил в конце это "да", я бы его убила. Но как, интересно, я бы это сделала? Никак, также никак, как почитать Достоевского. Почему так мало весёлых книг? Почему так мало весёлых песен? Я больше не читала. Везде был Он и Она, кто-то кого соблазнял, убивал, учил, насиловал, спасал, обманывал, помогал. Везде действие было взаимным. А я одна. Я одна сплю. Без взаимности.

Шестой или седьмой – да кто их считает уже? – повар сплеховал: Жульен (так звали одного из молодых котов) подавился косточкой красной рыбы и предательским для повара образом сдох. Маркел этого так не оставил. Он повелел запрячь парочку лошадей и привязать к ним повара. Хлыстом он щёлкнул сам. Кони понесли, а всадники, что красовались на этих жеребцах не просто так, направили их бег куда надо. Направили мимо столба, но по разную его сторону. Один объехал слева, а второй – справа. А вот повар не объехал. Он перестал быть целым.

А мне почему-то захотелось, чтобы кто-нибудь спел мне колыбельную, колыбельную от которой я бы проснулась. Мечты, мечты!

Седьмой (или восьмой) повар готовил рыбу так долго – тщательно-тщательно косточки вынимал, – что его руки и ноги украсили кандалы и в таком немобильном виде он позвенел по пути скорби и страданий. Но он был рад такому финалу своей поварской карьеры, по крайней мере, на торгу он шёл улыбаясь, ведь среди альтернатив – столб и кони... А восьмой (девятый, быть может) справляется. Пока.

Боцман

Прошла зима. Незаметно время летит в камере. Не знаю как в других, поэтому говорю только за свою, так вот в моей камере всегда было прохладно днём и холодно ночью, так что зима по сути себя никак не обнаруживала, не разоблачалась эта холодная дама перед смертниками, и не из-за гордости своей, вовсе нет, а из-за того, что стены у тюрьмы толстые, решёток много и лень через всё это к приговоренным пробираться. Лишь небо в краткие минуты прогулки стало заметно серее. Можно сказать, окрасилось в самый популярный и идеологически правильный цвет нашего королевства.

Только одна мысль, из посетивших меня в этой бесконечности однообразия и праздных бездумий, была достойна упоминания о ней. Однажды я лежал в состоянии между дремой и сном или между дрёмой и бодрствованием – их трудно отличить друг от друга. И мысль залетела в мой, продуваемый всеми ветрами, скворечник, и он ей понравился (как и она ему), и птичка-невиличка в нём поселилась, и стала обустроиваться и чирикать. Чириканье отражалось от стенок черепа и даже в дрёме я птичку запомнил. А мысль такая: вот люди живут себе живут и не замечают времени, точнее замечают – везде часы понатыканы, ритмы всякие забыться не дают: день-ночь, явь-сон, зима-лето, работа-отпуск... а вот если человек один, заперт в абсолютно тёмной комнате,

где нет разницы между днём и ночью, между явью и сном, между зимой и летом, между работой и отпуском, а самое главное в нем нет тикающих часов и, что ещё важнее, нет других людей, напоминающих об ужине, обеде, завтраке и прочих мелочах – он один, так одинок, как никогда не бывает одинока единица, потому что у неё есть обязательно рука сотворившая эту цифру или мозг её придумавший. Вот как для такого человека течёт время? Да, я не сомневаюсь, что если поместить в место его отделения от остального человечества точный хронометр он покажет столько же прошедших секунд, сколько насчитает такой же хронометр на центральной площади нашего города, на которой каждый божий день толкаются сотни людей. А вот не для хронометров, а для самих людей время будет ли одинаково? В данном случае я не имею в виду мироощущения – мне на них плевать. Положишь свою ладонь на горячую сковороду и миг покажется вечностью, а с любимой девушкой вечность сжимается в миг – это понятно. Но что если (я много раз ещё повторю это слово) мы сами генерируем время вокруг нас, а? Не придирайтесь к словам, не генерируем, так создаем, не создаем, так приманиваем – только не знаю чем, а вдруг запахом приятным? И вот когда нас много – всё идет нормально, а быть может и хорошо, время ламинарными потоками спокойно обтекает нас, мы не замечаем разрывов и натяжек – потому что всё гладко, деформаций нет. Много генераторов создают равномерное поле или лучше было бы назвать его

однородным. Совсем другое дело, когда человек один – он спит, ест, болеет, он может умереть, наконец – зависит ли от его состояния равномерность генерации времени? Не знаю. Тут и временные натяжки могут произойти и временные разрывы, и временные провалы или щели. Но самое главное – время будет другим, не таким как у всех – не однородным. Не индивидуальным, а именно другим. Толпа живет в равномерном и однородном потоке (не могу выбрать какой термин лучше, вот и употребил их сразу оба), а отделенный от неё человек – в жалкой струйке, которая может и турбулентно закручиваться (хотя может быть и строго ламинарной) и распадаться на отдельные капли... Конечно, гидроаналогия может быть совершенно неприемлема для описания процесса... А знаете, что самое страшное? Время ведь может совсем пропасть! Нет, я не верю в бессмертие человека отделенного от остального общества непроницаемой перегородкой, даже, скорее всего, он умрёт раньше, чем точно такой же человек, но не отделенный от человечества (если бы возможно было для чистоты эксперимента как-то сделать абсолютно идентичных друг другу людей), умрёт банально от скуки, от недостатка общения. Ведь люди – существа социальные, нам важно общение, поглаживание друг друга языками (в прямом и переносном смысле, то есть я говорю и о речи и о ласках). Опять же секс – я бы даже его поставил на одно из первых мест, в тюрьме особенно понимаешь важность секса в иерархии потребностей. А потом нам важно об этом пого-

ворить ещё с кем-нибудь. Как уж без общения, без полной или пустой болтовни? Но. Но, может быть (ох уж эти бесконечные "может быть" и "если", но без них не получается), он умрёт раньше именно от недостатка поля времени правильной формы, удобной для нахождения в нём?

Кстати, я замечал, что когда смотришь на часы с быстрой стрелкой, то первая секунда всегда кажется дольше, чем её последующие сестрички. Много раз я это наблюдал. Взгляну – и секунда тянется и тянется, потом стрелка её отсечёт и остальные уже шинкует мелко и ровно – тик-так, тик-так, как будто в ритм с общественным временемходишь, а до этого жил в своем времени индивидуальном.

Вот примерные мои рассуждения. Они довели до ощущения запыленности камеры. Мне показалось, что я заворачиваюсь в кокон, чтобы из гусеницы стать бабочкой и улететь отсюда. Тик-так – время бежит, и я изменяюсь, деформируюсь – и деформирую тем самым временное поле вокруг себя. А пыль закапывает меня и паутина – не знаю, кто её плетет – меня обволакивает. Свет меркнет и воздух не долетает до меня, но мне и не нужны они больше, пусть свет озаряет другие глаза, а воздух освежает иные уши. Из этого пыльного состояния или состояния пыли меня вывел Живоглот. Он ударил только два раза: в живот и в челюсть. Два ребра сломались, и три зуба я выплюнул, но зато потом уже не думал, что я гусеница готовая стать бабочкой. Я – Боцман, вашу мать! Свистать всех наверх!

Однако моя временная теория всё-таки всплывала время от времени (простите за тавтологию, пережевываемую моим беззубым ртом) из реанимации, куда отправил нокаутом её уже я, а не мой тюремщик. Пусть не время мы генерируем, пусть определенного вида ману – какая разница как это называется, если это нечто есть. А вот если его нет – тогда другое дело! Называй как хочешь открытый тобой эффект, но ты – всё равно шарлатан, ничем не отличающийся от своих коллег, пытающихся впарить аборигенам острова Тумба-Юмба обыкновенный магнит или зеркало как диво-дивное и чудо-чудное и получить за этот ширпотреб дочь вождя, эксклюзивные права на полезные ископаемые, скрытые в недрах острова, и бусы, сделанные из зубов акулы. Надо будет в следующий раз продать идейку лупоглазикам, они, естественно, как это всегда бывают, всё раскритикуют сначала... Но, глядишь, годика через три, или через три столетия научимся управлять временем, или маной или человеческим потенциалом ротороидальной формы... Перспективы ощутили? То-то. И назовут эффект главный, или переход, или силу, моим именем, лупоглазики на счёт авторских прав честны до абсолюта – Боцманским эффектом, наблюдаемым в массах скопления людей (или как там по-научному наше обезьянье племя зовется) при плотности сознания большей чем... как эта любимая буковица математиков зовется... эпсилон... – точно, эпсилон. При плотности сознания большей, чем эпсилон, а потом сноски для эпсилон большей чем что-

то, меньшей и равной нулю, если она может быть равной нулю, хорошо бы, если она могла бы быть ей равной – мне всегда это нравилось. Тс-с – не шумите мысли – обед разносят! Вот так всегда, как только, что-то в черепашке зашкворчало – так сразу не дают подумать о вечном, подсесть почти выловленную рыбёшку, поймать редкостную бабочку, срезать белый гриб с тремя шляпками... Баланду принесли и никаких грибов, рыбёшек и даже бабочек в ней не плавало. Но и теплая баланда без мяса лучше отсутствия всякой баланды...

Когда я уже начал терять счет дням; когда я перестал различать день и ночь; когда я уже не осознавал, где я, а где охранники; когда я запутался во времени и не видел различия между прошлым и настоящим, а вот будущее мне иногда удавалось придумать, а значит и отделить от всего остального, впрочем, иногда я придумывал и настоящее или прошлое – и грань между ними тоже стиралась; когда сон о тюрьме стал переплетаться с явью тюремной; когда случилось ещё много таких же "когда", я услышал нетюремный звук: "Дзынь" – громко и бодро сказало зарешеченное густой и толстой решеткой крохотное окно под потолком. Осколок толщиной в палец (на стеклах, как и на решётках здесь не сэкономили) упал ко мне на колени. В это судьбоносное время я сидел в позе лотоса на шконке и ничего не делал. И что-то ещё упало и покатилося по полу, что-то тяжелое и круглое. Как оказалось, это был стальной шарик, который и пробил стекло окна моей камеры. Я оживился, ведь если шарик про-

бил стекло, значит, его кто-то с большой скоростью запустил в цель, а можно сказать, что шариком кто-то – несомненно, живой и свободный! – выстрелил в окно. Тюрьма располагалась на отшибе Юго-западных трущоб нашего в целом красивого и ухоженного города и отстояла от других зданий не меньше, чем на сто шагов. Так что даже чемпион по киданию разных предметов не смог бы добросить до моего окна шарик, а тем более не смог бы им пробить толстое стекло. А уже из этого следовало, что кому-то очень было надо попасть шариком ко мне в гости – и, наверное, не только шариком, ибо сам шарик хоть и обнадежил меня самим фактом своего существования, все же не мог ничем помочь простому узнику (каковым я являюсь) выбраться на волю.

Последствия не заставили себя долго ждать. В образовавшееся отверстие в окне просунулось что-то узкое и стало падать, я подхватил это что-то, оказавшееся напильником, который мне подарили лупоглазики во сне и который мне передал Боска уже наяву. Я не стал долго созерцать напильник или задумываться, чем эта мелочевка может мне помочь – я сразу стал перепиливать язычок замка, хотя правильнее было бы назвать его язычищем – он был шириной в четыре пальца, благо щель между косяком и дверью позволяла свободно орудовать моим тоненьким инструментом. Вот тут-то напильник и показал себя. Иногда у нерадивых хозяев тупится кухонный нож и таким миролюбивым орудием бывает не очень-то приятно резать чёрствый хлеб, согласитесь, что у

нерадивых хозяев наряду с тупым ножом часто оказывается и чёрствый хлеб – на то они и нерадивые хозяева. Примерно с таким же надрывом я напильником резал плоть язычища замка. Минут десять ушло на всё про всё.

Ещё десять минут – и в коридоре уже два узника, за час мы освободили семерых – дело пошло быстрее, нас подгонял запах свободы. Пару пьяных охранников, которые играли в карты, мы удавили бесшумно, ещё четверых зарубили, заломали, разорвали зубами с шумом, никем не услышанным. Живоглота решили схавать всем скопом – мы не дали ему шанса и, открыв дверь в его каптерку, выпустили две стрелы из арбалетов. Живоглот сказал: "Бульк" и стал похож на жука, атакованного муравьями – в качестве муравьев были мы, злобные арестанты, приговоренные к смерти, мечи поднимались и опускались, превращая живоглотскую тушу в нарезанные кругляки колбасы с костями. Я специально не конкретизирую, кто что делал – мы превратились в коллективный мыслящий организм, озабоченный лишь одним: как бы скорее выползти наружу и этой мысли он (то есть мы) предавался всецело и безупречно. А у другого комка плоти так и не сравнялось количество крестов с числом звёзд на мундире, но по этому поводу комок уже не комплексовал – ему было действительно пофиг до всего. Отдельные члены охранного организма гибли и жаждущий глотка чистого воздуха полосатик, состоящий из заключённых (робы в тюрьме полосатые: полоска серая, полоска темно-серая), бился до тех

пор, пока не осуществил свою мечту – обрести небо вверху, землю внизу и горизонт вокруг. И уже только после этого великого обретения себя, полосатик распался на отдельных мыслящих существ, и одним из них осознал себя я. Кто? Да, Боцман, Боцман... улыбаюсь щербатым ртом.

Так началось восстание, или революция – мы не думали, что мы начали, просто подняли на уши всю тюрьму, потом вырвались в город, а... вот простые жители не поддержали нас, и начался период в моей жизни под названием "Подполье". Впервые я жил не у себя дома, не у друзей, не в тюрьме. Впервые был вне закона постоянно, впервые лес стал моим домом, а ближайшей перспективой – виселица.

А описываю я всё от безликого "мы", потому что в этот период моей жизни, я почти полностью растворился в личности Ардо, который во всяких смутах, а также в побегах или скитаниях чувствовал себя как ползунок под потолком. По его выражению, он описал – в прямом смысле слова – все верстовые столбы в нашем королевстве. Его часто судили в молодости, он собственными ножками протопал в кандалах много этапов и, несомненно, подмочил репутацию многих верстовых столбов.

Магистр

– Почему она обгорела?

– ...

– Почему она обгорела?

– ...

– Почему она обгорела?

– ...

В конце концов, до меня стал доходить смысл их слов. Они – эти безмозглые серые скоты – объясняли мне очень вежливо и очень тихо, что служившая моей экономкой женщина вдруг решила повеситься, и исполнила своё намерение на любимом шарфике (мой подарок), очень длинном шарфике, его верхний конец она завязала на крюке для люстры... а когда в последней раз в жизни оттолкнулась от табуретки, то, видимо, опрокинулась жаровня и уголья попали в складки платья, отчего оно и загорелось... меня пытались успокоить, поясняя, что обгорел уже труп, смерть наступила вследствие асфиксии довольно быстро и покойная не чувствовала, как её лизали языки пламени... но меня не нужно успокаивать. Я совершенно спокоен. Любимая женщина повесилась. Она, конечно, в некотором роде предала меня, но это её лично дело. Хотя и моё тоже – она же предала меня! Голова у неё болела сильно последнее время, но это же не повод, чтобы вот так бросать всё и главное – меня?! Но нельзя

показать подчинённым никаких эмоций... Совершенно будничным голосом я объявил:

– Экономку похороните на её родине, в деревне Тимошкино. Без лишних почестей.

Но я сказал всё же это с некоторой опасной интонацией и я не сомневаюсь, что похороны будут пышные и родственникам помогут. Ведь я могу проверить. И я обязательно проверю.

Шут

Лягушки синкопировали. Лучики света играли в прятки. Я наблюдал за одуванчиком, их было много на поляне, недалеко от болота с лягушками, они лезли мне в глаза, но я выбрал из множества лишь один, и долго думал, зачем он здесь растёт. Потом понял. Я решил использовать его самым лучшим образом. Многие думают, что лучшее использование одуванчика – это подуть на него как можно сильнее и сдуть семена как можно больше, так вот многие совершенно не правы. Ведь одуванчик – сорняк и если дуть на его семена, то эти озорные сорняки захватят весь мир. Тут же явился мальчуган, совсем не похожий на того мерзкого, что пулял в меня горохом. Этот был тонок и бледен, лицом одухотворен, взглядом умён, ручками и ножками слаб. Короче, это был будущий гений или злодей в пору глубокого детства. Он зачарованно смотрел на меня и не решался ни спросить, ни подойти и сначала представиться.

– Хочешь, я покажу тебе нашу королеву? – спросил я его.

Он закивал (сказать что-нибудь он по-прежнему не решался).

– Подойди поближе.

Он подошел.

– Закрой глаза.

Он закрыл.

– Открой рот.

Он открыл.

– Не подглядывай.

Он не поглядывал.

Я сорвал одуванчик и засунул его пушистую голову в рот мальчугана. Тот не увидел королеву, зато заплакал от своего позора и неприятности во рту. Ревя писклявым голосом во все стороны однообразное "у-а-у-а!", он покинул поляну. Отцом его оказался дровосек. Чего-то в этом роде следовало ожидать, ведь доходячий малыш не мог забраться так далеко в чащобу лесную один. Дровосек почему-то сильно рассердился, он широко шагал, немного при этом косолапя, и метал молнии своими глазами вправо-влево, но топор пока держал на плече, а это означало, что мы можем договориться.

– Хулиганишь? – спросил он, нависнув надо мной всей своей неумолимостью. – Для шута ты шутишь не смешно!

Абсолютная правда, она непреложно доказывает, что дровосеки мудры.

– Учу. Я преподал твоему сыну урок. Теперь он будем менее доверчив. А что, если я вовсе и не шут, если я только маскируюсь под шута, если я – серый стражник, или хуже – людоед и люблю мясо маленьких мальчиков?

– Но ты же шут!

Опять абсолютная правда, но в этот раз она доказывает, что дровосеки глупы.

– Да, ты это знаешь, потому что много деревьев срубил за

свою жизнь и можешь отличить пень от яблони, а он только видел человека похожего на шута. Согласись, существенная разница. Но ты можешь меня убить в любой момент, у тебя есть топор. А можешь убить ещё легче – словом, просто произнеси: "Умри" и вложи в него всю свою ненависть ко мне. И я умру. Может быть, не мгновенно, не сейчас, но рано или поздно твое слово найдет способ, чтобы лишит меня жизни.

Я поднялся, а топор не опустился на мою голову и слово "умри" не было произнесено. Мы договорились, а это значило, что дровосеки способны к компромиссу. Попрощавшись с этим добрым и косолапым малым, я подарил ему свистульку в форме писающего мальчика. Угадайте куда нужно было дуть, чтобы свистулька зазвучала? Неудивительным прикидывается тот факт, что дровосек не засвистел. Но он очень удивился, когда, вернувшись домой самой короткой дорогой (это он думал, что она самая короткая), оставив меня на поляне (это он думал, что оставил меня на поляне), обнаружил дома... шута. И не какого-нибудь незнакомого, а меня, уплетающего плюшки с вареньем вместе с его женой. Но больше всех удивился малыш, уже выплюнувший одуванчик из себя полностью. На самом деле ощущения пушистости во рту останется с ним на всю жизнь. Моё присутствие мало того, что было напоминанием о его позоре, но ещё и являлось своей непонятностью вторым уроком для него. На счёт плюшек: большинство думает, что лучшее использование плюшек – это есть их – и в этом оно право, а если ещё и варенье – ма-

линовое, то просто м-м-м!

Королева

Маркел ликовал. Он достал-таки "Путь диктатора" и сейчас поглощал его с упоением и нетерпением, выражающимися в том, что он не мог усидеть на месте: отскакивал от стола с книгой, будто текст сам отталкивал магистра, тогда-то он и совершал пару-тройку судорожных кругов по своему кабинету, потом вновь садился за стол (ведь этот текст его ещё и притягивал: наглядная иллюстрация действия и противодействия), хлопал по его инкрустированной кошачьим орнаментом крышке своей морщинистой ладонью и приговаривал: "Наконец-то!" и ещё: "Теперь – ух!" Магистру продала эту книгу Марта, она знала свое дело и делала его хорошо. Я даже не знала, как ей это удалось. Это я-то свободно перемещающаяся по сну, очень похожему на моё королевство, и не в курсе! Но тиран зря радовался, уже слишком поздно, и ни одна идея, почерпнутая им в "Дао Де Диктатур", не успеет взрасти на почве его Третьего как бы великого магистра, так как реальность скоро станет действительностью и вернется к своему устойчивому состоянию: королевству Зелёных холмов со столицей Лас-Кой. Однако Маркел даже не заглянул на шахматную доску, а ведь я уже поставила там свою чёрную пешку на первую горизонталь – сие означало полную и безоговорочную победу! Он преспокойно вслух читал с выражением: "Только для диктаторов" (это

было вместо предисловия, и магистр долго упивался тем, что это как раз для него родимого) "Если ты хочешь вступить на путь диктатора, то прежде чем сделаешь первый шаг прочти это" – Маркел воздел руки за пределы вверх и воскликнул:

– Обязательно прочту! – и стал дальше поглощать глазами текст: "Этот путь не легок и не быстр. Быстр он может быть только в одном случае – если ты попадешь под шипованные колеса более удачливого или более безупречного (что вероятнее) диктатора и, корчась в муках, свалишься в ров неудачников. Тебе придется отказаться от многого, чтобы достичь немногого. Ты должен будешь отказаться от друзей, любимой, родственников и других дорогих тебе людей (и не людей), ибо они – твоё уязвимое место, а у диктатора не может быть уязвимых мест. Тебе придется отказаться от любых других привязанностей, ибо у диктатора не может быть никаких привязанностей (он просто выбрал путь Диктатуры, а потом Диктатура выбрала его – и на соплях в сахаре места в этой пустоте не осталось). Если ты выберешь этот путь, то ты добровольно подписываешься под своим абсолютным одиночеством. Что же приобретешь взамен? Ничего, ибо: власть, слава при жизни и, возможно, ещё большая слава после смерти – ничто. Могущество и защита от тупого чувства собственного бессилия – тоже ничто. И это всё. Не спрашивай: что будет потом? Если спрашиваешь – никогда не дойдёшь до Диктатуры. Но чтобы прийти, нужно будет положить жизнь свою, свою молодость, зрелость и преклонные

годы на одно дело: стать диктатором и удержать этот тяжёлый для слабых шей титул, чтобы построить новый мир. Решай: надо тебе это или нет..."

– Надо, надо, ой как надо! – заголосил магистр, алчущий переродиться в настоящего диктатора.

Он перевернул страницу и благоговейно слизнул с её кожи фразу: "Тебя никто не тянул насильно переворачивать эту страницу".

– Знаю, знаю! – он вновь соскочил со стула и стал выводить по паркету вензеля своего рода (а ведь даже у такого не побоюсь этого слова «шалапуты» были родители... наверняка, славные люди, да, у Маркела был славный род). – Да, да! избавится от привязанностей. Кошки, кошки, милые мои кошечки. Сегодня вам не повезло...

Я покинула стареющего уже не любителя кошек, а... – а что он с ними сделает? Но некогда разбираться – меня ждали мои верные друзья... не подданные, а друзья! Почувствуйте разницу...

Боцман

Сидеть около костра всегда лучше, чем сидеть без огня. Во-первых, можно практически вечно смотреть на языки пламени, перебирающие ласково свою любимую пищу (конечно, если кто-то подкидывает дрова, но и самому можно руками пошевелить и полешко-другое подбросить), во-вторых, к костру всегда может кто-то подойти и сказать: "Привет, а выпить есть чо?" или в котле созреет каша – и пейзаж сдобрится горячей пищей. Вот и к моему костру подошла рыжая бестия и сказала:

– Привет, Боцман, меня зовут Марта, только не говори, пожалуйста, что я не похожа на март.

Если я и хотел что-то сказать, то слова застряли в горле и непережёванными рухнули обратно в легкие. Бестия тем временем под села ко мне на брёвнышко, положила рыжую копну волос мне на плечико и уже ласково заметила:

– Наконец-то я тебя нашла! Тут в лесу так много вашего брата скитается и все после тюрьмы сексуально озабоченные, пристают. Ужас!

– Я не...

– И ты тоже озабоченный!

Я не стал спорить – она была права. Я же столько отсидел! Я же столько ночей с женщиной не спал! Но её правота не умоляла того количества вопросов, которые я хотел ей

задать.

– Только не спрашивай про Майю, – предупредила меня бестия, и мои вопросы снова перепутались, ведь теперь я не должен был спрашивать про Майю, а я про неё спрашивать не собирался, но после таких слов не мог не спросить.

– А что с ней?

– Её не было.

– Как это? – я перестал понимать всё, даже понятный до этого костер.

– Просто её никогда не было, Боцман, это был сон, просто очень яркий и реальный сон.

– Подожди-ка, Майя... моя Майя, ну если не моя, то та, которая жила в моем доме – сон?

– Да, именно про ту, псевдотвою Майю, я и говорю. Ты вообще знаешь расшифровку этого слова?

– О-о-о! – протянул я и в этом «о-о-о» не было понимания, но имелось предчувствие, что разговор будет долгий, причём на общие темы, которые меня сейчас совсем не волновали. – Только не надо говорить, что это была чёрная пелена, брошенная на мои глаза, сквозь которую я видел мир таким, каким он на самом деле не является. Тогда встречный вопрос в лоб: тебе цифра восемь ничего не говорит?

– Говорит, что ты – мудака! – она обиделась и попыталась упорхнуть с бревна.

– Стой, раз-два! – я обхватил её руками, и мы вместе упали навзничь, борясь друг с другом и до падения и после.

Листва была мягкой, но холодной.

– Самое худшее, что ты мог только произнести – это цифру восемь! Думаешь, я не знаю, что она тебя на счёт меня предупреждала?

Это уже было просто издевательство над личностью.

– Кто сказала?

– Блондинка, которой ты заменил брюнетку, или любовница, занявшая место жены.

– Вот... – я досчитал до десяти, а потом обратно и ничего дальше не сказал.

– Ох, ох, ох, какие мы нежные!

– Из самострела шариком ты стреляла? – перевел я разговор на более конкретные рельсы.

– Как догадался?

– Во сне увидел, который не сон, а майя, которая не майя, а облака сансары, которые не облака сансары, а след от прочтенной мантры учителем перед нерадивым учеником, который совсем не ученик, а белая овечка, пасущаяся на горном склоне среди эдельвейсов. Не надо начинать втирать мне в пятки эзотерику! Я простой Бодман и живу в нормальном королевстве, которое официально магистрат, где спит королева вместо того, чтобы навести порядок, где снятся вещие сны, где летают ползунки и приносят напильники в камеры зеков, где лупоглазики собирают машину времени, где контрабандисты привозят товары из снов, где художники взлетают к облакам со стартовых площадок в виде виселиц, где...

Марта остановила мою не родившуюся истерику, а истерики у меня даже если и рождаются, то все мертворождённые – потому что характер у меня спокойный, а вовсе не потому, что я – уничтожающий истерики маньяк. Как остановила? А откуда я знаю, что её поцелуй не был сном, приснившимся мне около костра? Нет, тут не до словоблудия. Тут руками надо титьки жамкать! Кстати, у неё в пупке была вставлена серьга, а на предплечье чернела татуировка в виде полоски, состоящей из символов древних религий и надписи на древнем языке.

– Что здесь написано? – спросил я, поглаживая пальцем татуировку.

– «Религий – много, Бог – один», – ответила Марта. – Или един, смотря как переводить с древнего языка.

– За такие дела можно угодить на костер.

– Но сначала надпись должен увидеть священник, а они редко раздевают девушек, не говоря уж о том, что сначала меня надо ещё взять в плен.

– Да, не каждому священнику это по плечу, – согласился я.

– Ну, если он будет молод и хорош собой... – рыжая бестия задумалась. – Не напрягайся по пустякам, эта татушка не более чем одна из ошибок моей молодости.

– И в чем её ошибочность?

– Во-первых, мне не надо было делать её вообще, а во-вторых, никакого Бога нет.

– Как нет и Майи? – мне надо было разобраться в этом глобализме отрицательных идей.

– Нет. Майи нет и Бога – нет и эти события друг с другом несравнимы, по крайней мере, для тебя. Ты же понимаешь, Боцман, что если Бога нет, то кто же ещё защитит бедную заблудшую девушку, а? – она ткнулась мне под подбородок своей дивно щекочущей макушкой.

Я помянул ёшкиного кота, но и эта крайняя мера не помогла.

– По-моему, самое время для песни, – как ни в чём не бывало, заявила Марта.

– Лошадка ты моя неугомонная.

– Не называй меня лошадкой!

– Альтернатива – коровка.

Удар в солнечное сплетение был силён, но мой пресс меня не подвел.

– Неплохой барабан, – констатировала Марта, лупя своими кулачками по "неплохому барабану".

– Он полностью в твоём распоряжении, но я бы предпочел услышать твою игру на гитаре.

– Не вопрос... – она покинула ложе нашего знакомства, и, взяв в руки небольшую гитару, затянула рулады.

Рулады о любви девушки к парню, а парня к другой девушке завершились политической агиткой (когда народ подтянулся к нам на камелёк):

*Маркел – сукин кот!
Наш хлеб он жрет!
Но счастливый день придет!
Вспорем мы ему живот!
Да, счастливый день придет!
Вспорем мы ему живот!*

Это, безусловно, талантливое творение неизвестного автора люди с удовольствием подхватили и в лесу раздался общий глас народа, который по мудрости древних совпадает с гласом божьим: "Маркел – сукин кот!"

А потом затянули древнюю песню про волков:

*Мы будем глотки рвать, мы будем убивать!
И нам на совесть нашу наплевать!*

Когда мы снова обрели покой, меня зачем-то язык потянул задавать вопросы.

– Где ты так научилась зажигать массы?

– Профессия научила.

– Милая моя, солнышко лесное, каким же мастерством владеют твои нежные ручки?

– Я – куртизанка.

– Это что-то типа разновидности проститутки? – сдал меня мой язык с потрохами, команда "Отбой" до него не дошла.

Пощечина была звонкой, а когда звон в моих ушах про-

шёл, я понял, что она была ещё и жёсткой. Массируя пострадавшую часть тела (а щека, несомненно, относится к важным частям организма – как без неё жрать?), я все больше и больше понимал свою ошибку и подлость языка – но не мог же я его откусить, то есть мог, но Боцман без языка – не боцман, ведь я свистеть не смогу.

– Вырвалось, – вымолвил я осторожно и деликатно короткое признание в полной своей тупизне, а также робкое извинение или намёк на оное.

– Бывает, – поддержала мир между нами солнышко-лесное-бесконфликтное с нежными, но почему-то очень тяжёлыми ручками. – Кстати, мне нужно довести до твоего сотрясенного сознания одну очень важную вещь (она не дождалась каких либо сигналов от меня на это своё заявление). – У меня есть реальный план захвата колокольни... – она склонилась ко мне. – Слушай меня внимательно, и не говори потом, что не слышал или тебе это всё приснилось...

И перед моими глазами действительно вырос реальный план удара в Вековой колокол.

– А как ползунки поймут, куда надо поднять не рвущуюся нить?

– Это я беру на себя, поверь, твои домашние ползунки справятся с этой задачей.

– Я взбираюсь и...

– Да.

– Хорошо бы королева проснулась, а то не хочется стано-

виться подушечкой для булавок за просто так.

– Для этого и необходим отвлекающий маневр, арбалетчиков не должно быть поблизости много, а остальных мы постараемся перебить. Я буду прикрывать тебя с ратуши, а стреляю я метко.

– Я заметил.

– И быстро, – продолжила перечень своих достоинств Марта.

– Это ещё надо посмотреть.

Через пять минут я убедился, что десять стрел могут поразить дерево в тридцати шагах за время, которого не хватит некоторым копушам для завязывания шнурков.

– А ты не боишься высоты? – озвучила уже свои сомнения снайперша.

– Да мы, между прочим, от Амбиции до Нзака летели выше облаков – и ничего, ни разу не блеванул.

– Более вежливо говорить: меня не стошнило.

– Бывает когда тошнит, а бывает когда блюёшь.

– То есть тебя стошнило, когда вы пролетали выше облаков?

– Нет, градация важна, когда у тебя похмелье, тогда ты понимаешь разницу.

– Верю на слово, мне как-то не хочется проверять твои достоинства в этом деле и понимание процесса.

Да, долго мы обсуждали темы, гораздо более "важные", чем революция.

По инициативе Марты мы отошли от бивака и поставили палатку.

– Ну и зачем все эти сложности? – не люблю делать не жизненно необходимые дела сегодня, да и завтра, если разобаться, тоже их делать не рвусь.

– Тс-с! Мы сейчас будем устанавливать тонкий мост.

– Это теперь так называется?

– Не опошливай всё и вся, ты вообще можешь думать о чем-нибудь кроме секса?

– Я сейчас про мосты говорил, если что.

Марта задернула полог, от этого в палатке стало темно. Чиркнула спичка, высветив наши лица. Стервоза достала два зеркала и установила их параллельно друг другу. Между ними воткнула свечку.

– Смотри в зеркало и представляй Эльзу.

– Ага, и я её увижу. А если буду представлять королеву – увижу королеву, а если Пиковую дама – увижу ожившую карту вместо туза. А если бы я был девушкой, то очень бы хотел увидеть суженного ряженного, я бы и его увидел. Старо!

– Не будешь смотреть?! – угрожающе спросила куртизанка.

– Нет.

– Тогда я на словах передам, то, что тупой и упрямый Боцман не удосужился увидеть своими глазами: Эльза передает тебе привет, Александра тоже должна была бы послать тебе

воздушный поцелуй.

– Вместе с Майей, да?

– Я тебе уже говорила, что никакой Майи не существует, – она пощекотала белым пером на своей стреле мой нос и я – к чему бы это? – чихнул.

– Но привет-то она бы мне могла переслать между зеркал.

– Отвяжись, зануда! Ребёночек опять же ручкой тебе бы помахал...

– Какой ребёночек? – не понял я. И вмёрз мозгом в тупик.

– А какой может быть у Эльзы ребёночек? Твой, конечно!

Где-то ударили в колокол или мне показалось?

– Мой?!

– Мужчины!.. – она так это сказала, как будто женщин больше не осталось.

– А как назвали? – в трансе тоже были свои плюсы, находясь внутри него можно не перегрузиться.

– Тебя, балбеса, ждут, чтобы дитяти выбрать имя.

– Куда именно в зеркала надо смотреть?

– Наконец-то, прозрел! Смотри прямо, твоё желание увидеть своих близких родственников должно от стекла отскакивать.

Отскочило, будьте уверены, отскочило! Только толку никакого – я в области магии могу являться лишь хорошим якорем – настолько эта штука меня не забирает в свои ряды. Деревянный я какой-то или стеклянный или оловянный – короче совершенно непригодный для магического исполь-

зования. Вот и в этот раз теория подтвердилась: сколько я ни пялился на свечку, бесконечное количество раз отраженную в зеркалах, я так и не увидел любимое лицо моей молодой женушки-мамаши.

– Бесплезно! – сказала Марта, когда огарок догорел, а по моему лицу она поняла, что кроме свечки и зеркал я ничего не увидел. – Здесь заночуем, или на общий бивак пойдём?

– Лень.

Ничего не сказала на это Марта, только вздохнула и стала стелить пенку.

Магистр

Вот он – взобрался по верёвке на колокольню, оглянулся, посмотрел мне прямо в глаза, раскачал язык Векового колокола и ударил в него... Бом-м-м! Давно я так не орал и так тяжело не вырывался из липкого кошмара. Моё лицо лизала Блонди, пытающаяся спасти хозяина. Я погладил овчарку.

– Всё хорошо, Блонди, уже всё прошло... всё хорошо... – она обрадовалась тому, что хозяин пришёл в себя, и завильяла хвостом.

– Ну, пойдём, погуляем... – и я сделал то, что никогда не делал, зашёл с овчаркой к якобы своим любимым кошкам. Как радовалась Блонди, гоняя их по залу, и как трусливо прыснули сиамские бестии по закоулкам дворца...

На шахматной доске я заметил, что королева сделала очередной ход в нашей партии. Если отбросить всё невозможное, то останется всего один вариант – она управляла кошками, чтобы передвигать фигуры. Вот ведь ведьма! А если сжечь суку... Возможен бунт. От голода люди будут пухнуть, но не начнут революцию, отключи им телевизоры – и это перенесут. Но если сжечь труп королевы, то вот тогда начнётся бессмысленная и беспощадная резня... Что за народ мне достался? Была бы у него одна шея, так бы и задушил!

Видимо, я так истово выражал свой гнев, что прибежавший смотритель кошек, бросился от меня, сверкая лопатка-

ми под камзолом...

Не верю в совпадения. Если ночью снится кошмар, и я вижу того, кто ударит в колокола, а днём глава контрразведки приводит ко мне того самого убийцу, что ловко продырявил моего двойника... нет, мы многого не знаем про Вселенную. Таких совпадений не бывает! И я заплатил полную меру за ликвидацию человека, чей портрет нарисовал с моих слов придворный художник.

Рука убийцы взяла деньги и взяла рисунок. А мне как-то легче стало дышать... Лица под капюшоном было не видно, но один рыжий локон всё же выбился на свет...

Королева

К нам присоединилась Майя, теперь четверка обрела себя. Мы стали целым, сохранив индивидуальность. Но... Зачем вам знать подробности о сне какой-то там королевы и всех её гостей? Уж лучше я расскажу о реальности, то есть о том, что происходило с Боцманом. К нему уже спешила Марта...

– Ваша величество, а кто она такая и какое место занимает в плане вашего пробуждения? – спросила Эльза про Марту, за которой мы наблюдали.

– Она самая большая наша врагиня.

– А почему она помогает... (Эльза долго не могла обозвать своего супруга как-нибудь нейтрально) ...ему? – глаза молодой мамыши давно были на мокром месте.

– Потому что ей так хочется. Понимаешь, по большому счёту ей по барабану: разбудят меня или нет, но до моего пробуждения она творила некоторые дела, требующие моего постоянного сна, ибо я не буду закрывать на них глаза наяву, и в силу этого она вроде как не на нашей стороне. Более того, она именно этим своим равнодушием и определяет себя глубоко в лагерь наших противников. Если бы она нам мешала – она бы нам помогала и наоборот. Ей же все равно и теперь Боцман может погибнуть, а может опоздать ударить в колокол, а может... короче говоря, варианты его возможного

будущего стали занимать много места и мне их теперь очень трудно просчитывать. наших совместных усилий может не хватить для того, чтобы направить его на путь... (я не люблю слово "истинный") на путь ко мне.

– Может, тогда помочь ему там? – Эльза всхлипнула.

– Тебе пора кормить ребенка. Боцман и Марта там, где должны быть, и мы им помешать быть там не можем, как они не могут помешать нам, – я обняла её. – Эльза, для тебя сейчас главное это детёныш! Как думаешь назвать?

– Не знаю... – она разревелась и от этого проснулась.

– Помогите ей! – приказала я, и тут же Александра с Майей отправились догонять Эльзу.

Ползунки

Но недолго мы радовались победе над шершнями. К нам пришёл страх в образе лопотуньи. Точнее она была похоже на лопотунью, она лопотала с нашим лопотуном как настоящая лопотунья и даже боролась с ним на ритуальном подиуме, но это была не лопотунья, она светилась не так. От страха мы все забились в гнездо и дрожали, сбившись в кучу. Выставили жала ко входу и дрожали. А ещё мы вдруг вспомнили, что эта лопотунья-не-лопотунья ужасно похоже на ту, что обучала нас, то есть на Огненную. Тогда становилось непонятно, кто есть кто и когда кто кем был, от этого страх наш бурел и множился. И стало ещё безнадежнее...

Лишь Шим смог выбраться и даже напал на страшилище. Этого никто не видел – он сам потом рассказал. Но не лопотунья отмахнулась от его жала своим и... нам было жалко ставшего безжальным Шима. Он долго болел, но остался в тонком мире, хотя некоторые из нас были готовы посмотреть в его глаза последний раз. Слава Облакам, он выздоровел и не лопотунья покинула пещеру нашего лопотуна. Иначе нам пришлось бы бросить это хорошее для гнезда место. Первый раз после её ухода мы немного опасались включать Волшебную сказку – а вдруг она где-то спряталась и только этого и ждёт? Боязно. Но всё-таки включили. И волшебная сказка сняла тревоги.

А потом к нам прилетел Вдрук – а это та ещё оса, путешествующая из прошлого в будущее и обратно – и начал нас лупить. И орал при экзекуции: «Проснитесь осы! Вы что, так и не поняли – это ваше коллективное бессознательное!» Я защищал Инну, да и она тоже выставила жала и не давала себя просто так лупить... не сразу Вдрук успокоился и улетел в своё место обитание, бросив нам слово «осы» с обидной интонацией... а он сам разве не оса?

Боцман

Оказывается, у лени тоже есть свои преимущества – ночью на лагерь напал отряд... бродячих муравьев – а это не серая гвардия, с которой можно и на мечях пофехтовать и арбалетами постреляться, – муравьи снесут любой строй и любое укрепление, они только огня боятся. Но не будешь же ты поджигать свой дом родной с припасами и вещами ради уничтожения одной колонны муравьишек? Вот и в этот раз муравьям дали поживиться частью провианта, а на утро люди уже могли вернуться в свои палатки, шалаши, землянки – мелкая опасность пошла дальше. Мы же никаких муравьев не видели, даже во снах.

– Нам надо расстаться, – Мартушка сообщила это с бухты-барухты, то есть после утренних водных процедур.

– Ты покидаешь меня, чтобы присоединиться к другим моим женам-любовницам, знаю-знаю... – я стал уже к этому привыкать.

– Нет. Ты отправишься на поиски своей сестры.

– С какой стати?

– Потому что так надо... – сказала она точь-в-точь как в свое время часто говорила Майя (которой как бы нет, но мы это ещё проверим).

Есть время разбрасывать камни, есть – медитировать, есть – собирать себя после медитации, а есть – лопать мёд. Ко-

роче, всему своё время. Для меня в данный момент наступило время падать на землю большим, ярко-красным кленовым листом, чуть подъеденным гусеницей, с оптимистично торчащим черенком. Падая я медленно по левосторонней спирали, впрочем, левосторонняя она или правосторонняя – зависит от вашего положения, вот для Марты она была левосторонней, а я таких мелочей вовсе не замечал. Когда ты полностью отдался одной силе, пусть это даже банальная сила земного притяжения или по-другому гравитационная сила (относится к слабым взаимодействиям), то на твоё движение будет ещё накладываться трение о воздух, порывы ветра могут тебя закружить в другую сторону или унести в даль или разорвать на части. А есть ещё и свет, что падает на тебя почти незаметно, но если ты успокоишься, то поймёшь – и он давит на тебя, пусть совсем незаметно, но давит. А снизу кузнечик стрекочет, предупреждая: здесь моя территория и кленовые листья должны запрашивать разрешения на посадку. Наивный. У меня есть зелёной пятно – остаток былой роскоши, а значит и право садится туда, куда я хочу, но только не на муравейник и не на нору крота – эти области для меня недоступны – они только для двупятнышковых листков. Опять же чья-нибудь рука или лапа может подхватить меня на лету и не пустить к кузнечику (он-то будет рад, но это уже произвол), а также засунуть между листьями, но очень дальними родственниками – белыми, гладкими и правильной геометрической формы, явно они творения тех же рук,

что поймали меня в плен. И эти дальние мои родственники сожмут меня со всех сторон и станет трудно дышать... Тогда я буду сохнуть от тоски по ветру, по силе притяжения к земле, по обществу кузнечика и даже по норке крота, в которую я никогда не попаду. И вот я стану похож на своих белых братьев, но не потеряю как они свою первоначальную форму – о нет, они этого не дождутся! Я всё равно буду красным кленовым листом, пусть и высохшим, пусть и не таким ярким как в молодости. Но руки могут меня и не поймать, могут дождаться моего окончательного падения и вот тогда подло ударить сучковатой веткой, пробить мой бок и отшвырнуть в короткий и жалкий полёт в канаву или в другое плохое для листьев место, таким образом руки насмеются над нами, они мстят нам за их неумение летать. Зависть их сильна и многие мои сородичи пострадали от завистников-пакостников, но так и не утолили непомерной жестокости рук. Но самое страшное для листа – это лежать на земле и видеть, как на тебя падает уголёк, светящийся хищным красным светом, светящийся уголёк на носу тупоголовой бело-оранжевой ракеты, она умеет сама искать цель – легковоспламеняющийся лист клена. Уголек будет корезить внутренности и добьется своего – я запылаю праведным огнём, и обреку на смерть от него своих братьев – я не хочу этого, но по-другому не получится. Мы все сгорим от этой ракеты, запущенной коварными руками – это их самое мощное оружие и они это знают – быстро удаляются и не оглядываются на последствия своих

безумств. Их не достанешь нашим совместным костром. А бывает ещё, что кто-то кричит издалека, кричит что-то знакомое, но зачем же отвлекать этим долгим и рокочущим: "Б-о-о-о-цм-а-а-а-н!!!" Так, вроде, звали меня, когда я ещё не был даже листом, я был почкой, позитивной весенней почкой, потенциалом хлорофилла, будущим преобразователем энергии в материю, кудесником пространства-времени. Зачем эти руки меня трясут? Опять руки, они не дают спокойно даже лежать на приятно холодной земле. Вот садюги! Они добились своего – я перестал быть образцовым кленовым листом, падающим со своего родимого дерева.

– Ты чего? – спросила почему-то бледная Марта.

– Ты похожа на лист, но у тебя мало прожилок – это плохой признак, тебя может сорвать даже слабый ветер...

– Хватит бредить! Поднимайся с холодной земли, а то я тебя ногой ударю.

– А рукой?

– Рукой уже била, всю ладонь отбила! – сообщила она.

Вроде, эти слова вполне прилично на мелодию ложатся: била, била и отбила!

– Ты... это... песню напиши и посвети мне – вот.

– Вставай!!!

– Всегда готов, – я поднялся с земли, на которую совсем не помню, как опустился.

Есть пути и есть дороги, мы выбираем путь и идём по нему дорогой дальнею, краями нехоженными, через буераки,

завалы, овраги, бедламы, джунгли, топи, болота, пески, барханы, речки и речушки, а также селевые потоки, лавины, обвалы, смерчи, тайфуны, торнадо, вихри. А я шёл по обычной пыльной дороге на восток (это был даже не наезженный тракт). Где-то далеко-далеко впереди, может быть, ждала меня Мур... А скорее всего, совсем не ждала, а вероятнее всего зовут её уже совсем не так, а как-нибудь по правильно-му: Сестра в просветлении, Подруга дней моих медитативных, Дружбан по психо-кармическому тренингу, Дочь чистых чакр великого учителя Ухо-Горло-Носа, Весталка девятьсот девяносто девятого воплощения Бога или ещё как-то позаковыристее. Я надеюсь, что хоть говорит она на нашем языке, а не сразу читает мысли, а потом прямо мне под черепушку запускает свои ответные мыслепослания – я не выдержу долгого вторжения в свою голову – напьюсь до чёртиков или до белочек. С таким грузом мыслей я и шёл на восток, ладно ещё песни не пел, а ведь мог затянуть: "Боцманскую порнографическую", "Гимн старых дев" или совсем уж неприличную: "Девственницы-мазохистки в терновнике".

Пыль дорожная почти как вода: познакомился с одной пылинкой и уже вроде как на "ты" с песчаной бурей – так можно рассуждать в кабинете или перетирать подобные пустые слова между солёными сухариками в пивной. А когда пылишь не первую версту по дороге, которая когда-то должна уткнуться в море и напиться из него, а потом свернуться клубком возле него, чтобы уже никуда не вести (или превра-

тится в пунктир морского пути), сразу ей нажираешься и надышиваешься так, чтобы уж о пыли или молчать или ничего не говорить – ты же с ней слился, чего зря базарить?

Сорока лупоглазилась на меня лупоглазилась и застрекотала: мол, идёт по лесу человек и в ус не дует, судя по всему существо для птиц и прочей мелкоты летающей и не способной это делать, безобидное, ибо не похоже, чтобы он мог что-то быстро кинуть и с ветки сшибить. На разяву тоже не похож, и ничего съедобное или хотя бы блестящее у него не стырить, не объегорить его и на мякине не провести. Обмануть, конечно, можно, но для этого надо превратиться в младую девицу или в двух для надёжности.

Зверьё к пустобрёшке прислушивалось и делало выводы. Лишь муравьи не обращали на стрекот сороки внимания – у них есть другие дела. Кто хвою тащил, кто гусеницу, кто атаковал непрошеного гостя – жука в муравейнике. А разява он же мимо идёт, чего на него усики обращать?

Снег да снег кругом и под нами снег и над нами он!
Слепил комок, и кинул сильно, да не попал – слеплю ещё.
А сила есть и ум тут нужен, чтобы траекторию свести.
Крути башкой, чтоб не попала, ответка быстрая в тебя.
А коль достанут – что ж на то и снег, чтоб им кидаться.
Видоизмененная вода, кристаллы, соты, твердый наст, и даже лёд прозрачный синий
тут не заметишь даже кручи, той, что сорвётся невзначай,

тогда катись на попе быстро.

Смешно тебе – так от души. Не оторваться бы, не сбиться с тобою выбранного пути.

Ах, как же так, слепые руки, тебя вдруг кинули в овраг, он тут давно, а ты – недавно

так что ругаться будешь там, куда ещё ты не доехал. А тут – тихая благодать.

Что сопли лезут в нос и шарф не греет, какой уж шарф, оставлен он, на безымянном кустике колючем.

Сцепился с ним в полете вниз, он и вырвал свою добычу. Согреется чай им.

Тебе бы чая? ну конечно! сначала лыжи ты обуи, преодолей простора ширь, дойди до цели

и быть может, подруга дней твоих суровых уж ждёт тебя с кипящей чая чашкой, а лучше с чем-нибудь покрепче.

Согрелся? ну так не зазря же женщины на свете есть!

Шут

Клоун висел на дереве, над которым висела радуга, точнее в которое упирался один из её концов. Это было бы смешно, если бы клоун держался за веревку чем-нибудь другим, а не своей шеей. Я поначалу хотел его снять, но когда прижался щекой к ярко-красной штанине, почувствовал проникновение...

«Рассказ мёртвого клоуна»

Алый. Тёплый алый цвет, он к тому же ещё и добрый. Сквозь веки я смотрю на солнце и вбираю в себя тепло алого, он облизывает меня, как большой и шершавый язык любимого пса. С этого всё и началось – я начал смеяться над теплотой, над алостью, над добротой. А больше я ничего вокруг не видел, лишь их. Они во всём. С тех пор я смеюсь над болью и обидой, над голодом и нуждой, ведь и они алые и добрые, добрые и тёплые, тёплые и алые. С таким пороком я мог стать только клоуном, и я им стал. Красный нос, улыбка до ушей, рыжие патлы торчком во все стороны, яркий костюм и ботинки необъятных размеров – всё это было, но не это заставляло всех смеяться надо мной. Антураж нужен только для первого броска в глаза зрителя. Потом толпа -а люди быстро сбиваются в толпы – превращалась в одного сверхобщего-человека, который только и делал, что слушал мой смех во все уши-глаза-нос-кожу. Я упирался руками в пояс-

ницу, выставлял свой живот, как беременный барабан, и хохотал, хохотал просто так. Потому что я хотел смеяться. Это было мое внутреннее качество, как вкус арбуза всегда есть в арбузе, даже в гнилом или недозрелом. И почти все люди вокруг смеялись, будучи детьми или взрослыми, служащими или солдатами, рабочими или снобами. Но смеялись всё-таки не все, некоторые клоуны не смеялись, они завидовали. Я отбивал у них хлеб и амбиции. Они не собирали денег там, где выступал я. И они меня сдали серой страже. Намекнули, мол, я – революционер и всё такое. Я даже не знаю что такое революция, но, наверное, и над ней можно посмеяться. Эти подробности я узнал позже, и посмеялся над ними уже здесь. И уж конечно, я смеялся, когда меня арестовали, когда читали приговор, когда тащили на эшафот (сам я идти не мог – уж больно смешно они корячились вокруг меня), когда палач щекотал мою шею веревкой, когда табуретка вылетела из-под ног...

Алый вновь вернулся ко мне. В последний раз.

Я дернулся и оторвался от тела мёртвого клоуна. Солнце светило мне в глаза, я закрыл их. Да, Алый был здесь. Я не снял клоуна с верёвки, ведь он не один гуляет по зелёным холмам и ему не требуется моя помощь. Радуга здесь, а мухи почему-то рядом с повешенным не роятся.

Собрат по смеху напомнил мне один разговор с отцом...
– А знаешь ли ты, какие на свете есть грехи? – спросил

меня папаня как-то раз.

– Нет, – я точно не знал, лишь слышал разные версии от разных людей, а отвечать абы как отцу не хотел.

– Многие расходятся во мнении по этому вопросу. У одних грехов десять, у других больше или меньше. Но это – чушь и провокации, а также маразм и профанация. Грехов у человека может быть всего два: уныние и страх. Но они самые коварные, потому что кажутся несущественными.

– А как же ненависть, зависть...

– Не продолжай! – прервал меня он. – Я же говорил про людские грехи. Одна обезьяна может завидовать другой, у которой банан больше и желтее. Опять же иногда у животного возникает желание ради секса с самкой трахнуть соперника чем-нибудь тяжёлым по голове так, чтобы он не поднялся больше. И собственная важность вперемешку с гордостью может застилать глаза: мол, ты самая сильная обезьяна в стаде, самая мудрая, самая красивая и так далее. Хотя я не специалист по обезьянам – может быть, я на них возвожу напраслину. Сын, я же тебе перечислил набор людских грехов. Уныние и страх – эта парочка хорошо маскируется и её трудно вытравить из себя, но некоторым удается. И ещё: не критикуй никого и ничего. Ведь за критикой почти всегда скрывается зависть: он может, а ты нет. А за завистью скрывается страх: он сейчас может и может хорошо, а ты, быть может, уже никогда не сможешь даже плохо. Вот видишь, мы опять пришли к одному из двух грехов. На счёт того, что за

страхом скрывается уныние... не знаю. Я до сих пор их разделяю. Истина, наверняка, находится на дне вот этого бочонка медовухи. Медовуха... – он причмокнул. – Какое сладкое слово!

Отец зачерпнул медовухи и выпил. А я выпил немного мудрости – тогда мне это не помогало – я был самонадеян и делил мир на чёрное и белое, уж я-то знал, кого надо ударить дубинкой, а кого – нет. Я был настоящей обезьяной средней волосатости. А отец у меня был крутой в лучшем смысле этого слова, но понял я это очень много съеденной малины спустя.

И мама вошла в мою голову через прокрутку воспоминаний. Мама. Я возводил карточный домик и уже почти достроил его из двух колод, как одна из нижних карт дрогнула – мой труд рухнул. Это мама слишком громко молилась и одна мысль, отлетев от неё в поисках Бога, свалила мою карту. Тогда я на это обиделся. Это было ещё до того, как я начал разговаривать с растениями во второй раз...

А однажды на день рождения я подарил ей розу без шипов. Я загодя посадил красную розу и уговаривал её не растопыривать шипов, я обещал защиту от опасностей мира. Она поверила и выросла без шипов. А мама после этого случая стала выращивать кактусы...

Я нёс ей эликсир долгой жизни, но опоздал. Когда я пришёл, она уже была не здесь и не сейчас. И только записка на столе: "Ты никогда не станешь волшебником, стань хоть по-

рядочным куском сам знаешь чего". Я знал, мама никогда не ругалась. А дерьмо она считала бесценным продуктом не за его свойство удобрять землю для кактусов, а за то, что дерьмо не имеет цены. Я выпил эликсир сам и, ставя флакончик на стол, заметил мелкую верёвочку (тогда я ещё невнимательно относился к окружающему и разделял вещи на крупные и мелкие). Но это была не просто верёвочка, это был чёрно-белый пассик, который мама часто теребила в руках как четки без зерен. Только теперь он стал серым. И я понял причину: его разорвали и, повернув, соединили, чёрное слилось с белым и две поверхности пассика превратились в одну. Пассик никогда больше не покидал моего запястья... но я подарю его первому встречному, если ему будет нужен простой серый пассик. Хотите, он будет ваш?..

Боцман

Горизонт скользил по буеракам и прочим распадкам. По мере приближения к ареалу обетования эспэпэшников всё чаще попадались люди с красными глазами, они обычно спрашивали даже не милостыню, не хлеба, а: "Пыхнуть есть?" Я отрицательно мотал головой – говорить что-либо мне уже надоело, всё равно лучше не объяснишь, что у меня нет ничего пыхнуть. Пыхали эти любители химии прямо на дороге – отойдут за дерево, капнут смеси в пакет и натягивают его на голову. Вроде бы эти люди без надежды на будущее стараются всё втянуть в себя, но запах отвратный и из кустиков до меня постоянно долетал – он него не защищали листья, хотя и братья мне (не помню, после чего я с ними побратался). Потерянное поколение – вот что мне пришло в голову.

И упёрся я напрямиком в море. Что характерно – не видно ни одного корабля с дружелюбной командой, готовой меня перевести бесплатно на остров, где укрылись от суетного мира эспэпэшники. Доксинов тоже не видать – короче, гидростопа не наблюдается. От нечего делать я сотворил змея, большого, добродушного дельфина. Как только я его запустил, приплыли настоящие дельфины. Переговоры закончились к радости обеих участвующих в них сторон. Я получил твердые гарантии, что меня довезут до острова, дельфины

получали от меня змея на время моего путешествия. Он им понравился – вот и вся недолга. Даже такой ущербный плотник, как я, в состоянии сделать плот, а стае дельфинов ничего не стоит тянуть плот с одним пассажиром, главное, чтобы пассажир запускал змея...

Вот я и на острове как бы свободы. Сказав спасибо своим гидрофильным и земляфобным друзьям, я дальше снова двинул пешкарусом.

Долго ли коротко ли дорога петляла, но, в конце концов, с разгона от холма своим языком дорожка уткнулась прямым в красный кремль. На башнях этого величественного сооружения сверкали рубиновые пятиконечные звёзды.

– Куда путь держишь? – спросила меня стража у ворот.

– Да вот хочу на правильный путь встать, надоело петлять среди грехов, – другими словами я им сказал обычное "бла-бло-блю-..."

– Тогда ты правильно пришёл, но сейчас время поста и все истинно верующие находятся в летней резиденции, – сообщил мне стражник. – Вот по той дорожке пойдёшь и увидишь палаточный городок. Сердце тебе само подскажет, кого там спросить.

– Спасибо! – поблагодарил я охранника.

Охраняли ворота, скорее всего, наёмники, ведь сами эспэпэшники не признавали армии, полиции и других милитаристских структур. Я ещё раз взглянул на звёзды, что сияли на башнях кремля, – что-то мне в них не нравилось. Прижи-

мали они к земле, давили на сознание и в общем, и по частям – сие не есть хорошо. Потопал я от них по дороге, указанной стражником, топтать пришлось долго. Зато в палаточном лагере я сразу нашёл Мур – сердце привело. Вид её мне не понравился даже больше, чем видушник местных звёзд на башнях: лысая, даже не просто лысая, а выбритая до блеска; в белом балахоне из грубого холста; на ногах никакой обуви; но это все мелочи – глаза, вот что мне в ней виделось очень "не так". Тёмные, сумасшедшие, нечеловеческие.

– Привет, Мур! – сказал я, но не обнял сестрёнку, уж слишком она была недоступна обычному объятию.

– Привет, Боцман. Ты хочешь обратиться в нашу веру?

Нет, в эти глаза мне лучше не смотреть – сдувает.

– Честно говоря, я сначала хотел поговорить с тобой.

– Если это поможет твоему обращению, я готова.

Теперь самое время приступить к выполнению плана «Б», план «А» я забыл, а план «В» – не доработал. Честно говоря, и план «Б» вызывал у меня большие сомнения, особенно после созерцания красных звёзд и вот этих тёмных сумасшедших глаз.

– А нет ли здесь какого-нибудь укромного уголка, где мы могли бы потрещать наедине? – поинтересовался я.

– От моих братьев мне нечего скрывать.

– Понимаю, но я что-то ещё цепляюсь за старые обычаи... это может помочь в моем обращении...

– Хорошо, заблудившийся в миру брат мой, пошли на

холм, оттуда будет хорошо виден обряд очищения водой. Его будет проводить сам гуру.

– Очень интересно. Я так понял, на родину ты не собираешься?

– Нет.

– А в качестве миссионерской вылазки? Поедем в наше отсталое королевство и будем там пропагандировать истинную веру.

– Её не надо распространять насильно – к нам люди сами приходят. Вот и ты пришёл.

– Что верно – то верно. Но я пришёл за тобой, – плету нити, из которых рождаются сети.

– Я никуда не пойду от учителя, мне ещё долго нужно идти до полного очищения.

Примерно так я всё себе и представлял: хрен собьешь с программы упёртого рогом в землю эспэпэшника.

Диалог продолжался и продолжался, выходя на новый виток, который на самом деле был уже витком старым.

– Ты должна сделать это вопреки... вопреки всему, понимаешь? – вспотел я уже ни о чём говорить.

– Нет.

– Вопреки себе, этому своему гуру, движению своему те-перешнему и так далее.

– Почему?

– Да не почему, а вопреки! – и где мое терпение?

– Боцман, успокойся.

Действительно, Боцман гневается, значит, Боцман – не прав.

– Я спокоен.

– Нет, ты не спокоен. Знаешь, зачем тебя послала ко мне Марта?

– Чтобы тебя отсюда вызволить.

– Это только предлог. На самом деле, затем, чтобы ты не ударил в колокол раньше времени.

– Ну, так пошли, увидишь, как я ударю в колокол вовремя или не ударю совсем! – вспыхнул я.

– Мне безразличны ваши революции, битвы за свободу свою и своей королевы, а также то, что может с тобой случиться при этом, и что произойдёт на самом деле. Мне ты безразличен, Боцман, и Аида с ребёнком.

– Какая ещё Аида? – ум за разум тут зайдёт.

– Твоя жена.

– Мою жену зовут Эльза, – мне наш разговор напомнил поговорку: мочало, мочало, начинай сначала.

– Ах да, это в другом мире у тебя жена Аида. Но это ничего принципиально не меняет. В этом – Эльза.

– В нашем, Мур, в нашем мире! Это, – я рукой обвел широко округу, – не этот мир, это – наш мир!

– Данное утверждение – не истина, а только твое мнение, запомни это Боцман. Ты ничего не понимаешь, но это уже всё равно, теперь ты свободен уйти из этой области в ту область, где у вас спит королева.

– Спасибо, сестрёнка, на добром слове. А я то никак не мог понять, почему я в этой области несвободен, а в той – свободен, а это оказывается не наша область а эта, а та не та, а другая эта, а я – свободен как ползунок в полете. Ну, теперь-то революция свершится, мне же Мур благословение дала! Дала же?

– Я уже всё сказала, – она направилась к белому дому.

– А если я сейчас весь этот ваш мир разрушу?

– Ты не сможешь.

– Смогу, синтезирую кучу пороха и рвану вашего гуру вместе со всеми его учениками и последователями, так чтобы следов не осталось!

– Они просто перейдут в другое состояние, – невозмутимо сказала Мур и, отвернувшись от меня (какой же я ей, наверное, тупой букашкой казался), продолжила своё неспешное босоное движение по направлению к храму. Если предположить, что белый дом – храм.

Я тюкнул её по выбритому затылку несильно, пришлось приглушить всё своё раздражение, но и слабо тюкать нельзя было, а часть сознания никак не хотела прилагать усилия, мотивируя это тем, что она-де моя младшая сестричка. Вышло тюканье в самую тютельку – Мур стала заваливаться точь-в-точь как сноп пшеницы. Хм, а видел ли я как заваливается сноп пшеницы? Опытной в похищении невест рукой я подхватил её высохшее от постоянных голодовок тело и взвалил родную пушиночку на плечо. Скореньким шагом

с ношей я посеменил по тропинке, быстрее, ещё быстрее... Родному организму приказываю: «Дыхалку держать!» Так-то лучше! Нет, не догонят они меня, без лошадей не догонят. Лошади, однако, им не понадобились – когда я взобрался на крутой холм, меня на его вершине ждал сам гуру во всей своей тощей красе...

– Оставь то, что тебе не принадлежит, – сказал седовласый обладатель власти над тутошними душами.

– Вы хотите, чтобы я остался голым, или вам интересен сам процесс моего раздевания? Ведь мне в этом мире (неужели я это сказал?) ничего не принадлежит, ни рубашка, ни брюки, ни ботинки, ни даже пыль на ботинках.

– Ты меня понял.

– Да, но и ты меня понял – я ничего не оставлю тут, кроме своих следов.

– Положи нашу сестру (это моя сестра!) на землю и иди на все четыре стороны, – он приложил указательный палец правой руки к обручу, что обхватывал его голову, в том месте, где на серебре примостилась красная пятиконечная звезда.

Я так понял, что меня сейчас будут зомбировать – предчувствия меня не обманули...

– Чужестранец, пришедший с запада, ты сейчас находишься не в привычном тебе мире с зелёными холмами...

– Что верно, то верно, – я решил согласиться, чтобы потом меня не обвинили во лжи старшему по возрасту.

Меня стало обхватывать что-то упругое, как будто лип-

кая лента с толстой катушки чьей-то сильной и большой рукой была щедро выпущена и навёрнута на меня. Так, начались магические штучки-дрючки, но меня ими так просто не раскачать. Во-первых, моя королева спит, во-вторых, её надо разбудить, в-третьих, меня ждут мои змеи, в-четвертых, я не верю в сглаз, магию, волшебство и прочие чудеса без волшебников, фей, колдунов и ведьм, а никаких фей, ведьм, колдунов или на худой конец волшебников я что-то здесь не вижу. Так что и громадной прозрачной изоленды, что так липко обматывает меня – нет. А есть цветные экраны, которые привозит наш человек – Боска, а ещё экраны любят смотреть ползунки, такие дела... И только я так подумал, твёрдо выразил свою мысль в голове и подпитал её своей энергией, так сразу изоленда с меня спала. Я подошел к гуру, со всей дури пнул его по коленной чашечке, потом забрал у него обруч со звездой и безжалостно спихнул с дороги безопасного теперь главного злыдня этой местности. И понёс пушинку Мур дальше.

Позади меня раздался грохот, это рушился кремль с такими мощными стенами, с такими высокими башнями, с такими крепкими воротами, с такими большими рубиновыми звёздами... А всё почему? А всё потому, что я отобрал в честном поединке у своего соперника за звание "обладатель Мур" железяку со звёздочкой маленькой – вот в таком непрочном мире иллюзий жили местные обманутые и заблудшие душонки. Гуру лучше всего будет отсюда по быст-

рому тикать, не забирая награбленное и свитки с премудростью, а то его могут разорвать на куски прозревшие ученики.

Шут

Когда Боцман сорвал с головы гуру обруч, я колобродил недалеко от кремля с красными пятиконечными звёздами. Я очень устал смотреть на них и присел. Так получилось, что присел я на машинку инициирующую взрыв, а от неё шёл провод туда, где в нужных местах было заложено кое-что интересное. Взрыв родился и проглотил кремль. Не сразу, конечно. Нельзя за сразу съесть слона, нужно нарезать слона тонкими ломтиками и так по чуть-чуть его хавать. Вот и взрыв прошёлся по стенам и башням и они грамотно сложились в груды камней и клубы пыли. Никто из посторонних не пострадал. Боцман подумал, что это из-за потери обруча силы у гуру. Он был в чём-то прав. Но в чём-то была права и моя задница, причём она прочувствовала, что сидеть на машинке инициирующей взрыв – крайне неудобно. И я решил посидеть на чем-нибудь другом, более мягком. А сидеть и что-нибудь не вспоминать было крайне глупо. Я начал вспоминать малину... Однажды, когда я выращивал растения, я выпестовал из маленького зародыша большой куст малины. Каждая ветка у него давала ягоды своего цвета, этого я добился уговорами, лаской, заботой, уговорами и комплиментами. Малина ведь тоже любит комплименты, ласки и заботу. Хольте и лелейте ближних своих, и не важно какого они цвета – все любят, когда их холят и лелеют! Ягоды росли раз-

ных цветов: белые, зелёные, жёлтые, красные, сини и даже чёрные, а ещё прозрачные (побочный эффект). Этот куст я подарил одной девочке, которая тяжело болела... увидев забавную малину, она забыла на время о своей болезни, а за этот срок болезнь успела умереть. А девочка стала жить и кушать разноцветную малинку.

Боцман

Положенное время прокапало на душу, заключённую во временно недееспособное тело, и душа слилась с телом... Мур открыла глаза и проморгалась, взгляд её сфокусировался на мне, естественно, мой вид породил в её голове вопросы...

– Что со мной случилось?

– Ты проснулась, – объяснил я Мур её нынешнее положение.

– Какой страшный был сон, хорошо, что ты меня разбудил... а, кстати, как ты меня нашёл, братишка? – она первый раз так меня назвала.

– Просто очень хотел тебя увидеть. Как ты себя чувствуешь?

– В голове как-то пусто...

– Это свобода, Мур, это свобода. Раньше ты ходила под красными звёздами, а ведь ещё древние мудрецы утверждали, что чересчур много звезд вокруг кружит голову и подавляет волю. Вот вас и обнесли высоким звездатым забором. А гуру через свой обруч внушал вам исподволь свои идеи, которые вы принимали за свои или ещё хуже – за истину.

– Неужели это правда?

– Сама решай, воспоминания у тебя остались, да и умом ты, лысая красавица, не обижена, – тут она встрепенулась.

– Я что, лысая?! – завопила сеструха. Она мне не поверила, но когда глянула на себя в озерцо – раздались такие добрые слова в адрес эспэпэшников, что я понял: сестрёнка навсегда соскочила с иглы "правильной" веры.

– И как я могла дойти до жизни такой?! – эмоционально вопрошала Мур, покрыв свой позор моим носовым платком. Он был чистый и в горошек – я ношу платки чисто для форсу и люблю яркие расцветки, этот был розовый в зелёные крапинки.

– Тут два варианта: либо тяжёлая наследственность, либо плохое воспитание.

– Боцман, я так тебя люблю! – она обняла меня и чуть не задушила.

– Я нужен тебе мёртвый?

– Нет.

– Тогда сбавь обороты, я не умею дышать не через шею.

– А я могу ушами шевелить, – она, действительно, пошевелила ушами, у неё прелестные ушки и волосы не мешали мне ими любоваться.

– Ты у нас всегда отличалась оригинальными талантами.

– Ой, море! – воскликнула Умеющая Шевелить Ушами и помчалась мочить ножки. Ей лижут пятки языки моря (ударение в слове «моря» на последнюю букву алфавита).

Пока она резвилась и плескалась, а также брызгалась и ныряла, я звал своих друзей.

– Колюшка! Колюшка! Колюшка! – через рупор из ладо-

ней орал в водяные просторы я.

– Ты кого это кличешь?

– Моих водных ползунков.

– Медуз что ли?

– Сама ты рак-отшельник. Вот они! – я ткнул пальцем в

"вот-они".

– Дельфины! – захлопала в ладоши Мур. – Я их очень люблю.

– Кто ж их не любит.

– Попадаются, – я не стал разрабатывать тему, меня не интересуют всякие ущербные существа и места их кучкования.

Приплыл Колюшка и стал играть с Мур, но не забыл сперва поздороваться со мной – обдал водой, ударив хвостом. Теперь на плотике мы рассекали вдвоем. Под нами стремительно проносились дельфины и один голубой силуэт реял в вышине. Хорошо!

Шут

Так уж получилось, что путь моих воспоминаний пролегал мимо поверженного гуру. Он как раз отряхнулся и поднялся. Я хотел перекинуться с ним парой слов, как-никак не каждый день выдается возможность поговорить с человеком, который возводил карточный домик своего видения мира, контролируя каждую карту, а тот вдруг возьми да рухни в самый неподходящий момент. Вот в такие миги просветления у человека в голове много новых клапанов открывается, и чудная музыка звучит сама собой. Но поговорить не удалось. Стрела просвистела рядом со мной и воткнулась в затылок моего несостоявшегося собеседника. Чпок! И бездыханное тело гуру упало. Я рассмотрел убившую его стрелу внимательно: оперение знатное – из перьев ястреба-альбиноса. Также внимательно убийцу исследовать не получилось: верти головой, не верти – все равно никого в радиусе ста шагов не заметишь, как и далее. И выстрел мастерский и уход с места не менее профессиональный. Меня стрелок также легко мог порешить. В возможность того, что у него (или у неё) не было второй стрелы, я не верил. Не просто не верил, ещё и чувствовал интуицией, ещё и логикой добился того же ответа: ну зачем последней стрелой гробить гуру, когда рядом стоит сволочь и ренегат в яркой одежде – это же идеальная цель – а зачем пулять в просто цель, когда рядом

идеальная...

А ещё я вспомнил домик улитки... очень много лет назад, когда я ещё копил красивые вещи в своем багаже, я нашёл удивительную ракушку. Она не только хранила в себе звук прибоя, но ещё и светилась в темноте и холодила в жару и согревала в холод и сохраняла в себе любой наговоренный секрет (отдавая его эхом лишь тому, кому он предназначался). Короче была чудесной. Один коллекционер давал за неё умопомрачительную сумму и обещал свою душу. Но я не продал улиточный домик. Я был слишком горд собой – надо же я нашёл чудо! Да это было ещё до того, как я потерялся со своей гордостью в игре прятки. Много позже на мою ладонь упал ползунок. Ему было плохо без домика и я, скрипя душой и разрываясь сердцем, совершенно безвозмездно презентовал ему ракушку. Лишился чуда. Но оживил ползунка, который совсем не являлся моим братом (или другом, или любовью). А мой багаж стал легче – я понял это. Не сразу, но понял. С тех пор я только дарю и никогда не принимаю подарков, не отмечаю свой день рождения, но принимаю приглашения и прихожу на чужие варенье-дней. Глупо, конечно, столько тортиков я не слопал, столько свечек не затушил – скучный я шут.

Королева

Снова проникаю в не мой мир, он такой серый, обычный, люди просто живут, серый город, серая река, меня привлёк шпиль, такой высокий и золотой, на самой верхушке ангел держал крест или крест помогал держаться ангелу, я плохо понимаю символы... он указывал пальцем вверх или на крест... а я увидела... о нет! Я летела быстрее звука выстрела, быстрее света, быстрее мысли, но я опоздала... страшный человек четыре раза стрелял в голову девушки... я ничего не могла с этим сделать! Я хотела проснуться, но я выдержала пытку до конца... злодей пил и пилил, пил и пилил, а потом ходил к речке выбрасывать части тела своей любимой, любящей? Я никогда не узнаю, но я точно знаю, что нельзя любить и убивать! В очередной свой вынос останков тела тёмный человек упал с рюкзаком в канал – и его задержали. Чашу скорби я испила до конца и морщина прорезала мой лоб. Мой настоящий лоб. Я это знаю, даже во сне законопаченная на веки вечные... нет, я выберусь! Век яви не видать!

Боцман

Мы устроили привал на симпатичной полянке, пожевали собранную по пути землянику и напились из ручья. А потом меня что-то кольнуло в шею и я очень захотел спать... Проснувшись от липкого сна, я не обнаружил рядом с собой Мур. Только следы копыт, размером со среднюю (не жадюгскую) чашку указывали на причину пропажи моей сестреники: её угнали в рабство черти. Я посмотрел на небо, по нему плыли облака, на них не было никаких знаков, которые мне могли бы помочь в беде. Но я на небо за это не сердился. Сам виноват. Единственное что я мог сделать – пойти к людям, авось они знают, куда гонят рабов из этой местности. Сейчас бы песню спеть... нет, лучше змея запустить. Но придётся с этим пока обождать, до лучших времен, а пока... пока королева спит...

В сумрачном и безнадёжном состоянии я вышел на деревенскую площадь, на неё толпился народ... все чего-то ждут... посередине виднелся наспех сколоченный эшафот, от которого ещё пахло свежей сосной. Не надо ходить к гадалке и мучить её смотрением в прозрачный шар или раскладыванием карт, чтобы понять – кого-то сегодня порешат. И точно – вышел местный голова, достал свиток и стал читать приговор человеку в защитного цвета комбинезоне. Приговорённого держал в своих огромных лапищах палач

за два метра ростом, наверное, он в детстве очень сильно страдал комплексом неполноценности вот и вымахал таким огромным и выбрал из множества профессий самую брутальную. Виновен парень был в изнасиловании местной девушки. Жертва с родственниками стоит тут же, её жалко. Толпа одобрительно загудела: "Так ему и надо!", "Чтоб другим неповадно было!", "Распоясались, черти пятнистые!" и так далее с повышением градуса ненависти. И приговор бы привели в исполнение без лишних проволочек... солдата уже на табуреточку поставили, но не для чтения стихов Деду морозу, отнюдь, нет, петельку веревочную ему на шейку надели... какие уж тут стихи... одна проза... но тут толпа недовольно заколыхалась, давая кому-то дорогу, кому-то очень влиятельному. Это я вычислил по тому, что с его пути поспешили убраться даже состоятельные селяне в богатых одеждах, которые занимали привилегированные места вблизи эшафота.

К помосту вышел мужчина с колтуном на голове, в рваном рубище, под которым не было видно ни рубашки, ни жилетки, ни галстука, а вот брюки имели место быть, правда, находились они в ещё худшем состоянии, чем короткое (уж слишком оно было изорвано) рубище; единственной нормальной частью его гардероба были отменные замшевые сапоги в идеальном состоянии, к ним, казалось, не прилипла дорожная пыль и грязь. Человек этот смачно высморкался, обвел косыми глазами толпу зевак, эшафот, приговорённого к смер-

ти, палача, пронзил взглядом меня (когда его налитые кровью глаза в своём ознакомительном пробеге наткнулись на мои) и молвил:

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! Сегодня, наверное, какой-то праздник – все здесь собрались, оделить в свою лучшую одежду, намалевали свои личика, преимущественно дамы, хотя и мужчины побрились особенно тщательно... вижу, вижу. Но я смотрел календарь – праздника-то официального нет. Ага, понимаю, сегодня публичная казнь – зрелище полезное во всех отношениях и пропустить его никто из вас не соблаговолит. Даже гость из королевства Зелёных холмов здесь присутствует, – он указал на меня (я на время стал центром внимания толпы). – Добропорядочные граждане тоже здесь, – он "подчеркнул" пальцем сельскую элиту. – У вас, наверняка, высокая гражданская позиция, вы не сомневаетесь в справедливости своего правосудия. Только почему-то до сих пор никто из вас не научился летать – но это слишком строгое требование для порядочного и разумного гражданина... И голова наша тут, с женой пришёл, это добавит рейтинга в твою копилку, – на голову он пальцем не указывал, все и так знали, кто у них голова. – А юродивому сообщить забыли. Это понятно. Но я не гордый, пришёл и без приглашения. Да, я плохо пахну, да, мой вид шокирует – но придется потерпеть, может быть, я вам ещё пригожусь.

– А может, ты отсюда уйдешь? – спросил один из предста-

вителей власти, он был молод, горяч, и, видимо, больше всех остальных не любил юродивого, это можно было понять по недовольному взгляду. Крепкие руки поигрывают дубинкой, которая готова обрушиться на человека в замшевых сапогах.

– Конечно, уйду, не весь же день мне здесь торчать. Но уйду я не раньше, чем захочу отсюда уйти, – юродивый прервал попытку каким-либо образом ускорить свое выдворение с площади очень оригинальным способом: он поднес зажигалку к своему рту и выдохнул. И родился факел, этим факелом он обвел вокруг себя границу – толпа отхлынула от огненного кольца.

– Попрошу не перебивать, – юродивый убедился в том, что больше попыток помешать не ожидается, и продолжил: – А кого казним? Ага – ратника, дайте-ка я угадаю, вестимо за что-то плохое – за хорошее же у нас не вешают – мы же живем в благословенном и цивилизованном крае. Только край этот не до конца благословлён. Есть на нём одно плохое место, и вы все знаете, о чём я говорю. О щели, что находится там, – он указал большим пальцем себе за спину. – А между щелью и нами стоит Рубеж и его охраняют. Бремя стражи несёт дружина Рубежа. Это говорить так красиво, а на самом деле дружина это же не корова, не цельный организм, она же состоит из ратников, такие же, как этот, – кривым мизинцем он указал на приговоренного. – И пока они там, – снова большой палец за спину, – мы здесь спокойно спим. Он изнасиловал девушку – это плохо. Хотите, я сломаю ему

руку так, что ни один врач и ни один шаман её полгода собрать не сможет? Полгода он будет вспоминать о содеянном зле с болью, если не в душе, то в руке уж точно. А потом боль пройдет и кость срастется. Я сказал! Если бы он кого-то убил – я бы сюда не пришёл. Убийство – это вещь непоправимая и не мне за неё судить. А возвращаясь к нашему насильнику... Да, солдаты иногда позволяют себе немного больше, чем им разрешено уставом, иногда шумят не в меру, иногда напиваются и ведут себя как свиньи, иногда бывают грубы с представителями противоположного пола, хотя чаще бьют морду штатским. Да, в последнее время пятнистая форма непопулярна у молодежи, но альтернативу ей пока не придумали – это факт. И ещё один факт, о котором лучше не забывать: из щели лезет нечисть. Мы не знаем, почему так происходит и когда это кончится, но пока нечисть лезет отсюда сюда. То есть, к нам, ей нравится у нас, а вот нравится ли нам встречаться с василиском, оборотнем, зомби или упырем? Мне – нет, но мое мнение не может быть, конечно, определяющим в данном вопросе. Может, вам нравится? Думаю, тоже нет. Только мы-то здесь, а нечисть – там. А они, – он ткнул мизинцем снова в приговоренного, – на Рубеже. Защищают нас от нечисти. Так что у меня есть предложение: закрыть свои хлебальники и потерпеть, потерпеть солдат в пятнистой форме в тавернах, в веселых домах и в театрах, и немножко потерпеть их на улицах. Большого не требуется. А на счет этого ратника я всё уже сказал. Хотите, сломаю насильнику

руку. Но если кто-то вздумает его вздернуть – ему придется убить сначала меня.

Юродивый замолчал и только скинул с себя потрепанное временем рубище. Стали видны его язвы, гноящиеся рубцы на груди и какие-то лишайи на боках. По сути, на его торсе не было живого места. Юродивый ударил себя по груди и его когтистые (это точно были когти, а не ногти) пальцы пробили гноящуюся плоть. Как бы спохватившись этого неконтролируемого движения, он опустил руки и сжал кулаки, с них закапал на землю гной. А тут и весть по толпе прошла, что военные пообещали заплатить семье изнасилованной девушки положенную виру за причинённые страдания. И люди потихоньку стали расходиться, переговариваясь: "Юродивый вступился...", "Хрен сумасшедший!", "Но власть супротив него не попрёт...". Пятнистого так и оставили: с петлей на шеё, ногами на табуретке, он стоял и не шевелился, в таком положении не до быстрых танцев с саблями. Палач попытался затеряться в толпе, хотя при его росте это было сложно...

– Ну, чего стоишь, житель королевства Зелёных холмов, освободи его, – сказал мне юродивый.

Я щелкнул кнопарем, вспрыгнул на эшафот и перерезал веревку. Солдат сошёл с табуретки и я освободил его от пут. От верёвки, которая чуть было не заключила его в последние объятия он отрешился сам – скинул её с шеи и та так и не затянутой упала на землю и свернулась безобидным колеч-

ком (на змею не похожа).

Теперь нас было только трое, трое стоящих на площади. Я подумал, что в жизни не бывает ничего случайного, и предложил вариант будущего:

– Если у вас нет других планов, может, спасём мою сестру, её угнали в рабство черти.

– Давай сначала познакомимся, – ответил на мою тираду юродивый.

– Вова, – представился ратник, на его физиономии не осталось и следа от пережитого, значит спокойный, неспокойных на Рубеж не берут.

– Боцман, – сказал я.

– А я – Кот в сапогах, – юродивый улыбнулся так, что у меня скулы свело. – И почему это мы должны спасти твою сестру, только из-за того, что она тебе родственница?

– Нет, не только по этому. Вот ты только что спас ратника, почему бы тебе не спасти теперь мою сестру, а ты, – я посмотрел на Вову. – Только что сам спасён от смерти, самое время сделать что-то хорошее. Мне нечем вам заплатить, я не обещаю славы или награды на небесах, я предлагаю вам приключение.

– Правильно сказал, – одобрил Кот в сапогах. – Я с тобой!

– Мне как-то недосуг на Рубеж возвращаться без погон, – рассудил Вова. – Я тоже с вами!

Мы хлопнули по рукам и образовали команду. Возможно, это не была лучшая команда по спасению, но это была луч-

шая команда по спасению, которую только можно было собрать здесь и сейчас.

– Слушай, Кот в сапогах, ты из нас самый колоритный, можно тебе пару вопросов задать? – я не мог сдержать своего любопытства.

– Валяй.

– Что у тебя с сапогами?

Юродивый рассмеялся:

– Все об этом спрашивают. Это волшебные сапоги, – он любовно похлопал по голенищу.

– Скорходы?

– Нет, просто они всегда находятся в идеальном состоянии, их не надо чистить, ухаживать за ними, заделывать дырки – они всегда такие, как будто только что вышли из мастерской. К ним, как к лотосу, грязь и пыль не пристают.

– И это всё?

– Да. Пользы от них никакой нет, зато в них всегда, даже после самой большой пьянки и валяния в подзаборной грязи, можно выйти на бал. Я снял их с одного злодея, когда его хоронил.

– С трупа?

– Ага, я подумал, что ему они больше не понадобятся, и вот в моем гардеробе появилась одна приличная вещь. Задавай свой второй вопрос.

– Почему Кот в сапогах?

– А мне нравится эта сказка, мне нравится в ней кот, коро-

че, там про меня написано. Я люблю спасать людей из беды. Только не подумайте, что я хороший – я жуткий эгоист. Да и вообще альтруизма нет как отдельного понятия: альтруизм – это направленный во вне эгоизм. К тому же я и зло делаю бесплатно. Кому зло, кому добро, – он подмигнул.

– А ты действительно можешь сломать руку так, чтобы она полгода не заживала? – включился в беседу Вован.

– Нет, так сломать не могу. А вот оторвать совсем – раз плюнуть. Проверять будешь? – Кот в сапогах искоса бросил хитрый взгляд на солдата.

– Неа! – Вован отмахнулся. – Верю, верю!

И мы пошли за чертями, которые украли Мур, пошли хоть на край земли, хоть за край...

Убийца

Одна стрела – и минус один гуру... Точный выстрел, а других у меня не бывает. Самый несмешной в мире шут пока жив – за него золота не обещали...

С крыши наблюдаю за казнью на площади... она не состоялась... пришёл какой-то юродивый и долго забалтывал людей, они и разошлись... он, Боцман и вояка без оружия остались... три стрелы – три трупа...

И почему я не стреляю? Это непростой вопрос...

Боцман

По составленному Котом в сапогах генеральному плану действий нам предстояло попасть в нижние миры – именно туда утаскивают черти свои жертвы. Ими обычно становятся красивые девушки, на парней чрезвычайно низкий спрос, да и сбежать молодые люди могут, предварительно кого-нибудь убив, так что чертям проще воровать девчонок.

– А вот и пришли, – сказал юродивый. – Эта щель вниз.

– Как за Рубежом! – удивился Вова. – Почему тогда мы её не охраняем?

– Это, воин, цивильная щель, из неё нечисть не прёт. Её Курносая охраняет.

– Смерть? – спросили мы с Володей одновременно.

– Она самая. Пошли! – и Кот смело полез в узкую щель.

– Кот, не подумай, что я боюсь, но я всё-таки хотел бы уточнить...

– Да, настоящая смерть! – раздалось из щели...

Вова улыбнулся и пошёл следом за Котом, ну и я тоже пошёл, чтобы не уронить честь флота.

– Здравствуй, Котыра ты облезлый, в тебе же только сапоги ценность представляют, а больше ничегошеньки хорошенького и нет. Да ещё гостей привел, натопчут они мне тут! – негостеприимно встретила нас курносая женщина с пустыми глазами. – Ой, да это же представители армии и

флота. Обожаю военных – их так много сразу гибнет, массовые гулянки вы мне ребятки устраивайте. Молодцы, не то, что штатские – тедохнут поодиночке! – смерть обняла нас с солдатом и потащила куда-то во тьму.

Смерть потащила нас во тьму... даже звучит жутко! А какого ощущать её холодную цепкую клешню у себя на плече, а? Не дай Бог вам испытать такое!

– Ты с ними полегче там, – кинул нам вдогонку Кот в сапогах. – Публика не подготовленная, эти добры молодцы ведь ни разу с тобой не встречались.

– А то я не помню! – "оптимистично" для нас заявила Смерть. – Второй раз со мной редко кто видится.

И захохотала. Громко, от души. Наверное, мои волосы стали массово сесть. Дальше пошли тёмные туннели, повороты... и вот мы оказались в уютной кухне, где нас тут же встретил горячий кофе с коньяком.

– Чем богаты, тем и рады, – сказала Курносая и, подперев свой подбородок кулачком, принялась нас разглядывать. От таких гляделок кофий как-то сразу похолодел у меня в желудке. Как будто туда льда кинули щедрой рукой. А напиток был знатный – сваренный из отборных зерён в медной турке, которой неведома сколько лет.

– Ой... – сморщился я и пояснил: – Коленкой о стол ударился...

– Ну, это не смертельно... – из уст Курносой эта сентенция прозвучала особенно пикантно. И я решил молчать, да-

же если отобью о ножки стола обе колени сразу...

– Нам в нижние миры надо, – после первой чашки перешёл к делу юродивый.

– Не спрашиваю зачем, всё равно узнаю, когда возвращаться будете. Только уговор такой: тебя пропущу, а этих – не положено.

– Так и меня же не положено? – Кот вроде бы улыбался любезно, но по мне, так лучше бы не принимать таких любезностей, но Смерти вроде нравилось, что Кот хорохорится.

– У меня перед тобой карточный должок, котик мой милый, остался, – она обратилась к нам с пояснением: – Хорошо, сукин сын, в покер играет! И главное, что непонятно, совсем карты не передёргивает.

– С тобой передёрнешь! – возмутился Кот.

– Да, я за такие дела, сразу человечка оприходуя, – улыбнулась Курносая (кофе в моем желудке замёрз окончательно).

– А с ними – как? – спросил юродивый.

– Этого, – она указала на меня. – В камешек. А этого, – Курносая ткнула в ратника, тот тоже чуть не подавился. – Лягушкой оберну.

– Ребята, по-другому никак, – успокоил нас Кот.

Оказать сопротивление мы с Вовой просто не успели. Я тут же стал камешком. Знаете, что самое важное для камешка? Попасть в место, где хорошо. А местом, где камешку хорошо, считается место с минимумом потенциальной энергии.

гии. Откуда я знаю таким умности? А вы побудьте камешком хотя бы пару минут. Я же им был гораздо дольше, хотя понятие времени для нас, камней, не существует. Мы то сохнем, то мокнем, то трескаемся – но без этого пошлого "тик-так", мы выше этого. И стал я таким камешком всамделишным, что всё это живо воспринял, так ощутил реально все кручины и заботы каменюк (а их нет, то есть они абсолютно отсутствуют), что разотождествился с камнем и вылетел из своей скорлупы. Солдат в это время лежат в другом кармане пиджака юродивого, в образе ляги обыкновенной и тяжело дышал – ему было чересчур сухо. Сам же Кот пронзил пространство между миров и очутился в нижнем пределе. По указателю свернул направо и объявил:

– Можете вылезать!

"А как?" – хотел спросить я, но естественно не спросил, не чем мне было об этом у юродивого спрашивать.

– Ух ты, не действует! – не просёк ситуацию Кот в сапогах. – Ау! Можете вылезать!

Нуль эффекта.

– Ладно, ребята, придётся вам побыть в таком состоянии... хотя попробую в третий раз: ей, вы... – тут он произнёс с сотню разных ругательств, половину из них на непонятных мне языках, но зато с понятной интонацией. – Вылезайте из своих оболочек!

Не помогло. Кот опустил Вову в первый попавшийся водоем, а меня просто протёр носовым платком (надо же у него

был носовой платок!).

– Не волнуйтесь, на обратном пути Курногая вас расколдует. У неё всегда так: заколдовать может всё что угодно во всё что угодно, а с распаковкой – проблемы. Или она так пошутила, юморная она баба, я вам скажу.

Юродивый спустился ещё на мир ниже, и мы попали в свет. В мощный свет. В яркий свет. Он ослеплял, он был везде и всюду, белый-белый (художники или физики сказали бы точнее), не приятный человеческому глазу. Ладно ещё я видел его будучи не человеком – хотя кто я такой не спрашивайте: камешек вышедший из себя – это же даже не смешно. А потом появилась и тьма...

– Мы в негативном мире, – ради поддержания единства компании, начал нам рассказывать Кот в сапогах. – Вот перед нами встает во всей своей красе замок Дельфия. Обратите внимание на чёрные полосы, – он указал рукой на особенно не белые черточки. Замок и сам был чёрен, как мысли Мама (естественно, на те мысли, которые водились в его злобной головке до того, как её обладателя разорвала собственная желчь, после-то момские мыслишки, наверняка, просветились), но на воротах его примостилось что-то особенно чёрное, что испускало из себя такие же по цветовой гамме полосы. – Это прожектора тьмы. Круто, правда? Самое интересное, что тьма здесь порой бывает такой густой, что на ней можно поскользнуться. Но я не в первый раз посещаю это чудо архитектуры квантов, так что не переживайте – на

атомы не распадусь.

Нас встретили тени и проводили до покоев своего хозяина.

– Здорово Дельфий! – обратился к особенно бесформенному кусочку темноты юродивый, не забыв при этом отвесить нижайший поклон.

Тьма поглотила что-то светленькое на столе (стол был серым с переливами всех оттенков этого цвета) и раздался вполне живой голос:

– И тебе привет, ходячий труп, что привело тебя сюда из высшего мира на этот раз?

В словах Дельфия "из высшего мира" иронии было больше, чем в нас с Вованом вместе взятых (а в нас её было много: быть лягой и камушком, не расколдоваться, не быть уверенными в том, что нас когда-нибудь расколдуют, попасть в негативный мир... – иронию можно было из нас выжимать, поверьте уж на слово), нет, даже больше чем в нас умноженных на два.

– Надо один вопрос обсудить.

– Значит, в карты играть не будем.

– У меня нет в запасе пары столетий, – Кот крутанулся на каблуках своих замечательных сапог.

– Так что за вопрос, – Дельфий не выделил свою фразу вопросительной интонацией.

– У меня тут есть камешек, – Кот в сапогах показал меня, – его сестру увели черти. По всем раскладам они мимо

тебя не прошли, а ещё более вероятно спланировали товар тебе оптом.

– Возможно.

– Товар-то краденый.

– Ну и что, – сказал обладатель дельфиньего имени опять без знака вопроса на конце предложения.

– Требуем сатисфакции!

– Чего.

– Верни Мур!

– На каком основании, – Дельфий был не таким простаком, чтобы отдавать своё первому встречному-поперечному, который на него голос повышает. И снова без знака вопроса он обошёлся.

– Третий пункт межмирового договора о принадлежности. Мур не принадлежала чертям, в этом мире беспредела это, конечно, никого не волнует. Но, раз уж мы сюда добрались, и заявили свои права на девушку, ты должен её нам вернуть в целостности и сохранности.

– Ты прав, но ты опоздал ровно на мгновение. По чистой случайности, Мур буквально только что была переделана в бисер, не мне тебе объяснять, что бисер из девушек ценится больше, чем девушки из бисера.

– Но и вложенный продукт тебе не принадлежит! – упорствовал юродивый.

– Не спорю, но его уже у меня нет. Треть ушла на Три-Поли, там местные любят, чтобы их свиньи ходили по каче-

ственному бисеру, треть – на ярмарку возможностей, а вот треть – получите.

У юродивого в руке оказалась банка литров так на пять, заполненная разноцветными бисеринками.

– Я не говорю тебе, Дельфий, спасибо, ты сделал только то, что хотел, а хотел то, что было менее накладно для тебя и, следовательно, более выгодно. Поэтому скажу лишь: до вероятной встречи!

– Ещё сыграем в картишки, ходячий труп, пока ещё твои сапожки явно тебя обременяют.

– Пусть фортуна занимается раскладами, не нам их обсуждать.

Кот в сапогах покинул дворец Дельфия и объяснил нам диспозицию:

– Тебя, Боцман, я сейчас верну Курносой, прости, но от тебя в поисках мало толку – вряд ли кто здесь камень расколдует. А мы с Вовой найдём все остальные части Мур, и ты её встретишь уже в своем королевстве Зелёных холмов. Не паникуй! Вы обязательно встретитесь!

А я вообще-то паниковал. Маленькую толику так запаниковал, а потом бросил. Я же камень. И не успел ещё как-нибудь по другому прореагировать на это новое знание, как очутился в знакомой кухне смерти, в своём старом (не каменном) обличии, с полной чашкой кофе с коньяком в лапах, то есть в руках.

– А где остальные клоуны? – спросила хозяйка, игривости

в слове "клоуны" было, на мой взгляд, слишком много.

И почему, интересно, кофе так быстро холодеет в животе, он же почти имеет температуру кипения воды, а значит...

– Мур собирают... – не додумав про тепло и холод, ответил я.

– Это чисто внешнее. Целого мира, Боцман, иногда бывает мало, чтобы сделать простого змея – что уж говорить о поисках дорогого для тебя человека и тем более о поисках самого себя, – она положила руку мне на лоб и мои глаза закрылись, и я полетел в детство, в материнскую утробу.

– Ну и сколько же тебя можно ждать?! – спросила Мур, когда я выбрался из щели.

Рядом с ней стояли юродивый и Вован.

– Мур! – только и смог сказать я, заключая сестрѐнку в объятия.

– Семейная сцена, – прокомментировал происходящее Кот в сапогах.

Мур выглядела значительно лучше, чем я её помнил, теперь она блистала в берете, причем одет он был правильно, то есть так, чтобы его обладатель не походил на художника (это шуточное правило), а Мур точно не походила на мастерицу красок и кисточек; в длинной майке размера на три большей, чем нужно, на которой было размашисто выведено: "Не Нет, а Да!" (известная древняя мудрость, обозначающая отрицание отрицания или самую концентрируемую форму-

ду оптимизма); шортики слишком короткие, чтобы выглядывать из-под майки – и поэтому они из-под неё не выглядывали, а вот замшевые сапоги, которые соблазнительно облегали длинные ножки – были как всегда на высоте, – вся эта красотень намертво (согласен, не самое то слово в данной обстановке) въелась мне в память. К слову, сапоги превратились в ботфорты или мне показалось? Если сапоги выше колен, то это уже ботфорты или ещё нет? А ноги то у сеструхи – в порядке!

– Ты похожа на ладошечницу! – улыбнулся я.

Мур подошла ко мне (и когда только успела отойти?) и мы хлопнули друг дружку по ладоням, а потом то же самое сотворили я и Вова, я и юродивый, Вова и Мур, Мур и юродивый, юродивый и Вова. Да, мы были в этом хороводе ладошек похожи на ладошечников, ведь те тоже при встрече играют в ладушки поднятыми руками, а в таких открытых руках нельзя утаить оружия и причинить боль тоже нельзя – кулаки отсутствуют. Ладошечники – не секта и не организованное движение или политическая партия. Просто есть люди, которые сразу друг друга узнают и при встрече доверяют другому человеку самый сокровенный дар – нагретые солнцем широко открытые ладони. Ладошечники никогда не дерутся, не воюют, не убивают и много ещё чего не делают. Но их мало. Потому что они не отвечают насилием на насилие. Никогда. И поэтому гибнут...

– И сапоги у тебя что надо! – продолжил я временно пре-

рванный комплимент сестричке. – Или это уже ботфорты?

Она поймала запущенный комплимент и не ответила, просто зарделась. Мне стало от этого теплее.

– Не думай, Боцман, что ваша семейка получило это чудо навсегда, просто я не могу смотреть, как угарная барышня колет свои нежные ножки по острым выступам нашей реальности, мы же не в сказке находимся, чтобы босяком по косягорам девушек таскать.

– Да, иначе бы не табак рос в каждом дворе, – заметил Вова.

– А я думал кадровые военные не курят – дисциплина, – сказал юродивый.

– Подежурь с моё на Рубеже... – у Вовы были глаза человека, долго пробывшего там, где он сказал.

– Ладно, ладно, я всё понял, – прервал ратника Кот временно без сапог. – Не будем боевыми шрамами меряться, тем более на мне их незаметно.

– А как вы оказались здесь раньше меня? – наконец спросил я.

– Меньше со Смертью надо спать! – уколола меня сестричка.

– Он спал не вместе, а рядом, иначе бы не выбрался отсюда, – заявил юродивый, и я ему почему-то поверил.

– Кстати, мы тут с твоей сестрой задумали пожениться, – снова кинул в массы реплику Вова. – Ты как, не против?

– Совет вам да любовь, а у тебя денег много? – спросил

я деловито.

– Два пустых кармана, – улыбнулся пятнистый.

– Наш человек! – вынес я окончательный вердикт и обнял нового родственника вместе со старой, но вновь обрётённой родственницей.

Мне бы ещё ребятёнка своего увидеть, вместе с мамой, тогда наша семья достигла бы невероятных размеров. Но... Нам ничего не мешало теперь вернуться в королевство Зелёных холмов и начать-таки революцию, которая непозволительно долго откладывалась. Юродивому было в принципе наплевать на наши дела, но ему были нужны свои сапоги и он тоже поплёлся с нами, пугая встречный люд своими язвками и отмирающей плотью. А уж запах, запах!

На одном из пологих поворотов дороги начался очередной виток нашей беседы.

– А помнишь, Шаварша? – спросил Вова.

– Вот это человечиче!

– Давайте, рассказывайте ужо, – недовольно буркнул я, чтобы узнать историю...

– Это было до Снежной королевы, ну заморозки, короче ходячей, такая вся важная из себя и в лёд всех обращает, сучка крашенная!

– Почему крашенная, она же натуральная блондинка?!

Я поднял очи к небесам, и кто этих лапотников учил рассказывать всамделишные истории и тем более небылицы, а?

– Там ещё нить надо было своей кровью напитать, а эта

лярва за нами гналась, мы у неё амулет позаимствовали, чтобы через портал Мути без проблем проникнуть... но когда это у нас без проблем получилось?

– И вот Шаварш взялся за нить, она алым окрасилась, и он такой заявил: «Блондинки – это мой профиль!», а мы сильно не думали – зацепили крюками за нитку и поехали...

– Мы уменьшились, к слову, когда скользили по нитке, которую Шаварш своей кровью напитал. Понятно, да?

– Конечно! – киваю.

– А уж потом нам Курносая рассказала, что там было со Снежной королевой...

– Мы же уехали и этого не видели...

– То есть, это история из вторых рук? – совсем запутался я.

– Зато из каких рук – смертушка врать не будет!

– Значит Шаварш нитку держит, мы по ней скользим... и заходит эта...

– Сразу стены комнаты инеем подернулись...

– И тишина!

– А она такая сбоку на Шаварша хладом задышала и спрашивает: «Тепло ли тебе, юноша?» и смотрит...

– Шаварш дрожит, но нить не отпускает...

– Иначе бы мы ухайдакались в пропасть бездонную...

– Жарко! – отвечает он...

– Тогда она дыхла хладом уж сильнее...

– И он льдом стал покрываться...

– Но нитку держит...

– А она такая с другого бока...

– Тепло ли тебе, юноша?

– А он такой...

– Дай я расскажу...

– Вы заметили, что я вас не перебиваю?! – спросил я нарочно громко и обратился в слух.

– Набрал в легкие стылого воздуха так, что на груди лёд потрескался, да как гаркнет: «И это всё, на что ты способна?!»

Наступила пауза...

– И? – без этого вопроса-смазки я бы никогда не узнал, чем дело кончилось.

– Она посохом ударила!

– В комнате всё в лёд обратилось, Шаварш вмиг замёрз!

– И нитка оборвалась...

– И мы грохнулись...

– Но было уже не высоко...

– И он умер? – раскрытые глаза Мур уже изрыгали слёзы... сентиментальной она стала... ой, и мне в глаз что-то попало...

– Умер.

– Но Курносая...

– Дай я расскажу...

Но я так и не узнал, чем дело кончилось. По дороге дозор проехал, и мы переждали в кустах, чтобы не иметь свиданий

с контролирующими порядок мордоворотами.

Магистр

Читаю отчёты и волосы на голове начинают хиреть, а ведь на мне парик. Всё в порядке в магистрате. Оптимизм льётся со страниц. Всё под контролем. Везде патрули. Везде плакаты с моим ликом. Все любят меня. Это ложь. Никогда меня не любили. А теперь уже не всё и под контролем. Вся страна бурлит. Достаточно спички, чтобы вспыхнуло.

Я смотрел на проректоров и думал, кто из них сбежит первым, когда запахнет жареным и неорганизованные толпы начнут штурмовать дворец. Введённые по моему приказу войска в столицу начали разлагаться. Мало кому улыбается стрелять в толпу – там же могут быть твои родители, сёстры, братья, друзья, дети...

Но кровь будет, я не из тех правителей, у которых нет духу дать приказ на отстрел бунтовщиков. Мы ещё посмотрим кто – кого... и для королевы я приготовил один очень неприятный сюрприз...

Боцман

Мы шли в очень симпатичном лесу как-то так кривенько шли – наискось с уклоном на северо-восток, вокруг нас пели разноцветные пичуги (никогда не интересовался птицами, только воздушными змеями, да, я нелогичен), и под эту музыку птах нас захватила одна прелюбопытная тропка. Она показала нам то один свой бок, то другой, то третий, вообще изгилялась как хотела, рискованная это была тропа, бесшабашная, безалаберная даже в своей бесшабашности. Вот. И на одном из поворотов, не дающих перспективы, нас остановил вышедший из высоких зарослей папоротника человек. Он был очень похож на Робина Гуда, все обязательные элементы присутствовали: большой лук, добрая и внушающая доверия внешность... Приятным голосом незнакомец сообщил нам:

– Здравствуйте, заблудшие революционеры! Вы хотите ударить в колокол, – он хитро подмигнул. – Не удивляйтесь тому, что я это знаю – мне приснился вещий сон и я тут же решил, что надо таким антигосударственным деятелям помочь миновать здешние лихие места, где я разбойничаю. Меня зовут Гам, – он пожал руку Вове, потом не погнушался крепко поздороваться со склизкой рукой юродивого (они в свою очередь представились, на что Гам восторженно улыбался и кивал: "Знаю, знаю – сон видел!"), очередь привет-

ствий дошла до меня...

А я пялился почему-то под ноги. Гам жёстко наступил на мою тень, а перед этим он растоптал тени Вовы и Кота. Древняя мудрость гласит: "Не доверяй человеку, топчущему твою тень"... финка сама выскользнула из кармана, сама выпростала лезвие, сама ударила между ребер, сама повернулась в сердце человека, так похожего на Робина Гуда.

Трое упали на землю и двое из них были моими друзьями. Тишина замедлила бег времени.

– Почему?! Почему ты не убил его раньше?! – воем и взглядом упрекала меня Мур, плача на груди у своего мёртвого жениха.

– Я не знал, что у него отравленная рука, я не видел вещего сна, я не пророк... – говорил я в принципе бесполезные слова, но Мур нужен был не смысл, ей нужна была интонация, и я ещё долго говорил ни о чём, и гладил, долго гладил её по голове.

Кое-как успокоив сестренку – хотя какое к чёрту успокоение! – я обыскал Гама. Ннашёл тридцать увесистых серебряных монет с профилем нашего "всеми любимого" магистра.

– Время идет, а цены на заказные убийства остаются прежними, – сказала Мур, утирая последний след на тропке, что вымыли слёзы у неё на лице.

– Ты это о чем?

– Неважно, давай лучше могилу выроем... вон там.

Могилка получилась общей, мы долго её копали палками,

потом положили в неглубокую яму с неровными стенками два тела... засыпали их мягкой, как пух, землей, потом завалили камнями (в этом лесу было почему-то много булыжников, кто их сюда натаскал – неведомо) от диких зверей... на ближайшем дереве я ножом вырезал надпись: "Здесь при спешником магистра были убиты Владимир, стоявший на рубеже, и Кот в сапогах" и чуть ниже: "Кот, твои сапоги дойдут до магистровой смерти" а ещё ниже Мур добавила от себя: "Вова, встретиться у Курносой".

Краем глаза я увидел слева за деревьями тень, она метнулась и исчезла, но мне удалось опознать ту, что заколдовала меня в камешек. Она махнула мне рукой, я понял её жест так: до скорой встречи, Боцман. Я не сказал об этом Мур, она и так сейчас в печали, не надо её топить в горе окончательно. Сейчас бы... да многое хорошо было бы сейчас. Но в жизни есть только дорога, ведущая в королевство Зелёных холмов, да пыль на ней, которая оседает на нас, минуя замшевые ботфорты, неслышно отстукивающие последние дни жизни Маркела.

Ползунки

А ещё однажды случилось интересное. К нашему лопотуну пришла лопотунья явно из его роя (они были похожи как два тупака одного класса), но она была разлучена с одной своей частью и мы поняли, что те забавные побрякушки, которые мы хранили в бабушкиной суме, совсем не являются хоть и красивыми, но абсолютно бесполезными побрякушками. Они не бесполезные! Они – часть лопотуньи! Когда она заснула, мы спустили в ведре её часть (временно находящуюся в форме побрякушек) и лопотунья стала полной. Правда она этого не заметила – также лопотала о чем-то своём во сне, как и всегда. Но зато мы свершили достойное настоящих ос дело, и освободили суму, которая всегда может пригодиться для чего-нибудь важного, например, для запасного набора тупаков. Да, мы с Инной однозначно молодцы, хоть и не открыли ещё врат для нового поколения ос. Ничего, у нас ещё есть время под облаками.

Пока спускали побрякушки, заметили глаза в маленькой пещерке. Решили узнать, что к чему. Спустили в глаза ведерко, ещё не успевшее лишиться запаха побрякушек. Когда ведерко скрылось в глазах, потянули. Вытянули прозрачные слезы облаков. На этом успокоились – сколько можно приключенствовать?

Однажды я проснулся и понял: меня ограбили! или я потерял что-то важное по собственной глупости, или случилось что-то ещё, лишившее меня всего. Я не был осой – я был насекомым. Долго, мучительно долго я искал хотя бы название того, что я потерял. Любовь – меня приплющило к своду пещеры лопотунов. Разбив прозрачную мембрану их убежища, я вырвался из него и что есть силы воззвал:

– Инна!!! – и не было ответа мне.

А может быть, любовь просто стала невидимой...

Проснулся и понял, что я – это не я. Точнее я стал Инной, но в то же время я был Яном, при этом сменились: цвет, тело, образ думанья – короче, всё. То есть, я не очутился в её теле, а она – в моем, это было бы слишком просто. Нет, я действительно стал ей, а она – мной. При этом, я помнил, что я был Яном, значит я Инна или Инна-Ян? Если с вами, осы, такое бывало, вы меня поймёте. Я был сметён этой переменной с панталыку, моё сознание стало разлетаться фиолетовыми огоньками и я приготовился последний раз посмотреть в глаза... теперь это будет Ян или Инна или Ян-Инна? Моё тело – её душа, точнее: её тело и её душа. Но Ян-Инна меня успокоил, прижавшись ко мне крепко-крепко и сообщив:

– Здравствуй, любимая Инна! Пришло время продолжить наш рой.

И я всё понял, точнее: я всё поняла...

Мы закружились в танце любви и остальной легкий мир

просто перестал для нас существовать, что уж говорить о мире тяжёлом... А ведь наступило время, когда мне надо нести верёвку наверх, чтобы спасти лопотуна. Это была моя задача, но теперь она для меня не существовала. Меня заменил Вабута, он сделал это не потому, что поверил Огненной, а потому, что любил Дарующую Мечты. То обстоятельство, что и Огненная даровала мечты, он осознавал, но заметить эту песчинку на фоне своей возлюбленной вселенной не мог. Таким образом, Вабута сделал это для лопотунов, а значит и для Дарующей Мечты, следовательно, и для своей любви! Иногда мы осы бываем такими закоренелыми эгоистами – просто жуть, как нас эфир выдерживает? Вабута не подвел лопотунов – он донёс самую крепкую и лёгкую веревку туда, куда её надо было донести.

А мы родили новую осу. Она была по-настоящему полосатой и двуполой. Судите сами: в темноте её белые полосы светились, а на свету его тёмные полосы впитывали лучи. Рос он-она очень быстро и скоро улетел(а) в верхний горный мир, куда мы, обычные осы, доступа не имеем. Мы сами видели это, клянемся своими жалами!

Магистр

К сожалению, «Путь диктатора» ничем не мог помочь в деле подавления бунта. Слава этой книги сильно преувеличена. Теоретической учебник от автора, который скипетр с державой в руках никогда не держал. На кой ляд мне система идеального государства, если я уже его построил, теперь мне нужно защитить мою власть от бестолковой и беспощадной толпы! А вот про это в книги – ни слова... Бумагомараки чертовы! Понапишут всякого, никакого от них толку!

Ко мне на колени запрыгнула кошка Люси, я сдержал раздражение и почесал ей за ушком и погладил по восхитительной шёрстке, кошка замурлыкала... от кошки толку больше, чем от всех фолиантов вместе взятых.

(Вот тут магистр был прав, но даже сам не знал насколько...)

Королева

Погода в день бунта явилась всем заинтересованным лицам ветреной красавицей: мгновениями прижимала прохожих к своей знойной груди, а мгновениями замораживала надменным взглядом. Сие наблюдение, а точнее упоминание о красоте в круговороте мыслей, посетивших мою головку в один миг (максимум два), навело лодку моего сознания вот на какой риф: если я проснусь-таки на самом деле в своём королевстве, то как я буду выглядеть? Бросив всё, быстро-быстро помчалась во дворец. Нет, вроде, ничего выгляжу: платьице за столетия не вышло из моды. Оно было – и осталось! – изумрудным и чуток блестящим, но не пошло блестящим, а так – самую малость. Капюшончик добавлял загадочного эротизма и давал простор для искоса брошенных взглядов (а я любительница их бросать). Обтягивающее платье облегалo всё, что нужно облегать, и плавно переходило в четыре лепестка, самый длинный из которых своим язычком касался каблучков зелёных туфель. Туфельки эти и теперь мне нравились, хотя у них был один малюсенький недостаток: из их ажурных форм нельзя было пить шампанское (хотя есть же вполне годный способ – ставишь фужер в туфельку и пьёшь, военные всегда найдут выход из положения). Ах, клубничное шампанское! Ой! ой-Ё-ей! Ой-ё-Ё-Ё-ё-ё-Ёй!!! Что это??? На моём лице пыль?! Я стала своими

руками во сне стирать с себя наяву пыль – естественно, ничего из этой затеи не вышло! И тут пришло озарение: это не на мне пыль, это на стеклянном колпаке – ненавижу слово «саркофаг» люто, есть в нем что-то мертвецкое, инфернальное – пылинки решили устроить посиделки. Уф! Чуть сердце не оборвалось (лукавлю самую малость). Так, что-то важное ещё было акромя одежды, а – украшения! Экспроприировали их... Рассматриваю свои ногти, чуть выше должны быть перстни и колечки – но нет их, магистр раздарил первым дамам магистрата, чтоб им пусто было! Ладно, нет так и нет, буду менять свое восприятие к этому. Меняю. Итак: но (с ударением произносится) зачем такому украшению белого света как мне (пафос искренен) ещё всякие добавки?! Я – особа хоть куда, гм... почти совершенство – звучит лучше (почти – потому что надо оставить немного места и для самосовершенствования, я же чуть-чуть скромняга... гм) и в зелёном платье буду ослепительной настолько, что никто не заметит отсутствия на мне трудов ювелирных дел мастеров. Подводя предварительные итоги, можно сказать, что в свете мне просто нельзя не появиться в ближайшую декаду-другую дней (только снова не засидеться бы в девках на столетие-тысячелетие-другое) и, поставив такой утешительный диагноз, я вернулась к бунту... Хотя этот выход в свет был ещё во сне. Только бы сбылось! Я скрестила пальцы, но потом одумалась: не до примет сейчас – нужно действовать. Однако локон своих волос я на палец все-таки накрутила,

это уже не примета, а привычка, свыше нам данная, о!

Как истинная королева, на бунт я со всеми этими многочисленными неотложными делами опоздала. Пришлось разрываться на куски, как сумасшедшей вобле из одноименной басни: я была, точнее, старалась поспеть везде – и с художниками, рисующими всякие обидные карикатуры на магистра; и с ночными сторожами шлюза, захватившими это сооружение и готовыми затопить мою любимую столицу в случае чего; и с представителями разных цехов, вышедшими на улицы и устроившими беспорядки; и с мальчишками, запускающими змеев; и с отборными-подзаборными революционерами на баррикадах и ещё много с кем одновременно. Вы когда-нибудь видели королеву, которая носится везде и всюду и никому не может приказать? Видимо, нет. Но и меня никто не видел – я была как всегда одна-одинешенька. Одиночество мое длилось уже более двухсот лет (подумаешь – скинула сотенку... мы же не в паспорт смотрим...), с того мгновения, как я выпила шампанского...

Шут

Предоставив девчонок самим себе (свобода – это щедрый дар), я направился к Боцману. По пути мне встретился... по моему, есть такое понятие – архетип. Так вот я повстречал архетип Робин Гуда, звали человека, воплощавшего все добрые качества древнего грабителя Гамом. Рядом с ним часто появлялась смерть, но он её не замечал. Он думал, что сам несет поцелуй курносой людям, но на самом деле, она уже скоро поцелует его. Недолго осталось ждать их встречи. Мы о многом успели поговорить с Гамом, пока шли вместе каждый по своей колее дороги, ну, например, о путеводителях.

– Не доверяю я им, написано одно, приходишь – видишь совершенно другое, – сказал Гам и смерть подмигнула мне из-за его плеча.

Я мигнул жёлтым глазом и он стал зелёным, смерти это понравилось.

– Да, я как-то раз нашёл буклет, расхваливающий красоты острова Счастье (оригинальное название, ничего не скажешь), доплыл я до него на попутном корабле докси и что? Сплошной песок, кое-где превратившийся в стекло и двухголовые ящерицы пожирающие друг друга. И где там счастье? Сплошной полигон Богов, – освобождаю из себя информацию и даже почти не вру.

– Они по нему, наверное, чем-то мощным долбанули.

– Выжили только ящерицы, скорпионы и тараканы, а в буклете обнажённые девчонки, тень от буйной зелени и белые шезлонги, а на столиках рядом – всякие яркие коктейли и фрукты.

– Что это – шезлонги? – спросил не Робин Гуд.

– Представь кресло, которое вот-вот развалится, вот такое кресло и называют шезлонгом, в нем иногда хорошо можно расслабиться, а иногда прищемить себе всё что угодно.

– Путеводители! – Гам сплюнул.

Сдается мне, это была сентенция.

Смерть сделала вокруг него круг и стала ещё ближе к беглецу от судьбы, но как ни крути карусель жизни, ты всё равно докрутишься до смерти.

– А знаешь, Гам, ты умрёшь от ножа.

– От какого? – профессионально заданный вопрос это был.

– Это будет скорее короткий меч, очень большой нож, с зазубренными и канавками для стока крови, блестящий как молния и инкрустированный рунами.

Гам запомнил. Но я его обманул, умрет он от обыкновенной, но вовремя вынутой, финки.

Боцман

– Боцман, ты веришь в чудеса? – спросила Мур.

Во время траура по Вове нужно быть деликатным, и, прежде чем ответить, я осторожно подбираю слова. Колючие и холодные отбрасываю.

– Да я даже не знаю, наверное, да, точнее, скорее да, чем нет. Иначе не хотел бы ударить в колокол.

– А что такое чудо?

– Это когда невозможное становится возможным, – я озвучил энциклопедическую формулировку, но знания у меня совсем не энциклопедические, и откуда что берётся?

– Невозможное для одних, будет простым для других, в твоём определении чудо получается относительным.

– Да, чудо для лупоглазиков будет обычной магией для волшебников, а цветной экран простой для лупоглазиков – нечто запредельное для колдунов. Всё относительно.

– Чудо – это изменение состояния бытия. Это кто-то из древних сказал. Но и здесь относительность, ведь кто-то изменяет это состояние, для него чудо – не является чудом. Даже в случае собственной трансформации относительность не пропадает: для тебя-последующего уже не будет чудом то, что являлось им для тебя-предыдущего, то есть до момента самого чуда.

Я пытался осмыслить её слова, но так и не смог. Моей

голове не хватило бы на это всей моей жизни, а ведь ещё нужно было есть, спать и запускать змеев. Вот если бы этот разговор перевести на язык...

– О чем ты думаешь?

– О языке.

– О каком?

– Я не додумал.

– Боцман, не надо пытаться меня успокаивать. Не надо!

Я справлюсь.

Я ей поверил. Мур справится, а вот справлюсь ли я?

А ещё мне приснился сон – подобный уже прилетал ко мне по ночам... запускали змеев с мелкими, нарвались на патруль... те увязались за нами по крышам бегать... и вот мы перепрыгиваем с одного дома на другой – расстояние не большое... для меня... и Щегол исчезает внизу и кричит... я тяну к нему руку, но не успеваю... от этого повторяющегося кошмара я так и не нашёл противоядия...

Утром от мальчишек в слезах и соплях узнал, что Щегол действительно разбился этой ночью... убегал от серых... теперь у меня с Маркелом личный счёт... Родителя Щегла меня не обвинили ни в чём... причем, я бы понял, если бы отец меня ударил, а мать – плюнула мне в рожу... все же знали, что я – главный протагонист змеев на местных улицах и переулках... нет, меня в траурном доме встретили молчанием и вздохами и это было тяжелее всего пережить... Некоторые даже меня как-то подбадривали и от этого становилось ещё

поганее на душе...

Маленькая сухонькая женщина

Маленькая сухонькая женщина вышла из дома...

Маленькая сухонькая женщина дошла до участка серой стражи

Маленькая сухонькая женщина получила оговоренную банку из-под краски...

Маленькая сухонькая женщина, упаковала банку в бумагу и затянула бечёвкой...

Маленькая сухонькая женщина отнесла банку на вокзал....

Маленькая сухонькая женщина, отдала банку помощнику машиниста...

Он оказался корыстным человеком и проверил содержимое – потыкал в серо-чёрном порошке отвёрткой...

– Что это, как думаешь? – спросил он у машиниста.

– Это прах. А ты думал бриллианты?! – засмеялся честный малый.

Помощник сплюнул и завернул банку в бумагу, границу проехали без проблем. На конечной станции в Петрополисе у помощника машиниста банку забрала женщина с пустыми глазами. Она принесла банку домой и пересыпала прах в более достойный сосуд. Это всё, что осталось от её сына Изи, которого сожгли в одном из крематориев третьего «великого» магистрата...

Маленькая сухонькая женщина вернулась домой...

Маленькая сухонькая женщина приготовила кашу...

Маленькая сухонькая женщина открыла потайную дверь за шкафом...

Маленькая сухонькая женщина накормила девочку...

Если бы эту картину маслом увидели соседи, то они могли бы донести в Орден меченосцев. За укрывательство евреев положена смерть, а за донос – награда. И каждому – своё...

Королева

Бунт готовили-готовили и приготовили. Как шарлотку. Художники массово рисовали непотребные для власти картины. Их приходилось затирать серой страже, а это отвлекало служивых людей от их прямых обязанностей; мальчишки змеями тревожили стражу уже по ночам. Мастеровые с разных цехов каждый день выходили на улицы и митинговали беспрестанно, а сажать их уже было некуда – тюрьмы трещали по швам. Потихоньку температура в Лас-Ке достигал нужного значения, общий настрой народных масс перешёл через "точку росы" и вода превратилась в лёд, а лёд уже может обжечь... обжечь, как и кипяток, вот бунт и стал закипать. Только Боцман не успел увидеться со своей женой. Всё успел, а на это его не хватило. Эльза с ребячёнком зашла в их дом с парадного хода, когда Боцман выходил из него с чёрного вместе с таким же похмельным, как и он, шутом. Супруги так и не встретились. Как и другие супруги: больше не встретятся Александра с Виктором: он погибнет в неравной рубке у ворот во дворец, голубое небо увидит себя в его открытых глазах... и много ещё людей не увидели, чем дело закончилось, и много ещё пар разорвалось навсегда. И за это я тоже отвечаю...

Когда волны бунта докатились до пока ещё магистровского дворца, он спустил с цепи своего верного богатыря.

Эту грудку мышц Маркел держал в комнате с мягкими стенами, чтобы богатырь не поранился ненароком во время своих припадков. Дело в том, что силач боялся кошек до потери сознания, даже при виде их изображений начинал дрожать. Вот на этом и сыграл магистр. Он запер богатыря в мягкую келью и кормил на убой кашами (мясо богатырь не жрал – боялся съесть кошатину), манной кашей, рисовой, овсянкой, гречневой и геркулесом. Пил богатырушка одно молоко и только молоко. Везде искал кошачью шерсть и от каждой пылинки длиннее ногтя начинал паниковать. Магистр готовил свое орудие моей смертушки долго и тщательно: богатырю иногда подсовывались картинки из которых следовало, как я люблю кошек, как их развожу, как о них забочусь (да, трогательные картиночки). Богатырь ненавидел меня даже сильнее, чем предмет своего пушистого страха. И вот его час пробил. Дверка была отворена и богатырь "вышел в свет". А его "мяконькая комнатка" выходила в коридор, с одной стороны он упирался в стену, за которой в хрустальной кровати спала я, а с другой открылись двери и раздалось мяуканье...

Естественно, богатырь дал деру, но, добежав до противоположной от этих ужасных тварей (милых кошек) стены, упёрся носом в камень, при этом его носяра даже разбился. Силачу показалось, что расстояние, отделяющее его от ужаса всей его жизни маловато, и он стал долбить стену, благо чья-то услужливая рука оставила на видном месте красную кувалду. Пару ударов от души и душившего эту же душу

страха стало меньше – пробита дыра, ещё три минуты ровного ритма – и дыра расширилась настолько, что могла пропустить через себя даже внушительную тушу богатыря (одежку ему шили явно на заказ).

И тут он неминуемо должен был увидеть меня. Что он мог со мной сделать? Правильно. Ничего другого, кроме как банально убить или убить с изысками – сплющить просто в кровавый блин... а по сути это всё одно и то же. Ненависть ко мне его настолько ослепила, что гора мышц даже отбросил в сторону кувалду – собирался меня задушить, разорвать, разметать на ошмётки голыми руками. И это ему почти удалось... наверняка удалось бы... если бы не Шанс. Она чёрной тенью метнулась к богатырю и мигом вознеслась до плеча, находящегося на высоте почти два метра. Клыки и когти стали рвать плоть... Это был пронзительный удар в практически непобедимое обычными средствами создание. Богатырь хотел было отодрать кошку от себя, но это же была кошка! Другими словами: богатырская смерть. Он вздохнул, закатил глаза и грохнулся то ли в обморок, то ли на ту сторону света.

А нашу Шансу с тех пор больше никто не видел.

Боцман

Со Шкетом встретились на базаре – неплохое место для встречи. Шкет рвался на баррикады, но пока нужно было охладить его пыл.

– Просто запускайте змеев.

– Каких?

– Все, что есть. Весь крылатый флот – в небо! Но не зарывайтесь, просто отвлекайте стражу по всему городу.

– И это всё? – приуныл Шкет.

– Это всё, что нужно! И запомните: никакой самостоятельности, вы нужны живые, а не мёртвые. Понял? Мёртвые герои никому не нужны, кроме историков-летописцев, – коротко и ясно.

Разошлись.

Потом я дал задание надёжному мальчишке:

– Значит так, Рыжиков!

– Я не Рыжиков, я – Чижиков! – уточнил малец.

– Слушай сюда. Найди дядю Мишу, который Медведь... скажи, что Боцман просил два коробка спичек, пора корабль засовывать в бутылку!

– Запомнил!

– Два коробка спичек, корабль пора засовывать в бутылку!

– Молодец, Рыжиков!

– Да я Чижиков, – мальчишка махнул рукой на мой скле-

роз и скрылся в переулке.

Иду дальше по торговым рядам...

– Пузырятка! Пузырятка! Кому настоящего пузырятку? Испытай судьбу смельчак, – обратился ко мне старик за прилавком, на котором была всего одна вещь: бадейка с пузырями.

Пузырятка – штука своеобразная, суешь в него (так повелось, что пузырятка – он) палец и можешь достать золотое кольцо, а можешь – потерять пальчик, пузырятка может обкорнать тебе ноготь, а может вымазать вареньем, короче никто не знает, что будет, когда ты сунешь палец в пузырятку, в этом и вся прелесть.

– У меня нет денег.

– Ножичек-то поди есть? – старик знал как заманить прохожего на попытку.

Я отдал свою финку.

– Смерть недавно облизывала его острие, – старик вертел лезвие на свету.

– Берёшь?

– Известно беру. Пробуй! – он покачал бадейку и пузыри добрались до краев.

Ладно, и без пальца в случае чего ударить смогу. Мизинец погрузился в тёплое побулькивающее нечто... подержал я мизинчик в этой субстанции и вытащил "добровольца". Ничего не произошло. Совсем ничего.

– Ты следующий! – сказал старик, оглядев мой палец со

всех сторон, и протянул мне бадейку.

– Чего это?

– Раз с пальцем ничего не случилось, теперь тебе владеть пузырчаткой.

Спорить с человеком, который жил на свете ещё до твоих родителей как-то не с руки. Я подхватил бадейку и стал думать, куда с пузырчаткой двинуть. Может, под родную крышу? Там меня точно никто не ждёт.

На первом этаже были те же беженцы (когда-нибудь я запомню их сложную фамилию), они меня поприветствовали и попытались пригласить на обед. Я отказался. Наверху в спальне ничего не поменялась. Она ждала нас с Эльзой... Что это на стене? Я положил бадейку на пол и рванулся к непонятному. Какая-то бесформенная цветная клякса застыла на стене. Нет, это не мёртвый ползунок – уф, показалось! – просто кто-то пролил что-то яркое, но почему оно не потускнело?

– Руки вверх, медленно, – я ошибся, меня ждали.

Одинокий серый ратник целил в меня из арбалета.

– Боцман, а ты знаешь, сколько за твою голову дают золота?

– Ты нарисовал кляксу?

Он тоже не ответил, не ответил словами, ведь двигаясь ко мне, его нога опрокинула пузырчатку.

– Чпок, – сказал обитатель деревянной бадейки и одежда серого упала на пол.

Перчатка так и не смогла нажать на спуск, а сам арбалет не выстрелил, даже когда ударился о пол – значит спусковой механизм хороший. Я сгрёб одежду серого в шкаф, арбалет положил туда же (предварительно разрядив), а пузырчатку (который сам как-то залез в бадейку) определил на подоконник, пусть радуется солнцу.

При смене квартирки я прошел мимо памятника магистру, на пьедестале заметил кривую надпись краской: "Отец твой ростовщик, а сам ты временщик". Мысль пришла, что если бы каждый, кто говорил о магистре как о временщике, поддержал революцию не словами, а делом, то давно бы уже и магистра сбросили и в колокол ударили. А пока... пока королева спит.

Ба! Какие люди! Я не сразу узнал и даже содрогнулся, когда узнал...

Кротов! Только без очков, с посеревший лицом, глаза ввалились, волосы поседели и стали какими-то грязно-серыми свалывшимися, подволакивает ногу... ох как его били-то...

– Миша! – Обнимаю.

– Бо-бо-боцман... – заикается он и трясется. – Я ни-ни-ни-кого...

Да, я сильно ошибся в Кротове! Он никого не выдал. Я это чувствовал своим сердцем, которое слышало праведный стук его сердца, я это понимал ухом, которое слышало, что и главное как он говорит... и я заплакал... и от жалости к нему, ведь он пережил такое, что мне даже не приснится, а

ещё я проклинал себя – что я знал, чтобы заранее судить его? Нет, в этом кротком и мягком человеке был стержень, и этот стержень не смогли сломать серые твари...

– Давай я тебя провожу, семья же твоя переехала! – и мы долго шли по Лас-Ке... по самому лучшему городу на земле, который иногда бывает хуже ада.

Кротов говорил мало, но эти его слова меня прибили:

– Зна-аешь... в со-соседнем ла-агере... кре... кре... крематорий построили! – всё-таки выпалил он фразу.

– Крематорий... зачем?

– Для евре-ев...

– А мы же тут ничего не знали! – сердце упало. Иногда надо упасть до конца, чтобы подняться на бессмысленный и беспощадный бунт.

Королева

Но даже суматоха бунта не смогла помешать мне стать прилежной ученицей. Вот как это выглядело: волосы – в две косички с бантиками, за ухом – карандаш, в ручонках – папочка с бумагами, в глазах – смирение и жажда новых знаний. В таком виде я приготовилась внимать словам шута, и вовремя – он как раз начал...

«Монолог Шута»

Вот ты думаешь, что дерешься на правильной стороне и в колокол ударить нужно, что ты хороший и выбрал светлую сторону. Боцман, очнись от похмелья, не до этого сейчас. Ты думаешь, что свободен в выборе пути и выбрал именно тот. Тот, который греет. А ведь свободен ты был только сказать "пас", ты и сейчас можешь от всего отказаться. Глобально же рассуждая, это окружающий мир и населяющие его люди вели тебя к развилке выбора. Готовили, пестовали, заботились. Вспомни сам всю цепь событий, прокрути в голове, осмысли. Я не буду мешать. Прокрутил? Ну, ё-моё?! Я же сказал про похмелье не думать!

Ать-два!

Думаешь, что ты лучше коловоротов? на самом деле ты находишься на той же плоскости. Ну, как уж, на другой? на той же самой! Ты же собрался королеву разбудить и при этом магистру – секир башка сделать. Ну и чем ты принципиаль-

но отличаешься от коловоротов? Ты идешь по другой стороне улицы? Но в том же направлении. В том же направлении, Боцман. Ты изменяешь внешнее к лучшему. Давишь тараканов вокруг себя. А надо сначала представить к ногтю тех, что окопались в твоей голове. Да ладно, нет у тебя тараканов. Есть. Пусть это даже змеи, нет, я не о гадах ползучих говорю, о летающих змеях. Избавься от привязанности к ним. Освободись. Но, перерезая нить, связывающую вас, помни: освобождай не змеев от своих рук, а себя от них – это большая разница, хотя лезвием ты будешь проводить по одному и тому же месту.

Шире шаг!

Не думай, что я уговариваю тебя сделать что-то не то, я пока с тобой, в той же песочнице куличиками занимаюсь. Те же зелёные холмы ногами топчу. В той же сказке озвучиваю свою часть диалога. А ты думал это не сказка? Хо-хо! О чем ты вообще думаешь?! Сказка, по-твоему, сильно отличается от жизни, уж не отсутствием ли насилия или крови в сюжете? Вспомни сказку про Путятю. Что он там делал? Правильно, сначала сидел на печи, потом пошёл невесту искать, потом её расколдовал поцелуем, потом её украл злыдень, потом Путятя пошёл по пути спасения своей благоверной и на этом пути, заметь, он рубил бошки всем, кто ему мешал. Как только меч-кладенец нашёл, так сразу и начал рубить, а до этого булавой черепушки кроил. И сказка про Путятю ещё не самая кровавая! Так что, сказки не бывают не

кровавыми, они такие же, как жизнь – реальные. Вот ты бы сейчас отрубил голову магистру? А королеве? А почему королеве-то не отрубил бы? Непоследовательный ты, Боцман. Эти – наши, а эти – уже не наши. Если уж убивать, то всех. Или никого. Да, как ладошечники. Смирение – есть самое большое мужество из доступных человеку. Но только не думай, что я хочу как-то повлиять на тебя сейчас, закинуть сомнение тебе в душу. Я не этого хочу, ты все равно сделаешь то, для чего ты оббегал со всех сторон королевство Зелёных холмов. Вспомни Путятю, что ему попало под руку, когда меч-кладенец главный злыдень выбил хитрым приемом? А ты думаешь, оно там случайно лежало, ни для чего, просто так? Хо-хо!

Вольно!

Пришли уже, по крайней мере, я пришёл к концу монолога.

Самое несмешное в монологе было то, что Шут им так и не поделился с Боцманом – он его про себя бубнил. Но я смеялась от души. Уж и не знаю почему. Может быть, я трансформировала несмешное в смешное, а, быть может, превратила легкую истерику в смех. Но в данном случае то, что было на входе – не суть важно, важно то, что на выходе получился чистейший смех – самый тот продукт здесь и сейчас.

Посмотрела вокруг... нет, смех меня не разбудил... расплетаю косички...

Магистр

Подписал два указа. Первым я узаконил то, что настоятельно просили принять меня все лизоблюды – звание генералиссимуса. Пусть будет так, раз им приятнее исполнять приказы не просто магистра, а вот ещё и генералиссимуса. Лакейские душонки! Вторым я воплотил в жизнь то, что и без моего указания творилось уже давно. А именно окончательное решение еврейского вопроса. Вы никогда не задумывались, почему никто не любит евреев? В магистрате будет лучше... без них!

Оказывается, что не так тяжело избавиться от людей, как от их тел. Благо в крематориях как грибы после дождя росли возведённые по стандартным проектам крематории...

Боцман

Проснулся и долго мотал головой... не мог вытрясти из котелка дурной сон. Видел камень около развилки трёх дорог. На нём надпись – я читал и холодел: «Пойдешь налево – смерть найдешь. Пойдешь прямо – смерть найдешь. Поедешь направо – смерть найдешь». И буквы в словах «смерть» словно подмигивали и улыбались, дурашки, они словно прикалывалась надо мной – вроде бы широта выбора есть, но выбора то и нет.

И вечером мы напились, а когда напились, ко мне слева за столом подсел красавец мужчина. Он хлопнул меня по плечу и объявил, что гей, а я, мол, о заднепроходниках на прошлой пьянке нехорошо выражался. И справа тоже подсел красавец мужчина и тоже объявил, что гей. Откуда они берутся? На халявную водку что ли лезут? Я налил до краёв всем ново-прибывшим и мне, напряг память и выдал сакраментальное вордовское: «Взрослые люди по обоюдному согласию могут заниматься сексом так, как им нравится!» Выпили. Оказалось, хорошие ребята. Завтра на бунт пойдут... но майки с радугой – это всё-таки перебор...

На штурм все пошли как на праздник. А у меня с похмелья болела голова. Я равнодушно смотрел, как Мур походкой от бедра отвлекла охранников у ворот внешних (на жаргоне Водовозных) и обезоружила их; как шут разобрался с

гвардейцами у ворот внутренних; как ползунок затащил на колокольню крепкую нить; как под стрелами арбалетчиков меня стали втягивать наверх; как небо стало приближаться; как подъём замедлился, потому что тянувших стало меньше... ещё меньше... остался один шут; как стрела выбила пыль из серого камня башни и мелкие осколки резанули мои глаза... тогда я пришёл в себя и на колокольню взобрался уже настоящим осознанным бунтарем. Отцепив пояс, чтобы никто меня не стянул вниз я замер перед громадным чёрным колоколом и языком его, который должен сейчас заговорить на своем древнем языке. Но заговорит ли? Да! Я перестал сомневаться и ощутил, что не зря живу! Очередная не моя стрела просвистела мелодию не попавшей в цель беглянки. Вцепиться в язык было легко, а вот раскачать его сразу не получилось – я слишком торопился. Да и дыхание сбилось за время карабканья на верхотуру. Но тебе не ускользнуть теперь! Я бессвязно лопотал винегрет из ругательств, клятв, молитв и просто рычащих звуков. Колокол глотал эти вибрации и просыпался. Веки его задрожали и мутные глаза удивленно пытались осмыслить причину своего пробуждения – какая-то букашка дергала его за язык. Да, предвечный, до твоего покоя добрались! Амплитуда танца языка увеличилась. Хо-хо, скоро чудо произойдёт... или нет... кольнула мысль. Я ударю и будь что будет! Хо-хо! Сейчас узнаем кто из нас прав: я – настоящее боцманское или я – трусливое и неверующее. Хо-хо!

Я так и не понял, что толкнуло меня в спину, но зато понял – смог, даже одной полноценной рукой – смог, хорошо, что помогли. – "Бом-м-м!" – веско сказал Вековой колокол. И я верю! Верю, что королева обязательно услышит... и я могу летать... я полетел... но только вниз... Трещинки между камней на приближающейся ко мне мостовой сплелись в символ, который когда-то нашли на месте, где много веков спустя возник город Лас-Ка, а ещё много веков спустя я начертил этот символ на скатерти. А быть может, это камни так затейливо расселись между трещинок...

Убийца

Мне не мешали рубящие друг друга мечами люди внизу, мне не мешал ветер, мне не мешало солнце, что било в глаза, мне ничего не могло помешать. Между ударами сердца стрела улетела к цели...

И Боцман упал с колокольни. Заказ исполнен, пора уходить...

Шут

Боцмана закружил «красоворот» разных девушек, который, с одной стороны, пудрил мозги и отдалял его от Эльзы, а с другой стороны, давал толчок в нужном направлении, точнее самим фактом своего существования задавал этот нужный вектор движения.

– А чем ты занимаешься для души? – о, это был коварный вопрос, ведь глядя на Боцмана нельзя было не заметить (если, конечно, не иметь уж в конец атрофировавшую привычку подмечать мелочи), что он связал свою жизнь со змеями и небом.

– Запускаю змеев.

– Приятственное занятие, берёшь обычные вещи: бумагу, клей, реечки, соединяешь их там, где нужно с чем нужно; и вот простой кусок бумаги оживает и летит в небо; и в небе парит, реет, а ты удерживаешь его легким движением руки за нить; это как укрощение необъезженного жеребца, это как девственница пришедшая ночью к тебе в постель... – мне не хватило для выражения мысли слов красивых, а не красивыми не хотелось засорять воздух-стихию-змеев.

Боцман был приятно удивлён моим пониманием его увлечения, а мне было приятно его удивление.

– Давай, спрашивай! – скомандовал я Боцману.

Он долго на меня смотрел и всё-таки спросил. А ведь мог

и не решится – всякое бывает.

– Так, значит, я именно тебя должен спросить про буквоедов?

А он догада. Но вот отвечать мне не хотелось. Лень это была, а не какие-нибудь высшие соображения. Просто лень. Но я переборол себя, чем доказал полное превосходство себя над собой. И приготовился к объяснению. К тому же, а вдруг без одного Боцман возьмёт и не ударит? Ужас! Или в другом порядке букв: Сажу!

– Короче, раньше книг было много, очень много, ты даже себе представить не можешь, сколько книг громоздилось на полках библиотек прошлого. Но потом появились цитатники. Они книг не писали, а только выдирали из чужих творений чужие же цитаты, засушивали их, и из получившихся жёлтых полосок мёртвой плоти книг собирали гербарии. У кого гербарий был толще, оригинальнее, навороченнее – тот был самым крутым. Слава ему. Не надо мне, наверное, тебе объяснить, что выдирать цитаты легче, чем генерировать собственные афоризмы, не говоря уж о делах более тяжёлого формата, типа повести или романа. Поколения сменяли друг друга и вот уже цитатники, как это часто бывает с разными неудачниками, усугубили свое состояние, а именно: выродились в буквоедов. Буквоеды даже цитат не собирали, они с книгами боролись, точнее с буквами в книгах, против картинок или красивой обложки – они никаких претензий не имели. О! Много наслаждения получает буквоед,

когда сжирает фразу, которая ему кажется лишней, а лишними буквоеды считают любую фразу, не состоящую в гербариях цитатников. Тут дело не в пищеварении, разумеется, это явление сугубо психическое, буквоед, поедая знание, испытывает настоящий оргазм, а к оргазмам быстро привыкаешь. Дальше – больше. Книги становились тоньше, даже из азбуки буквоеды выедали свою любимую хавку. Порой одну буквицу из неё слопают и довольны до пуза, не подозревают, сокращая алфавит, они обрекают себя тем самым на голодную смерть в будущем, но куда им так далеко за пелену сегодняшней ночи заглядывать! Язык становился проще, мысли – реже, цитат – меньше. Книги стали редкостью, даже обструкционистские гербарии цитатников шли прямой дорогой в утробу буквоедов, последний из которых умер от голода. Он не мог жить без дозы удовольствия. И только спустя не одно столетие начался процесс возрождения. Люди вновь начали писать. Ну и кое-где находили старые библиотеки. Опять же у кого-то память была хорошей и некоторые книжные истории древности стали легендами, мифами, сказками. Устными, разумеется.

– А я же пару книг хотел сжечь... – молвил свой не вопрос Боцман.

– Ну и дурак!

– Мне так и сказал...

– Добрый старый Ворд.

– Ты его знаешь?

– Разумеется, нет, – если бы Боцман не спросил, я бы сказал, что знаю старого доброго капитана, который был не старым и не добрым.

– А кто такие богоборцы?

– Я думал, ты забудешь про них спросить. Богоборцы – это ещё одни неудачники. Они Богов на свалку выкидывают. Как только сторонников у кого-нибудь божества становится мало, эти маленькие создания тут как тут. Выглядит типичный богоборец примерно так: росточка маленького – весь рост в челюсть ушел, зато зуборезка что надо, может кирпич пополам раскусить; лоб низкий весь в жировых складках, оттого постоянно потеет; глаза мелкие, тёмные, близко посаженные, из-за густых бровей их почти не видно; затылок скошенный, для мозга оставляет пространство с грецкий орех, не больше; фигура колченогая, к земле жметя. Главная задача – уничтожить Богов неправильных, и установить Богов наоборот правильных. Один пантеон – на свалку, ради другого – кровавая баня для всех, кто против или хотя бы не за. Но память-то у них короткая: детишки считают, что их родители верили во всякий отстой, а значит – всех Богов на кладбище, под одобрительный рёв. Вот такой повторяющийся процесс. Я был на кладбище – сумрачное зрелище. Есть теория, что и буквоеды, и богоборцы это не люди вовсе, а маскирующиеся под людей драконы, бред, конечно, но что-то небредовое в этом всё же есть. А, быть может, не драконы, а только их слуги, искусно прирученные тварями. Прируча-

ют драконы людей обычно на Золотого Тельца – этот божок единственный, которого богоборцы не волокут на свалку, а ставят во главу угла своих жилищ. Но это всё не главное.

– А в чём главное?

– Ты думаешь, оно спрятано где-то? Смотри, что делают люди: одни борются с Богами, другие жрут буквы, третьи убивают всех, кто не похож на них, четвертые идут по пути мудрости и думают, что набираются её. И в чём правда, Боцман? Когда колдовороты просто пили пиво – они никому не мешали, и им никто не мешал, а как только они стали мочить всех вокруг, все вокруг замочили их. Но ты думаешь, что свободные строители лучше? Они строят мосты там, где мосты нужны, им никто не мешает и они никому не мешают, но как только они начинают строить мосты там, где мосты вовсе не нужны – мосты ломают, на свободных строителей сердятся, начинаются их гонения. Одни считают, что звёзды – правильные знаки, а кресты – дерьмо, другие – наоборот, это глупость звезданутая и крестанутая соответственно, среди звезданутых опять-таки идут споры: сколько лучей должно быть на самой-правильной-звезде, среди крестанутых примерно такая же борьба не затухает ни на миг, сколько перекрестий на истинном кресте и в какую сторону правильные люди креститься должны и лопасти у креста загибать. Ни один символ не круче любого другого рисунка, – тут я заметил, что Боцман начинает кукситься, и решил закруглиться, что тоже было символично. – Насилием ничего

не решишь. Возьмём стрелка, типичный случай насильника на дальнем расстоянии: стрела выпущенная из лука или арбалета – эта бегунья к сердцу цели, всегда имеет свою сестру, которая летит в обратном направлении, и её полет всегда заканчивается в сердце самого стрелка. Это я к тому, что прежде чем истреблять нечисть (с твоей точки зрения) в окружающем мире, очисти от неё свою голову. Ты думаешь, что я ответил на твои вопросы? Да я просто городил чепуху, в этих словах нет истины, это просто слова. Я ничего не знаю о драконах, змеях и правильном пути. Загляни лучше внутрь себя. Сердце тебе подскажет...

(Да, мама, я точно не стал волшебником, я даже на проповедника средней руки не тяну, но может оно и к лучшему – есть шанс стать полным Д)

– Я давно предполагал...

Но что давно предполагал Боцман я узнать так и не успел. Видимо, мои слова явились той последней каплей, что переполнила чашу, и из куколки внутри у известного запускателя змеев вылетела «бабочка», то есть способность к незамутненному восприятию, и она отвлекла своего обладателя от бытовухи. Он замолчал и молчапил. Долго это продолжалось или нет – не помню, я же тоже молчал ипил,пил и молчал. До самого бунта это продолжалось, а на бунт пошли с похмелья – то есть в лучшем для сего мероприятия настроении.

Мы даже песню сочинили: "Раз пошли на дело Боцман и

земфира", третий куплет правда не очень получился, с сантиментами переборщили. А в целом ничего так вышло и за столом последней нашей совместной пьянки песню исполняли раз двадцать. Мы знали, что многие из нас не увидят проснувшуюся королеву, или королеву не проснувшуюся, поэтому не халтурили и пели от души, профессиональные певцы отдыхали где-то в другом месте... Но это уже в прошлом. А настоящее выглядит следующим образом: наш отряд двинул к колокольне.

Со стражей внешних ворот разобралась Мур – она искала смерти, но не сейчас, девочка, не сейчас, рано тебе ещё в гости к курносой... А вот стражу у внутренних ворот взял на себя уже я.

– Здравствуйте, ребятки!

– Не подходи, убьем! – по-доброму ответили они.

– Как же вы меня убьете, я же королевский шут, а знаете ли вы, как было тяжело насмешить её величество? А потом ваш этот Маркел, сукин кот (их пальчики на спусках арбалетов дрогнули) мне голову повелел отрубить. Голову с плеч, всего то за пару обидных слов! И что? Ничего не вышло! До сих пор, – верчу головой, – прекрасно держится! И что же, вы надеетесь сделать то, что оказалось не под силу целой армии? – я немного преувеличивал.

Они надеялись.

– Ближе не подходи! – крикнул один.

– Без пароля нельзя! – оправдался другой часовой, как ни

как за мной наблюдались злобные бунтари, а за спиной часового поскрипывали лишь запертые ворота – есть над чем подумать служивому, а, подумав, попытаться переложить ответственность за принятие решения на кого-то другого или кого-нибудь (вестимо меня) застрелить.

Я подошел ближе и без пароля. Они оба выстрелили в так и не назвавшего пароль человека. Но вот незадача, пока я им рассказывал о нелегкой своей судьбе, правому охраннику (с моей стороны) показалось, что я смещаюсь мелкими шашками вправо (с его стороны) а левому (с моей стороны) привиделось, что я шаркаю налево (с его стороны) и когда они одновременно нажали на то, на что им было положено нажать (то есть выполнили долг часового на все сто процентов), то весьма удивились тому, что их стрелы попали им же в животики. А в мой животик, никто так и не попал, но я этому не удивился – он не любит переваривать и уж тем более не переваривать всякие палки-стрелки.

Дальше просто: надо было вскрыть ворота – вскрыли. После того, как на колокольню вознёс нить ползунок, оставалось только затащить Боцмана к колоколу – вот с этим возникли некоторые трудности. В нас стреляли со стены и ряды тягачей редели. Меткие подобрались стрелки на стенах – сняли всех кроме меня. Видимо, мой красно-фиолетовый наряд идеально сливался с серой каменной мостовой (покровительственная окраска). Для одного тянущего тонкую и не рвущуюся нить лупоглазиков Боцман являлся почти неподъ-

емным весом. Он воистину Тяжёл с большой буквы «Т»! Я аж взмок, да ещё руки скользили по ветке чёрного бука, на которую была намотана та самая нить, что связывала меня и Боцмана... да ещё и эти свинцовые колокольчики меня по спине бьют... ух ты – массовка подтянулась! Маленький, sereneкий гвардеец, бежишь меня своим мечом проткнуть! А я вот головой мотну... ой, что это ты упал, висок свинцом проломил? Ати батюшки! Не надо так спешить, не надо мешать нам будить её величество! Наконец я затащил запуска-теля змеев туда, куда его надо было затащить. В него, слава Всемогущему, никто не попал.

Боцман не подвёл – ударил. Правда, потом упал. Звук его падения никто не услышал. Колокол слишком веско ска-зал свое слово. Честно говоря, я ставил в тотализаторе про-тив пробуждения ВВ и с удовольствием проиграл 100 монет, пусть добрые люди порадуются, выиграв их.

Королева

От стены замка до колокольни – шагов пятьдесят, но пройти их надо было по воздуху, а ходить по воздуху солдаты серой гвардии не умели. Тем временем какой-то бунтарь (я с трудом узнала в серой фигуре Боцмана) уже раскачивал язык Векового колокола. Остановить провокацию мог теперь только точный выстрел из арбалета. Выстрел нужен был мастерским и такой мастер нашёлся – арбалетчик замер, целясь в темную фигурку под колоколом ему мешало несколько обстоятельств: цель двигалась, ветер свистел в левое ухо и особенно мешали слова магистра, который бурчал под руку: "Если попадешь – озолочу!" Но стрелок прошёл не один пограничный конфликт и давно превратился из желторотого юнца, коих выпускает казарма учебки, в матёрого ветерана. Даже то, что под ним было сто сажений совсем не сбивало его, он точно знал, что поразит цель. Джат – так звали арбалетчика – не любил высоты, не боялся, а именно не любил, но высоте его не сбить... Только вот мысль одна не дала выстрелить в бунтовщика: "А ради чего ты это делаешь?" И начинающий уже сесть ветеран не смог ответить на неё. "Да, есть долг, только вот перед кем? Ужель перед магистром? Или перед сворой из его совета?" – "Нет, присягу он давал королеве, и только ей принадлежало его сердце". Стрелок был слишком стар, чтобы верить в легенду, но

он отлично понимал того молодого человека, который сейчас раскачивал язык колокола. Джат выстрелил, с разворота, прямо в брюхо магистру, аккуратно под бляху с восемью бриллиантами на концах звезды.

Мне повезло: Джат был из тех, кто испробовал вкус эликсира долгой жизни, ему было больше трёхсот лет – практически столько же, сколько самому магистру – хотя по виду больше сорока бы никто не дал.

Но был и ещё один арбалетчик, его звали Джут и он тоже сделал выбор, но совсем другой: упреждение, дальность, ветер... Тетива должна была тренькнуть, но мигом раньше на шлем Джута опустился короткий меч – это Джат рубанул – так отец убил своего сына.

Всё? Мы победили?...

Нет... ещё один стрелок... не видно лица под капюшоном... целится... стреляет... так я не кричала никогда! Но мои ладошки не могли остановить посланницу смерти – стрела с белым опереньем прошла сквозь них свободно, не заметив моего желания сбить её с траектории. Я не успела обернуться, чтобы посмотреть попала ли она в Бецмана. Раздался громкий звук, что-то схватило меня за них живота, неумолимо закрутило и унесло...

Проснулась я в королевстве, очень похожим на моё...

Шут

Я положил тело Боцмана на тележку, которую подкатили мальчишки и на таком простом катафалке повезли спасителя королевы в последний путь. Пацанята плакали, а я их не мог рассмешить, да и не пытался. Я слишком несмешной... Качу телегу мимо публичного дома, из окна второго этажа вылетает один расхристанный человек, потом о мостовую ломает руки-ноги второй... из окна появляется рассерженный дядя Миша.

– Медведь, ты чего лютуешь? – ору ему снизу я.

– Да вот, анархисты под сурдинку революции решили девок пограбить... – мальчишки услышали и кое-что ещё...

– Да, народ себя не жалеет! – констатировал я и покатил телегу дальше. А сердобольные граждане оказали первую медицинскую помощь пострадавшим. Один непотребно ругался и ему ударили по голове молотком, чтобы пришёл в себя и не дурил.

Около другого дома я увидел маленькую сухонькую женщину, солнечный свет озарял её волосы, стянутые в тугий пучок. Она подошла и положила на тележку красные маки. За женщиной, как хвостик, ходила бледная девочка, видимо, давно не была свежем воздухе, она тоже положила красные цветы рядом с телом Боцмана...

А ещё я увидел грабежи лавок, особенно не повезло тем,

где продавали горячительные напитки... Среди светлых лиц революционеров я наблюдал тёмные лица, которые воспользуются плодами бунта в своих корыстных целях. Нет, не весёлый сегодня день...

После похорон, я попытался объяснить Эльзе, что Боцман на самом деле не умер, не смотря на могилу и прочие причиндалы.

– Это сон.

– Не грузи меня, Зёма, это не сон! – с таким голосом вдовы, идущим от сердца, не поспоришь. Но я попробую.

– Сейчас да, но не пройдёт и недели, как ты будешь вспоминать это как страшный сон. Поверь шуту, который ни разу в своей жизни не родил шутки.

Эльза всё равно заплакала – значит, так было нужно её слезам. Вообще слёзы – это истеричные твари, я давно это подметил, особенно мужские.

Но мой разговор с Эльзой стал быстро известен Александре и она решила на этой почве (обжигающей, между прочим, пятки) задать трёпку своему новому мужу. Так чтобы пробрало. Да, согласен, она совсем недолго носила траур по шестому-любимому супругу, но и что с этого?

– Какого лешего ты вселяешь необоснованные надежды в нашу вдову? – взялась она уже за седьмого своего супруга.

Ну, это по мифологии седьмого, а по правде я – второй и, надеюсь, последний.

– Как раз необоснованных надежд я в неё не селил, селил

исключительно надежды обоснованные. Зуб даю!

– Какой именно, молочный, который ты сохранил в мешочке у себя на шеё?

– Нет у меня мешочка и молочного зуба тоже нет. Боцман будет жив через неделю. Хочешь, мы не будем вылезать из постели до тех пор, пока он не запустит своего змея.

– Ты озабочен на почве секса!

– Ничуть не бывало, я же не сказал, что мы будем кувыраться на одной и той же кровати.

– Моя любимая сволочь, – сказала герцогиня и доказала своему мужу-не-герцогу (я не принял титул, зачем такая роскошь такому раздолбаю), что он действительно её любимая сволочь.

Проснулся я от мощных ударов по всему телу. Оказывается меня била Марта.

– Ах ты, сволочь шутовская, мне с герцогиней изменяешь! – десять ударов мне по голове. – Да даже не просто изменяешь, а женишься на ней!! – двадцать ударов по почкам моим. – И это после того, что между нами было!!! – тумачи разбросались по чреслам моим в беспорядке, достойном мастеровых хаоса (а было-то между нами не так уж и много – ни одной свадьбы и ещё не полный медовый месяц).

Тут эта рыжая стервова подключила к атаке на мои гарнизоны свои катапульты, конницу и тяжёлую пехоту и я решил сдаваться на милость победителя.

– Ме...

От военных действий на расстоянии она перешла к ближнему бою: различными методами (используя слова и обходясь без оных) она стала пилочкой для ногтей выводить знаки боли у меня на сердце, большие знаки сильной боли! Было больно!

– Бе...

– Что ты мне голову морочишь?!

О! Вот это уже по существу.

– Совсем не морочу и не изменяю, это же сон, – кажется, передышка...

– Во снах человек гораздо правдивее, чем не во снах – логического контроля меньше, – она сдула свой локон, который забрался ей в рот и неплохо там себя чувствовал (никто никому не завидует). – А я тут тебе камзол заштопала, думала обрадовать женишка, а он!..

Круговорот ударов в природе замкнулся на мне. И где справедливость, где равновесие, я вас, справедливость и равновесие, спрашиваю?!

– Не заставляй меня говорить тебе то, что я когда-то сказал ВВ.

Это был правильный подход. Ни одна женщина не выдерживает окольных сравнений с другой, особенно если другая в чем-то лучше, чем первая – это мне ещё папа говорил. Он много ещё секретов мне раскрыл до того, как умер от чрезмерного употребления медовухи. Впрочем, умер он знатно: утонул в бочке с медовухой – наверное, решил, что это уже

рай.

– И что ты ей наплёл?

Пришлось процитировать мои слова про стерв и агнцев Божьих.

– И она после этого не приказала тебя казнить?!

– Разумеется, мне тут же отрубили голову! в любом другом случае я бы не остался у неё на службе. Это что же за королева, которая позволяет так о себе кому-либо выражаться.

– Иногда она мне даже нравится!

– Кто, ВВ? – тут я удивился, а я уже было думал, что перестал чему-либо удивляться.

– Да нет, Александра, – с одной стороны такой ответ меня устраивал (я удивлялся зря), с другой стороны огорчал, ибо я два раза ошибся в одном и том же – пусть и любимом! – человеке. Хотя человек ли Марта – это ещё вопрос.

– Даже в качестве моей супруги?

– Малыш, – она куснула меня за ухо (тоже, между прочим, не казённое!).

– Не называй меня малышом! – сказал я, не дергаясь.

Мне все равно как меня называют, лишь бы кормили не реже трёх раз в неделю. Это была провокация и она мне не удалась (я на это и рассчитывал).

– Малыш, не способный превратить агнца в стерву и наоборот, ты всё отлично понял.

Хотелось бы в это верить. Но тут мы как-то по-особенному сплелись, и моя щека защекотала её ресницы, а её бедра

стали мять мои пальцы – тут уже не до внутренних рассуждений...

Ползунки

Я снова стал Яном. Но легче от этого ни на чуть: волшебную сказку не смотрят больше в нашей пещере, наверное, потому что наш лопотун пропал. С тех пор как он упал с высокого дома с шумелкой, его больше не видела ни одна оса из нашего роя. Я долго и сильно думал (у меня даже на лбу морщины появились) и полетел к Вдруку. И я торопился так, что дух захватывало. Вдруг дружил со временем и только он мог мне помочь. Ещё у него был очень удобный спальник: в холода он согревал, в жару – приносил прохладу, в темноте – светился.

– Здравствуй, Вдрук! – сказал я ему, чтобы привлечь его взгляд к себе. По-другому, никак нельзя было достучаться до Вдрука – он все время витал то в прошлом, то в будущем.

– Я тебя уже видел...

Так он всех приветствовал, даже тех ос, которые никогда не видели его.

– У меня к тебе дело.

– Дел не бывает, бывают только затейливые облака, которые летят по ветру.

Мне не нужно было слушать тысячу и одну историю про облака и я вернул Вдрука в наш лёгкий мир:

– Волшебную сказку у нас в доме больше не показывают. Это плохо.

– Это не плохо и не хорошо по отношению к облакам... – у Вдрука на всё имелся свой взгляд, не похожий на мнения других ос.

– Это плохо, Вдрук, это очень плохо. Наш рой скучает. А все из-за того, что одного лопотуна больше нет в его пещере, – вот я и признал, что глупо-смешные лопотуны на самом деле занимают своей тяжестью большое место в нашем лёгком мире.

– Он ушёл гулять с облаками...

– Может быть, но он нам нужен, – я продолжал кидать свои тупаки аргументов в казалось бездонную "тупокилку принятия решения" Вдрука.

– Кто, облако?

– Нет, лопотун, точнее нужна сказка. Но ситуация такая: нет лопотуна – нет и сказки. Верни нам лопотуна!

– А может быть, вернуть вам сказку?

– Лучше лопотуна, он очень забавно шумит, – я знал, что сказку Вдрук не вернёт, но не знал, вернёт ли он лопотуна.

– Это против облаков.

– Договорись с ними!

– Ян, ты очень суетлив. Вы, осы, вообще очень суетливы.

– Как будто ты не оса! – я начал терять терпение, оно прямо сочилось из меня густыми каплями и капли улетали к облакам терпения Вдрука, которые от этого становились только гуще.

– Я лишь ветерок, который дует.

– Ты же дружишь со временем, верни лучи горячего шара, которые светили в глаза лопотуна.

– Я подумаю, Ян, я подумаю...

Это значило примерно следующее: "Ты уйдешь, и я забуду обо всём этом суетливом разговоре". Такое развитие событий меня никак не устраивало.

– Вот это будет твоим, если ты вернёшь нам лопотуна, – я достал из кармашка на пузе кое-что секретное (назовём это душой облака), его я берег даже больше, чем свое жало, но сейчас было не время для собирания коллекции ценностей.

– Дай! – глаза Вдрука в первый раз посмотрели на меня.

– Сбегай со временем назад и пусть лопотун вернётся.

– И почему это чудо оказалось в твоих руках! О, облака, как вы несправедливы! почему всё так не так?!

Дальше Вдрук забормотал что-то совсем непонятное (про ветер с гор и ветер из-под гор, про облака внутри себя, про дождь поднимающийся снизу вверх), и стал прозрачным, точнее он то исчезал, то появлялся и делал это так быстро, что создавалось впечатление его полупрозрачности. Глаза его опять смотрели куда-то сквозь меня, а крылышки работали не синхронно, но его шишковатое тело от этого не улетало, а как прибитое висело напротив меня. Через малое время он снова вернулся и протянул ко мне руку и чуть слышно произнес:

– Уф! – это можно было трактовать как удачу предприятия.

– Пока, Вдрук! – я отдал ему душу облака.

– Ты уже ушёл, – сказал он, совершенно не глядя на меня (так он со всеми прощался), он полностью занимался своей заслуженной наградой.

В наше гнездо я вернулся неуверенным полностью в том, что Вдруку удалось убедить молоко времени застыть в виде новой головки сыра для лопотунов. Но всё оказалось достойно потери кусочка облака: меня ждала счастливая Инна, а лопотуны внизу просто обезумели – они шумели так, как не шумели с тех пор, когда наш лопотун ударил в большую шумелку, а потом упал с неё. Но уже в следующее солнечное время всё стало как обычно, а именно: лопотуны шумели в меру, а наш рой снова смотрел волшебную сказку.

Шут

"Пум-пу-ру-бум-пум-пум!" – сказал я, когда перебирал стрелы в колчане Марты. Они были снабжены в нужном месте аккуратненькими перьями ястреба-альбиноса. А перед глазами встали три эпитафии: "Смерть пыталась его поймать, но он улетел" – на могиле Боцмана, "Шестой-любимый" – на могиле герцога Виктора де Шаразан и де Де Ку де... (а дальше никто титулов не знал), "Не вынес чужого Шанса" – это уже безымянному богатырю, облегчившему доступ королевы к своим подданным, сварганили. А стрела, что сразила Боцмана была с чёрным оперением, такие же лежали в колчане Джута, но он же не выстрелил! А королева видела стрелу с белым оперением... Что-то в голове не укладывалось, то ли "что-то" было большим, то ли голова чересчур махонькой.

«Сон в ногу»

В общем рве хоронили тех, у кого не нашлось родственников и тех, кого никто не хотел хоронить, а именно серых стражников без роду и племени, наемников и совсем опустившихся бездомных, нашедших смерть в период пробуждения королевы. Действительно, как не отдать пусть минимальные обрядовые почести ушедшим? Пусть земля им будет пухом. Скрипит ось у телеги, крутится колесо, из-под рогожи выглядывает рука, рука некогда управлявшая маги-

стратом. И вот некогда магистра спускают в ров без гроба. Только цепкие руки могильщика предварительно освободили шею от цепочки с восьмиконечной звездой.

– Череп, ты посмотри, рука стала белой.

– Вечно ты в какую-то дрянь вляпаешься.

– Это с его лица.

– Болел, наверное, от того и умер, гы-гы, – оскаблился Череп и стало понятно, почему прилипла именно это прозвище.

– Кажется, это грим. Смотри парик отстал.

– Валим, валим!

Скрипит ось телеги, а вот стрела раздвигает воздуха синь почти беззвучно. И снова белые перышки находят для себя гнездо. И ров получил добавку.

Когда проснулся, начал перебирать нити сна. Не похоже, чтобы он был мой, наверное, ошибся головой. Бывает. Я попытался его вытрясти, но он долго ещё цеплялся лапками за виски, только виски и помогло. Неразбавленное. А в осадок мне досталось похмелье и неутешительная арифметика: сколько раз я ни пересчитывал стрелы в колчане Марты их только больше становилось...

Надо признаться, что я ошибся. Боцман через неделю не ожил. Но я ошибся лишь в сроках и поэтому зуб все же зажал – мне он как-то нужнее, чем любому человеку или какому-либо другому существу по эту сторону сказки. А Эльза видела какой-то сполох. С её слов стало ясно, что непо-

нятное улетело из их дома и этот неопознанный летающий объект был чёрно-белым, ярким до слепоты. После этого мы старались не оставлять её одну. Мало ли. Ведь больше никто этого сполоха не видел, а вроде не слепые. Но сосредоточиться на этом вопросе мне не дала...

Королева

Полная запись шахматной партии Магистр – Королева (справа королева записывала понравившиеся ей цитаты из тех литературных произведений, что...)

1. e2 – e4 e7 – e5 Сомнениями проверяй жизнь, верой – смерть.

2. Kg1 – f3 Kb8 – c6 В такую погоду хорошая собака писает дома, чтобы хозяина на улицу не гонять.

3. Cf1 – c4 Kg8 – f6 Свобода – это полнота выбора и пустота соблазна.

4. Kf3 – g5 d7 – d5 Если весь день уста пили грех, то к вечеру они пересыхают для молитвы.

5. e4 : d5 Kc6 – a5 Одни закапывают таланты, другие – талантов.

6. Cc4 – b5+ c7 – c6 Бог – добрый, мама – хорошая.

7. d5 : c6 b7 : c6 Люди двух вещей не знают: почему живут и почему умирают.

8. Cb5 – e2 h7 – h6 Политикой, сексом и спортом нужно заниматься, а не болтать о них.

9. Kg5 – f3 e5 – e4 Не мыслю, следовательно дурак.

10. Kf3 – e5 Фd8 – c7 Уж лучше хаос женщин, чем порядок мужчин.

11. f2 – f4 Cf8 – d6 Синяки иногда учат лучше учителей.

12. d2 – d4   0 – 0   В спорах рождается не истина, а компромисс, или война.
13. 0 – 0   c6 – c5   Судьбой мы часто называем волю того, о ком не подозреваем.
14. c2 – c3   Ла8 – b8   Когда двигаешься, не так мучительна бессмысленность бытия.
15. Kb1 – a3   c5 : d4   Дураки – женятся, умные – выходят замуж. (это "правило" можно конкретизировать для королей и королев, выходит: я – умная! как будто кто сомневался?)
16. Ka3 – b5   Лb8 : b5   Не разговаривайте со свиньями на языке коров.
17. Ce2 : b5   Фc7 – b6   Не бывает профессии возвышенных и профессий низменных, всех их можно представить в виде лестниц. Однако по каждой лестнице можно карабкаться в двух направлениях.
18. a2 – a4   d4 – d3+   Тёща – тоже человек. (Вот стану вашей тещёй – убедитесь!)
19. Kpg1 – h1   a7 – a6   Смысл жизни в каждом твоём действии и в любом неделании, и в то же время его нигде нет.
20. Ke5 – c4   Ka5 : c4   Форма дисциплинирует содержание.
21. Cb5 : c4   Cc8 – g4   Гармония – это не идеальный порядок, гармония – это идеальное взаимодействие.
22. a4 – a5   Фb6 – a7   В вине нет истины, есть только

вина.

23. Фd1 – a4   Сg4 – e2   Вся моя жизнь – это борьба
мании величия с комплексом неполноценности.

24. Lf1 – e1   Kf6 – g4   Попытка человека понять Бога
сродни попытке фонарика осветить солнце.

25. h2 – h3   Фа7 – f2   Привычка – вторая натура, а
иногда и единственная.

26. Фф4 – d7   d3 – d2   Задворки истории слиш-
ком тесны для великих народов, они сразу отправляются из
главного зала в крематорий.

27. Le1 : e2   d2 : c1 [*]

Да здравствует Королева! (то, что пешку чёрных легко
съесть – абсолютно не важно)

Примечание 1. Магистр между вторым и третьим ходом
зажулил чёрную пешку на g7. Она совершенно случайно упа-
ла с доски, потом также совершенно случайно упала со сто-
лика, далее также совершенно без внешнего воздействия за-
катилась в неизвестное куда-то и там (тоже без чьего-то на-
мерения её похерить) не нашлась.

Примечание 2. Если бы Маркел обменял все свои фигуры
на все пешки королевы, то он бы проиграл партию в шахма-
ты, но выиграл бы свой магистрат. Однако до такой простой
мысли он не дошёл, лишь пешку стыбрил (см. примечание

1).

[*] – место для вашей любимой цитаты.

Ползунки

– Инна, я только что заметил, на подставке под тупакилку что-то написано по-лопотуньи, – я пытался отвлечь мою партнершу по игре в тупаки и незаметно передвинуть один свой тупак на более дорогой сучок.

– Если ты думаешь, что я отвлекусь, и у тебе получится передвинуть свой тупак, то ты сильно ошибаешься! Я давно знаю, что на нашей подставке под тупакилку написано: "Пока королева спит".

– А чуть выше, более мелкими закорючками что написано?

– Римское родовое имя и второе имя, образованное от цифры семь, – чётко отрапортовала она и так же чётко она контролировала мои действия – ни единого шанса передвинуть тупак.

– А что это значит? – но я не терял надежду.

– Какая разница, вот мне жутко интересно, как там наш первенец, но я не отвлекаюсь и выигрываю у тебя уже 35 очков.

Мы кинули тупаки ещё по разу и я стал проигрывать 47 очков. Все-таки это "Пока королева спит" должно что-то значить. Или нет?

– Твой бросок! – вернула облако моих мечтаний меня снова в игру. – Кончай поддаваться.

– Да не в одной лапке я не поддаюсь, о возвышенное облако моих мечтаний! – вот придумал комплимент и тут же его озвучил, ведь от не востребоованности он может покрыться пылью и тогда какой это будет комплимент. Удачный бросок и я отыграл три очка. – А может, там как раз про нашу Светлую-Темень (так прозвали мы нашего первенца) написано?

– Что лопотуны могут об этом знать?

Я посмотрел вниз, лопотуны – самозабвенно лопотали. Да, было непохоже, чтобы они даже знали правила игры в тупаки.

– Тебе бросать! – вернула меня в легкий мир Инна.

Кажется, пока я засматривался на лопотунов, она передвинула свой тупак, и теперь выигрывала уже 67 очков. Ну, и кто она после этого? Конечно же, облако грез моих, изредка превращающаяся в тучу...

– Что?

– Ничего, я делаю из своей воли кулич и сейчас мой тупак... – я решил одним броском решить все свои проблемы, но промазал. – Что-то мне захотелось...

Но Инна уже стояла в позиции и мне снова пришлось догонять своё любимое отражение.

Шут

Чуть позже:

– Как жизнь? – с сарказмом спросил я.

– М-м-м! – с оргазмом ответила Марта.

Ещё чуть позже:

– А тебе как? – спросила уже меня воплощение в женщину третьего месяца года.

Оргазмы у меня кончились, поэтому я промолчал, просто не время было острить или глумиться.

– А хочешь стать волшебником?

– Гм...

Это был вопрос, на который именно я не мог сказать ничего именно сейчас, кроме именно этого дурацкого "гм". Тут и стремительные воспоминания о маме ударили с одной стороны, и вопрос: откуда она знает, про эти все дела давно минувших дней, и важность самого вопроса не давала абстрагироваться и рассуждать беспристрастно. И не было времени раздумывать или наоборот не думать.

– Тогда пошли! – из кровати, которая была слишком в неинтересном месте, чтобы его описывать, меня выдернула рыжая бестия и потащила куда-то, видимо, в место более интересное, хотя пока и невидимое. О том, чтобы одеться и речи быть не могло.

Однако глаза она мне завязала (не спрашивайте чем)... и

завязала она мне, значит, глаза чёрной повязкой. Это было не смешно – в моей манере.

– Теперь можешь снять, – сказала она, проведя меня под чем-то, над чем-то и около чего-то, что дышало слишком громко.

– Опаньки! – только и смог сказать я, освободив глазоньки.

Мне даже захотелось обратно к ВВ и компании, но было уже поздно...

Герцогиня Александра перевернула лист своего дневника. Я и шут? Правда? Моя рука записала. Может, это был сон? Александра ещё немного подумала, потом искоса посмотрела на свой безымянный палец. Обручального кольца на нём не было. Нет, точно незамужняя. И герцогиня загадочно улыбнулась.

Ползунки

– Мы же так и не поблагодарили лопотунов, – сказала Инна совсем не в тему.

– Как это не поблагодарили, одного же вернули? – я хотел сложить стих, но получалось хуже, чем даже у Вабуты.

– А лопотунью, она тоже нас грела?

– Отдадим слёзы? – ну никак не выходила рифма к "поганым шершням".

– Точно! – Инна ударила крылышками и рванулась к тайнику, где мы спрятали дорогое.

Мы спустили ведерко с двумя слезинками облаков прямо в компанию шумевших лопотунов. Те зашумели ещё сильнее и стали обнимать хозяйку. Догадливые оказались, мы же ей подарок сделали, чаще всего шумели так: "настоящие алмазы!" шум щекотал наши ушки и мы долго смеялись. Смеялись пока Дарующая Мечты не защекотала палочки-вонялочки Жёлтым Цветком – тут уж мы прилипли к верхнему своду пещеры всем роем.

Лопотуны угомонились после Особо Долгого Лопотания и мы включили волшебную сказку (она стала шуршать и готовиться к выходу). Но смотреть её помещал Борщ, он притащил в гнездо макет тонкой околевшей стрекозы и с гордостью его всем показывал.

– Не мешай! – говорили ему все по очереди, но Борщ ни-

как не мог угомониться.

– Смотри, – он ткнул мне стрекозой в нос, – с леталками всегда белой птицы. Редкость! Я её достал из спины вашего лопотуна, когда он свалился с большой шумелки, а взамен оставил такую же, но с черными леталками. Правда из неё получатся хорошие тупаки?

– Угу, не мешай! – но тут я чуть опомнился. – А зачем ты их поменял?

– Чтобы эту получить, только из стрекозы с леталками всегда белой птицы можно сделать самые лучшие тупаки. – Борщ стал всем объяснять, как и что он будет сейчас делать.

– Борщ, угомонить, ты мешаешь, – тихо сказал Инна, и все посмотрели на того, кто мешал Инне.

– Не мешай, не мешай! – заворчал Борщ. – Тупаки надо делать! А вы дурью маетесь.

– Сказку надо смотреть! – гаркнул единый хор и все и стали смотреть сказку (даже Борщ).

– Спокойной ночи, малыши! – это лopotание возвестило нам о том, что волшебная сказка готова унести нас в прекрасное далёко...

Эпилог, или как всё было на самом деле

Стрела пролетела мимо цели, а её родная сестра, которая попала-таки в Боцмана прорвалась в мир, где есть только те-ни предметов и нет жизни, но это тёмное место нас совсем не интересует. В королевстве Зелёных холмов закрутилось два колеса, одно маленькое: ползунки вернулись к "своему" цветному экрану, а экран – к ползункам, другое большое: Боцман вернулся к Эльзе, Эльза – к королеве (таким образом, она из горничной превратилась в настоящую фрейлину), а королева – к своим подданным, так давно ждавших её пробуждения, среди которых был и сторож шлюза с морским прозвищем Боцман. Эти два колеса неравномерно закрутились и ввергли королевство (и всех его обитателей) в новую историю и новые приключения.

Боцман

Мне приснился кошмар, что я умер, а потом я – слава богам! – проснулся! И я заорал от радости.

– Хватит орать! – приветствовала меня Эльза шепотом, – ребёнка разбудишь!

– А, что опять... – я немного успокоился. – А как мы его назвали?

– Сейчас ударю больно! – по налившимся яростью глазам супруги я понял – она не шутит.

– Молчу, молчу... – я пошёл готовить чай. Крепкий чай для пробудившегося от кошмара Боцмана и его (то есть моей) любимой жёнушки. С печеньками. И вареньем. И выпили мы чай из синих кружек, на одной лишь появилась сеточка из трещин, изумительно точно склеенных белым клеем. И только одна мысль не давала покоя: ребёнок – мальчик или девочка?

Несколько позже по цветному экрану я увидел запись конной атаки на один из магистровских легионов, который ускоренным маршем направлялся для подавления восстания в столицу... бравых всадников возглавляла герцогиня Александра. Как она была прекрасно – летящая на белом коне со шпагой в руках. А уж когда конная лава врубилась в застигнутых врасплох легионеров... тут уж не в сказке сказать, ни пером описать...

Королева

Я проснулась в королевстве, очень похожим на моё.

– Ау! – закричала я.

Тут же сбежались слуги. Хорошо быть королевой!

– Простите меня, просто я рада, что жива и поэтому закричала. Ничего страшного со мной не случилось... – я виновато улыбнулась.

Люди меня поняли и широко заулыбались.

– Спасибо вам!

Придворные удалились.

Так, так, так, что это я всё о себе, да о себе думаю. Сегодня надо многое сделать, чтобы люди стали жить лучше в моём королевстве. А иначе, зачем же я проснулась? Так, с чего бы начать... и тут я заметила Эльзу... мы обнялись и засмеялись... ведь это так классно – жить, обниматься и улыбаться...

– Так, амнистия всем и маникюр мне! – объявила я свою первую волю, и потом тут же вторую: – Открыть библиотеку, пусть найдут рецепт прочных красок и перекрасят дома в Лас-Ке в свои любимые цвета. Под запретом лишь один – серый! И краска – за счёт казны!

Потом ко мне явился несмешной Шут и долго нудел про возросшую коррупцию, заговор военных и экономический кризис. И ещё книжку подсунул «Конституционная монар-

хия от А до Я», и подчёркнул важность демократии и разделения властей. Я не успела власть в руки взять, а мне ей уже нужно с кем-то делиться? Может быть, отрубить ему голову?

Предчувствуя всю полноту моего монаршего гнева Шут быстро куда-то делся... и Александра уехала... и Марта пропала... Где вообще все? Опять же тела магистра так и не нашли...

Магистр

Так легко изменить свою внешность: достаточно лысому надеть парик и очки, а ещё подложить в левый сапог маленький камешек и вот человек уже убедительно хромает. Ничто так не меняет образ, как новая походка. Я слышал, что на юге забурлила революция, когда она пожрёт своих героев и люди заходят порядка и стабильности... к этому переломному моменту туда и прибуду я. А потом мои легионы бравых солдат направятся сюда. Ведь диктатура может только расширяться. Всё только начинается! От таких перспектив я даже как-то помолодел... селянки на полях такие ядрёные гуляют. Лепота! Давно я не дышал полной грудью.

Убийца

За бывшим магистром следовала лёгкая фигура в плаще с накинутым на голову капюшоном. Надо ли говорить, что из-за спины стройного путника выглядывал лук, а в колчане до поры скрывались стрелы с белым оперением...

Изображение на экране помутилось, и зрители так и не увидели, чем дело кончилось. За столом в глубине примечательной щели сидели трое. «Ладно, хватит пялиться на тот свет, гляделки так все проглядите! Ты Вова пей кофий, а с тобой, Кот, мы сейчас в картишки перекинемся. Только руки сначала продезинфицируй, – палец женщины с пустыми глазами указал на большую бутылку. – Ты же у нас тут настоящий рассадник вирусов и бактерий! Замусолишь всю колоду...»

И без того холодный Вова ещё больше похолодел, уж слишком многое зависело от следующей игры... А вот Кот озорно хряпнул стакан водки, подул на ладони, показал их смерти и без разрешения потянулся к картам судьбы...